НАКАНУНЕ 1941 ГОДА

Гитлер идет на Россию

XX военные тайны века

О.С. Смыслов

Annotation

Военный историк и писатель О. С. Смыслов постарался дать исчерпывающие ответы на многие вопросы, в том числе и на те, о которых так много говорят в последнее время. Например, кто развязал Вторую мировую войну? Кто помог Гитлеру прийти к власти? Почему Советский Союз заключил договор о ненападении с фашистской Германией?

А что было бы, если бы ему удалось завоевать Советский Союз? Хотя история не терпит сослагательного наклонения, тем не менее такая возможность у гитлеровцев имелась. Остаточные явления фашистской чумы XX столетия, вновь начинающие прогрессировать в XXI веке, должны быть наконец уничтожены навсегда.

- Олег Сергеевич Смыслов
  - Вместо предисловия
  - Глава I
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Вместо заключения
  - Приложение
  - Список источников и литературы
  - Иллюстрации

Олег Сергеевич Смыслов
Накануне 1941 года
Гитлер идет на Россию

Вместо предисловия

Моему первому командиру Батуренко Владимиру Алексеевичу посвящается

С империей Гитлера связано прежде всего массовое уничтожение людей, а также немыслимый бред о сверхчеловеке, олицетворением которого был фюрер. Безжалостность и хладнокровие, с которым его элитные войска — СС — эксплуатировали и истребляли человечество у себя и на оккупированных территориях, стало при нем просто нормой. А что было бы, если бы ему удалось завоевать Советский Союз? Хотя история не терпит сослагательного наклонения, тем не менее такая возможность у гитлеровцев имелась.

В апреле 1942 года доктор Генрих Пикер, находясь вместе с Гитлером в ставке «Волчье логово», как всегда, подробно записал откровения своего шефа:

«Властвуя над покоренными народами на восточных землях рейха, нужно руководствоваться одним основным принципом, а именно: предоставить простор тем, кто желает пользоваться индивидуальными свободами, избегать любых форм государственного контроля и тем самым сделать все, чтобы эти народы находились на как можно более низком уровне культурного развития.

Нужно всегда исходить из того, что в первую очередь задача этих народов — обслуживать нашу экономику. И поэтому мы должны стремиться, руководствуясь экономическими интересами, всеми средствами извлечь из оккупированных русских территорий все, что можно. А стимулировать в достаточной степени поставки сельскохозяйственной продукции и направление рабочей силы в шахты и на военные заводы можно продажей им со складов промышленных изделий и тому подобных вещей.

Если же помимо этого еще и заботиться о благе каждого отдельного человека, то не обойтись без государственной организации по образцу нашего государственного аппарата, а значит, навлечь на себя ненависть. Ибо, чем примитивнее люди, тем больше воспринимают они любое ограничение своей свободы как насилие над собой. К тому же наличие собственной государственной администрации дает им возможность в широких масштабах объединяться и при случае использовать эти

структуры против нас. И самое большее, что мы можем разрешить им у себя создать из административных органов. — это общинное управление, и лишь в том случае, если это будет необходимо для сохранения рабочей силы, то есть для удовлетворения ежедневных потребностей отдельного человека.

Сообщества деревень нужно организовать так, чтобы между соседними сообществами не образовалось нечто вроде союза.

В любом случае следует избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была своя собственная секта со своими представлениями о боге. Даже если таким образом жители отдельных деревень станут, подобно неграм или индейцам, приверженцами магических культов, мы это можем только приветствовать, поскольку тем самым разъединяющие тенденции в русском пространстве еще более усилятся.(…)

Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей.

Если русские, украинцы, киргизы и пр. научатся читать и писать, нам это только повредит. Ибо таким образом более способные туземцы смогут приобщиться к некоторым историческим знаниям, а значит, и усвоят политические идеи, которые в любом случае хоть как-то будут направлены против нас. Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания.

Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать по радио покоренным народам об их истории; музыка, ничего, кроме музыки. Ведь веселая музыка пробуждает в людях трудовой энтузиазм.

Что же касается гигиены покоренного населения, то мы вовсе не заинтересованы в распространении среди них наших знаний и создании тем самым у них совершенно нежелательной базы для колоссального прироста населения. Он поэтому запрещает проводить на этих территориях какие бы то ни было гигиенические акции. Принуждать делать прививки там можно только немцев.

Немецких врачей следует использовать исключительно для оказания медицинской помощи немцам в немецких поселениях. Было также чудовищной глупостью осчастливить покоренные народы, ознакомив их с нашими достижениями в области стоматологии. Но нужно действовать осторожно, чтобы эта наша тенденция не бросалась в глаза. И если кто-либо из страдающих зубной болью непременно захочет лечиться у врача —

хорошо, один раз можно сделать исключение.

Но самое глупое, что можно сделать на оккупированных территориях, — это выдать покоренным народам оружие. История учит нас, что народу-господину всегда была суждена гибель после того, как он разрешил покоренным им народам носить оружие. Можно даже сказать, что выдача оружия покоренным районам — это непременное условие гибели народа-господина.(…)

Оккупированные восточные территории должны быть покрыты сетью военных баз. Все немцы, проживающие на этом пространстве, должны поддерживать личные контакты с ними, то есть быть с ними лично связанными. В остальном же они должны являть образцы строжайшей дисциплины и четкой организации…»

С тех пор прошло более шестидесяти лет. И вот теперь уроки истории катастрофически забываются.

«Сегодня в нашем обществе происходит размывание понятий „фашизм“, „нацизм“, „национал-социализм“, — комментирует результаты исследования президент фонда „Общественное мнение“ Александр Ослон. — Идет процесс размывания негативного отношения к этим понятиям как к глубочайшим антиценностям. На протяжении десятилетий после Великой Отечественной войны фашизм был для всех синонимом страданий, горя, мук и гибели близких. Сейчас это уже не так».

Еще в 1997 г. Мосгордума приняла Закон о запрещении распространения и тиражирования нацистской символики. А в 2002-м появился Федеральный закон об экстремистской деятельности. Тем не менее в последнее время фигура Гитлера становится одной из самых популярных в российском обществе. Активизировалась деятельность так называемых скинхедов.

Социолог Александр Тарасов, изучающий субкультуру скинхедов, считает, что за последние 3–4 года их количество в России увеличилось на 70 %. Но знают ли эти юнцы, что на территории Германии и оккупированных ею стран действовало более 14 тысяч концлагерей? Узник, продолжительность жизни которого в лагере составляла менее года, приносил нацистам почти полторы тысячи рейхсмарок чистой прибыли. За годы Второй мировой войны через лагеря смерти прошли 18 миллионов человек, из них 5 миллионов — граждане Советского Союза.

Знают ли они, что накануне дня рождения Гитлера Германия объявила о своем согласии сделать общедоступными архивы холокоста? В этих документах содержатся данные о судьбах более 17 миллионов жертв нацизма. До сих пор эту информацию могли использовать только

сотрудники Международного Красного Креста!

Вот уж действительно, прямо как по Гитлеру: «музыка, музыка, ничего, кроме музыки» и никакого «приобщения к некоторым историческим знаниям…» Но разве нас не может не пугать то обстоятельство, что внуки и правнуки солдат-победителей, заплативших за нашу великую победу обильно пролитой кровью, предают своих дедов и прадедов? И это не просто проблема, а надвигающаяся великая катастрофа, спасти от которой может только многолетнее лечение объективным восприятием исторической истины.

Такое стало возможным потому, что нынешняя молодежь абсолютно не знает, что же хотел сделать с их Родиной, с их Отечеством Адольф Гитлер. Россия не просто подлежала уничтожению. Готовилась почва для полного «изведения славянства»: «100 миллионов человек (к чему мелочиться?) обрекались на смерть — мгновенную либо затяжную».

Нынешняя молодежь весьма слабо себе представляет, как все это было, когда родились эти планы в его сумасшедшей голове, как происходила подготовка к вторжению в Россию. Не знает она и многое, многое другое. Но, зачитываясь «Майн кампф» Гитлера, а также крапленым «Ледоколом» Резуна (Суворова), она с помощью лжи этих книг, претендующих на некую истину, все больше и больше пропитывается ненавистью и презрением к прошлому своего Отечества, а также к людям других национальностей. Молодежь как губка впитывает кем-то изобретенную и подкупающую своей простотой совершенно иную историю Великой Отечественной и вообще Второй мировой войны, чтобы никогда не узнать истины, а если все же доведется столкнуться с ней, то отмахнуться и не верить.

В сборнике своей избранной публицистики русский писатель и ветеран Отечественной войны Борис Васильев, написал про знание и понимание нашей с вами истории буквально следующее: «Если литература появилась на свет для воспроизводства нравственности ЛИЧНОЙ (а совсем не для приятного времяпровождения), то история — и только история — есть могучий и постоянный источник воспитания нравственности СОЦИАЛЬНОЙ. Уберите ее из школьных программ, перестаньте восхищаться деяниями исторических героев, сорвите с них венцы героического примера для подрастающего поколения, и вы в конечном итоге весьма скоро (что мы и покажем впоследствии) получите народ, лишенный исторической памяти. Народ, который окажется способным ценить и защищать только место своего обитания. Свою землю, то есть принадлежащую лично ему географию, которую во всех странах мира

именуют родиной, но не свою самобытность.

Вы получите народ без отечества, народ, состоящий из ущербных сирот, готовых уступить любому агрессору свою землю, если этот агрессор гарантирует, что не прогонит вас с насиженного места…» Пожалуй, лучше и не скажешь!

Перед вами — книга, в которой я постарался дать исчерпывающие ответы на многие вопросы, в том числе и на те, о которых так много говорят в последнее время, а именно: кто развязал Вторую мировую войну? Кто помог Гитлеру прийти к власти? Почему Советский Союз заключил договор о ненападении с фашистской Германией?

Я писал ее только с одной целью: чтобы те, кто не понимает, все-таки поняли, что отголоски фашистской чумы двадцатого века, вновь начинающие прогрессировать в двадцать первом веке в России, должны быть наконец уничтожены навсегда. При этом ни на миг нельзя забывать, что враги нашего отечества никогда не желали ему добра, а значит, уже только поэтому их книги не могут считаться объективными. Мы не имеем права верить их лжи, которая всегда преследует свои определенные цели, и уж, конечно, пишется она отнюдь не во благо нам!

Глава I
«Ледокол» Резуна по «нотам» Гитлера

С 1993 г. военно-политические проблемы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, вызванной публикацией в России книг В. Суворова. Хотя эти работы написаны в жанре исторической публицистики и представляют из себя некий «слоеный пирог», когда правда мешается с полуправдой и ложью, они довольно четко очертили круг наименее разработанных в историографии проблем.

М. И. Мельтюхов

1

Жил да был в Германии (умер 8 февраля 2002 г.) военный историк Иоахим Гофман. Из 71 года своей жизни 35 лет (с 1960 по 1995 г.) он проработал в исследовательском центре военной истории бундесвера, где специализировался на русском «освободительном» движении и на антисоветских формированиях, созданных из граждан СССР во время Великой Отечественной войны.

Последние годы жизни Гофман был научным директором центра. В 2006 г. российский читатель мог запросто ознакомиться с его очередной книгой «Сталинская война на уничтожение», которая была опубликована за рубежом еще в 1995 г. (переиздана четыре раза) как «подарок» к пятидесятилетию победы над фашизмом.

Что же нам пытался в ней поведать такой авторитетный немецкий военный историк?

Во-первых, что Сталин долго готовился к войне против Германии, а затем реально осуществил ее как «истребительную и захватническую». В отличие от него Гитлер придал своей военной кампании против Советского Союза всего лишь черты расового противоборства. В частности, И. Гофман пишет: «Уже в силу огромного и все быстрее нараставшего превосходства

Советского Союза в вооружении, особенно в танках, самолетах и артиллерии, над войсками вермахта, рассеянными теперь по всей Европе, июнь 1941 года представлялся последним возможным сроком, когда вообще еще можно было вести превентивную войну. Всякое дальнейшее выжидание должно было свести на нет и единственное преимущество немцев — их лучший уровень профессиональной подготовки. Из последних находок советских документов мы сегодня знаем, насколько далеко уже преуспели в действительности развертывание Красной Армии и ее подготовка к войне. По всей видимости, Сталин перенес срок нападения с 1942 г. на июль-сентябрь 1941 г. И это объяснило бы также, почему он, не опасаясь, в конечном счете, немецкого нападения, с целью завершения собственной подготовки хотел еще немного оттянуть начало войны, пусть на „несколько недель“, „хотя бы только… на месяц, неделю или несколько дней“. Российские исследователи сегодня тоже приходят к выводу, что военные действия против Германии могли начаться в июле 1941 г.

Что касается немцев, то от них остались скрыты подлинные масштабы силы Советской армии, хотя они, конечно, регистрировали явную подготовку к нападению на своей восточной границе. Однако после 22 июня 1941 г. немецкие командные структуры были поражены потенциалом противника, на который они натолкнулись к востоку от границы. Известны высказывания Гитлера, которые подтвердил в своих дневниках и имперский министр пропаганды д-р Геббельс, что решение о нападении далось бы ему еще гораздо трудней, если бы он заранее знал полные масштабы силы Красной Армии. Впрочем, оставим фантазии представить себе, что произошло бы с Германией и другими европейскими странами, если бы Гитлер 22 июня 1941 г. не дал сигнала к нападению и вместо этого, напротив, Сталин смог повести запланированную им истребительную войну».

Во-вторых, немецкий историк утверждает, что «партнерство и пособничество Сталина и Гитлера проявилось не только в том, что Советский Союз был активным соучастником насильственного преобразования межгосударственных отношений в Восточной Европе, но и в том, что он оказал активную политическую, экономическую и военную поддержку Германскому рейху в его борьбе с западными державами. Помощь немцам в ведении морской войны против Англии, саботаж военных усилий Франции, предпринятый по указке Москвы Французской коммунистической партией, безоглядное стремление советского руководства санкционировать с позиции международного права положение, созданное в Европе успехами оружия Германии, и наконец гигантские

стратегические экономические поставки рейху — все эти события уже достаточно известны, и о них нет нужды еще раз говорить в этом месте». Однако такая реконструкция нашей истории сама по себе уже не является открытием. Как известно, еще в 1993 г. (возможно, к шестидесятилетию прихода Гитлера к власти) Гофмана опередил своим «Ледоколом» так называемый «Виктор Суворов», а точнее — Виктор Резун, или, проще говоря, бывший советский капитан Резун, он же предатель. Именно Резун впервые попытался доказать всему миру, что Советский Союз — главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны. Обращаясь к русскому читателю, в частности, он пишет: «Советский Союз — участник Второй мировой войны с 1939 года, с самого ее первого дня. Коммунисты сочинили легенду о том, что на нас напали, и с того самого момента началась „Великая Отечественная война“». Его попытка убить национальные святыни великого народа — не что иное, как бред убежавшего на Запад младшего офицера, который возомнил себя на чужбине по меньшей мере полководцем.

Примечательно, что сам по себе миф о превентивном нападении Германии на Советский Союз появился сразу же по окончании Второй мировой войны. Об этом можно судить по многочисленным «трудам» генералов, офицеров и чиновников Третьего рейха. Кстати, их тогда можно было понять, потому что никаким иным образом оправдать свое участие в подготовке и проведении плана «Барбаросса» они не могли. При этом следует отметить, что и спустя 20 лет после Второй мировой войны, т. е. в 60-е гг., в ряде работ (принадлежавших опять-таки немецким авторам) «настойчиво проводилась идея об агрессивности Советского Союза, готовившейся с его стороны экспансии, первым актом которой стало подписание пакта 1939 г.». Но проходит еще 20 лет, и в 80-е — начале 90-х годов на Западе (в основном в Германии) снова то и дело предпринимаются попытки «реанимировать версию о превентивном характере войны Германии против Советского Союза».

В книге «Ледокол из „Аквариума“. Беседы с Виктором Суворовым» (автор Д. Хмельницкий), российскому читателю представлена копия выписки из экзаменационных ведомостей к диплому Киевского высшего общевойскового командного училища за 1968 г. В ней сразу же бросаются в глаза отличные оценки (15 из 16). Мол, смотрите, каким я парнем был! Особенно забавляют оценки «отлично» по политэкономии, истории КПСС, марксистско-ленинской философии и партийно-политической работе. Словом, перебежчик предстал перед новыми хозяевами не просто отличником, а грамотным коммунистом. Но сегодня это выглядит скорее

дешевым трюком из арсенала советской эпохи. Теперь, конечно же, Резун может заявить, что неустанно осваивал эти предметы с умыслом: чтобы потом как бы на высоком профессиональном уровне разоблачать Советскую армию и Великую Отечественную войну. Но лично я в это никогда не поверю. Он рвал свою задницу за отличные оценки совсем по другому поводу. И теперь он волен пускать пыль в глаза. Но ведь это же пыль! На то она и рассчитана.

Мне же вспоминается одна история, рассказанная много лет тому назад майором, уволенным в запас. Дело было в 1980-е гг. в Забайкалье, в одном богом забытом авиаполку. Некий летчик, молодой лейтенант, написал письмо в ЦК КПСС. Естественно, оно тут же было перехвачено и внимательно изучено еще в местном райкоме. И вот однажды представители этого райкома вместе с замполитом авиаполка решили проведать молодого и, видимо, перспективного офицера. Приходят они вечером в гостиницу, идут по коридорам, проходят мимо офицеров и прапорщиков, играющих в картишки, и, как правило, употребляющих спиртные напитки. Вот наконец и нужная дверь. Открывают ее, и перед так называемой «комиссией» предстает следующая картина: в темной комнате письменный стол, чуть ли не покрытый зеленым сукном; на нем горит настольная лампа, аккуратно лежат тома полного собрания сочинений Ленина. А за столом — сам хозяин, молодой человек с задумчивым видом. В руке у него (конечно же, не в мозолистой) — перьевая ручка.

— Разрешите? — почему-то волнуясь, спрашивает замполит полка и успевает сделать твердый шаг вперед, но тут его останавливает взволнованный голос хозяина, срывающийся на крик:

— Вы что, не видите? Я работаю! — При этом лейтенант не перестает что-то записывать в свою «амбарную» тетрадь.

Складывается такое впечатление, что этот молодой офицер точно так же писал свой «Ледокол», но только более честным путем, не предавая при этом Родину. Правда, за это его отправили в психушку, однако там, ко всеобщему удивлению, признали совершенно здоровым. Более того, после психушки лейтенант продолжал летать! Но это так, к слову…

На первых порах «Ледокол» воспринимался как дерзкая книга. Это действительно был вызов обществу, но прошло время, и книга практически выветрилась из голов обывателей, выдохлась в кратчайшие сроки. Прежде всего это произошло потому, что Резун оперировал лишь общеизвестным и общедоступным материалом, сведенным в некую универсальную концепцию. Но история, написанная на таком материале, не может быть истиной — хотя бы по той причине, что она объективно не научна.

Бывшему советскому капитану, в прошлом отличнику политической подготовки, видимо, неизвестно, что основная часть мемуарной литературы, на которую он опирался, была написана не самими авторами, а так называемыми «литературными неграми» и литературными редакторами, обработчиками. Порой это были не только люди в погонах, но и сугубо гражданские работники. При этом и те и другие, как правило, в Великой Отечественной войне участия не принимали. А написанное ими за авторов нередко разительно отличалось от первоначального авторского замысла. Ведь не секрет, что такие авторы были людьми не слишком грамотными с литературной точки зрения. К тому же нужно сделать скидку и на возраст. Воспоминаниям-то предавались обычно седые дедушки… Не стоит забывать и о том, что все эти книги проходили через обязательный идеологический контроль. При этом, чем выше были должность и звание автора, тем более жестким он становился. Не можем мы исключить и то обстоятельство, что большинство секретов войны авторам «выдавать» еще было нельзя. Существующая цензура абсолютно не располагала к исторической объективности, а серьезно размышлять категорически запрещалось.

Следовательно, Резун свое зрение потерял совершенно напрасно, составляя «Ледокол», по сути, из художественных кусочков, умело выщипанных из мемуарных текстов. Сам он до сих пор продолжает лукавить, заявляя, что ему посчастливилось совсем немного поработать в архивах Министерства обороны СССР, и он «совершенно сознательно архивные материалы почти» не использует. Все это чушь, рассчитанная на несведущего в подобных делах читателя. В архивах Резун никогда не был и быть не мог. А его утверждения о том, что они тщательно «почищены» и все что в них есть, исследователям недоступно, — обыкновенная, не подкрепленная никакими доказательствами ложь.

По моим личным наблюдениям, — а в архивах я начинал работать с 1992 года, — очень многие документы пылятся на полках, десятилетиями оставаясь неизученными. Но даже некоторые из них способны очень легко опровергнуть бред бывшего советского капитана с замашками великого ученого.

Пытаясь своим «Ледоколом» совершить революцию в российской истории, Резун совершенно забыл слова одного из своих героев, а именно Адольфа Гитлера, который однажды сказал: «Люди, совершающие революцию, должны находиться внутри государства. В противном случае это было бы равносильно тому, что я находился бы в Швейцарии и сказал бы: „Я организую из Швейцарии революцию в Германии“. Это звучит

слишком по-детски».

Предвоенный беспорядок в Красной армии, у которого есть как объективные, так и субъективные исторические причины, Резун использовал по своему усмотрению, поскользнувшись, как мальчишка на «подстриженной» литературе и публикациях советского периода. Его главный источник — открытые советские публикации, — не более, чем легенда для обывателя. Но на чем он построил свой карточный «Ледокол», на том он и разрушился… Ведь сказку невозможно сделать былью.

2

Сегодня у нас в России можно заметить полнейший беспредел в плане освещения военной истории. Как ни откроешь в конце многих книг список источников, так обнаруживаешь полное отсутствие архивных документов. Более того, вольные версии, искажающие смысл каких бы то ни было теоретических разработок и отдельных высказываний, напоминает, как выразился генерал армии М. А. Гареев, «литературное баловство». Нередко достоверность в военно-исторической литературе подменяется всего лишь занимательностью. Обыватель же все это охотно читает и верит сведениям и утверждениям, которые не просто ошибочны, но и по сути своей несостоятельны! Такое ощущение, что все у нас идут вслед за Резуном по проторенной дорожке. Сам же Резун в своей мистификации не боится ровным счетом ничего. Ведь он же был в СССР отличником, а отличникам позволяется больше, чем остальным.

В «Ледоколе» (1993 г., с. 324) автор приводит такой пример: «Свидетель Д. И. Ортенберг на 21 июня 1941 года занимал пост заведующего организационно-инструкторским отделом Народного комиссариата государственного контроля. Он сам описывает свою должность: „по военным понятиям — вроде начальника штаба“.

Генерал-майор Д. И. Ортенберг, вам слово:

„Иногда меня спрашивают:

— Ты когда на войну ушел?

— Двадцать первого июня.

— ?!

Да, это было так.

…Утром меня вызвали в Наркомат обороны и сказали, что группа работников Наркомата во главе с маршалом С. К. Тимошенко выезжает в Минск. Предупредили, что я поеду с ней. Предложили отправиться домой,

переодеться в военную форму и явиться в наркомат.

…В приемной наркома обороны полным-полно военного народа. С папками, с картами, заметно возбужденные. Говорят шепотом. Тимошенко уехал в Кремль… 22 июня около пяти часов утра Нарком вернулся из Кремля. Позвал меня:

— Немцы начали войну. Наша поездка в Минск отменяется“. (Д. И. Ортенберг. Июнь-декабрь сорок первого. С. 5–6)».

К счастью, Давид Ортенберг был еще жив, когда у него Резун отщипнул маленький кусочек, как факт, в пользу своей мистификации. Вот что генерал поведал в 1995 году:

«Я, конечно, имел в виду тот день, когда снова одел военную форму. И сказано это было, конечно, с чисто журналистской шуткой, чтобы заинтриговать читателя. Но вот недавно один из моих знакомых спрашивает:

— Ты читал книжку Суворова „Ледокол“?

— Нет, — ответил я. — Читал лишь рецензии на нее, убийственные отзывы на книжку шпиона Резуна, посмевшего присвоить себе имя великого полководца, книжку, полную вранья, написанную для того, чтобы одурачить людей. И если бы я взял ее в свои руки, почувствовал бы себя человеком, который окунул свои пальцы в грязь, и еще больше, чем в грязь. Сочинить брехню, что не Гитлер начал войну против Советского Союза, а Советский Союз, мог только ненавидящий нашу страну человек.

— А ты прочти, там на тебя ссылается.

Достал я эту книжку, на последних страницах нашел свое имя. И вот по какому поводу. Он, видимо, понимал, что, кроме глупцов и дурачков, никто ему не поверит, и написал так неуклюже, что вызывает смех. Резун пишет: „Если советские лидеры собирались ехать на тайные командные пункты у западных границ, чтобы сдержать германское вторжение, то, получив сигнал о таком вторжении, они отменяют свои поездки на войну. Они готовы были появиться у границ и руководить войной, но такой, которая начинается не по германскому сценарию, а по советскому… Вот стандартное свидетельство. Я его выбрал из других только оттого, что оно самое свежее.

Свидетель Д. И. Ортенберг, вам слово:

„Иногда меня спрашивают:

— Ты когда на войну ушел?

— Двадцать первого июня.

— ?!“

Неизвестно, откуда пришла легенда о том, что 22 июня 1941 года

Гитлер начал войну на востоке, чуть ли не насильно втянув Советский Союз в войну. А если мы послушаем тех, кто находился действительно рядом с самыми главными советскими лидерами в те дни, часы, минуты, то все выглядит совсем по-другому“.

Что можно сказать по поводу этих выдумок Резуна, которые он сделал, исходя из того, что я написал в своей книге, на первых ее страницах? Не надо долго вчитываться, чтобы увидеть, что „комментарии“ автора „Ледокола“ — бред сивой кобылы… И в самом деле, где должны были находиться советские лидеры, когда наступление фашистов выявилось уже 22 июня? На одном фронте, Западном?»

Писатель, а в прошлом разведчик Михаил Любимов в своей книге «Шпионы, которых я люблю и ненавижу» буквально восхищается, что Резун «сумел полстраны поставить на уши и втянуть в дискуссию». Но дальше он пишет: «У любого автора есть право на „логическое построение“, — так определяет Суворов „Ледокол“, право на порядок, право вычислять все что угодно. Спор с Суворовым бесполезен, факты он выстраивает согласно своей логике, а она у него живая и изощренная — не бывший сотрудник ГРУ, а профессор Асмус!

Просто потрясающе, что мы планировали и чуть опоздали напасть на Гитлера, хотя и оперативный план превентивного удара мог существовать среди множества планов, как во всех нормальных генштабах (прекрасно помню американский план превентивного ядерного удара по нам, имел счастье читать).

Удивительно, что о сталинском плане нападения на Германию не обмолвился ни один из гитлеровских генералов, ни Черчилль или Монтгомери, никто из советских военачальников (хотя бы по секрету начгенштаба Жуков рассказал бы детям перед смертью!), ни один перебежчик, ни один разведчик мира, ни один историк! Да за такое логическое построение недотепа Геббельс подарил бы Суворову замок на берегах Рейна с Лорелеей в придачу!

Суворов молодец, настоящий граф Калиостро! Подумать только: и покойный Волкогонов, и другие маститые ученые на полном серьезе схватились за мечи, не чувствуя мистификации; разъяренные пенсионеры ГРУ забросали редакции письмами, в которых ловят Суворова на разных несуразицах. Я не помню встреч с читателями без вопроса об истинности „Ледокола“».

О «доверчивый северный народ! — так писал В. Белов. — Когда ты наконец перестанешь верить Кашпировским, Жириновским, Мавроди, сказочникам-рыночникам, утопистам-антирыночникам?»

И действительно, читать Резуна гораздо полезнее, чем пить водку. Но не более! При этом нельзя забывать, что если у нас будут писать историю по перебежчикам, то это будет их собственная история, навязанная нам извне. Но как можно верить слабым и озлобленным людям, добровольно лишившимся собственной Родины? Их козыри — меченые карты! Однако в последнее время бывший капитан жалуется, что его называют «нехорошим человеком». Теперь он подчеркивает, что не его книгу разоблачают, а его самого. Пишут гадости и т. д. Но скажите: а что, собственно, можно написать про предателя, который в буквальном смысле слова продался другому государству, живет в Великобритании и оттуда еще умудряется навязывать бывшим своим соотечественникам свое понимание советской истории? Но что этот иуда может о ней знать, если он не живет в России практически с 1974 г.?! С тех самых пор, когда уехал из СССР в Женеву. Может быть, его надо наградить орденом? Известный психиатр ЦРУ Ален Стаднер, исследовавший психику перебежчиков, отмечал, что «никогда еще никто не совершал побег из-за того, что был счастлив». «Я никогда не встречал человека, имевшего хорошие отношения со своим отцом, который стал бы перебежчиком и был бы нелоялен по отношению к режиму», — говорил он.

«Кроме того, существует еще мотивация, характерная для человека противоположного склада характера, который всю свою жизнь был борцом и на удар отвечал ударом. Чаще всего бывает, что таким перебежчикам не повезло в жизни, вследствие чего они становились коварными предателями, способными нанести удар в спину. Именно такие с готовностью становятся наемниками, движимыми стремлением отомстить и добиться справедливости. Такие люди не испытывают лояльности к режиму, который, как они считают, не выполнил по отношению к ним свою часть взаимных обязательств. Именно эти качества присутствовали у Пеньковского. У него накопилась обида, потому что в течение всей своей жизни он считал себя несправедливо пострадавшим от зависти некомпетентных, но влиятельных соперников. Для перебежчика характерно также чувство самолюбования, а это нечто большее, чем простое себялюбие».

По Алену Стаднеру, «это как патологический эгоцентризм, поглощенность самим собой в ущерб всем прочим». Например, когда Пеньковскому «не удалось стать генералом, это вызвало в нем неистовую злобу». В суворовском училище у будущего автора «Ледокола» отмечали застенчивость, болезненное восприятие критики в свой адрес, робость с товарищами и старшими, а также раздражительность и (иногда)

несдержанность. А в Киевском общевойсковом — невыдержанность, самолюбие и обидчивость.

Не потому ли его с иронией называли Бонапартом, Кутузовым и Суворовым? Только вот в Женеве он получил совсем другое прозвище — Павлик Морозов. Это за свою чрезмерную активность в партийной организации. Кстати сказать, в книге Д. Хмельницкого «Ледокол из „Аквариума“. Беседы с Виктором Суворовым» Резун в который раз не объясняет истинной причины своего побега. В сущности, он уходит от прямых ответов на поставленные вопросы. При этом, как всегда, добавляет: «Однако у меня в голове уже был „Ледокол“. Жить с этим „Ледоколом“ и не написать его я уже не смог. Но в „Аквариуме“ написать „Ледокол“ я тоже не мог». А дальше — больше. Резун задним числом утверждает, что, оказавшись в Англии, никого не сдал! Но тут же возникает вполне закономерный вопрос: а зачем тогда был нужен британской разведке какой-то советский (всего-навсего) капитан? Чтобы книжки писать? И дураку понятно, что нет! Потому что Резун самым примитивным способом был завербован британской разведкой (СИС), при этом она же на основе изучения его личности пришла к четкому убеждению: «Основным мотивом его сотрудничества является материальная выгода».

А как же иначе!

К слову, «весь период сотрудничества с англичанами Резун постоянно боялся разоблачения, опасался досрочного отзыва в Москву за бездеятельность (он даже оказался неспособным реализовать предложение англичан помочь ему в вербовке иностранца для повышения престижа в резидентуре ГРУ)». Здесь сказались те самые, что называется, отрицательные черты характера Резуна, которые неоднократно подчеркивались в период его обучения в стенах военных училищ. И вот такой «Павлик» из-за «бугра» настойчиво предлагает нам свое видение истории Второй мировой войны! Такое видение, где между строк, да и в самих строках нетрудно заметить ненависть трусливого предателя.

Сама же по себе история с появлением в России «Ледокола» со слов Резуна звучит так: «Перестройка в разгаре, все пошло в разнос. И журнал „Нева“ обратился ко мне с просьбой дать что-нибудь для публикации. Я дал им „Аквариум“. Напечатали.

„Аквариум“ идет на „ура“… Пошли письма от читателей. Давай, мол, давай! Студенты из МГУ писали, что они на следующий год все подписались на „Неву“ в ожидании новых публикаций. „Нева“ снова обращается ко мне: „Есть ли у тебя что-то еще?“ Говорю — есть. И посылаю „Ледокол“. Говорю „Вы его, конечно, не опубликуете“. —

„Давай!“ — говорят. Посылаю. Наступает пауза. Звоню, чтобы узнать, в каком номере и так далее все это будет. Отвечают: понимаешь, нужна же какая-нибудь дата, чтобы к ней приурочить публикацию. Я говорю, что все понимают: вот даты у них нету! Наступает дата. Звоню: ну как? Говорят: понимаешь, мужик, в чем дело, ведь не можем же мы обидеть наших ветеранов в такую дату!

И тянется это снова. Тянется до тех пор, пока не появляется на горизонте Сергей Леонидович Дубов. Один их первых российских магнатов, олигархов. Он купил издательство „Новое время“ и журнал, на Пушкинской площади громадное здание купил, приехал ко мне и говорит: „Давай“.

Первый пробный тираж — 320 тысяч. Странная цифра: не 300, не 350…

Объяснение тут вот какое. Он решил публиковать на оберточной бумаге и в мягкой обложке. (…) Он хотел таких 300 тысяч — в твердой обложке, с картинками, картами, и так далее. Был он тогда в Лондоне. Уехал он к себе и выпустил все 320 тысяч на оберточной бумаге. Вот какое объяснение тиража 320 тысяч. Второе издание он шарахнул на миллионный тираж. Сказал: тебе слава, а мне деньги. А 1 февраля 1994 года его убили. Перед его домом».

Действительно, 1 февраля в 9 часов утра на Маленковской улице выстрелом в затылок неизвестным киллером был убит президент издательского дома «Новое время» Сергей Дубов. По сообщению в печати, пятидесятилетний президент «как обычно, вышел из подъезда своего дома в 9 утра (к этому времени за ним обычно подъезжала машина). В этот момент из телефонной будки, расположенной напротив подъезда, неизвестный выстрелил в него из пистолета и попал Дубову в затылок. Смерть наступила мгновенно. Сделав свое дело, киллер мгновенно скрылся. Его удаляющуюся фигуру видел водитель дубовской машины, который подъезжал к дому через несколько минут после выстрела. Первым делом водитель подбежал к своему шефу, но помочь ему он уже был не в состоянии. Убийца тем временем скрылся окончательно».

Информация к размышлению: Сергей Леонидович Дубов. Родился 4 февраля 1943 г. в Москве. Окончил редакторский факультет Московского полиграфического института, работал на телевидении, в газете «Книжное обозрение», в журнале «Новое время». В журнале он был заместителем ответственного секретаря, потом занял должность президента крупной компании в области книгоиздания, которая впервые в России издала полное собрание сочинений А. Солженицына. С. Дубов был создателем газеты

«Все для Вас» и рекламного агентства «Русская пресс-служба». С января 1992 г. являлся президентом АО закрытого типа «Издательский дом „Новое время“». Политикой интересовался мало.

В начале 1992 г. журнал «Новое время» находился на грани банкротства. А 14 мая 1993 г. приемный сын Дубова, 17-летний Сергей, погиб, выпав из окна. В последние месяцы своей жизни С. Дубов находился в крайне подавленном состоянии, из которого так и не сумел выйти до конца.

По данным «Коммерсанта»: «Рядовые сотрудники „Нового времени“ (ниже замов начальников подразделений холдинга) единодушно считают, что г-н Дубов погиб в результате конфликта внутри издательского дома. Они считают, что покойный гениально изобретал новые прибыльные проекты, но мало вникал в подробности их дальнейшей работы, а также не разбирался в людях и очень неосторожно подбирал руководителей в свои структуры… Однако руководители среднего звена холдинга отвергают версию о конфликте внутри холдинга, так как г-н Дубов являлся владельцем по крайней мере контрольного пакета акций во всех своих компаниях, объединившихся в издательский дом (а, например, отдел недвижимости холдинга якобы принадлежал только ему одному). Таким образом, по мнению руководства, никакими „заговорами“ нельзя было отстранить Дубова от руководства…»

По материалам «Московского комсомольца» от 10 февраля: «Как стало известно „МК“ Алексей Карягин (заместитель С. Дубова) и Станислав Колесниченко дали на следствии несколько неожиданные показания. Суть их сводится к следующему.

Незадолго до убийства сам Дубов предложил Колесниченко „убрать“ своего зама — Алексея Карягина. За это был обещан гонорар — шесть тысяч долларов. Покойный, правда, не знал, что Колесниченко и Карягин — старые приятели. Станислав пришел домой к Алексею Карягину и рассказал о планах его шефа. Решено было проверить, как далеко готов идти Дубов в своих намерениях.

Использовав свои знакомства, Карягин инсценировал собственную смерть. Колесниченко тем временем встретился с Дубовым и доложил о том, что задание выполнено. Кроме того, Станислав посетовал, что при наезде на Карягина пострадал его „ауди“. На это Сергей Дубов ответил: дескать, помянем Карягина, выправим тебе новую „тачку“.

В назначенном месте и в оговоренное время Колесниченко забрал предназначавшиеся ему деньги. А через день после этого на работу, как ни в чем не бывало, вышел Алексей Карягин.

Второй разговор Дубова и Колесниченко был записан на аудиокассету.

Как заявляет Карягин, после этого у них состоялся разговор с Сергеем Дубовым, во время которого последний был предупрежден о том, что в случае гибели Алексея Карягина эта кассета вместе с заявлением будет передана в прокуратуру. Деньги тогда же были возвращены Алексеем Дубову со словами: „Я не знал, что стою всего шесть тысяч долларов…“».

По материалам «Московского комсомольца» от 18 февраля: «Следствие допускает, что задокументированная инсценировка убийства Карягина вполне могла быть использована для шантажа Дубова…

Заказ на убийство мог прийти из провинции. Дело в том, что в последнее время газета бесплатных объявлений „Все для Вас“ стала активно завоевывать региональные рынки рекламы. В некоторых городах это могло активно не понравиться местным бизнесменам… По мнению коллег, не стоит особо идеализировать Сергея Дубова, представляя его романтиком в бизнесе, но, с другой стороны, именно из-за нежелания „становиться под охрану“ мафии он в свое время отказался от идеи создания в Москве сети из ста киосков для „Издательского дома „Новое время““…

Это дело взял под свой личный контроль президент России Б. Ельцин.

Расследованием убийства С. Дубова занялась специально созданная оперативная группа из сотрудников МВД, МУРа, окружного УВД и районной прокуратуры. Дело об убийстве С. Дубова и гибели его 17-летнего сына было теперь объединено в одно».

3

Но вернемся непосредственно к «Ледоколу» и обратимся лишь к некоторым главам. Что же нам предлагает Резун в качестве неоспоримой истины?

Глава 2 «Главный враг». Здесь он пишет: «В 1927 году Сталин предвидит приход фашистов к власти в Германии и считает такое развитие желательным: „Именно тот факт, что капиталистические правительства фашизируются, именно этот факт ведет к обострению внутреннего положения в капиталистических странах и к революционным выступлениям рабочих“ (Речь на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1 августа 1927 года. Опубликована впервые только через 25 лет. Т. 10, с. 49)». Наверно, бывший советский капитан решил, что не у всех россиян имеется полное собрание сочинений Сталина. Но он глубоко заблуждался.

Открываю 10-й том на 49 странице, читаю. Действительно вождь говорил такие слова, но Резун отрезал скобки. А в скобках Сталин особо подчеркнул только Вену и Англию.

Во-вторых, Резун утверждает, что эта речь впервые опубликована только через 25 лет. То есть не ранее 1952 г. И здесь «Павлик», как всегда, соврал. В моей библиотеке 10-й том издан Государственным издательством политической литературы в 1949 г.!

В политическом отчете ЦК на XV съезде ВКП(б), который проходил 2–19 декабря 1927 г., Сталин сказал следующее: «Попытки Англии создать единый фронт против СССР пока еще не удались. Причины этой неудачи: противоречие интересов в лагере империалистов, заинтересованность некоторых стран в экономических связях с СССР, мирная политика СССР, противодействие рабочего класса Европы, боязнь империалистов развязать революцию у себя дома в случае войны с СССР. Но это еще не значит, что Англия бросит свою работу по организации единого фронта против СССР, что ей не удастся организовать такой фронт. Угроза войны остается в силе, несмотря на временные неудачи Англии.

Отсюда задача — учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, „откупившись“ от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений.

Мы не можем забыть слов Ленина о том, что очень многое в деле нашего строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не назреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний. Поэтому сохранение мирных отношений с капиталистическими странами является для нас обязательной задачей» (Т.10, с. 288–289). Далее вождь четко формулирует задачи партии. По линии внешней политики СССР он отмечает: «а) борьба против подготовки новых империалистических войн;

б) борьба с интервенционистскими тенденциями Англии и усиление обороноспособности СССР;

в) политика мира и сохранение мирных отношений с капиталистическими странами;

г) расширение нашего товарооборота с внешним миром на основе укрепления монополии внешней торговли;

д) сближение с так называемыми „слабыми“ и „неполноправными“ государствами, терпящими гнет и эксплуатацию господствующих

империалистических держав» (Т. 10, с. 290–291).

Но разве для Резуна это является доказательством? Конечно же нет! То что ему не нужно, гражданин Британии легко отбрасывает, а затем вырезает тот самый лакомый кусочек у Сталина и утверждает уже за вождя: «Начиная с 1927 года, Сталин всеми силами (правда, публично этого не показывая) поддерживает фашистов, рвущихся к власти. Когда фашисты придут к власти, Сталин всеми силами будет их толкать к войне. Когда они вступят в войну, Сталин прикажет коммунистам демократических стран временно стать пацифистами, разлагать армии западных стран, требуя прекращения „империалистической войны“ и подрывая военные усилия своих правительств и стран. Но толкая Ледокол на демократическую Европу, Сталин уже вынес ему смертный приговор. За пять лет до прихода фашистов к власти в Германии Сталин уже планирует их уничтожение: „… разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить советскую власть, освободить колонии от рабства“ (Т. 11, с. 202)». Ничего себе! Предатель действует точно по принципу Геббельса: ври страшней — поверят скорей! Дело в том, что полная версия слов вождя выглядит иначе (Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б) — 13 июля 1928 г., вопросы Коминтерна): «создание единого фронта рабочих передовых стран и трудовых масс колоний для того, чтобы предотвратить опасность войны, или, когда война наступит, превратить империалистическую войну в войну гражданскую, разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить Советскую власть, освободить колонии от рабства, организовать всемерную защиту первой в мире Советской республики.

Таковы основные проблемы и задачи, стоящие перед VI конгрессом». Добавлю только одно слово: «Коминтерна». Видимо, цена отличным отметкам Резуна точно такая же, как и всем его вырезанным цитатам. И с таким лжецом у нас еще вступают в полемику! Ей-богу, было бы с кем!

В заметках на современные темы (Об угрозе войны) Сталин в том же 1927 г. писал: «Неудивительно, что империализм готовится к новой войне, видя в ней единственный путь разрешения этого кризиса. Небывалый рост вооружений, общий курс буржуазных правительств на фашистские методы „управления“, крестовый поход против коммунистов, бешеная травля СССР, прямая интервенция в Китае — все это различные стороны одного и того же явления — подготовки к новой войне за новый передел мира. Они, империалисты, давно бы уже передрались между собой, если бы не коммунистические партии, ведущие решительную борьбу против империалистических войн, если бы не СССР, мирная политика которого является тяжелой гирей на ногах у зачинщиков новой войны, если бы не

боязнь ослабить друг друга и облегчить тем самым новый прорыв империалистического фронта» (Т. 9, с. 322–324). Пройдет почти 12 лет, и, выступая 10 марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), вождь в который раз будет говорить о международных событиях. Разделяя капиталистические государства на две категории — «агрессивные фашистские государства» и «неагрессивные, демократические государства» (Англия, Франция, США), он подверг критике именно политику последних (прежде всего Англию и Францию) за отказ от коллективного отпора агрессорам, от коллективной безопасности, за позицию невмешательства и «нейтралитета». Сталин объяснял это просто: «чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер». В этой речи он определит и внешнеполитические задачи страны:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками;

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Красного Флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами» (Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), с. 23, 28–29, 40, 42–43).

А как же тогда мировая революция? Ведь это один из «китов», на которых держится весь «Ледокол». Послушаем Сталина (1926): «А что значит победа „в всемирном масштабе“? Значит ли это, что такая победа равнозначна победе социализма в одной стране? Нет, не значит. Ленин строго различает в своих сочинениях победу социализма в одной стране от победы „в всемирном масштабе“. Говоря о победе „в всемирном масштабе“, Ленин хочет сказать, что успехи социализма в нашей стране, победа социалистического строительства в нашей стране имеет такое громадное международное значение, что она (победа) не может ограничиться нашей страной, а должна вызвать мощное движение к социализму во всех капиталистических странах, причем, если она не совпадает во времени с победой пролетарской революции, открыть собой мощное движение пролетариев других стран к победе мировой революции.

Вот какова перспектива революции по Ленину, если иметь в виду перспективу победы революции, о чем, собственно, и идет речь у нас, в партии» (Т. 9, с. 40).

Следует отметить, что молодая Советская Республика, возникшая

после октября 1917 г., изначально ставила своей главной целью осуществление мировой пролетарской революции. Отрезвление наступило после сокрушительного поражения под Варшавой в 1920 г., когда пожар мировой революции зажечь не удалось. После этого руководство СССР перешло лишь к попыткам подрыва капитализма изнутри, демонстрируя готовность предоставления необходимой для этого помощи.

Однако у Резуна все, что попадает под его концепцию — правда, а все, что отрицает ее или не вяжется с ней — вранье! Оно и понятно: бывшему капитану надо как-то отрабатывать британский хлеб. На чужбине он дороже будет. Следовательно, в таком нехорошем положении перебежчику не до истины. Там он врет страшней, а ему здесь верят скорей! И расчет точный: мол, столько десятилетий народу врали, а тут истинная правда! Так и хочется крикнуть: «Виват, Павлик!»

В январе 1934 г. в отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) Сталин говорил: «Некоторые германские политики говорят по этому поводу, что СССР ориентируется теперь на Францию и Польшу, что из противника Версальского договора он стал его сторонником, что эта перемена объясняется установлением фашистского режима в Германии. Это не верно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной. Дело также не в мнимых изменениях в нашем отношении к Версальскому договору. Не нам, испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. (Бурные аплодисменты.) И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний.

Нет, не в этом дело. Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода — в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой „новой“, напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого

похода, причем „новая“ политика явным образом берет верх над старой. Нельзя считать случайностью, что люди „новой“ политики берут во всем перевес, а сторонники старой политики оказались в опале. Не случайно также известное выступление Гугенберга в Лондоне, также как не случайны не менее известные декларации Розенберга, руководителя внешней политики правящей партии Германии. Вот в чем дело, товарищи» (Т. 13, с. 302–303).

В очередной раз можно убедиться в мирной политике советского правительства, о которой постоянно твердил Сталин. «Наша внешняя политика ясна. Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и — тем более — напасть на кого бы то ни было. Мы строим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. (Бурные аплодисменты.) Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдет у вас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, — получат сокрушительный отпор, чтобы впредь неповадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород» (Там же, с. 305). А вот Резун продолжает совать свое рыло в нашу историю из Британии, однако сокрушительного отпора ему до сих пор нет! У нас с ним разговаривают чуть ли не как с равным, совершенно забывая, что предатель — это враг, а враг, предавший однажды свою Родину, предает по привычке. И во второй раз — уже ее историю. Что будет в третий, мне неизвестно. Но ждите, обязательно будет. Если у него, конечно, получится.

4

В 24 главе «Ледокола» «Про черные дивизии» автор пишет: «Хорошо известно, что во время войны Сталин почистил ГУЛАГ, отправив на фронт способных носить оружие. Иногда за недостатком времени и обмундирования зэка отправляли на фронт в его одежде. В принципе разница невелика: те же кирзовые сапоги, что и у солдата, зимой — та же шапка на рыбьем меху, в любой сезон — бушлат, который от солдатского только и отличается, что цветом. Но живет в нас неизвестно откуда пришедшее мнение, что вот, мол, Гитлер напал, Сталин и послал зэков „искупать вину“. А между тем германские войска встретились с „черными“ дивизиями и корпусами в начале июля 1941 года. А начали эти дивизии и корпуса выдвижение к западным границам 13 июня 1941 года. Армии

Второго стратегического эшелона, в состав которых входили все эти „черные“ дивизии и корпуса, начали формироваться еще в июне 1940 года, когда Гитлер повернулся к Сталину спиной, убрав с советских границ почти все свои дивизии. Каждая армия Второго стратегического эшелона создавалась специально в расчете на внезапное появление на западных границах. Каждая армия — на крупнейшей железнодорожной магистрали. Каждая — в районе концлагерей: мужики так к порядку приучены, в быту неприхотливы и забрать их из лагерей легче, чем из деревень: все уже вместе собраны, в бригады организованы, а главное, если мужиков из деревень забирать, без слухов о мобилизации и войне не обойтись. (…) Главное в том, что Сталин предоставил зэкам „возможность искупить свою вину“ и „стать отважными бойцами“ ДО НАПАДЕНИЯ ГИТЛЕРА. Армии, специально приспособленные принять в свой состав зэков в качестве пушечного мяса, начали формироваться еще до того, как возник план „Барбаросса“!»

Чуть дальше следует вывод: «Если германская армия встретила дивизии и корпуса, укомплектованные зэками в начале июля, но в составе армий прибывающих из далеких уральских, сибирских, забайкальских провинций, значит, Сталин дал зэкам боевое оружие в руки до 22 июня 1941 года».

Но минуточку! Как раз-таки в этой главе Резун не просто загнул — он выступил в роли писателя-фантаста. И, видимо, весьма удачно, так как читатели ему поверили! Однако есть факты, которые упрямо отрицают бред сивой кобылы из далекого и хмурого Лондона.

Только по представлению НКВД СССР в Президиум Верховного Совета Союза ССР 12 июля и 24 ноября 1941 года были изданы Указы о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с передачей лиц призывных возрастов в Красную армию. Во исполнение Указов Президиума Верховного Совета СССР, ГУЛАГом было проведено освобождение 420 000 заключенных (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 66. Лл. 1–61).

К этому можно и справочку приложить: «О контингентах, переданных в ряды Красной Армии местами заключения НКВД СССР с начала Отечественной войны по 1/IX-1944 г.

1. Из материалов с мест в Военкоматы (передано) для направления в Красную Армию лагерями и колониями НКВД — УНКВД (по неполным данным до 1/I-44 г.) 615 040 чел.

2. За 1944 г. (с 1/I по 1/IX-44 г.) 44 234 чел.

Итого передано из мест заключения ГУЛАГа НКВД 659 274 чел.

3. Из тюрем НКВД — УНКВД за 1943 год передано 171 220 чел.

Всего передано 830 494 чел.

4. Кроме того, по 38 объектам (ИТК и УИТЛК — ОИТК НКВД — УНКВД), ликвидированных в 1941–42 гг. в связи с военными действиями, ориентировочно передано не менее 200 000 чел.

Таким образом, в ряды Красной Армии (без учета передачи из тюрем в 1944 г.) передано 1 030 494 чел». (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1146. Л. 21).

А ведь Резун пишет о целых дивизиях, целых корпусах, одетых в необычную черную форму, похожую на тюремную, тайно выдвигающихся к западным границам в первой половине июня. Все это потому, что ему только так хочется. Вот он и пишет. Но все дело в том, что до начала войны в СССР из зэков даже и не думали формировать дивизии и корпуса. До катастрофы 1941 г., которую изначально не ждал никто, в этом не было никакой необходимости. А Резун все гнет свою линию: «Минимум одна из этих армий полностью состоит на довольствии ГУЛАГа НКВД». Однако даже на следующий день после начала войны — 23 июня 1941 г., после объявления военного положения в прифронтовой полосе, заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышев передал по ВЧ приказ наркома об эвакуации заключенных из тюрем прифронтовой полосы. Их отправляли в тыл. А почему бы, собственно, не передать их в «черные» дивизии и корпуса? Так было бы проще и дешевле. Но Резуна тогда не было, поэтому у него не могли проконсультироваться. Он бы посоветовал…

В продолжении книги «Ледокол» — «День-М» — есть у Резуна глава 5 под названием «Халхин-Гол — это пролог». В ней он пишет: «Халхин-Гол — это первая в XX веке молниеносная война, „блицкриг“ в чистом виде. Это первое в истории правильное применение танков крупными массами для ударов в глубину. Это пример небывалой концентрации артиллерии на узких участках фронта. Это образец абсолютной внезапности сокрушающих ударов — за первые полтора часа сражения японская артиллерия не произвела ни единого выстрела, и ни один японский самолет не поднялся в воздух».

Но пролог ли? В своем выступлении на выпуске слушателей академий Красной армии 5 мая 1941 г. Сталин подчеркнул: «Мы перестроили нашу армию, вооружили ее современной техникой. Но надо прежде всего сказать, что многие товарищи преувеличивают значение событий у озера Хасан и Халхин-Гола, с точки зрения военного опыта. Здесь мы имели дело не с современной армией, а с армией устаревшей. Не сказать вам всего этого, значит обмануть вас.

Конечно, Хасан и Халхин-Гол сыграли свою положительную роль. Их положительная роль заключается в том, что в первом и во втором случае мы японцев побили. Но настоящий опыт в перестройке нашей армии мы извлекли из русско-финской войны и из современной войны на Западе…» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1–12). Но прав ли был вождь?

На совещании при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии, проходившем с 14 по 17 апреля 1940 г., он подчеркнул для присутствующих общий вывод из этой войны: «К чему свелась наша победа, кого мы победили, собственно говоря? Вот мы 3 месяца и 12 дней воевали, потом финны встали на колени, мы уступили, война кончилась. Спрашивается, кого мы победили? Говорят, финнов. Ну, конечно, финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — не Бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить. Мы победили не только финнов, мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили. Не только финнов победили, но и технику передовых государств Европы. Не только технику передовых государств Европы, мы победили их тактику, их стратегию. Вся оборона Финляндии и война велась по указке, по наущению, по совету Англии и Франции, а еще раньше немцы здорово им помогали, и наполовину оборонительная линия в Финляндии по их совету построена. Итог об этом говорит. Мы разбили не только финнов — эта задача не такая большая. Главное в нашей победе состоит в том, что мы разбили технику, тактику и стратегию передовых государств Европы, представители которых являлись учителями финнов. В этом основная наша победа».

Существует мнение, что предвоенный советский опыт «малых войн» несколько отрезвил Сталина и его ближайшее окружение. Идеологизированные представления о военно-стратегическом могуществе «первого в мире» социалистического государства и его армии явно не срабатывали. В руководящих партийных и военных кругах сравнительно оперативно, по горячим следам, приступили к обсуждению хода и результатов этих войн, начало которому было положено иносказательным указанием Сталина «не возводить в культ опыта гражданской войны». Однако участники декабрьского совещания (высшего руководящего состава РККА) 1940 г. продолжали в своих оценках в значительной мере исходить из опыта именно «малых» войн и боевых действий ограниченного характера. После финской войны в Красной армии «необоснованно преувеличивались и выдвигались на первый план отдельные формы боевых действий, связанных с прорывом укрепленных оборонительных полос,

построением обороны, а также вопросы оборудования и подготовки театра войны». Об этом вспоминал маршал Советского Союза М. В. Захаров.

Не удивительно, что и выводы из опыта войны на Карельском перешейке С. К. Тимошенко сформулировал следующим образом: «…Если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными полосами укреплений». И это говорил советский военачальник, сменивший маршала Ворошилова на посту наркома обороны. Более того, на том же зимнем совещании 1940 г. он вообще изрек полную чушь, в который раз подчеркивая свои не особенно глубокие знания: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового» (РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 27. Л. 575). Там же под его руководством основная часть выступлений посвящалась вопросам оперативного и даже оперативно-тактического уровня. «Рассмотрение вопросов стратегического характера считалось прерогативой лишь высшего руководства страны, включая наркома обороны. Это было весьма характерным для предвоенного периода». Зато Резуну до этого и дела нет. Он так и прет напролом, доказывая нам, что Сталин готовился напасть на Гитлера, да последний его опередил. Но ведь Резуну что в лоб, что по лбу! В 19 главе «Ледокола» «Сталин в мае» он констатирует: «А в мае 1941 года Сталин во второй раз говорит нечто важное выпускникам военных академий. Теперь замышляется более серьезное и более темное дело, и потому сталинская речь на этот раз секретна. Речь Сталина никогда не публиковалась, и это дополнительная гарантия ее важности. Сталин говорил о войне. О войне с Германией. В советских источниках с опозданием на 30–40 лет появились ссылки на эту речь. „Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин, выступая 5 мая 1941 года с речью на приеме выпускников военных академий, дал ясно понять, что германская армия является наиболее вероятным противником“ (ВИЖ, 1978, № 4, с. 85). История Второй мировой войны (Т. 3, с. 439) подтверждает, что Сталин говорил о войне, и именно о войне с Германией. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков идет несколько дальше. Он сообщает, что Сталин в обычной своей манере задавал вопросы и сам на них отвечал. Сталин задавал среди прочих вопрос о том, является ли германская армия непобедимой, и отвечал отрицательно. Сталин называл Германию агрессором, захватчиком, покорителем других стран и народов и предрекал, что для Германии такая политика успехом не кончится (Воспоминания и размышления. С. 236).

Золотые слова. Но почему их держат в секрете? Понятно, что в мае

1941 г. Сталину несподручно было своего соседа называть агрессором и захватчиком. Но через полтора месяца Гитлер напал на СССР, и майскую речь Сталину следовало срочно опубликовать. Следовало выступить перед народом и сказать: братья и сестры, а ведь я такой оборот предвидел и офицеров своих тайно предупреждал еще 5 мая. В зале кроме выпускников академий сидели все высшие военные и политические лидеры страны, и каждый может это подтвердить. А вот и стенограмма моей речи… Но нет, не вспомнил Сталин свою речь и слушателей в свидетели не призвал».

Что ж, и здесь бывший советский капитан завернул, как всегда, в своем репертуаре. Но верить ему — значит не уважать своих родителей и не любить свою родину. Поэтому я достал со своей книжной полки нужную книгу, открыл ее на нужной странице, где есть то самое «секретное» выступление Сталина.

Сталин говорил о следующем: (1) Что представляла из себя Красная Армия 3–4 года тому назад;

(2) Чем стала Красная армия в настоящее время;

(3) О танках;

(4) Об артиллерии;

(5) Об авиации;

(6) О военно-учебных заведениях, которые отстают от роста Красной армии;

(7) О том, почему Франция потерпела поражение, а Германия побеждает;

(8) Действительно ли германская армия непобедима;

(9) О том, как могло случиться, что Германия одерживает победы.

Кроме того, в двух выступлениях вождь поднял тост за руководящие кадры армии, за начальников, за преподавателей, за ликвидацию отставания в деле изучения современной материальной части. За здоровье артиллеристов, танкистов, авиаторов, конников, связистов и пехотинцев. Но ни слова об агрессоре. А только о том, что неверно немцы считают свою армию непобедимой. В своем третьем выступлении Сталин сказал: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия — армия наступательная».

Эти слова можно переворачивать кому как угодно, но истинный их смысл сводился к следующему: Сталин, понимавший не только неизбежность, но и близость страшной войны, стремился самым

тщательным образом довести это понимание до представителей ядра Красной армии — до тех, кому в самое ближайшее время предстояло принять на себя небывалый по мощи удар противника. Вождь старался убедить их в неизбежности разгрома Германии в грядущей войне, несмотря на наши возможные временные поражения. При этом он пытался изо всех сил избежать малейшего повода для обвинения в милитаризме и агрессивных устремлениях. Кроме того, в своем выступлении Сталин особо подчеркнул отставание военно-учебных заведений от роста Красной армии. Резун об этом, видимо, не знает. «Здесь выступал докладчик т. Смирнов и говорил о выпускниках, об обучении их на военном опыте, — сказал вождь. — Я с ним не согласен. Наши школы еще отстают от армии. Обучаются они еще на старой технике. Вот мне говорили, что в Артиллерийской академии обучают на 3-дюймовой пушке. Так, тов. артиллеристы? (Обращается к артиллеристам.) Школа отстала от армии. Военно-воздушная академия обучает еще на старых машинах И-15, И-16, И-153, СБ. Обучать на старой технике нельзя. Обучать на старой технике — это значит выпускать отстающих людей.

Этому отставанию способствуют также программы. Ведь чтобы обучать новому и по-новому, надо изменить программу, но для этого надо много работать. Куда легче учить по старым программам, меньше забот и хлопот. Наша школа должна и может перестроить свое обучение командных кадров на новой технике и использовать опыт современной войны.

Наши школы отстают, это отставание закономерное. Его нужно ликвидировать. Вы приедете в армию, там увидите новинки. Чтобы облегчить вам дело, я рассказал о реорганизации нашей армии».

Как пишет доктор исторических наук В. А. Невежин, «дело, по большому счету, вовсе не в том, что именно сказал, а чего не говорил тогда И. В. Сталин: запущенная Гитлером машина войны уже неотвратимо надвигалась на СССР.

До вероломного нападения Германии оставалось всего 47 суток, а до Победы советского народа над немецко-фашистской Германией — еще долгих 1465 дней».

При этом нельзя забывать, что за эти самые 47 дней невозможно было ликвидировать такое отставание, о котором говорил вождь. Но ведь это не согласуется с концепцией Резуна…

Что ж, тогда перейдем к главе 32 «Ледокола», которая называется «Был ли у Сталина план войны».

«Как же могло случиться, что Красная Армия вступила в войну без планов? — вопрошает идейный палач Резун и пытается выбить табуретку из-под ног наших дедов. — Непонятно и другое. Если Красная Армия вступила в войну без планов, то Сталин, узнав об этом, должен был расстрелять Жукова и всех, кто принимал участие в разработке планов. Этого не случилось. Наоборот, участники разработки советских планов: Василевский, Соколовский, Ватутин, Маландин, Баграмян, Штеменко, Курасов, начав войну в званиях генерал-майора или даже полковника, завершили ее в маршальских званиях или минимум с четырьмя генеральскими звездами. Все они проявили себя в войне поистине блистательными стратегами. Все они добросовестные и даже педантичные штабисты, которые не мыслят жизни без плана. Как же получилось, что Красная Армия в первые месяцы войны была вынуждена импровизировать? И почему Сталин не только не расстрелял Жукова и его планировщиков, но ни разу даже и не упрекнул их? (…) Сталин не расстрелял Жукова и других планировщиков войны по очень простой причине: им никогда не ставилась задача разрабатывать планы на случай оборонительной войны. В чем же их обвинять? Жукову, Василевскому, Соколовскому и другим выдающимся стратегам Сталин поставил задачу разработать какие-то другие планы. Это были очень хорошие планы, но с первого момента оборонительной войны они стали ненужными: как автострадные танки, как десантные корпуса».

У бывшего советского капитана фактически железная логика. Куда уж нам — серым лапотникам и троечникам по марксистско-ленинской теории! Можно сказать, что Сталин легко расстрелял бы генерала армии Жукова и других, если бы у него был маршал с такой железной логикой, как у РЕЗУНА. Но дело в том, что такого военачальника и полководца у Сталина не было. А была политика и военная стратегия!

По мнению фельдмаршала графа Мольтке, «политика, к сожалению, неотделима от стратегии»; «политика не должна вмешиваться в операции»; «для хода войны руководящими являются главным образом военные соображения, политические же — лишь поскольку они не требуют ничего с военной точки зрения недопустимого. Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, а на первый план ставит успех на войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается — это исключительно ее дело».

По мнению комкора (в прошлом генерал-майора царской армии)

А. А. Свечина, «политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств». В своей полемике со многими авторами А. А. Свечин подчеркивал, что «ошибочная политика приносит и в военном деле столь же печальные плоды, как и в любой другой области». При этом он добавлял: «…нельзя смешивать протест против ошибок политики с отказом признать за политикой права и обязанности определить руководство войной в его основных чертах». Исходя из вышеперечисленных взглядов на характер взаимоотношений войны и политики, можно достаточно точно объяснить катастрофу Красной армии 1941 г. как следствие ошибочной (или «дурной» — по Свечину) политики Сталина, в значительной мере повлиявшей на стратегию. «Смоделированная Сталиным ложная конструкция политических и стратегических целей сторон в развернувшейся на Западе мировой войне, приведшая через несколько месяцев, в начальный период войны, к крупнейшей в истории войн катастрофе одной из самых мощных армий мира, каковой являлась предвоенная Красная Армия, как фильтр отсекала и отбрасывала все альтернативные военно-стратегические решения, основывающиеся на очевидных, но иных для данной конструкции фактах, объективных оценках и предложениях», — пишет А. А. Кокошин в своей книге «Армия и стратегия».

В восстановленных купюрах из авторской рукописи маршала К. К. Рокоссовского есть вот такое утверждение: «Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального значения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, этому не соответствовали». По Резуну выходит, что это все ложь. Он, как всегда, с легкостью отвергает общий замысел применения основных сил Красной армии, который состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР, а на втором этапе — мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, чтобы в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер. Этот человек настолько ненавидит страну,

давшую ему образование, широкую возможность карьеры, шанс выехать в одну из европейских стран (а также благополучно предать ее и стать нужным британской разведке), что уже и сам не верит в миролюбивый характер социалистического общества. Но именно это общество и не могло взять на себя инициативу нанесения первого удара. Резун же горячо отстаивает и популяризирует идею о том, что активная форма ведения войны является для армии диктатуры пролетариата основополагающей, что лишь эта форма ведения войны соответствует природе Октябрьской революции. Может показаться, что Резун всерьез убежден: он обладает монополией на истину, а у его бывшей Родины на нее просто нет никаких прав. На самом деле все гораздо проще. Кто платит, тот и заказывает музыку, а предатель как-то должен отрабатывать свой хлеб…

Сталин не планировал нападения на Германию в 1941 г. «Главная военно-политическая цель советского руководства состояла в том, чтобы любой ценой избежать войны или хотя бы оттянуть ее начало до 1942 г., выиграть тем самым время и завершить подготовку страны и вооруженных сил к обороне». Подготовка же к войне велась, но только на случай агрессии фашистской Германии на СССР.

Советское командование исходило из признания угрозы со стороны Германии, трезво оценивая готовность фашистской армии к нападению. Действия же Красной армии предполагались прежде всего как ответные.

Согласно анализу, проведенному специалистами по военной истории Генерального штаба России в начале девяностых годов, «одним из условий своевременного и планового развертывания Вооруженных Сил являлось их надежное оперативное прикрытие. Планирование всех этих мероприятий составляло основу разработки оперативного плана. Положение, однако, осложнялось тем, что в предвоенные годы среди руководства Наркомата обороны и Генерального штаба единого подхода к пониманию оперативного плана и плана стратегического развертывания не было. Часто эти понятия отождествлялись или заменялись одно другим. Такое положение размывало целенаправленность планирования и, естественно, снижало его качество».

Что такое оперативный план, намечающий основные направления предполагаемой войны? В сущности, это совокупность документов, таких как: директива правительства об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил; записка о порядке стратегического развертывания Вооруженных Сил (задачи фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РККА по фронтам и армиям; план стратегических перевозок для

сосредоточения Вооруженных Сил на театрах военных действий; планы прикрытия стратегического развертывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, военным сообщениям, противовоздушной обороне и т. д. В отличие же от оперативного плана в плане стратегического развертывания не определялись замысел первых операций и задачи фронтам.

Еще при составлении «Соображений о стратегическом развертывании Вооруженных Сил на случай войны» (Мобилизационный план на 1937–1939 гг.) Красной армии была сформулирована основная, но при этом двоякая задача: «готовиться к отражению удара агрессора и одновременно к решительному разгрому его с перенесением военных действий на территорию врага. Считалось, что Красная Армия должна быть всегда готова ответить сокрушительным ударом на всякую внезапность со стороны врага».

Как пишет доктор исторических наук, профессор В. А. Анфилов: «Доктринальное положение имело принципиальное значение для определения и понимания вступления советского государства в войну. Во-первых, из него следовало, что для Красной Армии содержанием первых часов и дней войны должны стать сдерживающие боевые действия в строившихся для этой цели укрепленных районах, а во-вторых, внезапность нападения противника должна быть нейтрализована боевой готовностью Красной Армии». К 24 марта 1938 г. был разработан доклад наркому обороны К. Е. Ворошилову «Об основах стратегического развертывания РККА» (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2851. Д. 239. Л. 1–2). По авторитетному мнению В. А. Анфилова, «в нем предусматривалось два варианта действий главных сил: к северу от Полесья и к югу от него. Главный военный совет изволил рассмотреть и одобрить план лишь 13 ноября 1938 г. Этот план был вскоре утвержден и Комитетом обороны. Но в связи с изменениями стратегической обстановки в Европе в 1939–1940 гг. (перемещение войск Красной Армии, изменение государственной границы, изменение боевого состава военных округов), прежний оперативный план стал нереальным. Поэтому сразу же после финской войны в Генеральном штабе начали разрабатывать новые „Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.“ (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 197–216). Этот документ подготовили к середине 1940 г. и сразу же представили Сталину и Молотову. В нем предполагалось, что основной удар немцев будет нанесен к северу от устья реки Сан, следовательно, разработчики плана предложили главные силы РККА развернуть севернее

Полесья. Однако в результате вхождения Прибалтийских республик в состав СССР части и соединения Красной Армии вошли в Прибалтику и заняли Северную Буковину. Поэтому „Стратегические соображения“ снова пришлось переработать. Уже 18 сентября Советскому правительству был представлен доклад „Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.“. Главным вопросом в оценке оперативно-стратегических замыслов противника являлось определение его главного удара. В данной ситуации Генштаб совершенно правильно определил развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан с целью нанесения главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск, Полоцк или на Каунас, Вильнюс, а затем на Минск. Считалось также, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной. Не исключался, как возможный, главный удар противника на киевском направлении с целью захвата Украины. При этом в докладе указывалось, что „наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан“… Кроме того, предполагалось, что боевые действия с обеих сторон могут начаться лишь частью сил и для стратегического развертывания главных сил противника при нападении на СССР потребуется до 15 суток. Отсюда в оперативном плане была изначально заложена стратегическая ошибка в оценке сил и способов ведения боевых действий противником в начальный период войны. Общий замысел боевого использования основных сил Красной Армии состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть границы во время сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР.

На втором этапе мощными ударами главных группировок войск фронтов предполагалось нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер.

В соответствии с оценкой и общим замыслом отражения нападения намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки Красной Армии на Западе». В «южном» (1-м) варианте с развертыванием главных сил к югу от Брест-Литовска выражалась идея создания наступательно-оборонительной группировки. В «северном» (2-м) варианте с развертыванием главных сил к северу от Брест-Литовска замысел предполагал перегруппировку и сосредоточение войск в течение

20 суток с опорой на укрепленные районы, чтобы активной обороной прочно прикрыть минское и псковское направления и не допустить глубокого вторжения противника на нашу территорию. Таким образом, все зависело от той военно-политической обстановки, которая могла сложиться к началу войны.

Сам доклад Сталин и Молотов рассмотрели 5 октября 1940 г., когда в ходе обсуждения Генеральному штабу было поручено доработать его с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта.

Считается, что И. В. Сталин на том совещании высказал свою точку зрения, что Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникает по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем чтобы прежде всего захватить наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. К слову, одно время вариант основного удара вермахта на южном направлении вполне допускался. Верховное командование Германии однажды рассматривало предложение генерала фон Зоденштерна — начальника штаба группы армий «Юг», представленное в оперативной разработке 7 декабря 1940 г.

Однако, по мнению маршала Советского Союза М. В. Захарова, ключевые посты в Генеральном штабе, начиная с назначения летом 1940 г. народным комиссаром обороны маршала С. К. Тимошенко, прежде командовавшего Киевским Особым военным округом, постепенно заняли те, кто специализировался по юго-западному направлению. «Сотрудники, выдвинутые на ответственную работу в Генштаб из Киевского Особого военного округа, в силу своей прежней службы продолжали придавать более важное значение юго-западному направлению. При оценке общей военно-стратегической обстановки на Западном театре войны их внимание невольно приковывалось к тому, что было более знакомо, тщательно изучено и проверено, что „прикипело к сердцу“, длительно владело сознанием и, естественно, заслоняло собой и отодвигало на второй план другие весомые факты и обстоятельства, без которых нельзя было воспроизвести верную картину надвигавшихся событий».

Доработанный «южный» вариант плана представили на утверждение Сталину 14 октября 1940 г. В нем перед главной группировкой в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 86).

Февраль 1941 г. стал переломным моментом в строительстве

Советских Вооруженных Сил и в оперативно-стратегическом планировании их применения. Именно с этого месяца в Генштабе разрабатывалась большая программа по составлению новых оперативно-мобилизационных планов. В соответствии с «Планом разработки оперативных планов» был разработан ряд важных документов. Одновременно вносились коррективы в «План стратегического развертывания Вооруженных Сил» с учетом новых разведывательных данных о противнике и роста численного состава своих вооруженных сил. В апреле 1941 г. в Генеральном штабе составили директиву на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. В ней по-прежнему главная группировка Красной армии предусматривалась на юго-западном направлении в составе Киевского Особого военного округа. А Западный фронт должен был наступать совместно с Юго-Западным фронтом лишь частью сил левого крыла. При этом к середине мая 1941 г. в Генштабе сделали вывод, «что Германия полностью отмобилизовала свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза и развернула тылы». Тогда нарком обороны и начальник Генштаба приняли решение предложить Сталину проявить инициативу и нанести по готовящимся к вторжению в СССР немецким войскам упреждающий удар. Очередные «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» были подготовлены в Генштабе к 15 мая 1941 г. Согласно им, главный удар предполагалось нанести силами Юго-Западного фронта, а вспомогательный — левым крылом Западного фронта (ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1–2).

«С этим документом нарком и начальник Генштаба отправились к Сталину, — пишет В. А. Анфилов. — О его реакции на это предложение военного руководства документальных материалов в архивах ничего найти не удалось. А по словам Г. К. Жукова, сказанным автору этих строк, она была следующей: „Услышав о предупредительном ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. „Вы что, с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать“, — прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками военных академий. „Так я сказал это, — услышали мы в ответ, — чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира““».

Принципиально важно и то обстоятельство, что руководство Генштаба «считало, что ни в коем случае нельзя отдавать инициативу действий германскому командованию». Оно рассчитывало «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она

будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Но то же руководство Генерального штаба по каким-то неведомым нам причинам не понимало, что драгоценное время для реального осуществления такого плана было уже упущено. И точно так же оно почему-то абсолютно не приняло мер по отражению готовящегося удара противника и обеспечению в этих условиях стратегического развертывания Красной армии. Но к этому «почему-то» мы еще вернемся — правда, значительно позже. А пока не забудем учесть, что «с 5 по 14 мая приграничным военным округам были направлены директивы Генштаба, где определены задачи по обороне госграницы. В них указывалось: а) Упорной обороной полевых укреплений по обороне госгранице районов:

1) Не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа;

2) Прочно прикрыть отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск округа».

Следует подчеркнуть, что документ, датированный 15 мая 1941 г., на который ссылаются многие историки и к ним «примкнувшие», был написан от руки А. М. Василевским, но не подписан ни Г. К. Жуковым, ни С. К. Тимошенко. Не было в нем указано и никаких сроков. Других документов о готовящемся нападении СССР на Германию нет!

Довольно устаревшие представления о начальном периоде войны и характере оборонительных операций стали одной из причин абсолютного непонимания того факта, «что для отражения уже изготовившихся для нападения войск противника потребуется глубокоэшелонированная оборона в стратегическом масштабе и длительные, напряженные оборонительные сражения с использованием всех имеющихся сил и средств».

К великому сожалению, мало кто обратил внимание на весьма глубокое предсказание профессора военной академии Генерального штаба комдива Г. С. Иссерсона в его книге «Новые формы борьбы», вышедшей в 1940 г., где он писал: «С точки зрения осуществления новых форм военного искусства война в Испании могла быть названа прологом драмы, германо-польская война — завязкой драмы и война в Западной Европе — ее развитием… Финал всей драмы скрывается еще в будущей истории». Правда, профессор в угоду военной политике «шапкозакидательства», в сущности, не рассмотрел возможные варианты оборонительных операций поляков и их союзников. Оно и понятно. Характер отношений СССР с Германией не позволял этого сделать. И тем не менее важно отметить, что,

по словам Иссерсона, «…в германо-польскую войну стратегия сокрушения нашла свое осуществление в формах, которые по своему качественному содержанию глубоко отличны от всего того, что знала история войск до этого времени». И еще: «Теперь фронт выносится вперед отдельными глубокими ударами быстроподвижных соединений на разных направлениях, оставляя позади себя еще ряд очагов борьбы. Конец грандиозной баталии в Польше раскрыл в этом отношении совершенно необычную картину глубокого, многоярусного сражения». Все те противоречия, которые были связаны с решительными наступательными заявлениями, постановкой перед приграничными округами сугубо оборонительных задач, выдвижение резервных армий из глубины страны на запад и т. д., не иначе как просчетами и ошибками не назовешь. В этом плане и Сталина переоценивать нельзя, если речь идет об объективности, а не о фальсификации. Но у нас сегодня и за вождя такое выдумывают, что становится, ей-богу, уже просто не смешно. А ведь он и не собирался наступать! По его же собственному мнению, это была самая главная ошибка в его жизни, когда Гитлер обманул его.

Маршал А. М. Василевский отсутствие подписи под «Соображениями…» объяснял вовсе не тем, что их отклонило руководство.

«Все стратегические решения высшего военного командования, на которых строился оперативный план, как полагали работники оперативного управления, были утверждены советским правительством, — писал он. — Лично я приходил к этой мысли, — вспоминал маршал, — потому что вместе с другим заместителем начальника оперативного управления тов. Анисимовым в 1940 году дважды сопровождал, имея при себе оперативный план вооруженных сил, заместителя начальника Генштаба тов. Ватутина в Кремль, где этот план должен был докладываться наркомом обороны и начальником Генштаба И. В. Сталину. Никаких отметок в плане или указаний в дальнейшем о каких-либо поправках к нему в результате его рассмотрения мы не получили. Не было на плане и никаких виз, которые говорили бы о том, что план был принят или отвергнут, хотя продолжавшиеся работы над ним свидетельствовали о том, что, по-видимому, он получил одобрение».

В весьма объемном исследовании М. И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» автор делает следующий вывод о советском военном планировании: «Имеющиеся в распоряжении историков документы советского военного планирования 1940–1041 гг. позволяют критически отнестись к традиционной официальной версии об оборонительных намерениях советского руководства. Эти материалы свидетельствуют, что

советское военно-политическое руководство занималось подготовкой преимущественно наступательных военных действий против Германии и ее союзников. В течение полутора лет советский Генштаб тщательно и всесторонне разрабатывал планы нападения на Германию. Советско-германское военное руководство не располагало сведениями о реальных военных планах Германии, хотя конфигурация советско-германской границы позволила сделать довольно точные предположения относительно направлений возможных ударов вермахта. Однако, как показывают вышеприведенные документы, никаких мер по отражению этих ударов, многие из которых были реально запланированы и проведены в жизнь германским командованием в ходе войны, подготовлено не было. Ныне военные историки вынуждены признать, что „мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не обрабатывалось“.

Отсутствие связи между возможным ударом врага и действиями Красной Армии опровергают версию о якобы ответном характере наступательных действий советских войск, отработке которых были посвящены военные планы».

Вот только какую связь хочет найти уважаемый историк между возможным ударом врага и действиями Красной армии, если в том, что происходило на советской стороне, вообще сложно обнаружить хоть какую-то более или менее здравую логику на фоне надвигающейся катастрофы?

С 1925 по 1940 г. в Штабе (Генштабе) РККА было разработано и переработано 15 вариантов различных стратегических планов, и ни в одном из них не предусматривалось нападение как таковое. И только в «Соображениях», подготовленных к 15 мая 1941 г., предусматривался (заметьте, именно предусматривался) упреждающий удар Юго-Западного и части сил Западного фронтов с целью сорвать развертывание и переход в наступление немецко-фашистских войск. Вот тут-то, с этих самых, неправильно понятых большинством историков терминов («упреждение», «атака»), и начинается вольное толкование отдельных документов, военных планов и стратегии в целом. А ведь выводы и обобщения советских военных теоретиков, находившихся на правильном пути и в 1920-е, и в 1930-е годы в определении характера будущей войны и ее начальных операций, так и не стали официальными взглядами. Тот же маршал А. М. Василевский в 1960-е годы вспоминал, что Генштаб исходил «при разработке плана… из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они начинаются уже изготовившимися к боевым действиям

противником…» Однако «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15–20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны…» Признавался в этом и маршал Г. К. Жуков, утверждая, что новые способы ведения войны в начальном периоде учтены полностью не были: «Наркомат обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, может начаться не ранее существующей схемы: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений». Но ни о каком упреждении СССР Германии после 15 мая 1941 г. говорить нельзя, не обратив внимание на фундаментальные геостратегические и демографические различия в положении Германии и Советского Союза, которые играли особую военно-стратегическую роль как в Первой, так и во Второй мировой войне. «Государства с очень обширной территорией, очень длинной сухопутной границей и разнородным населением, не касаясь даже вопроса о необходимости для них держать свои вооруженные силы на различных фронтах, уже по самим размерам своим лишены возможности так же быстро, как менее обширные и обладающие однородным по составу населением, закончить свою мобилизацию и перевозку к пунктам стратегического развертывания армии», — писал в своем труде в 1909 г. русский военный теоретик А. Незнамов. В другом выдающемся труде маршала Б. М. Шапошникова (который мне удалось одолеть в первый раз в 13 лет) черным по белому написано: «Если мобилизация упреждает противника по своей длительности, то тем более остается свобода действий для дипломатии, и, наоборот, чем более продолжительна мобилизация, чем хуже она с техническо-военной стороны подготовлена, тем менее свободна внешняя политика в выборе момента объявления мобилизации, вынужденная считаться с работой своего генерального штаба». Как известно, советская дипломатия не имела свободы действий — ведь советская мобилизация не упредила германскую. Многие историки почему-то не желают понимать простую истину: для упреждающего удара изначально нужна полностью отмобилизованная, развернутая, а значит, готовая выполнить любой приказ армия. Но, как известно, сам вождь на это не пошел, ибо слепо верил в возможность оттянуть войну и всячески опасался малейшей провокации. Отсюда, с советской стороны, не произошло фактического наращивания усилий, т. к. имитацией перегруппировки Сталин лишь устрашал противника. А с той, другой стороны — война уже надвигалась.

Вернемся к советскому военному планированию. По авторитетному

мнению маршала А. Е. Голованова, «какой-либо заметной роли в руководстве войсками, я не говорю о работе отдельных товарищей, Генеральный штаб как слаженный организм Верховного Главнокомандующего в 1941 году еще не играл. Его роль как планирующего и организующего центра началась, по моим наблюдениям, с подготовки контрнаступления под Сталинградом». Но разве маршал авиации для бывшего советского капитана авторитет?

Если взять Брестскую крепость, то в ней на 22 июня 1941 г. были расквартированы полки 6-й, 42-й стрелковых дивизий, их специальные части, учреждения тыла и пограничный отряд. Б. Л. Васильев пишет об этом следующее: «Бестолковость их размещения непосредственно на самой границе не столько удивляет, сколько настораживает: например, 131-й артиллерийский полк дислоцировался на внешнем крепостном обводе по берегу Буга; его отделяла от передовых частей фашистской армии полоса воды в 150 м. Да и размещение окружного (!) госпиталя в двух километрах от границы вызывает серьезные размышления, и не только сегодня: он беспокоил ответственных начальников задолго до войны. Начальник штаба 4-й армии Л. М. Сандалов в своих мемуарах „Пережитое“ пишет: „… пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа. Мы решили ходатайствовать о немедленном выводе из крепости окружного госпиталя и хотя бы одной дивизии“». Однако все ходатайства командование округа оставило без ответа.

Готовность к обороне не только крепости, но и всей Красной армии весьма осложнило известное «Сообщение ТАСС», опубликованное в газете «Правда» 15 июня 1941 г. Призванное успокоить и дезориентировать противника, чтобы выиграть время, оно на самом деле в значительной степени дезориентировало расположенные близ границы наши войска.

«У командного состава, — пишет Л. М. Сандалов, — оно породило уверенность в том, что есть какие-то неизвестные обстоятельства, позволяющие нашему правительству оставаться спокойным и уверенным в безопасности советских границ. Командиры перестали ночевать в казармах. Бойцы стали раздеваться на ночь».

Добавлю, что результатом этого «Сообщения» явилось и неофициальное запрещение всему командному составу отправлять семьи на восток. Это коснулось и самого Сандалова, в то время начальника штаба 4-й армии: ему запретили вывезти приехавшую в гости 70-летнюю тещу. Все изо всех сил подчеркивали, что войны просто не может быть. Вечером 21-го июня в крепости под оркестр проводился развод караулов, который с

наблюдательного пункта видел Гудериан, в полках демонстрировали фильмы («Веселые ребята» и «Валерий Чкалов»), а командующий 4-й армией А. А. Коробков вместе со своим начальником штаба смотрели оперетту «Цыганский барон». Начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блументритт писал: «Как мы предполагали, к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит, но на другом берегу Буга, перед фронтом 4-й армии и 2-й танковой группы… все было тихо».

Генерал Волкогонов в составе комиссии в свое время распечатал сотни «особых папок» Политбюро ЦК довоенного и послевоенного периодов. Там было много интересных документов. Лишь не было обнаружено абсолютно ничего о конкретном тайном замысле Сталина напасть на Германию. «А такую гигантскую операцию без планов, без оперативной штабной подготовки совершить невозможно», — писал генерал.

И я безоговорочно соглашаюсь со следующими словами Д. В. Волкогонова: «История имеет одну коренную особенность: необратимость событий. Первое сентября 1939 года и 22 июня 1941 года давно и окончательно ответили на этот вопрос».

6

Следует упомянуть и о некоторых других планах. Например, о мобилизационном плане. Являясь составной частью оперативного плана, он разрабатывался на несколько лет с ежегодной его корректировкой. К слову, только с мая 1940 г. по июнь 1941 г. такие планы в СССР кардинально перерабатывались четырежды (практика показала, что для разработки плана требовалось не менее 9 месяцев), в результате чего качество мобилизационных документов было невысоким из-за множества ошибок и неточностей. Здесь нельзя забывать о беспрерывных организационных мероприятиях Красной армии, когда ее численность бесконечно изменялась, а организационно-штатная структура войск не была отработана. Частые перегруппировки не могли не сказаться на смене дислокации частей и соединений. Более того, мобилизационный план промышленности на военное время, представленный начальником Генштаба Ворошилову, пролежал у него в сейфе более месяца. И лишь после неоднократных обращений Жукова к Сталину его все-таки рассмотрели, но так и не успели утвердить. Началась война.

Или вот, например, «План обороны государственной границы 1941 г.», который также являлся составной частью плана стратегического

развертывания Красной армии. По утверждению профессора В. А. Анфилова, «в ходе нарастания угрозы войны, особенно после прихода в Генеральный штаб Жукова, шел сложный процесс корректировки планов прикрытия. Обстановка изменилась так быстро, что округа не успевали качественно разрабатывать документы, утверждать их и претворять в жизнь. Наиболее существенным изменениям подвергались планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах.

Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Ленинградскому, Западному и Киевскому округам директивы были направлены 5 мая, Одесскому — 6 мая, а Прибалтийскому — 14 мая. Срок действия плана обороны был определен в течение 15 суток». (…) «Представление окружных планов на утверждение в Генеральный штаб было определено к 25 мая. Разработка планов прикрытия в округах сильно затянулась, так как явилась чрезвычайно сложным делом. Во-первых, требовалось выявить сосредоточение войск противостоящего противника; во-вторых, предусмотреть мероприятия с целью недопущения внезапного вторжения вражеский войск на свою территорию. Кроме этого упорной обороной в укрепленных районах предусмотреть надежное прикрытие отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск, активными действиями авиации завоевание господства в воздухе, мощными ударами по коммуникациям и группировкам войск противника нарушение их выдвижения, недопущение высадки в тыл воздушных десантов и диверсионных групп». Следовательно, планы прикрытия в округах носили в первую очередь оборонительный характер. Генеральный штаб их получил только с 10 по 20 июня. То есть ни на рассмотрение, ни на утверждение их времени уже не было. Эти планы не проработали их исполнители, но самое страшное в том, что они оставались нереальными. Дело в том, что они не были рассчитаны на внезапное вторжение противника на земле и в воздухе. Все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия в угрожаемый период будет предоставлено время на отмобилизование. Таким образом, как в оперативно-стратегическом, так и в мобилизационном планировании были допущены значительные просчеты, поскольку все эти планы исходили из устаревших и ошибочных взглядов на начальный период войны, которые не учитывали возможности государства. И как следствие, «к началу войны советскому командованию не удалось создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска не были отмобилизованы и оставались в основном в штабах мирного времени, имея большой некомплект в людях и технике».

Но откуда же тогда взялась версия подготовки Советского Союза к нападению на Германию?

Не удивляйтесь, если я скажу, что не немецкие генералы и историки написали о ней первыми. И уж тем более не Резун. Впервые такое утверждение было обосновано в «НОТЕ министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года (МЕМОРАНДУМЕ)». В этом документе говорилось: «Враждебная по отношению к Германии политика Советского правительства в военной области сопровождалась ПОСТОЯННО УСИЛИВАЮЩЕЙСЯ КОНЦЕНТРАЦИЕЙ ВСЕХ РАСПОЛАГАЕМЫХ РОССИЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ШИРОКОМ ФРОНТЕ ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО ЧЕРНОГО МОРЯ. Уже в то время, когда Германия основное внимание уделяла французской кампании на Западе и когда на Востоке находилось лишь незначительное количество германских войск, русское верховное командование начало систематическую переброску крупных контингентов войск к восточной границе рейха, причем сосредоточение основных сил установлено у границ Восточной Пруссии и генерал-губернаторства, а также на границе с Румынией в Бессарабии и Буковине. Постоянно усиливались и русские гарнизоны на границе с Финляндией. Дальнейшими мероприятиями в этом направлении была переброска все новых русских дивизий из Восточной Азии и с Кавказа на территорию европейской части России. После того как советское правительство в свое время заявило, что, к примеру, в Прибалтику оно введет лишь небольшое количество войск, только в этом районе после его оккупации оно постоянно увеличивало там концентрацию своих войск, насчитывающих сегодня 22 дивизии. Тем самым складывается впечатление, что русские войска все ближе подходили к германской границе, хотя с германской стороны не предпринимались никакие военные меры, которыми можно было бы мотивировать такие действия русских. И лишь бы эти действия русских вынудили германские вооруженные силы к принятию контрмер. Кроме этого, отдельные части русских сухопутных сил и ВВС выдвинулись вперед, а на аэродромах вдоль германской границы сконцентрированы крупные части ВВС. Следует также отметить неоднократные нарушения в начале апреля границы и участившиеся случаи пролета русских самолетов над территорией германского рейха. По сообщениям румынского правительства, такие же случаи имели место и в румынских приграничных районах Буковины, Молдовы и Дуная.

Верховное главнокомандование вермахта с начала года неоднократно указывало внешнеполитическому руководству рейха на возрастающую

угрозу территории рейха со стороны русской армии и при этом подчеркивало, что причиной этого стратегического сосредоточения и развертывания войск могут быть только агрессивные планы. Эти сообщения Верховного главнокомандования вермахта со всеми подробностями будут доведены до общественности.

Если и было малейшее сомнение в агрессивности стратегического сосредоточения и развертывания русских войск, то они были полностью развеяны сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий.

Результаты наблюдения за последние дни свидетельствуют о том, что созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых соединений, позволяет Верховному Главнокомандованию России в любое время начать агрессию на различных участках германской границы. Донесения об усилившейся разведывательной деятельности, а также ежедневные сообщения о происшествиях на границе и стычках между сторожевыми охранениями обеих армий дополняют картину крайне напряженной, взрывоопасной военной обстановки».

В общем, «Ледокол» Резуна был написан по «нотам» Гитлера с помощью «хирургических» ссылок на советские источники. Расчет был верным, а удар — точным. Основная масса читателей поверит, как верит многому, что не внушает доверия. А историков можно и за нос поводить. Чем больше они будут невпопад отвечать, тем хуже для них. Пока они будут отбиваться, Резун им — новую «ноту» от «Павлика». Так оно и продолжается до сих пор. Сам же Резун наивно убежден, что его никто не опроверг и не опровергнет. Но парадокс заключается в том, что этого предателя и не нужно опровергать. История войны уже давно написана. Ее можно только дополнить и уточнить. Но переписывать заново в угоду всяким ничтожествам — дело безнадежное, а главное — пустое. Кто желает, пусть читает книги Резуна как низкопробную беллетристику, но ни в коем случае не как объективные исторические исследования. Для звания таковых автору не хватает одного — научного подхода, который, как известно, невозможен без архивных документов и, конечно же, без правды, на которую предателю никогда не получить разрешения у своих хозяев!

Например, кадровый разведчик из ближайшего окружения адмирала Канариса Герд Бухгайт, прослуживший в абвере до 1944 г., пишет: «Абвер никогда не утверждал, что у русских шло полным ходом развертывание войск для нападения на Германию. Для этого вообще не было никаких оснований. У абвера сложилась тогда четкая картина положения

противника: группировка советских войск носила сугубо оборонительный характер. Гитлер и Риббентроп точно знали, что Россия не нападет на Германию. Они неоднократно упоминали об этом в разговорах между собой и в беседах с японским министром Мацуокой в начале ноября 1940 г. Гитлер при этом выразил убеждение, что Сталин будет соблюдать договоры „пока он жив“. Также и в своем письме к Муссолини от 31 декабря 1940 г. он писал: „Пока жив Сталин и пока у нас не будет особых кризисов, я не поверю, что Россия предпримет какие-либо шаги нам во вред“. И еще в апреле 1940 г. фюрер говорил послу в России Шуленбургу, что „не следует думать о каких-либо опасностях со стороны русских“. Однако Гитлеру требовался какой-то довод, чтобы представить свою захватническую войну немецкому народу и мировой общественности как превентивно-оборонительную. Поэтому он и приказал хранить гробовое молчание в ответ на составленное лично Сталиным „Заявление ТАСС“ от 13 июня 1941 г., ибо в нем Сталин назвал слухи о сосредоточении немецких войск на германско-советской границе „неуклюжей пропагандой“ сил, враждебных Германии и Советскому Союзу и заинтересованных в расширении войны».

Более того, «ни в одном из германских документов первой половины 1941 г. не зафиксировано серьезных опасений по поводу возможных наступательных действий Красной армии. Напротив, продвижение ее частей к западной границе СССР рассматривалось немецкой военной разведкой как их укрепление оборонительных рубежей».

Таким образом, когда с помощью своего безудержного воображения Резун пытается поставить с ног на голову устоявшуюся оценку событий прошлого, а главное — вопреки очевидным фактам навязать читателю свою ложь, то это можно расценивать просто как очередной удар в спину преданой им Родине!

Глава 2
Адольф Гитлер как явление, или германский «мессия»

Никто в истории не вызывал такого восторга, такого поклонения, ни на кого не возлагали таких благих ожиданий, как на него, но никто другой не вызывал столько ненависти.

Иоахим Фест

1

Будущий фюрер фашистской Германии родился 20 апреля 1889 г. в семье таможенного чиновника Алоиза Гитлера (умер в 1903 г.) в Браунау-на-Инне (Австрия).

Подошедшим до нас воспоминаниям, учился он недостаточно успешно, потому как уже в юношеские годы воспринимал систематический труд как «принуждение и жесткий контроль». Его отношение к учебным дисциплинам и круг его интересов, безусловно, сказались на отметках. В школу, где преподавали презираемый им французский язык, он ходил с отвращением.

В 1924 г. профессор, доктор Эдуард Гемер, который еще двадцать лет назад преподавал Гитлеру, скажет: он «был несомненно одаренным, хотя и односторонне, но почти не умел владеть собой — по крайней мере, он слыл упрямым, самовольным, своенравным и вспыльчивым и ему явно трудно было находиться в рамках школы. Он не отличался прилежанием, иначе мог бы достичь намного лучших результатов при его бесспорных способностях».

По утверждению Вернера Мазера, «свидетельство, выданное 11 февраля 1905 г. и использованное Адольфом вместо туалетной бумаги, выглядело не просто „не очень хорошо“, но попросту скверно. Его знания по немецкому, французскому, математике и стенографии были оценены как „неудовлетворительные“. „Похвально“ и „отлично“ он имел только по рисованию и физкультуре, остальные оценки были удовлетворительными».

И вот тут ему на помощь приходит болезнь — тяжелое заболевание легких. Сам Гитлер вспоминал: «Находясь под впечатлением моего заболевания, мать наконец согласилась забрать меня из реальной школы и дать возможность посещать художественную академию». Однако быстрое выздоровление не приносит приятных надежд. Для поступления в Венскую академию изобразительных искусств не хватает ни полученного образования, ни тем более того самого свидетельства об успеваемости. Тем не менее Гитлер уезжает в Вену (май 1906 г.), где наслаждается полной свободой и безмятежной жизнью.

Затем отправляется в Линц, где записывается в библиотеку Общества народного образования и объединения музеев, занимается музыкой (фортепьяно), ходит в театр, влюбляется в творения Вагнера, рисует красками и карандашом, пишет стихи и сочиняет музыку. Но чему он уделяет больше всего внимания, так это проектам общественных зданий, особенно театральных, и городских мостов.

Осенью 1907 г. Гитлер снова едет в Вену, чтобы попробовать поступить в художественную академию в качестве 113-го кандидата. Но только 28 абитуриентов выдержали вступительный экзамен. Гитлера в этом списке не оказалось. Ректор академии, к изумлению Адольфа, объявил ему о непригодности к живописи и о его очевидных способностях к архитектуре.

И вот теперь будущий фюрер только осознает: «Мне явно воздавалось теперь за то, что по упрямству своему я прогуливал занятия в реальной школе». Ему уже восемнадцать лет!

Вернер Мазер в качестве аргумента приводит следующее: «Осуществление его прошлой мечты стать художником, поступление в строительную техническую школу разбивается о тот факт, что он отказался закончить школу положенным по правилам выпускным экзаменом». По возвращении домой его ожидает новый удар. В декабре умирает его мать Клара Гитлер.

Оставшись сиротой, следующие пять лет своей жизни он назовет «самым печальным временем».

«У живущего в Вене скульптора Пангольцера, по профессии учителя старших классов школы и опытного педагога, он берет уроки по искусству, чтобы не растрачивать попусту время до следующего вступительного экзамена в академию», — пишет Мазер.

А осенью 1908 г. Гитлер во второй раз сдает экзамен. Однако теперь преподаватели-профессора уже не учитывают его контрольные работы по композиции и не допускают к испытанию. Полный провал вынуждает

Адольфа заниматься живописью самостоятельно. До середины 1909 г. Гитлер много рисует — по шесть-семь картин (малого формата) в неделю. Как правило, это копирование почтовых открыток и гравюр, изображающих здания «Венского парламента, театра, Французской церкви, других церквей, ратуши, старый мост Фердинанда, замок» и т. д.

«Пейзажи и портреты, — рассказывает о его творчестве Мазер, — картины, написанные маслом, рисунки тушью и акварелью, даже технологически трудная графика (прежде всего гравюры), плакаты и иллюстрированные тексты для рекламы, например косметики, обуви, кремов для чистки обуви, дамского белья и даже архитектурные консультации, соединяются в нерегулярной последовательности».

Его привлекательные картины, нарисованные акварелью, продавались достаточно быстро, чем и улучшали его скудный бюджет. Что самое интересное, покупателями картин молодого Гитлера чаще всего были евреи.

Вернер Мазер пишет: «Перед началом Первой мировой войны Гитлер живет как в Вене, так и в Мюнхене с целью стать архитектором, но то, что он проектирует в эскизах, планирует и обдумывает в чертежах, отражает венский период и его негативное отношение к этому городу».

Сам же Гитлер позднее утверждал, что «если бы не началась война, то я определенно стал бы архитектором, может быть, даже одним из первых архитекторов, если не первым архитектором Германии».

Следует отметить, что в то время Адольф был еще очень робким человеком, боялся обратиться к любому, кто, по его мнению, был выше него на социальной лестнице. А уж выступать, даже перед несколькими слушателями, он не решился бы ни за что.

Весной 1913 г. (ему 24 года) Гитлер покидает Вену и переезжает в Мюнхен. В этом городе он живет в страхе «опуститься до уровня люмпенов, обитателей домов для бедных или пролетариев». Впоследствии он писал о Вене: «Мне стал противен этот расовый конгломерат австрийской столицы, противна эта смесь народов — чехи, поляки, венгры, русины, сербы, хорваты и т. д., а между всем этим вечная опухоль человечества — евреи и снова евреи. Этот гигантский город стал мне казаться чем-то вроде воплощения кровосмесительного греха…»

В Мюнхене же, по мнению его биографов, Гитлер «не был совсем уж несчастлив», испытывая в глубине души любовь к этому городу благодаря «чудесному союзу первобытной силы и тонкого художественного настроения». Здесь он продолжает рисовать, считая себя плохим художником. Но тот же Вернер Мазер указывает: «Немало великих

художников оставили после себя картины и эскизы хуже, чем у Гитлера. То, что Гитлер не создал по-настоящему значительные произведения изобразительного искусства, отличает его, однако, в основном от художников, которые нашли свое прочное место в истории искусства».

Между тем именно мюнхенский период Гитлер назовет самым счастливым в своей жизни. Впрочем, в ту пору он живет в одиночестве, избегая тесных контактов и дружбы, проводя время за чтением книг и газет, и, как всегда, рисует.

За свой труд Гитлер получает 100 марок в месяц, значительную по тем временам сумму, ведет богемную жизнь, изысканно одевается, впечатляя своих клиентов интеллигентностью и особым вкусом. Тогда же его портной, некий Попп, отметит в нем личность, «способности которой дают основания для больших надежд».

Но вот размеренную жизнь должен нарушить призыв в армию. Иоахим Фест сообщает: «Он хотел увильнуть от прохождения военной службы. Чтобы больше запутать дело, он, явившись в Мюнхен, не только зарегистрировался в полиции как человек без подданства, но и затем неверно указал в автобиографии дату отъезда из Вены: Гитлер покинул этот город не весной 1912 года, как он будет утверждать, а в мае следующего». Все же мюнхенская полиция его нашла 10 января 1914 г., а через восемь дней он получил повестку.

Добившись прохождения освидетельствования «из-за финансовых затруднений» в Зальцбурге в феврале этого же года, Адольф «был признан непригодным к службе в армии, слишком слабым». Но с началом Первой мировой войны он сам подает прошение на имя короля Баварии с просьбой разрешить ему, австрийскому подданному, поступить добровольцем в один из баварских полков. Это было 3 августа. А 4-го он получил предписание явиться в казармы 16-го Баварского резервного пехотного полка «Лист».

В октябре 1914 г. солдат 1-й роты 16-го Баварского полка Адольф Гитлер отправляется на фронт, где его полк участвует в битве на Изере (29 октября), в битве под Иперном (30 октября — 24 ноября). Уже в ноябре Гитлеру присваивают звание ефрейтора, а через неделю (9-го) переводят в штаб полка.

Иоахим Фест пишет: «На протяжении всей войны Гитлер был связным, доставляя приказы из штаба полка на передовые позиции. Эта служба, во время которой ему приходилось полагаться только на самого себя, как нельзя лучше отвечала его характеру одиночки. Один из его тогдашних командиров потом вспоминал о нем как о способном, несколько невоенного вида человеке, который поначалу ничем не отличался от своих

товарищей. На него можно было положиться как на добросовестного и, по словам того же источника, твердого человека. Но и здесь он считался чудаком, „чокнутым“, — так единодушно говорили о нем другие солдаты. Часто он сидел „в углу, с каской на голове, погруженный в свои мысли, и никто из нас не мог вырвать его из этой апатии“. Все оценки, а их за эти без малого четыре года набралось довольно много, звучат примерно так же. Оценки эти совершенно банальны, но их бесцветность отражает лишь серость самого объекта».

В декабре 1914 г. (2-го) Гитлера награждают Железным крестом II степени, как раз в период позиционных боев во Французской Фландрии. В битве на Сомме (с 26.09.1916 г.) он получает ранение в левое бедро под Ле Баргом (5.10). С 9 октября по 1 декабря находится в лазарете Красного Креста в Белице. В сентябре 1917 г. его награждают Железным крестом с мечами за военные заслуги III степени за участие в позиционных боях в Верхнем Эльзасе.

В мае 1918 г. Гитлер получает полковой диплом за выдающуюся храбрость под Фонтане (9-го) и знак отличия раненых. В августе (4-го) Гитлер удостаивается Железного креста I степени, за участие в активных оборонительных боях на Марне (с 25 по 29 июля 1918 г.) и наградой «За службу» III степени (25-го).

Следует отметить, что, по мнению командиров, будущий фюрер нацистской Германии считался «осмотрительным, очень смелым и отличным солдатом». Об этом свидетельствуют и его множественные награды и ранения, которые полностью подтверждены документами. «Как пеший связной он был образцом хладнокровия и смелости, как в позиционной войне, так и в маневренной и постоянно добровольно проявлял готовность проносить донесения в самых трудных ситуациях с риском для жизни. После того как были оборваны все линии связи в тяжелой боевой обстановке, лишь благодаря неустанной и самоотверженной работе Гитлера все важные донесения доставлялись, несмотря на трудности. Гитлер получил Железный крест II степени за храброе поведение в битве при Вичаете 2.12.1914». «Я считаю Гитлера достойным награждения Железным крестом I степени», — указывалось в представлении о награждении, поданном обер-лейтенантом бароном фон Годином от 31 июля 1918 г.

Видимо, эта сторона биографии будущего фюрера вполне закономерно придала ему некоторую твердость и сознание собственной значимости. По мнению самого Адольфа, война перевернула его сознание.

Иоахим Фест считает, что «на фронте он понял значение

солидарности, получил кое-какие навыки самодисциплины и, наконец, обрел ту веру в судьбу, которая характеризует патетический иррационализм его поколения в целом. Мужество и хладнокровие, проявленные им под шквальным огнем, обеспечили ему довольно высокий авторитет у однополчан. „Если Гитлер рядом, — говорили они, — то ничего не случится“». Кажется, эта уверенность произвела большое впечатление и на него самого, так как явно укрепила в нем ту веру в свое особое предназначение, которую он настойчиво хранил в себе даже в годы неудач.

2

Осенью 1918 г. в ходе оборонительных боев во Фландрии Гитлер попадает под многочасовой беглый обстрел газовыми снарядами. Страшные боли сменились временной потерей зрения. Именно после этого ранения, оказавшись в лазарете, он с ужасом узнает о революции, о свержении династии Гогенцоллернов и о провозглашении республики в Германии. Впоследствии, объясняя свое решение заняться политикой, Адольф будет постоянно ссылаться на это событие.

Неожиданное поражение раз и навсегда перечеркивало все годы его военных страданий, едва не стоивших ему жизни. Не меньше переживал он и утрату статуса солдата-фронтовика.

После выписки из лазарета Гитлер прибыл в Мюнхен в казармы запасного батальона, а в начале февраля 1919 г. записался добровольцем в службу охраны лагеря для военнопленных. Но лагерь вскоре распустили и Адольфу пришлось снова занять койку в казармах своего полка и вступить в Баварскую Красную армию.

После ликвидации власти Советов он работает на следственную комиссию 2-го пехотного полка: собирает сведения для допросов, вычисляет солдат, служивших красному режиму и т. д. Вскоре за успешное выполнение задания Гитлера направляют на политические курсы агитаторов. Они были организованы командованием 4-го отряда баварской армии при поддержке руководства берлинского рейхсвера.

Вот что сообщает В. Мазер: «Гитлер получает информацию в рамках предписанных лекций и семинаров в университете по следующим темам:

1. История Германии с начала реформации (проф. Карл Александр фон Мюллер).

2. Политическая история войны (он же).

3. Теория и практика социализма (Карл фон Ботмер, писатель и

журналист).

4. Наше экономическое положение и условия мира (доктор Михаэль Горлахер, управляющий объединением сельскохозяйственных и агропромышленных обществ Баварии).

5. Связь внутренней и внешней политики (Карл фон Ботмер)».

Все это Гитлер прослушал с 5 по 12 июня 1914 г.

«На втором курсе, который продолжался с 26 июня до 5 июля, — продолжает Мазер, — и который мог тоже посещать и, вероятно, посещал Гитлер, читали лекции: по внешней политике с конца войны — Карл фон Ботмер, доктор Пиус Дирр (баварский депутат и руководитель Мюнхенского государственного архива) — о „России и господстве большевиков“; доктор Хассельбергер (правительственный чиновник) — о „Жестокой экономике с ограничениями в хлебе и зерне“, профессор Эрих Маркс — о „Германии 1870–1900 годов“; Карл Майр — о значении рейхсвера, доктор Мерд (правительственный чиновник) — о „Политике цен в народном хозяйстве“ и профессор Цан (шеф статистического ведомства страны) — о „Баварии и о единстве рейха“».

Буквально через несколько дней Гитлера назначают на должность «доверенного лица» или «агента», выступающего с докладами перед солдатами. А когда формируется группа агитаторов для военного лагеря Лехфельд, его назначают туда.

«Здесь он учился так наполнять изначальный материал своих маниакальных мировоззренческих идей актуальным содержанием, чтобы его основные положения казались неопровержимыми, а текущие политические события обретали вселенский масштаб. И те черты оппортунизма, которые придадут твердолобости национал-социалистической идеологии столь своеобразный характер беспринципности, тоже не в последнюю очередь имели своей основой неуверенность начинающего оратора, которому приходилось опробовать на публике эффективность своей одержимости и искать для своих экзальтированных мыслей гарантирующие отклик формулировки», — считает Иоахим Фест.

В его ораторском опыте скоро наметились «легко доступная манера» изложения и страстный «фанатизм». Но самое главное, он особенно напирал на опасность еврейства, «версальский позор» и пагубность «интернационализма».

В сентябре 1919 г. Гитлеру поручили побывать на собрании «Немецкой рабочей партии» (DAP), установить характер этого объединения и написать отчет. После доклада на тему «Как и какими средствами можно устранить

капитализм?» началась дискуссия. И вот среди всего лишь нескольких десятков присутствующих Гитлер попросил слова и с яростью обрушился на предыдущего оратора.

Когда он покидал собрание, ему предложили «захаживать еще». А через несколько дней Гитлеру пришлют членскую карточку под номером 55, и он пойдет на предстоящее заседание комитета. Так, вступив в ДАП, Гитлер стал седьмым членом комитета, ответственным за агитацию и пропаганду. Ему уже тридцать, и теперь он мечтает о политической карьере, а выход из неудовлетворенности прошлого находит «в ораторском даре, чью триумфальную мощь он открыл в себе фактически только теперь». С присущим ему фанатизмом Гитлер «принимается за превращение боязливой, статичной застольной компании в шумную, публичную боевую партию». Арендовав за пятьдесят марок подвальное помещение пивной «Штернэккерброй», Гитлер организует штаб. «Там поставили стол и пару взятых напрокат стульев, установили телефон и привезли несгораемый шкаф для членских карточек и партийной кассы. Вскоре появилась старая пишущая машинка „Адле“ и печать».

Дальше — больше. Гитлер расширяет состав комитета до двенадцати человек, привлекая в первую очередь тех, кто предан ему лично.

В феврале 1920 г. партия Гитлера готовит свой первый большой митинг в главном зале пивной «Хофбройхаус», где присутствует уже две тысячи человек. Сам новый вождь выступает вторым, нападая, как всегда, на трусость правительства, на Версальский договор и, конечно же, на евреев. Но самое главное — он зачитывает новую программу партии, на выработке которой настоял незадолго до мероприятия.

«Программа, — как пишет один из биографов, — содержала 25 пунктов и соединяла в себе более или менее произвольно собранные и объединенные их эмоциональной притягательностью элементы уже знакомой идеологии „фелькише“ с актуальными потребностями нации в протесте и ее стремлению к отрицанию действительности».

Фактически через неделю партия была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию — NSDAP (НСДАП) и одновременно переняла боевой символ своих единомышленников — свастику. В «Майн кампф» — «Моей борьбе» — Гитлер вскоре напишет: «Я многому научился у марксизма. Я сознаюсь в этом без обиняков. Но не этому скучнейшему учению об обществе и не материалистическому взгляду на историю, этой абсурдной чепухе… Но я научился их методам. Только всерьез взялся за то дело, которое робко начали эти мелкие торгашеские и секретарские душонки. В этом и заключается весь

национал-социализм. Приглядитесь только повнимательнее… Ведь эти новые средства политической борьбы идут, по сути, от марксистов. Мне надо только было взять и развить эти средства, и я имел, по сути, то, что нам нужно. Мне надо было только последовательно продолжать то, что десять раз сорвалось у социал-демократов, в частности, вследствие того обстоятельства, что они хотели осуществить свою революцию в рамках демократии. Национал-социализм — это то, чем марксизм мог бы быть, если бы высвободился из абсурдной, искусственной привязки к демократическому строю».

Теперь в партии 193 человека, из которых более двадцати составили кадровые военные. В этом плане капитан Эрнст Рем будет помогать партии людьми, оружием и деньгами.

В свастике Гитлер, как никто другой, уловил «силу психологического воздействия этого символа и стал последовательно внедрять его, включив свастику в партийный значок, ношение которого он сделал обязательным». Кроме того, «Гитлер ввел римское приветствие, следил за правильностью присвоения рангов и ношением униформы и вообще придавал очень большое значение всем вопросам формального характера — режиссуре выходов, декоративным деталям, все более усложнявшемуся церемониалу освещения знамен, демонстрациям и парадам, вплоть до массовых спектаклей партийных съездов, где он дирижировал колоннами людей на фоне каменных колонн, щедро удовлетворяя тем самым свой талант комедианта и свой талант архитектора.

Немало времени потратил он, перелистывая старые журналы по искусству и роясь в геральдическом отделении Мюнхенской государственной библиотеки в поисках изображения орла, который должен был быть воспроизведен на официальной печати партии. И свой первый циркуляр в качестве председателя НСДАП от 17 октября 1921 г. он посвящает подробнейшему изложению партийной символики и обращает внимание руководства местных партийных групп на то, чтобы самым строжайшим образом пропагандировать ношение партийного значка (партийной кокарды). Неукоснительно требовать от всех членов везде и всегда появляться с партийным значком. С евреями, которым это не понравится, обходиться тут же на месте безо всякой жалости», — пишет И. Фест.

Теперь принцип Гитлера гласил: «каждые восемь дней — массовый митинг. В перечне 48 партийных мероприятий, проведенных с ноября 1919 года по ноябрь 1920 года, на 31 он фигурирует как выступающий». И всякий раз Адольфа Гитлера встречают «бурные аплодисменты», а «его

бойцы срывают собрание левых, заглушают своим ревом выступления участников дискуссий».

Во внутрипартийной борьбе, которая шла вокруг фюрерства, ему также пришлось проявить завидную волю. Так как одно время всеми делами ведал комитет, то Гитлеру в буквальном смысле силой пришлось вытеснить одного из председателей, заняв его место. Затем он даже «подавал в отставку», когда против него пытались бунтовать. Сработало и это, ведь партия уже не могла обойтись без Гитлера!

По словам В. Мазера, «с самого начала своей политической карьеры Гитлер использовал интриги, одержимость карьеризмом, темное прошлое и особенно ярко выраженное тщеславие среди своих подчиненных — в большинстве случаев мелкобуржуазного происхождения». Не менее важно и то, что «Гитлер отверг слияние своей партии не только с мелкими группировками, существующими после 1918 года в большом количестве, но и с крупными группировками и политическими партиями». Он «в зародыше уничтожал все попытки ассимилировать НСДАП или сделать ее равноправным партнером. С самого начала своей политической деятельности Гитлер был не только последовательным противником всех демократических, консервативных, социалистически и коммунистически настроенных политических партий, но и всех правых и праворадикальных конкурентов НСДАП, независимо оттого, признавали ли они в принципе его мировоззрение и взгляды на воплощение его „политического движения“».

На протяжении 1922 г. Рудольфом Гессом была организована одиннадцатая сотня из студентов, пополнившая ряды штурмовиков — СА. Тогда же в СА вступили члены бывшего Добровольческого отряда Россбаха, составив отряд самокатчиков. «Подразделения связи, моторизованный отряд, артиллерийская батарея и отряд кавалерии» лишний раз подчеркивали, что это партия нового типа.

В ноябре 1922 г. НСДАП насчитывала более 55 тысяч человек. Как пишет И. Фест, «приток объяснялся не только приказом по партии, согласно которому каждому члену вменялось в обязанность ежеквартально вербовать трех новых, а также одного подписчика на „Фелькишер Беобахтер“, но и растущей уверенностью Гитлера в своих способностях оратора и организатора».

«С февраля по ноябрь 1923 года в НСДАП вступают 35 000 новых членов, а СА насчитывает почти 15 000 человек. Стоимость имущества партии к этому же времени возрастает до 173 000 марок золотом». Что и говорить, огромную услугу Гитлеру оказал экономический кризис,

потрясший Германию. Как писал У. Черчилль: «В результате общей финансовой и политической дезорганизации Германии, включая выплату репараций с 1919 по 1923 год, ее экономическое положение ухудшилось. Гнев и ярость немцев, вызванные французской оккупацией Рурской области, привели к тому, что в печати появилось множество безрассудных заметок, в которых обсуждалась возможность уничтожения всей основы денежного обращения. В конечном счете инфляция поглотила сорок три миллиона фунтов стерлингов. Социальные и экономические последствия этого были катастрофическими. Средний класс потерял все свои сбережения, что толкало его под знамена национал-социализма». И действительно, общественность Германии теперь концентрировалась на попытке национального самоутверждения. А об этом как раз и говорил изо дня в день Адольф Гитлер!

«Падение марки разрушило основы благополучия германской средней буржуазии, многие представители которой в своем отчаянии стали сторонниками новой партии и находили облегчение своему горю в ненависти, мести и патриотическом угаре. Гитлер с самого начала дал понять, что путь к власти лежит через борьбу против Веймарской республики, рожденной позором поражения», — продолжает У. Черчилль.

И вот мы подходим к кульминации, а именно: к кровавому финалу ноябрьского путча 1923 г. В это время Гитлер сумел собрать вокруг себя группу решительных сторонников. И теперь наступило то самое время, когда нужно было попробовать захватить власть в Баварии.

«Гитлеровский план путча был наивен», — считает Гвидо Кнопп. Далее он, в частности, пишет: «Рейхсвер даже и не думал сотрудничать с путчистами. Напротив, утром 9 ноября крупные подразделения рейхсвера и земельной полиции Баварии были стянуты к зданию бывшего военного министерства». «Короткая эйфория „революционеров“ в трактире „Бюргербройкеллер“ уже утром 9 ноября уступила место протрезвлению. В последней попытке удержать ситуацию под контролем Людендорф приказал путчистам пройти маршем по улицам Мюнхена. Шествие по городу должно было привлечь к себе внимание, вызвать поддержку масс и вызволить из окружения Рема и его сообщников». «Участники марша застали врасплох полицейских оцепления, которые попытались сопротивляться с помощью резиновых дубинок, винтовок и карабинов. Но колонна продолжила движение вперед, несмотря на требование полиции остановиться. Тогда между оцеплением и участниками марша вклинилось новое подразделение полиции. Неожиданно между враждебными сторонами появился Ульрих Граф, бывший фронтовик элитной части

„Мертвая голова“, и громко закричал: „Не стрелять! Здесь идут его превосходительство Людендорф и Гитлер!“ Но рев толпы заглушил его призыв. Над площадью Одеона раздался выстрел. Как подкошенный рухнул на землю человек в мундире, вахтмейстер полиции Финк. На улицах началась ружейная стрельба, похожая на настоящий бой, который продолжался около минуты».

И. Фест считает, что «тупой героизм Людендорфа имел в первую очередь своим следствием разоблачение Гитлера, который в тот день во второй раз показал свою несостоятельность. Свидетельства его приверженцев расходятся лишь в несущественных деталях. Рассказывают, что еще до того, как все было уже решено, он выскочил из скопления бросившихся в укрытие спутников и кинулся наутек. Он оставил на поле боя убитых и раненых, и потом, вспоминая те события, говорил, что в той суматохе он был уверен, что Людендорф убит. Но ведь тогда тем более требовалось его присутствие».

Во время ноябрьского путча было убито и смертельно ранено 16 человек из числа шедших в колонне и трое полицейских. И до сих пор непонятно: почему Гитлер струсил? Ведь, судя по фронтовым наградам, на него это не должно быть похоже. Но факт есть факт! Несколько по-иному звучит версия у Г. Кноппа: «В ходе пальбы был убит друг Гитлера Макс-Эрвин фон Шойбнер-Рихтер. Падая, он увлек за собой Гитлера, и тот вывихнул руку. Охранник Граф был ранен и опустился на колени возле лежащего Гитлера. Этот факт впоследствии послужил рождению легенды о том, что телохранитель якобы бросился на Гитлера, прикрыл его своим телом и принял на себя пули, предназначенные фюреру».

Так или иначе, фюрер после позорного провала путча «прятался в Уффинге у озера Штаффельзее, в 60 километрах от Мюнхена, в загородном доме Хелены Ганфштенгель, где лечил доставлявшую ему сильную боль вывихнутую ключицу. Заикаясь, он говорил, что все кончено и ему следует застрелиться, однако Ганфштенгелям удалось отговорить его от этого. Два дня спустя он был арестован и с „бледным, изможденным лицом, на которое падала непослушная прядь волос“, препровожден в крепость Ландсберг-на-Лехе».

Оказавшись в тюрьме, Гитлер снова говорил, что застрелится, и никак не мог побороть свое отчаяние. На первый взгляд казалось, что достигнутым за четыре года успехам пришел конец. Однако именно в заключении станет понятно, какие уроки нужно извлечь из неудачи ради победы в будущей борьбе. Именно они определят весь его дальнейший путь!

3

В феврале 1924 г. в здании бывшего военного училища на Блютенбургштрассе проходил процесс по делу о государственной измене…

Оправившись после поражения, Гитлер не желал признавать себя виновным. «Я не могу признать себя виновным, — говорил фюрер суду. — Да, я признаю, что совершил этот поступок, но в государственной измене я себя виновным не признаю. Не может быть государственной измены в действии, направленном против измены стране в 1918 году. Между прочим, государственная измена не может состоять в одной только акции 8–9 ноября — по меньшей мере ее нужно осматривать в отношениях и действиях за недели и месяцы до этого. Если уж мы совершили государственную измену, то я удивляюсь, что те, кто имел тогда такое же намерение, не сидят рядом со мной на этой скамье. Я, во всяком случае, должен отклонить это обвинение, пока мое окружение здесь не будет дополнено теми господами, которые вместе с нами хотели этого поступка, оговаривали и подготавливали его до мельчайших деталей. Я не чувствую себя государственным изменником, я чувствую себя немцем, который хотел лучшего для своего народа».

Как пишет Иоахим Фест: «Даже прокурор в своей обвинительной речи не поскупился на бросавшиеся в глаза комплименты в адрес Гитлера, расхвалив его „уникальный ораторский дар“ и посчитав, что было бы „все же несправедливо называть его демагогом“». «И чем дальше длился процесс, тем в большей мере исчезали для Гитлера авантюрность, ирреальность и полная безысходность операции. Уходило на задний план его, собственно говоря, весьма пассивное и растерянное поведение в то утро. Ко всеобщему изумлению, ход событий приобретал все больше и больше вид изобретательного, тщательно спланированного и вполне увенчавшегося успехом мастерского путча». Далее известный немецкий историк резюмирует: «неудавшийся путч 9 ноября — одна из огромных и решающих вех в жизни Гитлера: закончились годы его ученья, а в более точном смысле можно сказать, что только теперь и состоялось вступление Гитлера в политики».

Тем не менее приговор, прозвучавший 1 апреля 1925 г. (за две с половиной недели до тридцатипятилетия) за государственную измену, предусматривал пять лет заключения и выплату 300 золотых марок. Однако, несмотря на это, в тюрьме фюреру было предоставлено право свободного и даже комфортабельного времяпровождения, «что

максимально способствовало его персональным амбициям». Тот же И. Фест утверждает: «В обеденное время он сидел во главе стола под знаменем со свастикой, его камера убиралась другими заключенными, а в играх и легких работах он участия не принимал. Попадавшие в тюрьму единомышленники должны были „незамедлительно докладывать о себе фюреру“, и регулярно в десять часов, как рассказывается в одном из свидетельств, проходила „летучка у шефа“. В течение дня Гитлер занимался поступавшей корреспонденцией».

«За месяцы, проведенные в Ландсбергской крепости, — писал о Гитлере У. Черчилль, — он успел закончить в общих чертах „Майн кампф“, — трактат, излагавший его политическую философию и посвященный памяти павших в недавнем путче. Ко времени, когда Гитлер в конце концов пришел к власти, ни одна книга не заслуживала более тщательного изучения со стороны политических и военных руководителей союзных держав. В ней было все: и программа возрождения Германии, и техника партийной пропаганды, и план борьбы против марксизма, и концепция национал-социалистического государства, и утверждения о законном праве Германии на роль мирового лидера. Это был манифест веры и войны: напыщенный, многословный, бесформенный, но исполненный важных откровений».

И действительно, в первых числах июня Гитлер начинает работу над этой книгой, первая часть которой была написана за три с половиной месяца. «Задуманная поначалу как отчет об итогах „четырех с половиной лет борьбы“, эта книга превратилась затем в своего рода смесь из биографии, идейного трактата и учения о тактике действий и имела одновременно своей целью изготовление легенды о фюрере. В его мифологизирующем изображении жалкие, затхлые годы до вступления в политику приобретали благодаря смело вплетенным узорам нужды, лишений и одиночества характер некой фазы аккумуляции и внутренней подготовки, как бы тридцатилетнего пребывания в пустыне, предусмотренного Провидением. Будущий издатель книги Макс Аман, явно ожидавший получить автобиографию с сенсационными подробностями, был поначалу чрезвычайно разочарован рутинностью и многословием этой скучной рукописи», — сообщает И. Фест.

Согласно официальной версии, фюрер надиктовывал свою книгу Рудольфу Гессу в тюрьме. Однако, по признанию самого автора, самым первым книгу начал записывать телохранитель Морис, потом он сам, а уже позже подключился Гесс.

На Нюрнбергском процессе Гесс показал, что в 1923 г. он практически

ежедневно приводил в камеру Гитлера профессора Мюнхенского университета Карла Хаусхофера, который надиктовывал текст книги. А ее редактуру и правку осуществлял священник Бернард Штемпле.

Генерал-майор Карл Хаусхофер (27.8.1869–15.03.1946), выдающийся германский геополитик, один из основоположников-классиков этой науки, автор 40 томов и свыше 400 эссе по различным вопросам истории, географии, культуры, политики, экономики и геополитики. В прошлом профессиональный военный разведчик. С 1897 г. — на военно-дипломатической и разведывательной работе в Юго-Восточной Азии, Индии, Тибете, Монголии, Синьцзяне (Китай), Маньчжурии, Японии. С 1908 по 1910 г. — военный атташе в Японии. В 1911 г. вернулся в Германию, где работал сначала научным сотрудником, стал доктором, а с 1921 г. профессором Мюнхенского университета. Основатель и руководитель знаменитого Института геополитики в этом университете. В 1924 г. основал и возглавил журнал «Геополитика». До Первой мировой войны был личным советником кайзера Вильгельма II по дальневосточным проблемам. В Первую мировую командовал дивизией. Сторонник союза Германии и Японии при участии России. С 1916 по 1918 г. принимал активное участие в тайных сепаратных переговорах между Германией и воевавшей на стороне Антанты Японией, с целью заключения с ней сепаратного мира. Прекрасно разбирался в вопросах астрологии, оккультных наук, конспирологии, истории и современности различных тайных обществ. В 1946 г. покончил жизнь самоубийством накануне допроса в Нюрнбергском трибунале.

Поэтому, нет ничего удивительного, что именно Хаусхофер смог бы помочь написать «Майн кампф». Но очевидно, что идеи Хаусхофера не были реализованы полностью. «Так, к примеру, Гитлером была целиком и полностью отвергнута идея Хаусхофера о „евразийском континентальном блоке“ по оси Берлин — Москва — Токио. Этот „евразийский блок“, по мысли Хаусхофера, должен был стать главным звеном всей немецкой международной практики и военной стратегии. Но вместо геополитического союза с Москвой, продиктованного научными геополитическими соображениями, обоснованными и развитыми Карлом Хаусхофером, гитлеровцы предпочли преступное (и самоубийственное для них самих) нападение на СССР…»

Сам Карл Хаусхофер утверждал, что в области философии и геополитики Гесс был более образованным, чем Гитлер. Следовательно, все эти идеи, а особенно связанные с «жизненным пространством», фюрер подчеркнул у Гесса. Последний не просто помогал Гитлеру написать

«Майн кампф», а продиктовал для этой книги много глав.

Примечательно, что когда Хаусхофер замечал у обоих отсутствие тех или иных представлений в области географии, то он приходил к Гессу и объяснял ему основы книги Рассела по геополитике. Гесс, в свою очередь, впитывал информацию, как губка, и разжевывал ее Гитлеру. После Второй мировой войны Хаусхофер рассказывал о том как Гитлер испытывал к нему определенную долю недоверия, «недоверия недоучки к образованному человеку с научной базой».

Подтверждает это и Фест. В частности, он пишет: «Мысль о жизненном пространстве, придавшая ей решающий поворот, попала в мир идей Гитлера через Рудольфа Гесса. Благодаря своему навязчивому восхищению „этим мужем“, как любил он называть Гитлера с прерывающимся от восторга дыханием истинного верующего, Гесс сумел в годы заключения в крепости Ландсберг со временем оттеснить всех соперников, в частности Эмиля Мориса, который выполнял обязанности секретаря Гитлера. Тот же Гесс — очевидно, еще в 1922 году, — помог Гитлеру установить личный контакт со своим учителем Карлом Хаусхофером, который развил плодотворную отрасль политической географии — основанную англичанином сэром Хэлфордом Макиндером геополитику, — в философию империалистической экспансии».

Если же говорить о взглядах Гитлера на еврейский вопрос, то людьми, которые их сформировали, считаются писатель и поэт Дитрих Эккарт и немец из Прибалтики — Альфред Розенберг. Известно, что именно последний, прочитав в России «Протоколы сионских мудрецов», стал убежденным противником «международного заговора евреев». Затем, уже в Мюнхене, с помощью все того же Д. Эккарта и других издателей-антисемитов, его привлекли к работе в качестве исследователя и писателя. Гитлеру особенно понравилась «вера Розенберга в то, что историю человечества можно объяснить с расовой точки зрения: это как раз полностью совпадало с его мировоззрением. Только в отличие от него Розенберг мог предоставить исторические доказательства этого».

По мнению Ханфштенгля, Гитлер в буквальном смысле был околдован Розенбергом. Поэтому не случайно последний работал сначала помощником редактора, а потом и редактором «Фелькишер Беобахтер», став наиболее близким единомышленником Гитлера в формулировании мировоззрения нацистов.

Гитлер, как никто другой, «разделял уверенность Розенберга в том, что орудиями в осуществлении еврейского мирового заговора, направленного против всех государств, с последующим достижением мирового

господства, является римско-католическая церковь и международное масонство».

В сущности, «еврей» стал универсальным врагом Гитлера. И если бы его не было, то его «следовало бы выдумать». «Нужен зримый враг, а не кто-то абстрактный», — говорил он.

В «Майн кампф» Гитлер во главу угла поставил расу. «Для решения расового вопроса требовалось, с одной стороны, отделять от тела народа умственно, генетически и физически неподходящих, с другой стороны, сохранять и множить наиболее ценные (германские) черты. Наряду со стародавней традицией вводились концепции генетики, или „расовой гигиены“; в „Майн кампф“ они были доведены до крайности…»

Информация к размышлению: «Майн кампф». 18 июля 1925 г. выходит ее первая книга под названием «Расплата». Она была продана в этом году в количестве почти 10 000 экземпляров, а в 1926-м — еще около 7000. 10 декабря 1926 г. выходит вторая книга под названием «Национал-социалистическое движение». В 1927 г. обе книги продаются в количестве более 5600 экземпляров, а в 1928 г. — только более 3000. По некоторым данным, на полученные доходы Гитлер купил усадьбу в Оберзальцберге (в 1929 г. за 30 000 марок). Уже после прихода Гитлера к власти «Майн кампф», как «партийная Библия», стала обязательной книгой для всех немцев.

Известно, что ее вручали молодоженам, ее получали в подарок родители новорожденного ребенка, ее изучали в школах, учебных заведениях, в армии и на флоте.

Книга Гитлера была переведена на 16 языков мира с общим тиражом в 10 млн экземпляров. При этом цитировать «Майн кампф» без разрешения министерства пропаганды было запрещено.

Впоследствии Гитлер передал права на издание книги руководству Баварии до 31 декабря 2015 г., а после войны правительство Баварии заключило соглашение с федеральным правительством о невозможности издания «Майн кампф» на территории Германии и других стран. Однако книга издается и по сей день. Более того, большинство немецких библиотек имеет ее в своих фондах в свободном обращении.

Если же говорить о языке и стиле этой книги, то, как пишет неизвестный автор, «книга все время прибегает к набору утверждений и никогда — или лишь изредка — к аргументации. Это нагромождение — зачастую черновой набросок самоочевидностей (по крайней мере, выдаваемых за таковые) и неустанно повторяемых достоверностей.

Как идея, она подпирается всем, что, как кажется, к ней подходит —

без всякого анализа, без обсуждения возможных возражений, без единой ссылки. Нет ни знания, подлежащего установлению, ни мысли, подлежащей завоеванию. Есть лишь провозглашение уже приобретенной, всецело наличествующей истины». К слову, в этом труде Гитлера насчитывается более 164 000 синтаксических ошибок.

4

В декабре 1924 г. Гитлера досрочно освободили из заключения. Поводом для такой милости послужил его «образцовый стиль поведения и такт», а точнее, — обыкновенная характеристика, выданная 15 сентября директором тюрьмы. В ней говорилось: «Гитлер проявляет себя как человек порядка и дисциплины не только в отношении самого себя, но и в отношении других заключенных. Он послушен, скромен и услужлив. Не предъявляет никаких претензий, отличается спокойствием и пониманием, серьезностью и полным отсутствием агрессивности, со всем тщанием старается переносить наложенные приговором ограничения. Это человек без личного тщеславия, питанием в тюрьме доволен, не курит и не пьет и при всем товарищеском отношении к другим заключенным умеет обеспечить себе определенный авторитет…»

Не потому ли перед освобождением окрепший в борьбе фюрер с иронией назовет время, проведенное в крепости, «высшей школой за государственный счет»? И, судя по всему, он имел полное право так говорить: ведь «Майн кампф» создавалась именно там! Там, в крепости, до поздней ночи можно было слышать стук пишущей машинки и его полнозвучный, но несколько сдавленный (будто из-за заложенного носа) голос. «Голос — пронзительный, гортанный, угрожающий, беснующийся», — таким запомнил его Герман Раушнинг. Целыми днями и вечерами Гитлер диктует текст Рудольфу Гессу.

— Отношение Германии к России я считаю необходимым подвергнуть особому разбору. — говорил он. — И это по двум причинам. Первое. Эта проблема имеет решающее значение для всей вообще иностранной политики Германии в целом.

Второе. Эта проблема является оселком, на котором прежде всего проверяются политические способности нашего молодого национал-социалистического движения; на этом оселке мы проверяем, насколько в самом деле мы способны ясно мыслить и правильно действовать…

Уже тогда, в 1924 г. вопрос об отношении Германии к России, по

мнению фюрера, составлял самую важную проблему всей иностранной политики Германии.

— Наше государство, — продолжает Гитлер, — должно прежде всего стремиться установить здоровую, естественную, жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий, с другой. Только так наша иностранная политика может должным образом обеспечить судьбы нашей расы, объединенной в нашем государстве. Здоровой пропорцией мы можем считать лишь такое соотношение между указанными двумя величинами, которое целиком и полностью обеспечивает пропитание народа продуктами нашей собственной земли. Всякое другое положение вещей, если оно длится даже столетиями или тысячелетиями, является ненормальным и нездоровым. Раньше или позже такое положение принесет величайший вред народу и может даже привести к его полному уничтожению. Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория. Чтобы установить, как велика должна быть необходимая территория, недостаточно руководствоваться только потребностями текущего момента. Тут нельзя просто взять валовую систему урожая и разделить ее на количество населения. (…) Величина территории имеет значение для государства не только с точки зрения чисто продовольственной, но и еще и с точки зрения военной и общеполитической. (…)

Что касается нашего немецкого народа, то надо сказать, что Германия может обеспечит свое будущее только в качестве мировой державы. (…) Германия ныне не является мировой державой. (…) Если взять только размер территорий, то германское государство имеет до смешного малое значение по сравнению с так называемыми «мировыми державами». (…) Если национал-социалистическое движение действительно хочет взять на себя великую историческую миссию, мы прежде всего обязаны понять всю тяжесть нашего современного положения, как бы горько оно ни было, а затем смело и планомерно повести борьбу против той бездарной и бесплодной иностранной политики, которую до сих пор наши государственные деятели навязывали Германии. Мы должны освободиться от всяких традиций и предрассудков, должны найти в себе мужество объединить весь наш народ и двинуться по той дороге, которая освободит нас от нынешней тесноты, даст нам новые земли и тем самым избавит наш народ от опасности либо вовсе погибнуть, либо попасть в рабство к другим народам.

Национал-социалистическое движение во что бы то ни стало обязано

устранить существующую диспропорцию между количеством нашего народонаселения и объемом наших территорий, имея при этом в виду территорию не только как непосредственно продовольственную базу, но и как фактор защиты границ. Только тогда устраним мы безысходность нашего нынешнего положения и займем то место, на которое мы вправе рассчитывать в силу той роли, какую играли в истории. (…)

Фюрер не на шутку разошелся.

— Требование восстановления тех границ, которые существовали до 1914 г., является политической бессмыслицей, и притом такой, которая по своим размерам и последствиям равносильна преступлению. Прежде всего, наши государственные границы 1914 г. были совершенно нелогичны. Они отнюдь не были совершенны с точки зрения национального состава и они отнюдь не были целесообразны с точки зрения военно-географической. Эти границы не были продуктом определенной, заранее обдуманной политики, они в известной мере были результатом случая. Это были временные границы, а вовсе не результат законченной политической борьбы. (…)

Нет и не может быть никаких сомнений в том, что добиться восстановления границ 1914 г. можно было бы только ценою крови. Только совершенно наивные люди могут поверить в то, будто исправления версальских границ можно достигнуть путем интриг и клянченья. (…) Но если уж приходится прийти к убеждению, что интересы нашего будущего требуют величайших жертв, то независимо от соображений политической мудрости ради одних этих жертв надо поставить себе действительно достойную цель. (…)

Каждое слово, каждое предложение в его интерпретации теперь становились той почвой, на которой он созидал свой закон безжалостной борьбы против всего мира, свой закон борьбы против слабых, независимо ни от каких обстоятельств. Переступая через все, что хоть как-то было связано с человеческой моралью. И вот он входит в кураж.

— Мы, национал-социалисты, должны пойти еще дальше: право на приобретение новых земель становится не только правом, но и долгом, если без разрешения своих территорий великий народ обречен на гибель. В особенности же, если дело идет не о каком-либо негритянском народце, а о великом германском народе, — о том народе, которому мир обязан своей культурой. Дело обстоит так, что Германия либо будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе. Для того же, чтобы стать мировой державой, Германия непременно должна приобрести те размеры, которые одни только могут обеспечить ей должную роль при современных условиях и гарантировать всем жителям Германии жизнь. (…)

Теперь он не просто мечтал, а делал свой первый шаг, правда, пока теоретический, выведенный не без помощи соратников, к войне на уничтожение. Отсюда настойчивый бред о жизненном пространстве между строк звучал не иначе как стратегия покорения мира.

— Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование, и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев.

В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи являются отнюдь не элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории.

Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоюет наш немецкий меч.

Само собою разумеется, что еврейство оказывает и будет оказывать такой политике самое решительное сопротивление. Евреи лучше, чем кто

бы то ни было, отдают себе отчет в том, какое значение для них имела бы такая наша политика. Казалось бы, уже одного этого факта достаточно, что все действительно национально настроенные немцы поняли всю правильность предлагаемой нами новой ориентации. К сожалению, наделе мы видим обратное. Не только в кругах дейчнационале, но и в кругах фелькише идея такой восточной политики встречает самое упорное сопротивление. При этом обычно любят ссылаться на Бисмарка. Дух Бисмарка тревожат для того, чтобы защитить политику, которая совершенно нелепа и крайне вредна для судеб немецкого народа. Бисмарк, говорят нам, в свое время придавал очень большое значение сохранению хороших отношений с Россией.

Это до известной степени верно. При этом, однако, забывают, что столь же большое значение Бисмарк придавал хорошим отношениям, например, и с Италией; что этот самый Бисмарк в свое время даже вступил в союз с Италией, дабы покрепче прижать Австрию. Из этого, однако, ведь не делают того вывода, что и мы должны продолжать теперь такую политику. (…)

Гитлер с готовностью дилетанта перемешивал собственные идеи с теориями, которые ему разжевывал Гесс. В результате его блуждающая мысль недоучки упиралась именно в Восточную Европу и Европейскую Россию. Она становится центральной, отражая некое зло мирового господства, защищенное огромными пространствами от нападения любого врага. Следовательно, победив это зло, можно было править всем остальным миром!

— Не будем говорить о подлинных намерениях новых владык России. Нам достаточно того факта, что Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. (…)

— Обыкновенно на это возражают, — продолжил он после паузы, — что союз с Россией вовсе не должен еще означать немедленной войны или что к такой войне мы можем предварительно как следует подготовиться. Нет, это не так!

Союз, который не ставит себе целью войну, бессмыслен и бесполезен. Союзы создаются только в целях борьбы. Если даже в момент заключения союза война является еще вопросом отдаленного будущего, все равно, стороны непременно будут иметь в виду прежде всего перспективу военных осложнений. (…)

УЖЕ ОДИН ФАКТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОЮЗА МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ

И РОССИЕЙ ОЗНАЧАЛ БЫ НЕИЗБЕЖНОСТЬ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ, ИСХОД КОТОРОЙ ЗАРАНЕЕ ПРЕДРЕШЕН. ТАКАЯ ВОЙНА МОГЛА БЫ ОЗНАЧАТЬ ТОЛЬКО КОНЕЦ ГЕРМАНИИ. (…)

Гитлер считал, что обладает даром сводить любую теорию к ее реальной сути. Будучи свободным от предрассудков и обладая крестьянской хитростью, он и на этот раз был непреклонен:

— Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа.

5

Непосредственно касаясь расовой проблемы в «Майн кампф», Гитлер утверждал, что «природа противится спариванию более слабых существ с более сильными. Но в еще большей степени противно ей смешение высокой расы с нижестоящей расой. Такое смешение ставит под вопрос всю тысячелетнюю работу природы над делом усовершенствования человека». И далее он делал следующий вывод: «Таким образом, можно сказать, что результатом каждого скрещивания рас является:

а) снижение уровня более высокой расы;

б) физический и умственный регресс, а тем самым и начало хотя и медленного, но систематического вырождения.

Содействовать этакому развитию означает грешить против воли всевышнего вечного нашего творца.

Но по заслугам грех этот наказывается. Идя против железной логики природы, человек вступает в конфликт с теми принципами, которым он сам обязан своим существованием. Так, его борьба против природы неизбежно приводит к его собственной гибели».

Прочитаешь это утверждение и некоторые предыдущие — и возникает вполне закономерный вопрос: откуда у ефрейтора и недоучившегося школьника такие «необъятные познания»? Но все, оказывается, очень просто. По мнению специалистов, «предтечами нацистского движения в Германии» стали Мальтус, Дарвин, Ницше, Гобино и Чемберлен. Вот что пишут эти специалисты: «Когда вчитываешься в сочинения этих людей, неожиданно натыкаешься на мысли, позволяющие приблизиться к разгадке как личности Гитлера, так и источника происхождения постыдной философии нацизма. Их учения, дополняя друг друга, словно элементы мозаики, породили одну идеологию ненависти. Именно она стала

своеобразным катализатором, ускорившим созревание в их воспаленном мозгу дьявольской теории ненависти».

Итак, Томас Роберт Мальтус (1766–1834), британский экономист, демограф и социальный философ, снискавший известность благодаря «закону народонаселения».

«Главная идея мальтусовской теории о народонаселении заключается в том, что население нашей планеты растет настолько быстро, что невозможно его обеспечить должным образом продуктами питания. А отсюда и неизбежная нищета.

Если принять теорию Мальтуса как объективную данность, то конфликты, эпидемии и голод, препятствующие росту населения, в конечном итоге — благо. Стало быть, такие явления как войны, различного рода мор и голод, сопровождающиеся колоссальными опустошениями, действуют как механизмы выживания, предотвращая перенаселение. Следовательно, утверждает он, проявляя поразительную гибкость мышления, мы не должны вмешиваться в подобный нормальный, естественный и благородный ход событий.

Как факт, теория Мальтуса стала первым краеугольным камнем в основании нацистской политической философии».

Чарльз Дарвин (1809–1882)

«В своих исследованиях Дарвин первоначально обращался к животному миру. Его основополагающая теория состояла в том, что различные виды животных, которые он изучил, сформировались в ходе естественного отбора. Согласно Дарвину, животные приспосабливаются к существующим условиям окружающей среды и в ходе естественного отбора выживают только самые сильные и лучше всего приспособленные для жизни». И все бы ничего, если бы некоторые последователи Дарвина не перемешали его теорию естественного отбора с положениями мальтусовской теории о народонаселении.

Как факт, «именно социальный дарвинизм явился главной теоретической предпосылкой возникновения идеологии германского нацизма. Вскоре после появления исследований Дарвина стали возникать новые опасные идеи. Среди них — понятие о „социальной гигиене“. „Социальная гигиена“ заняла прочное место в идеологии и практике нацизма».

Фридрих Вильгельм Ницше (1844–1900)

«Основу философии Ницше можно свести к нескольким основополагающим идеям…

1. Нравственные ценности и добродетели (такие, как доброта и

милосердие) — полная бессмыслица.

2. Мир в действительности не имеет цели; он абсурден и его нельзя понять.

3. Женщина — это низшее существо.

4. Единственный тип человека, которым следует восхищаться, — это „сверхчеловек“. Он характеризуется склонностью к войне, он крепок физически и силен духом.

Ницше благоволил к утонченной аристократии, принимающей поклонение людей слабых и рабов как должное.

5. Некоторые народы обладают превосходством над другими народами».

Как факт, «Ницше не только внес свой вклад в формирование человеконенавистнической политики нацизма, он практически стал ее символом».

Жозеф-Артюр, граф де Гобино (1816–1892)

Этот французский дипломат и писатель в своей четырехтомной работе, озаглавленной «Эссе о неравенстве человеческих рас», опровергал идею о равенстве различных человеческих рас и страстно доказывал и пропагандировал превосходство «арийской расы».

Как факт, «эта работа разожгла расовый фанатизм нацистов. Гобино превозносил идею об „исключительном человеке“ или „сверхчеловеке“, что заставило некоторых историков назвать Гобино первым значительным идеологом расизма».

Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927)

Философ и муж дочери композитора Рихарда Вагнера (которого обожал Гитлер). В своей работе «Основания девятнадцатого века» защищал учение о расовом превосходстве Гобино.

«Чемберлен имел поразительно неверное представление об истории Европы, которую он интерпретировал как историю битв между расами. Он полагал, что в этих сражениях только одна раса достойна выживания».

Как факт, «наиболее опасным» Чемберлену представлялось смешение арийской расы с другими расами. Не благодаря ли всем этим господам Гитлер заявлял: «Ариец является Прометеем человечества. Его ясная голова была одарена божьей искрой гения, ему дано было возжечь первые огоньки человеческого разума, ему первому удалось бросить яркий луч света в темную ночь загадок природы и показать человеку дорогу к культуре, научив его таинству господства над всеми остальными живыми существами на этой земле. Попробуйте устранить роль арийской расы на будущие времена и, быть может, уже всего через несколько тысячелетий

земля опять будет погружена во мрак, человеческая культура погибнет и мир опустеет».

Арийцу же он противопоставлял иудеям. «Ни у одного другого народа в мире инстинкт самосохранения не развит в такой степени, как у так называемого „избранного народа“. Доказательством этому служит один факт существования этой расы на земле. Где вы найдете еще один такой народ, который в течение последних двух тысяч лет претерпел бы так мало изменений в смысле характера, внутреннего мира и т. д.? Какой еще другой народ, принимая участие в столь громадных переворотах, тем не менее вышел из всех катастроф человечества таким же, каким был и раньше? Что за бесконечно цепкая воля к жизни, к сохранению своего рода и вида!» — писал он в «Майн кампф». Вот так вот, потихоньку, издалека Гитлер снова подбирался к России, чтобы сказать: «Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фанатичной дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, — и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов. Однако конец свободе порабощенных евреями народов становится вместе с тем концом и для самих этих паразитов. После смерти жертвы раньше или позже издыхает и сам вампир».

Тема евреев, осуществивших большевистский заговор в России, имеет и своих предтеч.

Уроженец Ревеля (Прибалтики), подданный России Альфред Розенберг после революции продолжал изучать архитектуру в Москве. Но в свои 25 лет он вдруг почувствовал ненасытное влечение к политике и очень скоро стал ярым антибольшевиком. В 1918 г. Альфред вместе с уходящими немецкими войсками уезжает в Германию, где вскоре вступил в нацистскую партию и вошел в ближайшее окружение самого Гитлера. Как утверждает Норманн Кон, «Гитлер всерьез никогда его не воспринимал, и к моменту прихода партии к власти Розенберг уже начал терять в ней влияние, тем не менее он сумел придать нацистской идеологии специфические черты.

Если с момента основания в 1919 году нацистская партия уже отличалась безудержным антисемитизмом, то ненависть к русскому коммунизму захлестнула ее лишь в 1921–1922 годах, прежде всего, очевидно, благодаря Розенбергу. Он стал поистине связующим звеном между русскими антисемитами-черносотенцами и германскими антисемитами-расистами; точнее воспринял отношение Винберга к

большевизму как еврейскому заговору и изложил его в расистских терминах идей фелькиш». Несмотря на то что Розенберг провозгласил себя экспертом по большевизму, все его знания сводились к утверждениям о засилье евреев или недочеловеков иного происхождения в советском правительстве. Существует мнение, что он «не прочел ни строчки из Маркса и Энгельса не изучил историю или теорию социализма, ничего не знал об истории русского революционного движения».

С 1919 по 1923 г. Розенберг умудрился написать целых пять памфлетов о всемирном еврейском заговоре.

Норманн Кон пишет о творчестве Розенберга следующее: «Создал краткий перевод работ своего „знаменитого“ предшественника XIX века — Гуньо де Муссо, и солидный том комментариев к „Протоколам“. В то время как его толстенный „Миф двадцатого столетия“ вряд ли кем-либо был прочитан (и, во всяком случае, не вождями нацизма), эти ранние памфлеты имели большой успех. Типичной является брошюра „Чума в России“, опубликованная в 1922 году. Из нее мы узнаем, что царская Россия вызвала враждебность евреев не погромами, как можно было бы предположить, и не угнетением, а нежеланием финансировать капитализм. Чтобы преодолеть это препятствие и в то же время наказать несговорчивых русских, евреи употребили свое диалектическое искусство, веками оттачивавшееся в талмудических толкованиях, для обмана русского народа, который легко откликнулся на призыв к уничтожению русской промышленности, то есть на ее экспроприацию для обогащения себя, своих друзей и родственников за границей. Оставалось только организовать Красную Армию, ядром которой стали латыши и бывшие китайские торговцы шелком, и наконец русский народ принудили подчиниться капитализму». В общем, «миф о всемирном еврейском заговоре был также способом заставить немецкий народ принять внешнюю политику правительства… Эта политика была нацелена на войну, но такую цель ни одно современное европейской правительство — даже Гитлер — не могло ставить открыто. Поэтому с 1923 года внешняя политика Германии изображалась прежде всего как защита против вражеской блокады, организованной евреями. Особенно Советский Союз изображался таким, каким его всегда представлял себе Гитлер, страной недочеловеков, управляемых евреями».

В 1935 г. Геббельс более тонко сформулировал сущность политики фашизма: «Большевизм — это сатанинский заговор, который мог созреть лишь в мозгу кочевника, а нацистская Германия — это скала, о которую бессильно разобьется азиатско-еврейский поток».

6

Всего два года понадобилось Гитлеру, чтобы почувствовать себя мастером ораторского искусства. Существует мнение о том, что фюрер «первым применил методы американской рекламы и, связав их со своей собственной агитаторской фантазией, превратил их в наиболее изобретательную к тому времени концепцию политической борьбы». Есть очень интересное свидетельство, которое оставил Курт Людеке: «Я не знаю, как мне описать те чувства, которые охватили меня, когда я слушал этого человека. Его слова были как удары кнута. Когда он говорил о позоре Германии, я чувствовал себя в состоянии наброситься на любого противника. Его призыв к немецкой мужской чести был как зов к оружию; учение, которое он проповедовал, было откровением. Он казался мне вторым Лютером. Я забыл все на свете и видел только этого человека».

Другой свидетель писал следующее: «Его собственное воздействие приобретает во всевозрастающей степени черты мессианства. Кажется, массы быстрее, чем он сам, понимают, что он и есть тот волшебник, которого они ждут…»

И. Фест красочно дополняет эти свидетельства: «Однажды он, если верить источнику, в порыве саморазоблачения назвал массу своей „единственной невестой“. Неотразимость его подсознательных самоизвержений была не в последнюю очередь обусловлена именно тем, что все это было обращено к массе, измученной долгой нуждой, вынужденной ограничиваться элементарными потребностями и реагирующей поэтому „подсознательно“, то есть настроенной на ту же волну, что и Гитлер. Магнитофонные записи того времени ясно передают своеобразную атмосферу непристойного массового совокупления, царившую на тех мероприятиях — затаенное дыхание в начале речи, резкие короткие вскрики, нарастающее напряжение и первые освобождающие вздохи удовлетворения, наконец, опьянение, новый подъем, а затем экстатический восторг как следствие наконец-то наступившего речевого оргазма, не сдерживаемого уже ничем». И вот еще: «Все же было бы ошибкой видеть в этом рассчитанном разгуле, этом сексуальном суррогате весь секрет ораторских успехов Гитлера. Скорее и здесь дело было опять-таки в странной, но для него столь характерной смеси беспамятства и расчета. Стоя в свете прожекторов, бледный, жестикулирующий, громко и хрипло бросающий в зал брань, слова обвинения и ненависти, Гитлер все же постоянно очень хорошо

контролировал свои эмоции, и вся его исступленность не мешала ему точно отмеривать долю инстинктивного в своих речах. Снова мы имеем здесь дело с двойственностью, пронизывавшей все его поведение и составлявшей одну из основ его натуры. Это накладывало свой отпечаток и на его ораторскую тактику не меньше, чем на тактику „легальности“, а впоследствии на методы завоевания власти или внешнеполитические маневры».

Что и говорить, если уже в сентябре 1930 г. Гитлер из ефрейтора и недоучки превратился в одну из ключевых фигур на политической арене Германии.

В выборах в рейхстаг за его партию было отдано 6,4 миллиона голосов, а целых 107 мандатов поставило НСДАП на второе место. Очень скоро годовой бюджет партии составил в среднем 80 миллионов марок!

В марте 1932 г. — Гитлер кандидат в первом туре выборов рейхспрезидента Германии (30 % голосов). В апреле 1932 г. во втором туре Гитлер получает 37 % голосов. На 6 миллионов меньше, чем Гинденбург (19,4 миллиона). В июле 1932 г. НСДАП становится самой большой фракцией немецкого рейхстага (230 из 608 мандатов).

В январе 1933 г. Гитлер назначен рейхсканцлером. В конце июня 1934 г. он подавляет путч Рема и уничтожает политических противников с помощью тайной полиции. В августе 1934 г., после смерти Гинденбурга, должности рейхспрезидента и рейхсканцлера объединены. Теперь Гитлер — и фюрер, и рейхсканцлер. В этом же месяце на референдуме «О главе Германского рейха» 90 % из 99 % избирателей проголосовали за Гитлера. Другие источники говорят о 84 % (в отдельных районах Берлина, а также в Ахене и Везермюнде он не дошел даже до 70 %, в Гамбурге, Билефельде, Любеке, Лейпциге и Бреслау почти треть населения проголосовала «против»).

Парадокс прихода Гитлера к власти заключался в том, что он знал «свой народ и „массы“, которые он ненавидел. И более того: он презирал их и говорил об этом открыто и без сомнения — и все-таки срывал их аплодисменты».

«То, что ему одному все же никогда не хватало аплодисментов, было заметно, так как он с давних пор хотел не только господствовать над народом, но и воплотить всеобщее духовное преобразование, „новое сотворение“ на расово-идеологических принципах», — пишет В. Мазер.

Из тайного досье НКВД, составленного на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве в 1948–1949 гг., сегодня известно: «Захватив власть

в Германии, Гитлер стал одним из богатейших людей. Его доходы исчислялись миллионами, и в президентском жаловании он, конечно, не нуждался.

Книга Гитлера „Майн кампф“, которая распространялась в обязательном порядке, приносила ему огромную прибыль.

Гитлер являлся совладельцем партийного издательства „Эгер“, которое, пожирая одно издательство за другим, превратилось в крупнейший издательский концерн Германии и, как монопольное предприятие, давало колоссальные дивиденды. Львиную долю дивидендов получал Гитлер.

Гитлер бесконтрольно распоряжался партийной кассой национал-социалистической партии.

Гитлеровская национал-социалистическая партия являлась, по существу, грандиозным капиталистическим предприятием. Кроме членских взносов и крупных пожертвований от немецких промышленников и банкиров, в партийную кассу шли доходы от эксплуатации различных предприятий, вплоть до поместий в Мекленбурге и Баварии.

Для выжимания прибылей был даже создан концерн гостиниц, разбросанных по всей Германии, под названием „партай-отель-концерн Фэрбер“. Директором концерна стал старый нацист Фэрбер, друг Мартина Бормана. Не довольствуясь своими огромными доходами, Гитлер, вопреки существовавшим до его прихода к власти правилам, приказал изъять из-под контроля высшей расчетной палаты „государственный фонд“ и „представительский фонд“ в целях беспрепятственного расходования денег на личные нужды, заявляя при этом:

— Я не позволю, чтобы эти старые склеротики предписывали мне, сколько я имею право тратить!..

Гитлер скупил в Берхтесгадене на Оберзальцберге огромные участки земли и построил себе там роскошный замок, известный под названием „Бергхоф“.

Для постройки замка на Оберзальцберге были сравнены с землей жилые дома, пансионы, санаторий для парализованных детей, которых привозили туда со всех концов Германии для климатического лечения».

Представление о том, что за человек пришел к власти в Германии в первой половине тридцатых годов, отчетливым образом дает психографологическая экспертиза, сделанная по рукописному тексту его завещания от 2 мая 1938 г. В ней говорится: «Противоречие внутри характера состоит в том, что первоначальная предрасположенность к идеализму, с одной стороны, через диалектическое мышление вытесняется, с другой стороны, иллюзорными представлениями. Также первоначально

заложенная тенденция к общению, к добросердечным человеческим контактам все время сдерживается упрямством и догматизмом. Его сила состоит в целеустремленном диспонировании, причем он отличается углубленным подходом к делу, дисциплиной и упорством. То, что он усваивает путем основательной проработки, он может потом не только наглядно изобразить, но и воплотить. За углубленным подходом к делу стоит скрытое стремление к власти, которое основательно поддерживается талантом руководителя.

То, что он с такими амбициями относится ко всем сферам жизни и предъявляет высокие требования к себе и окружающим, лежит на поверхности. Но также уловимо и то, что он в своем стремлении может перегибать палку и не справляется со своими намерениями.

Судя по всему, речь идет о личности особого размаха, у которой очевидная беспощадность, иногда резко проявляющаяся, возникает из холодного логического мышления и его отношения к делу!»

Взяв власть в свои руки, Гитлер с энтузиазмом поспешил устранять Версаль, что было бы невозможным без наращивания военного потенциала. Но надо было знать этого политика, который на карту поставил абсолютно все, и «серией внешнеполитических ходов ему удалось в течение немногих месяцев устранить все ограничения Версальского договора и выйти на исходные позиции для задуманной экспансии».

Глава 3
От Версаля и рейхсвера до блицкрига вермахта

Мы придерживаемся того взгляда, что против большевистских влияний надо бороться с куда большей суровостью, чем это происходит теперь.

Ганс фон Сект

1

Версальский мирный договор завершил Первую мировую войну 28 июня 1919 г., подписанием мирного договора, заключенного США, Британской империей, Францией, Италией, Японией, Бельгией, Боливией, Бразилией, Китаем, Кубой, Эквадором, Грецией, Гватемалой, Гаити, Хиджазом, Гондурасом, Либерией, Никарагуа, Панамой, Перу, Польшей, Португалией, Румынией, Сербо-Хорвато-Словенским государством, Сиамом, Чехословакией и Уругваем с одной стороны и капитулировавшей Германией — с другой.

Сам текст мирного договора был разработан за 102 дня достаточно большим числом делегатов и экспертов. «Еще когда договор, состоявший из 75 000 слов и, ни много ни мало, из 440 статей, находился в работе, во Францию пригласили немецкую делегацию, насчитывавшую около двухсот человек, — пишет Г. Мэйсон. — Их поселили в версальском отеле, и пока союзники в жарких дебатах прорабатывали и согласовывали детали договора, немцы жили практически под домашним арестом». Они совершенно напрасно прождали целую неделю, и лишь когда им пригрозили отъездом, союзники объявили, что ознакомят их с проектом документа 7 мая. В результате договор получился поспешным. И никто из ведущих союзных лидеров не ознакомился с его окончательным вариантом, «прежде чем он был вручен немцам».

Днем 7 мая немецкая делегация в зеркальном зале дворца Трианон получила единственный экземпляр договора на английском языке и буквально через две недели должна была представить свои комментарии.

«Согласно Версальскому договору Германия обязывалась в течение двух лет выплатить союзникам сумму, эквивалентную 5 миллиардам долларов золотом. Размер дальнейших репараций должен был определить специальный Комитет по репарациям. Учитывая ущерб, нанесенный войной Франции и Англии, предполагалось, что общий объем выплат достигнет 130 миллиардов долларов, что составляло примерно половину национального дохода Германии в 1919 г. Кроме того, Германия должна была отдать союзникам свои колонии в Африке и на Тихом океане, передать Франции огромное количество угля и железной руды, число ее металлических заводов сокращалось на треть, а весь торговый флот, кроме небольших кораблей водоизмещением в 1600 тонн, подлежал конфискации».

Воссоздание рейхсвера (вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг.) в Германии ставила под сомнение пятая часть договора. Кстати, все военные статьи, тщательно проработанные и «вылизанные» специалистами, были направлены против возрождения военной мощи Германии в будущем. Например, Германии предписывалось «ликвидировать германский Генеральный штаб и закрыть все военные академии». «Впредь численность германской армии не должна была превышать 100 000 человек, в том числе 4000 офицеров (в 1914 г. Германия располагала 29 000 офицеров, включая офицеров запаса). Немцам разрешалось иметь не более семи пехотных и трех конных дивизий, артиллерия не должна была превышать трех батарей легких и средних орудий, а наличие танков и даже броневиков запрещалось вообще. Запрещено было производство отравляющих газов, а также импорт любых боеприпасов». Армию Германии «предписывалось формировать только на добровольно-профессиональной основе со сроком службы 12 лет для солдат и 25 — для офицеров, с выходом всех в отставку, без всякого увольнения в запас. Призыв на военную службу запрещался, как и создание любых ветеранских организаций».

Таким образом, предполагалось навсегда исключить создание мобилизационных резервов в Германии.

Как сообщает Г. Мэйсон: «Канцлер Филипп Шейдманн объявил, что этот договор „неприемлем и неисполним“. В Париже сам Вильсон заметил своему советнику: „Будь я немцем, я сам бы его не подписал“. Но что ожидало Германию в случае отказа подписать ненавистный документ? На Рейне стояли готовые к бою свежие английские, американские и французские войска, вооруженные огромным количеством тяжелых пушек, танков и самолетов. Прояви Германия строптивость, и война наверняка

немедленно возобновится!»

И все жаркие дебаты, закипающие страсти, попытки найти компромиссное решение, даже отставки, оказались по сути бесполезными и ненужными. Иного выбора у Германии не было. И незадолго до установленного союзниками срока депутаты Национального собрания проголосовали за подписание договора.

Итак, 28 июня 1919 г. в Большом зеркальном зале в Версале договор был подписан без торжеств и очень быстро. По этому «миру-диктату» Германия возвращала Франции Эльзас-Лотарингию (в границах 1870 г.), Бельгии — округа Мальмеди и Эйлен, Польше — Познань, часть Поморья и другие территории Западной Пруссии; г. Данциг (Гданьск) со своим округом объявлялся вольным городом; Мемель (Клайпеда) передавался в ведение держав-победительниц (с февраля 1923 г. передан Литве). Далее, часть Шлезвига перешла в 1920 г. к Дании, часть Верхней Силезии в 1921 г. — к Польше. Исконные польские земли на правом берегу Одера — Нижняя Силезия, большая часть Верхней Силезии и другие — остались у Германии. Угольные шахты Саара были переданы в собственность Франции. Германия же была обязана соблюдать независимость Австрии, Польши и Чехословакии. Вдоль ее западных границ устанавливалась Рейнская демилитаризованная зона. Колонии Германии были поделены между державами-победительницами. Германия должна была платить репарации. Но самое главное — Германию обязали не аккредитовать «ни в какой чужой стране никаких военных, морских или воздухоплавательных миссий, не посылать их и не позволять им выезжать».

В сущности, Версальский договор официально лишил Германию ее политических и военных позиций передовой державы. В один миг Германия осталась без армии, флота и авиации.

Как пишут авторы книги «Фашистский меч ковался в СССР» Ю. Дьяков и Т. Бушуева: «Не лучше пришлось и Советской России, которая исключалась из участия в мирных переговорах и по воле победителей отделялась от Центральной и Западной Европы „санитарным кордоном“ (поясом государств от Балтийского до Черного моря), дабы предотвратить опасность большевистского заражения Европы». «Образно говоря, поверженная в войне Германия и большевистская Россия стали в те дни париями Версаля», — заключают историки. Но к этому весьма важному вопросу мы еще вернемся.

«Германия почти в одиночку воевала чуть ли не с целым миром и едва не победила. Люди, осведомленные больше других, знали, что исход великой войны не однажды висел на волоске и что только ряд случайностей

перевесил чашу весов», — вспоминал в своих мемуарах У. Черчилль.

«Победители, — продолжал он, — навязали немцам то, что было идеалом, к которому стремились либеральные страны Запада. Они были избавлены от бремени всеобщей воинской повинности и от необходимости нести расходы, связанные с вооружением. И, наконец, несмотря на то, что они не располагали кредитом, им были навязаны огромные американские займы. В Веймаре была провозглашена демократическая конституция, которая соответствовала всем новейшим достижениям в этой области. После изгнания императора в верхние эшелоны власти были избраны ничтожества. Под этим тонким покровом бушевали страсти могучей, хотя и побежденной, но оставшейся в основном сплоченной германской нации…»

Г. Мэйсон отмечает: «Чтобы поднять послевоенную Германию из руин, социал-демократическому правительству Эберта прежде всего нужна была крепкая власть, опорой которой, как показали недавние революционные события, могла быть только надежная боеспособная армия. Создать ее поручили генералу Гансу фон Секту, истинному профессионалу, чья преданность делу, организаторские способности, знания, опыт и умение ладить в работе и с реакционерами и с республиканцами были хорошо известны.

Когда в марте 1920 г. его назначили начальником Войскового управления, ему было 54 года. Высокий, подтянутый, элегантный — он скорее походил на аристократа, нежели на прусского офицера. Один из современников так отозвался о нем: „Он слишком интеллектуален для генерала“.

С самого начала Сект знал, какой именно рейхсвер он строит: элитную профессиональную армию, в которой каждый военнослужащий владеет несколькими воинскими специальностями. Шоферы должны уметь обслуживать полевые орудия, повара — стрелять из пулеметов, квартирмейстеры обязаны владеть оружием не хуже стрелков, сержанты могут командовать взводами, а лейтенанты — батальонами.

В 1921 г. Сект заметил: „Будущее — за относительно небольшими мобильными высокопрофессиональными армиями, которые будут действовать значительно эффективнее благодаря авиации“.

Блестящий стратег и тактик, Сект уже тогда вынашивал идею метода ведения войны, который позднее получил название „стратегия блицкрига“…»

Хитрец Сект в буквальном смысле воспользовался отсутствием ограничений в статьях Версальского договора на численность офицеров в новой армии. Он дал указание набрать их 40 000, т. е. по одному на каждого

солдата. При этом лучшие из лучших попали в рейхсвер, а остальные — в уголовную полицию и полицию безопасности.

Солдат же в рейхсвер старались набирать из крестьян и семей унтер-офицеров. Преимущество отдавалось прежде всего хорошей физической подготовке. Евреям, марксистам и подозреваемым в симпатиях к левым в приеме отказывалось. Такие в германской армии были не нужны. Как пишет Г. Мэйсон: «Казармы стали светлыми и просторными, койки в них теперь располагались в один ярус, а не в два, как прежде. Пища в армии стала куда более сытной и вкусной. Унтер-офицеры были суровыми, подчас крикливыми, но отнюдь не бессмысленно жестокими. Число парадов и смотров резко сократилось, гораздо большее внимание уделялось военным учениям. Солдат учили обращаться со всеми видами оружия, муштру и маршировку сменили интенсивные спортивные тренировки.

Пожалуй, в то время в мире не было другой армии со столь высоким моральным духом. Кроме того, никого из солдат не заставляли служить полный двенадцатилетний срок, предусмотренный Версальским договором.

После инспекции ряда частей полковник Морган обнаружил, что немецкие солдаты служат полгода или год, а затем тайно увольняются в резерв. К тому же он установил, что значительное количество рядовых фактически получали жалованье, положенное унтер-офицерам».

Уже в конце 1920 г. Ганс фон Сект с присущей ему амбициозностью заявил: «Армия наконец сформирована. Начинается новая глава в военной истории Германии… Наш меч должен быть отточенным, а шит — сияющим. Армия призвана защищать отечество, а каждый солдат обязан его горячо любить, быть готовым пожертвовать ради него жизнью, хранить верность присяге и своему долгу. Армия — главная опора власти в рейхе». И он был прав, потому что лично сделал фактически невозможное. Но самое главное — ему удалось обмануть Версаль и союзников. Германская армия начала свое тайное рождение сразу, а это, как по объективным, так и по субъективным причинам осталось «незамеченным».

2

Однажды фон Сект достаточно ясно выразил собственными словами отношение Германии к Польше: «Существование Польши несовместимо с жизненными интересами Германии. Польша должна исчезнуть… С падением Польши рухнет один из столпов Версальского мира, аванпост

Франции на Востоке. Уничтожение Польши — одна из главных задач немецкой внешней политики, и решить ее можно с помощью России, для которой Польша еще более нетерпима, чем для нас. Существование Польши не может принести Германии никаких выгод — ни экономических, так как она не способна к развитию, ни политических, поскольку она зависима от Франции. Между Россией и Германией необходимо восстановить границу, какой она была в 1914 г. Такая граница станет основой взаимопомощи между нашими двумя странами. Мы нуждаемся в сильной России, сильной в экономическом, политическом, а следовательно, и в военном отношении».

Советская Россия после отгремевшей Гражданской войны, интервенции и неудачной «Польской кампании», точно так же как и Германия, оказалась в глухой международной изоляции и искала выход из создавшегося положения в союзе с Германией. Как сообщают Ю. Дьяков и Т. Бушуева: «У истоков союза с рейхсвером с советской стороны стояли высшие партийные и государственные деятели, известные военачальники, сотрудники ВЧК (ГПУ) и различных наркоматов… С немецкой стороны — представители руководства страны и рейхсвера…»

Следует обратить внимание на такой факт: если сначала «встречи военных и политических руководителей двух государств предусматривали возможность установления контактов в случае конфликта одной из стран с Польшей, которая служила опорой Версальской системы на востоке Европы», то несколько позже «сотрудничество России и Германии обрастало новыми идеями: Россия, получая иностранный капитал и техническую помощь, могла повышать свою обороноспособность, а Германия взамен — располагать совершенно секретной базой для нелегального производства оружия, прежде всего танков и самолетов».

В начале 1921 г. в министерстве рейхсвера была создана специальная группа майора Фишера для взаимодействия с РККА. А уже в конце 1923 г. в Москве было образовано представительство рейхсвера («Московский центр») под руководством полковника О. фон Нидермайера.

Уже 11 августа 1922 г. было заключено временное соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной армии. Рейхсвер получил право создать на советской территории военные объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава тех родов войск, которые в Германии запретил Версаль. Советская сторона получала ежегодное материальное «вознаграждение» за использование этих объектов немцами и право участия в военно-промышленных испытаниях и разработках.

Однако, по мнению советской стороны, первый трехлетний период сотрудничества с рейхсвером в сущности ничего не дал, и тогда были проведены двухсторонние переговоры, которые состоялись 25–30 марта 1926 г. На них обе стороны «пришли к выводу, что военные ведомства двух стран должны действовать непосредственно. Причем все вопросы будут решаться в Берлине через фон Секта, а в Москве — через заместителя председателя ВЧК (ГПУ) Уншлихта». Только теперь «сотрудничество обеих сторон принимает разнообразные формы: взаимное ознакомление с состоянием и методами обеих армий путем направления командного состава на маневры, полевые учения, академические курсы; совместные химические опыты; организация танковой и авиационных школ; командирование в Германию представителей советских управлений (УВВС, НТК, Артуправление, Главсанупр и др.) для изучения отдельных вопросов и ознакомления с организацией ряда секретных работ».

В 1924 г. в Липецке началось создание авиационной школы рейхсвера, как 4-й эскадрильи или 4-го авиаотряда товарища Томсона (Томсена). Этим авиацентром руководила «Инспекция № 1» германского оборонного управления «Верамта» под непосредственным руководством Лит-Томсена. Если до 1931 г. в этой школе насчитывалось всего 58 самолетов, в основном марки «Фоккер Д-13», то в этом же году были получены и более совершенные: 4 НД-17 и 2 «Фоккер Д-7». Всего к 1933 г. боевую подготовку в Липецкой школе прошли 120–130 пилотов. На обучение каждого пилота было затрачено около тридцати тысяч долларов. Но как показало время — это была не очень высокая цена.

С 1926 г. немецкие специалисты приступили к организации танковой школы в Казани («Кама»), которую возглавил генерал Лютц. Танковым центром руководила (автомобильная) «Инспекция № 6». Первая партия учебных танков из Германии была доставлена только в марте 1929 г. В школе насчитывалось шесть 23-тонных танков с моторами БМВ, вооруженных 75-мм пушками, и три 12-тонных танка, вооруженных 37-мм пушками. Несколько позже для школы были получены легкие танки британского производства. К слову, только ознакомление советских инженеров с материальной частью немецких боевых машин, а также изучение всех немецких материалов (чертежи машин и выводы по испытаниям) позволило практически использовать их опыт в советских танках: «в Т-28 — подвески танка Круппа; в Т-26, БТ и Т-28 — сварные корпуса немецких танков; в Т-28 и Т-35 — внутреннее размещение команды в носовой части; в Т-26, БТ, Т-28 — приборы наблюдения, прицелы, идея спаривания орудия с пулеметом, электрооборудование,

радиооборудование». Среди подготовленных в Казани немецких танкистов оказались 30 немецких офицеров, благодаря которым создание германских танковых войск было только вопросом времени.

С 1926 г. на территории Самарской области, на Волге, начались и химические опыты. Как отмечают историки, «в „Томку“ немцы вложили около 1 миллиона марок». Там «испытывались методы применения отравляющих веществ в артиллерии, авиации, а также средства и способы дегазации зараженной местности. Научно-исследовательский отдел при школе снабжался новейшими конструкциями танков для испытания ОВ, приборами, полученными из Германии, оборудовался мастерскими и лабораториями».

Но одним из самых важных факторов наиболее тесного сотрудничества Красной армии и рейхсвера можно с полным правом назвать поездки по обмену опытом командного состава РККА и рейхсвера в целях совершенствования военного искусства. Например, только в 1931 г. в Москве проходили дополнительную подготовку будущие военачальники вермахта: Модель, Горн, Крузе, Файге, Браухич, Кейтель, Манштейн, Кречмер и многие другие.

В разные годы в Германии побывали: Тухачевский, Уборевич, Якир, Триандафиллов, Егоров, Корк, Федько, Белов, Баранов, Дыбенко, Меженинов, Венцов, Примаков, Левандовский, Левичев и многие другие.

Об успехах сотрудничества говорит и тот факт, что, по мнению немецких коллег, «последствия военной поддержки, оказываемой СССР Германией, видны во всей Красной Армии». Например, генерал Кестринг писал фон Секту в 1931 г.: «Наши взгляды и методы красной нитью проходят через все их военные положения». А в 1935 г. Кестринг после блестяще прошедших советских маневров заметил: «Мы можем быть довольны этой похвалой. Все-таки эти командиры и начальники — наши ученики».

В том же 1931 г. Берзин докладывал Ворошилову: «Наши взаимоотношения с „друзьями“ в основном складываются из:

1. взаимных учебных командировок, показа войсковых частей;

2. совместных учебных предприятий: танковых курсов в Казани, опытных работ на химическом полигоне близ ст. Причернавская и по линии авиации в Липецке;

3. оказание нам некоторого содействия со стороны германской промышленности (договор с Рейнметаллом и деловые связи с Цейссом)».

Если говорить более конкретно, то советскую сторону в этот период интересовали у немцев прежде всего: системы вооружения, вопросы

организации и вооружения технических войск; вопросы мобилизации железнодорожных и моб. перевозок; организация и система штабной службы; усовершенствование на германских танковых курсах; постановка топографического дела и материальной части; метод подготовки войск в поле, организация подготовки кавалерии; артполигоны, боевые стрельбы зенитной артиллерии и заводы. Помимо совершенствования в военных вопросах германская сторона предоставляла советской и вооружение, и боеприпасы, и даже обмундирование. Не говоря уже о технологиях военного производства.

Таким образом, при двустороннем процессе сотрудничества Красная армия училась прежде всего у более подготовленного в военных вопросах немецкого учителя. При этом учитель оказался куда хитрее, чем это можно было предположить. «Немцы активно сотрудничали с заводами Швеции, Голландии, Испании. Некоторые офицеры имели доступ в Эдживанский арсенал в Америке для изучения постановки химического дела, а генерал Хайе, например, знакомился с военными учреждениями США во время командировки осенью 1927 года. В Англии представители германских вооруженных сил присутствовали на авиационных и танковых маневрах, технику военного дела отрабатывали в Чехословакии».

Тем не менее такая учеба для Красной армии в тот момент была необходима как воздух. Например, Уборевич, более года работавший в Германии, писал: «Немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения. Очень многому удалось поучиться и многое еще остается нам у себя доделать, чтобы перейти на более совершенные способы боевой подготовки. Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев, главным образом в том смысле, чтобы у себя научиться строить и применять новейшие средства борьбы: танки, улучшения в авиации, противотанковые мины, средства связи и т. д. Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас…» При этом благодаря возможностям, предоставленным ей СССР, Германии удалось в буквальном смысле с нуля за считаные годы создать самые мощные вооруженные силы в мире, И что бы кто ни говорил спустя многие десятилетия о сотрудничестве СССР и Германии, оно было взаимовыгодным на все сто процентов для двух сторон. Ни о какой безнравственности, имея в виду закулисную сделку за спиной мировой общественности, здесь говорить и не приходится. Речь шла прежде всего о государственных интересах Германии и Советской

России. Да и само сотрудничество продолжалось лишь до прихода Гитлера к власти. Кто знал тогда, что из-за появления на политической арене какого-то сумасбродного ефрейтора очень многое в мире изменится? Но такова история, и не нам судить ее по меркам сегодняшних дней.

3

В 1929 г. командующий войсками Московского военного округа Иероним Петрович Уборевич докладывал из Германии: «Мне кажется, что вопросы тактические и методические по подготовке войск нами уже достаточно изучены. В этом отношении рейхсвер шел больше всего нам навстречу. Труднее обстоял вопрос техники, по которому большинство вопросов пытались умалчивать или говорить неполные данные тех технических достижений, которые у них имеются. (…)

Рассматривая военно-технический уровень рейхсвера, или, вернее сказать, Германии, нужно разграничить резко два вопроса:

во-первых, состоящее официальное вооружение рейхсвера, которому Версальским договором запрещены авиация, тяжелая артиллерия, химические средства, танки и т. д.

во-вторых, те технические средства, виды вооружения, которые немцы к последнему времени создали в своих лабораториях и на заводах и провели также испытания (по возможности секретно).

Я убежден, что за 13 месяцев моего пребывания мне удалось выявить только часть того, что немцы имеют. Общая установка по этим техническим военным усовершенствованиям немцев, видимо, такова:

а) разработать усовершенствованные образцы; б) подготовить промышленность для быстрого изготовления таковых; в) вести испытания этих образцов секретно в рейхсвере, обучая часть офицеров и личного состава; г) широко использовать заграничный опыт производства целого ряда вооружений и образцов за границей; на заводах Швеции, Голландии и Испании (эти заводы фактически немецкие) (…) У меня имеется целый ряд фактов — заявлений отдельных офицеров, что немецкие офицеры имели длительный доступ в Америке для изучения постановки химического дела в Эдживанском арсенале (1927 г.) для изучения самых последних образцов танков осенью 1928 г. и для изучения всех военных учреждений во время командировки, осенью 1927 г., в Америку генерала Хайе.

Таким образом, нужно фиксировать, что достижения военной техники в широких размерах доступны рейхсверу.

Следующим источником нужно считать Англию, куда немецкие офицеры имеют доступ и к танковым маневрам, и к авиационным. Неплохое отношение по вопросам технического изучения военного дела у немцев и с Чехословакией. Характер заданий собственной промышленности, получающей на всевозможные военные опыты большие дотации, можно выяснить хотя бы по следующему заявлению генерала Людвига, ведающего вопросами вооружения в рейхсвере. Он мне говорил, что в 1914 г. на производство пушки со всеми рабочими чертежами уходило 9 месяцев, сейчас мы должны, говорит, добиться изготовления пушки в 6 недель, при этом срок не является фантазией. (…)

Политическая и военная роль рейхсвера.

Рейхсвер создался из добровольческих корпусов и дивизий, оставшихся после демобилизации армии и проводивших в течение ряда лет подавление в Германии революционного движения. Прежде всего, рейхсвер заслуживает внимания с точки зрения его приспособления для поддержания внутреннего порядка в Германии, во-вторых, насколько удалось немцам в тисках Версаля усовершенствовать рейхсвер, чтобы его приспособить для разрешения внешней политики Германии (…), и в-третьих, что может дать нам изучение и связь с рейхсвером ценного для улучшения подготовки Красной Армии. Численность рейхсвера постоянная и составляет около 4000 офицеров, 20 000 унтер-офицеров, 75 000 рядовых, а вместе с чиновниками 100-тысячную армию, разделенную на 7 стрелковых и 3 кавалерийских дивизии. (…)

Работа руководителей рейхсвера заключается в работе вместе с промышленностью, на полигонах, в аудитории и больше путем секретных инструкций. Все обучение рейхсвера на военных играх, на тактических занятиях проводится не только в тех организационных мерах, которые им продиктованы Версалем, но чаще всего на основании организации современной армии, на каковую они имеют свои определенные взгляды и установки. (…)

Уровень грамотности среднего солдата характеризуется тем, что 10 % с полным средним образованием… процент рабочих — 40–50; крестьян (35–40)… Основная солдатская масса рейхсвера стоит правее социал-демократии, приближаясь во многих случаях к дейч-националам.

Материальное положение солдата весьма хорошее. (…) В стране принято много мер, чтобы авторитет солдата рейхсвера был высок.

(…) Офицеры во взаимоотношениях с солдатами вежливы, спокойны, хладнокровны и очень настойчивы. Лучшей характеристикой всякого командира считается его спокойствие, вежливость, хладнокровие и

настойчивость. Большой горячностью отличаются только баварские части, где офицеры на занятиях иногда грубовато покрикивают. Офицерский корпус в германской армии около 4000 человек, представляет собой исключительно интересную группу специалистов военного дела. (…)

Политические ориентировки офицеров это — правее, много правее социал-демократии. Основная масса за твердую буржуазную диктатуру, за фашизм. (…)

Общие выводы по рейхсверу с точки зрения внешней империалистической политики Германии сводятся к следующему:

1. Рейхсвер, безусловно, приспосабливается для перехода на большую армию для внешней войны.

2. Подготавливается систематически для этой цели богатая промышленность Германии.

3. Общие настроения воспитываются в том смысле, что не исключена возможность ликвидации Версаля вооруженным путем.

4. Мало веры в мирное сближение с Францией.

5. К настоящему времени о скорейшем реванше не говорят, считая условия еще преждевременными и не созревшими.

(…)

Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас. Мне кажется, что мы должны покупать этих специалистов, привлекать умело к себе, чтобы поскорее догонять в том, в чем мы отстали. Я не думаю, чтобы немецкие специалисты оказались бы хуже политическими и более опасными, чем наши русские специалисты. Во всяком случае, у них многому можно научиться и в целом ряде вряд ли придется дороже заплатить за это дело. (…)».

Не менее интересен отрывок из письма (из Германии, за 1930 г.) Ивана Панфиловича Белова, командующего войсками Северо-Кавказского военного округа:

«(…) Дрезденская и другие школы рейхсвера, несомненно, являются сосредоточением учебного опыта германской армии. Полезно было бы для нас добиться у немцев, чтобы они некоторых наших командиров допустили на длительное пребывание в школах. (…)

Когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости. Хочется кричать благим матом о необходимости самой напряженной учебы — решительной переделки всех слабых командиров в возможно короткие сроки. (…)

Мы имеем прекрасный человеческий материал в лице нашего красноармейца; у нас неплохие перспективы с оснащением армии техникой. Нужны грамотные в военно-техническом отношении командиры, мы должны их сделать — в этом одна из задач сегодняшнего дня. (…)

В немецком рейхсвере неисполнения приказа нет».

Передо мной уникальный документ: «Краткий очерк о поездке в Германию на осенние маневры Рейхсвера». Очерк написан человеком безусловно одаренным — начальником Главного управления РККА Борисом Мироновичем Фельдманом, 14 декабря 1932 г. Судя по всему, это последняя поездка в Германию во главе с заместителем народного комиссара по военным и морским делам, начальником вооружений РККА Михаилом Николаевичем Тухачевским, до сих пор оставалась неизвестной. Поэтому этот документ я вынужден привести полностью.

«I. Путевые впечатления.

Первые пограничники, появившиеся в вагоне — одеты с иголочки, подтянуты, в обращении с пассажирами корректны, особо подчеркнуто к знатным иностранцам. Процедура с визами наших паспортов обыкновенная, без всяких проволочек и инцидентов. (То ли дело если бы латыши знали, кто такой Иванов.)

В вагонах и вагоне-ресторане преобладает русский язык. Это не только объясняется большинством пассажиров из советских граждан, но и тем, что русские и евреи — граждане Латвии — упорно не хотят признавать латышский язык.

16-го проехали Двинск. Наблюдаем из окна вагона — крепостные валы. Сооружения — рельефно выделяются на общем фоне местности. И неискушенный взор может сразу определить крепостную зону и внешний ее обвод. Все постройки казарм внешне в хорошем состоянии.

Попадающиеся на станциях офицеры, унтер-офицеры, чиновники одеты щегольски, подтянуты. Солдаты тоже одеты прилично, все в суконном обмундировании. К внешнему виду, выправке, подтянутости, к сожалению, не подкопаешься.

16-го проехали через Латвийско-Литовскую границу. Мы этот переезд, с точки зрения всяких церемоний и изменения так называемого ландшафта, почти не заметили.

Но, углубляясь в Литву, уже заметно чувствуется чрезвычайная убогость этой страны. На каждом шагу чувствуется отсталость, отсутствие индустриальной базы.

Аграрная страна, — живущая за счет крестьянина, выносящая на своих плечах всю тяжесть бюджета и бремени налогов. То-то так

приземлены и убоги попадающиеся на пути села и деревни. То-то так угрюм и молчалив литовский крестьянин, напяливший уже на себя в сентябре месяце свой старый зипун. Убоги и сыры станции и станционные постройки. Много народу слоняется без дела, разглядывая не без зависти иностранцев, сытых, откормленных, одетых по европейски. Эти гулящие — преимущественно мелкие чиновники и еврейская мелкая буржуазия.

Зато поражает внешний вид офицеров. Они одеты в отличном, цвета хаки обмундировании; высокие воротники мундиров так и подпирают подбородки вверх; ленточек, позументов, побрякушек — уйма. В общем, по внешнему виду немного напоминают бывших русских земгусар — тыловых крыс, обвешанных оружием с ног до головы.

Около Понивежа видел из окна литовскую роту. Одеты солдаты очень хорошо, внешняя выправка на лицо.

II. На маневрах.

Осенние маневры Рейхсвера, по словам офицеров Главного руководства, готовились с осени 1931 года. Немецкое правительство и командование придавало этим маневрам огромное значение как военное, так и политическое.

На маневры были приглашены все военные атташе и представители иностранных держав (за исключением Польши, Франции, Сербии, Бельгии).

По известным политическим соображениям немцы особо подчеркивали присутствие на маневрах командиров Красной Армии во главе с Тухачевским и представителя Итальянской Армии — помощника начальника Генштаба генерала Монти. За нами немцы сильно ухаживали (по вполне понятным причинам) и были недовольны, что первые 2 дня из-за неурядиц с нашим багажом в Негорелом мы вынуждены были носить гражданское платье.

Везде — в машине, в поле, за столом — первое и почетное место — Тухачевскому. Тов. Тухачевский был в центре внимания среди остальных военных представителей, присутствовавших на маневрах.

Стратегическо-оперативная сторона маневров.

В самом районе маневров, замысле обстановки, распределении сторон, красной нитью проходят следующие руководящие идеи:

а) Война с Польшей неизбежна;

б) Польша, используя незащищенную границу с Силезией, имеет возможность с первого же дня вторгнуться на территорию Германии большими силами на широком фронте и устремиться к переправам через р. Одер, создавая непосредственную угрозу, сердцу Германии, Берлину.

в) Задача Рейхсвера, имеющего в мирное время весьма слабые силы на восточной границе — упорно удерживать переправы через Одер у Кюстрин и Франкфурт для выигрыша времени до развертывания армии военного времени.

Тактические цели:

а) Активное прикрытие 2-мя стрелковыми дивизиями переправ через Одер на широком фронте для выигрыша времени.

б) Последующий отход на левый берег и оборона мостов у Франкфурта и Кюстрина с сильно загнутым правым флангом, в условиях глубокого его обхода противником с угрозой тылу.

В распределении сил по сторонам ярко выражены задачи:

а) тренировка конницы в действиях большими массами с применением мотомехчастей, выполняющих роль разведывательных и передовых частей, способных, благодаря своей подвижности, к маневрированию на фланги и тыл противника, отрываясь на 2 перехода и больше от главных сил;

б) воспитание своей конницы в духе самостоятельных действий и готовности не только маневрировать, но и драться с закрепившейся пехотой;

в) тренировка стрелковых дивизий в искусстве противодействия обходящей коннице и мотомехчастям.

Сама идея маневров, как оперативная, так и тактическая, определила и ход событий.

Обе стороны дня 3–4 маневрировали и только в последний день маневров, в день отбоя, когда красные завершили свой обход, разгорелся бой по всему фронту. Таким образом, своеобразие этих маневров заключалось в „войне на ногах“.

На таких маневрах тренируются: высшее командование, штабы; солдату же, младшему комсоставу только тренировка в выносливости к маршевой дисциплине.

Оценка маневров:

Замысел, организация и проведение маневров прошли неплохо, то что нам удалось видеть в поле в первые дни, когда все действия войск сводились к чистому маневру, и те материалы, которые были в нашем распоряжении, позволяют давать весьма положительную оценку как работе Главного руководства высших штабов, так и работе войск. Не вызывают особых замечаний действия синей и красной стороны.

Учебные цели, поставленные главным руководством, выполнены. Единственная крупная ошибка — это решение командира синей стороны 22/IX, когда выяснился глубокий обход его правого фланга: вместо того

чтобы контрманевром, именно на правом фланге, ликвидировать угрозу проникновения красных в его тыл, он собрал кулак в 6 батальонов и бросил их на юг, т. е. пошел на контратаку, не связанную пространственно с угрожаемым правым флангом.

В целом маневры особо большого интереса, поскольку отсутствовали настоящие новейшие средства борьбы и авиация, не представляют.

III. Действия отдельных родов войск.

Пехота.

Мы видели пехоту на марше, на привалах, переправе через Одер в последний день, в бою. Втянутость в поход — налицо, на походе держат себя свободно, умеют ходить по одной стороне дорог. На приватах расположены весьма вольготно, без особых мер маскировки, ПВО и мер прикрытия переправы. Уж больно все шло по-мирному (что особенно поражало нас). Немного расшевелились, когда вблизи раздался пулеметный огонь. Около взвода солдат рассыпались у реки и изготовились к ведению огня.

Бой, наблюдавшийся нами в районе Петерсгаген, ничего особенно нового для нас не представлял: лежат солдаты, рассыпаны группами по топографическому гребню или скату, постреливают, одни лежат фронтом на запад, другие под прямым углом. Пулеметы тут же рядом на открытом месте. Вдруг несколько групп солдат поднимаются и бросаются вперед с криком „ура“ в атаку. Артиллерийских наблюдателей не видно, не слышно артиллерийской стрельбы.

Все это так далеко от картины и музыки современного боя.

Артиллерия.

Артиллерию мы больше видели на походе. Движение артчастей ничем особым не выделяется. В бою же поразило нас в одном месте отсутствие тесного взаимодействия пехоты с артиллерией: так, командир батальона, как мы выяснили, не имел связи с артиллерией, действовавшей на его участке, т. к. артиллерия была централизована в руках командира полка. По-настоящему проследить за работой артиллерии не было возможности, поскольку немцы довольно искусно больше возили нас по району маневров, чем показывали.

На походе, на привалах — ничего замечательного.

На переправе через Одер новое для нас — способ переправы лошадей вплавь, тянущих лодки с бойцами, со снаряжением. Чувствуется, что и люди, и лошади хорошо натренированы. Местами мельком видели группы спешенных всадников, ведущих огневой бой. Надо полагать, что пешему бою в коннице Рейхсвера уделяется большое внимание.

Инженерные войска.

Все понтонные части и их парки моторизованы. Наводка понтонного моста через Одер ничего нового не дала нам. Способ наводки, путем предварительной подготовки в заливах отдельных звеньев моторными лодками к месту наводки, мы применяем не хуже немцев.

Бронетанковые части.

В последний день мы часто видели действия бронетанковых частей (макеты) красных, прорвавших фронт синих. Судя по габариту макетов это был отряд бронемашин. Быстрота развертывания после прорыва широким фронтом по обоим сторонам шоссе не вызывает никаких замечаний. По одному этому эпизоду трудно судить о степени выучки бронетанковых частей.

Отдельные запечатлевшиеся моменты:

1) Огромная масса командирских малых машин двухместных. Они очень легкие, проходят по всем полевым дорогам и по полю в сухую погоду очень удобны и незаменимы для связи и личного общения с войсками.

2) Огромная масса 4-х местных (не считая шофера и его помощника) военных машин, специально приспособленных для поля.

Все машины выкрашены в серо-зеленый цвет.

3) Батальонные пушки в разведывательных отрядах на прицепах к автомобилям. Замечательный способ быстрого передвижения по дорогам и маневрирования на поле боя там, где много хороших полевых дорог.

4) Моторизованный тыл — о чем свидетельствует огромное количество грузовых машин, обслуживающих район маневров.

5) Отсутствие авиации. Лишь отдельные самолеты временами летали над районом маневров. Немцы обычно тут же поясняли — это „случайные“ самолеты.

6) Много машин с радиоустановками.

7) Образцы батальонной артиллерии и крупнокалиберных минометов — все деревянного изготовления.

8) Специальные пулеметные установки в четверочной запряжке.

9) Проволочные спирали — противотанковые заграждения.

Вывод: На протяжении маневров не видели никаких признаков новой тактики, и мы, так много работающие над изысканием новых форм глубокой тактики, удовлетворить свою любознательность не могли. Уже наши маневры ЛВО в 30-м году имели гораздо больше элементов глубокого боя и операции, чем германские маневры в 32-м году.

Лично меня все виденное не приводило к выводу, что перед нами передовая армия, у которой можно учиться новым формам глубокого боя и

сражения. Наоборот, все больше убеждался, что не лучше, чем у нас, а пожалуй, и хуже.

IV. Участие населения в маневрах.

Район маневров привлек к себе огромное количество зрителей и наблюдателей. Немецкий буржуа и интеллигент любит военщину, любит Рейхсвер (еще бы, на него все надежды). Стоит где-либо показаться группе солдат или офицеров, как их окружает толпа любопытных.

Местами стечение любопытных толп мешает работе войск. Я видел один командный пункт батальона, демаскированный толпой любопытных. Там же, где появлялись наши машины, все внимание устремлялось на иностранцев, и, разумеется, больше всего интересовались „русскими офицерами“.

Весьма показательно, что всюду и везде около нашей машины группировался рабочий люд, приветствовавший нас и жестами, а где и можно было вполголоса, „Рот-фронт“.

Особенно много народу скапливалось там, где появлялся Гинденбург. В Франкфурте около тира (место разбора) масса народу приветствовала появление Гинденбурга криками „Hoch“ и пением „Deutschland über alles“.

V. Общее впечатление о солдате и офицере.

Солдатский состав — молодых возрастов. Совершенно очевидно, что один из важнейших пунктов Версальского договора о 12-ти летнем сроке службы давно вычеркнут Рейхсвером. Старых солдат не видел. Внешний вид солдат отличный. Физически крепкая, выносливая молодежь.

Офицерский состав — в ротах младшие офицеры — молодежь. Среди старшего офицерства — средний возраст 30–38 лет. Держат себя с большим достоинством. Доклады командиров частей и их штабных офицеров об обстановке отличались краткостью и четкостью. Тактическая выучка хорошая.

Немецкий офицер — профессионал, мастер военного дела: устав и глубокое знание техники и тактики сегодняшнего дня предпочитает высоким проблемам будущей войны.

Во взаимоотношениях офицеров с солдатами на походе особой натянутости не наблюдалось.

VI. О взглядах высшего командования Рейхсвера на новую боевую технику и ее роль в будущей войне.

На банкете, устроенном Главным руководством, в честь представителей иностранных армий, после всяких любезных тостов и обычных взаимных комплиментов мы втянули наших хозяев в разговор на тему о будущей войне. Весьма интересны взгляды Гаммерштейна на роль

танков. Он предостерегал от увлечения танками вообще и, в частности, тяжелыми. Увлечение ими, по его словам, это пережиток позиционной войны.

Будущая война ничего сходного не будет иметь с позиционным периодом мировой войны. Она будет вестись иными темпами и не в окопах; она будет скоротечная, маневренная. Танки могут стать гирями на ногах армии. Танки — это „блеф“.

Я перевел разговор на роль авиации в будущей войне, желая выявить взгляд немецкого командования на значение тяжелой авиации. Сослался я на интересную книжку майора Хельдерса, и как велико было мое изумление, когда Гаммерштейн спросил меня, что это за книжка… и кто такой Хельдерс…

Хорошие дела, — подумал я, — у нас Хельдерс нарасхват. Его залпом читают в подвалах „Красной звезды“. Не один десяток летчиков из нашей пылкой молодежи видит себя в воздушном рейде над Варшавой, а тут на родине Хельдерса высшие чины Рейхсвера не слышали о нем, не знают его книжки.

„Я не читаю всяких романов о будущей войне, их развелось слишком много“, — презрительно ответил Гаммерштейн.

Весьма осторожно я задал вопрос о новой организации дивизии, о ее разукрупнении. Ссылаясь на ряд статей в немецкой военной периодической печати, я спросил мнение Гаммерштейна о новой дивизии (без полкового звена)…

Гаммерштейн очень резко высказался против этой организации, ратуя за дивизию состава не менее 16–17 тыс. бойцов.

Когда я начертал ему тип дивизии без полков по данным немецких авторов, сидевший рядом с ним Помощник Начальника Генерального Штаба Итальянской Армии ген. Монти, не понимающий по-немецки, но по схеме моей догадавшись, о чем речь идет, оживленно вмешался в нашу беседу и высказался против такой организации дивизии, сделав исключение для горных дивизий.

Гаммерштейн весьма нелестно отозвался о всяких военных писателях (очевидно, Гаммерштейн не знал, что его собеседники страдают небольшим писательским зудом, иначе он не позволил бы себе такой бестактности).

После этого разговор перешел на охоту, в которой я полный профан, и на другие нескользкие темы.

VII. Гинденбург и Шлейхер.

20-го у переправы через Одер в районе Цибинген нас представили

Гинденбургу и Шлейхеру.

Нас расставили шеренгой по алфавиту государств. Гинденбург обходил: здоровался с каждым из нас и обменивался двумя тремя фразами.

Когда он подошел к нашей группе, он немного задержался и, когда увидел нашу группу, выдавил сквозь зубы: „О, сколько генералов, весь Ваш большой Генеральный штаб приехал к нам“.

Гинденбург огромного роста старик, величественная фигура, но колосс на глиняных ногах, и действительно большие ноги с большим трудом удерживают в равновесии огромное туловище. Одет в полной фельдмаршальской форме со всеми орденами.

О Гинденбурге офицеры говорят с затаенной гордостью. Сопровождающий нас офицер рассказал нам следующий эпизод. Штаб Главного Руководства послал Гинденбургу все материалы и задания сторонам. Гинденбург, получив эти материалы, приказал доставившему их офицеру подождать немного, после чего он вызвал к себе его и дал свое решение за красных и синих. Это решение, говорит подчеркнуто рассказчик, совпало с решением Главного Руководства. „Der abte Herr“ (так называют Гинденбурга), остался фельдмаршалом до мозга своих костей.

Этому фельдмаршалу, приведшему Германию в Версаль, немецкая буржуазия вручила бразды правления государством, с затаенной надеждой, что именно он и скинет гири Версаля, нацепив их на шею рабочему классу.

Шлейхер, сравнительно молодой (по немецким понятиям) генерал. Умное, живое с хитрецой лицо, самоуверенный и знающий себе цену в настоящей политической ситуации Германии. Остановившись около нашей группы, обменялся несколькими фразами с тов. Тухачевским и сострил о глубоком обходе Красной стороны. „Вы ведь тоже господин Тухачевский, поклонник глубоких обходов. Ваша конница на правом фланге в походе на Висле замахнулась „глубоко во фланг полякам““…

РАЗБОР И 22-ГО ПОСЛЕ ОТБОЯ РАЗЪЕЗД ПРИМЕРНО ЧАСА ЧЕРЕЗ 2½. Все участники были собраны в Франкфурте в здание тира, на разбор. Прибыл Гинденбург. Первое слово было его. Но нас, иностранцев, вежливо попросили удалиться, и мы выступление Гинденбурга не слышали. Разбор сделал Гаммерштейн. Читал он разбор по написанному, сказал подробно о развитии маневров, но не давал оценки действий сторон, не делал никаких выводов, тактических, оперативных, оговорив, что все это будет дано в специальном приказе об итогах маневров.

Признаться, меня этот разбор поразил. Настолько он был беспредметным. Ничем иначе не могу объяснить, как особым ходом Гаммерштейна, не пожелавшим раскрыть все карты в присутствии

представителей иностранных армий. После разбора нас построили около парадного въезда, опять в порядке алфавита держав, и Гинденбург попрощался с нами, поблагодарив за участие в маневрах. В этот же вечер мы все уехали в Берлин.

VIII. Школа.

26–27 мы провели в Дрездене, знакомились с Дрезденской школой, 10-м пехотным полком и посетили Кенигсбергский полигон.

Мы попали в отпускной период и не имели возможности ознакомиться с ее учебной жизнью. Начальник школы Лист любезно и терпеливо 3 часа выслушивал перечень наших вопросов, весьма откровенно давал нам ответы и пояснения.

Весь быт, вся система боевой подготовки довольно подробно описаны в докладе т. Горбачева, нового прибавить нечего.

10-й пехотный полк.

Показали нам казармы. Солдаты живут в просторных комнатах по 6–8 человек. Опрятно и даже уютно. Унтер-офицеры живут в отдельных комнатах по одному, по два.

Всюду и везде чувствуется порядок, организованность. На стенах много лозунгов в духе воспитания „бравого“ солдата. Зато весьма остры лозунги против Версаля.

Посмотрели в цейхгаузы. Там, признаться, порядком не блещет. Зато отличное впечатление от столовых и кухонь (механических).

В казарме буфеты с пивом, отдельно для солдат, отдельно для унтер-офицеров. Разница в большом убранстве помещений унтер-офицеров. Солдаты встречали нас с большим интересом и любопытством.

Проходя мимо плаца, наблюдали строевые занятия. Впечатление отличное. Но самое интересное, что меня поразило, это устройство короткого тира. Во избежание несчастных случаев устроены длинные бетонированные шахты. Стрелок стреляет в мишень через эту шахту. Полная гарантия безопасности. Я задал вопрос сопровождающему офицеру, почему такие меры безопасности. Он резонно и убедительно пояснил нам: „Если бы у нас случайно ранили на стрельбище или в тире солдата, то не избежишь уймы неприятностей; дело может дойти до запроса в парламенте и не оберешься всяких неприятных разговоров по адресу офицеров: сидят, мол, в казино, пьют, а за солдатами не смотрят“.

Смотр батальона молодых солдат командиром 10-го полка. Назначение осмотра — выявить результаты 6-месячного обучения молодых солдат и тактическую подготовку мелких подразделений пехоты. Подготовка, организация и проведение смотра заслуживают достаточного внимания и

достойны перенесения в нашу армию.

Особенность этого способа смотровых учений заключается в т. ч. в том что полностью используется местность не теряя ни одной минуты, переходя с одного отделения на другое и с одного вида подготовки на другой, можно в 3–4 часа посмотреть тактическую подготовку подразделений батальона.

Застали мы командира полка и его штаб на полигоне, на смотру отделения. Тема: наступление против обороняющегося противника. Командир отделения доложил свое решение и перешел к его выполнению. Исходное положение шагов 800–1000 до противника. Руководил учением командир батальона; по его указаниям через сигнальщика действовал обороняющийся. Через 20–25 минут после атаки отделения короткий разбор, проведенный комбатом, и заключение комполка. Все коротко, ясно, четко, без лишнего слова. В процессе наступления командир полка не раз прикладывался к земле то к одному, то к другому стрелку, проверял прицел. На ходу учения раз оборвал команду командира отделения, крикнув по его адресу: „так командуют старые бабушки“.

Оценку своих действий отделение выслушало в строю „смирно“. Оценка комбата и комполка положительная.

С того же рубежа, на котором закончилась атака первого отделения (нумерация взята мной в порядковой последовательности). Лежало готовым к получению задач следующее отделение. Ровно через 2 минуты после разбора командир этого отделения получил задачу на наблюдение за полем боя. По сигналу комбата далеко за пригорком, карьером поскакала пушка. Требовалось решение командира отделения — определение расстояния и распределение огня, поскольку цель быстро двигается параллельно фронту отделения. 5–6 минут — команда командира отделения, и конец. Короткий разбор, одобряющий решение командира отделения, и переход к 3 отделению, которое тут же рядом в роще проверялось на втянутость в ношении противогаза, 2–3 минуты проверка — кончено и с этим отделением.

Следующее отделение под углом 90 градусов к предыдущему отделению уже лежит на скате, готовое к наступлению на противника, окопавшегося за гребнем. Отделение прикрыто этим гребнем. Задача отделения — наступать на обороняющегося противника; проверяется отделение в технике атаки и применения ручных гранат. Надо было видеть, как гневно реагировал командир полка на решение командира отделения — ползком добраться до гребня. Он бросился к ползущим солдатам и почти крича задавал вопросы, „чего ползете? где противник? он ведь за гребнем,

вперед, бегом, только согнувшись, чтобы не выставить голову“.

Тогда лишь солдаты бросились вперед и, взобравшись на гребень, получили приказ забросать противника гранатами. Мишени были обозначены столбиками. Бросание гранат неудачное, больше недолеты. На этом прекратилось учение. Несколько слов командира полка: „Подготовкой отделения в гранатометании я недоволен“. И смотр закончен.

Несколько десятков шагов в стороне следующее отделение, имевшее 3 часа на самоокапывание, закончило отрывку окопов неполной профили. Командир отделения докладывает свое решение как по выбору местности, маскировке, так и по распределению огневой задачи. Командир полка выходит несколько сот шагов вперед фронта отделения и оттуда проверяет, насколько маскированы окопы. Затем возвращается к отделению, дает сигнал, п-к начинает редкий огонь и показывается отделение, пробегающие его солдаты.

Командир отделения отдает приказание по открытию огня. На этом кончается учение. Командир полка в разборе дает ряд указаний, показывающих глубокое знание им тактики мелких подразделений. Считаю необходимым привести их:

а) Хоть отделение имеет примкнувшие к соседям фланги, но все-таки необходимо особое внимание уделить флангам, и окопы на флангах должны иметь обязательно фланговый обстрел.

б) Что выгоднее — парный или одиночный окоп (в данном случае были одиночные окопы — выгоднее иметь парные окопы, они особенное значение имеют ночью. Бойцы чувствуют себя смелее вдвоем, лучше наблюдение, хотя тут же подчеркнул и отрицательную сторону двойного окопа: одной гранатой сразу выбивается из строя два.

в) Неправильно маскируются бойцы, надевая на голову ветки, наоборот, демаскируются. Лучше накрыть голову палатками (лично показал, как надо делать).

г) Легкий пулемет (обязательно на фланге тщательно замаскированный) по одиночным, плохо видным целям не стреляет.

д) Командир отделения обязан дать сектора наблюдения бойцам. Путь вероятного наступления противника (скрытый подступ) должен иметь перекрестное наблюдение.

е) За 3 часа боец должен дать окопы более глубокой профили. В общем, он похвалил действия отделения.

Не успел он кончить разбор, как тут же построилась вся рота. Командир полка перед строем роты дал общую оценку подготовки бойцов, поблагодарил командира батальона, командира роты, всех офицеров,

солдат, попрощался и уехал. А рота отличным строем, под музыку отправилась в казармы.

Кенигсбергский полигон.

Заслуживают внимания следующие особенности:

а) Мишенное оборудованию механизировано. Мы видели несколько станций, смонтированных на грузовиках. Удобство этих подвижных станций заключается в том, что в любом направлении и любом месте можно создать соответствующую тактическому фону подвижную мишенную обстановку.

б) Блиндажи под наблюдаемые пункты сделаны с большим запасом прочности.

в) Мишенная обстановка очень богатая. Кроме самого поучительного рельефа местности несколько деревень, специально оставленных после выселения жителей, под расстрел артиллерии, и много искусственных построек.

г) Широкая сеть продольных и поперечных шоссейных дорог, позволяющая быстро и удобно перебираться на машинах к любому уголку полигона.

д) Содержание всех построек, дорог в образцовом состоянии.

е) Способ приготовления мишеней весьма рентабельный и достойный подражания: мишени делаются из массы вроде „папье-маше“. Для забивки пробоин применяются специальные заклепки из той же массы. Любая мишень, как бы она ни была продырявлена, быстро восстанавливается путем простой клепки и, окрашенная, идет опять в работу.

Полигон обслуживают приписанные к нему на каждый учебный год части дивизионного округа.

На полигоне имеются фундаментально построенные казармы, конюшни, столовые, кухня, баня, офицерские бараки, казино и другие постройки. Комендант гарнизона, получая заранее перечень частей, командируемых на полигон, и срока их пребывания, распределяет эти здания между частями.

Таким образом, командир части, прибывающий на полигон, получает все готовое и полное обслуживание, что избавляет его от всяких хозяйственных забот. По его расписанию управление полигона готовит своими силами и средствами необходимую для данного учения или стрельбы мишенную обстановку.

Срок пребывания каждой отдельной части на полигоне до 1½ мес. Не мешало бы и нам подумать над таким порядком использования полигонов. Он очень рентабельный как с точки зрения концентрации средств и земель

на создание образцовых полигонов, так и экономии времени и средств артчастей, вынужденных фактически каждый год устраивать свое хозяйство на полигонах.

Все жилые и хозяйственные постройки на полигоне в образцовом состоянии. С особой гордостью помощник коменданта полигона показывал нам бараки для офицеров, баню и солдатское казино.

В офицерском бараке каждому офицеру предоставляется, от одной до двух комнат, обставленных всеми удобствами для работы и отдыха (дико было видеть под всеми кроватями ночные горшки).

Баня построена со всеми атрибутами немецкой культурности.

Солдатское казино построено с большим комфортом и удобствами, вплоть до отдельной комнаты со специально оборудованными столами для писания писем.

В общем оборудование и материальное обеспечение полигона и расположенных на нем частей отличное.

Весьма характерный штрих. Мы поинтересовались, имеют ли место на полигоне несчастные случаи. НИ ОДНОГО НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ ПОЛИГОН ЗА ГОД НЕ ИМЕЛ. Поневоле вспомнил наши цифры. Да, организованности можно учиться у немцев.

28-го вернулись из Дрездена в Берлин.

IX. На аэродроме.

29-го был вместе с Михаилом Николаевичем на Темпельгофском аэродроме. Нам показали все новейшие пассажирские самолеты, в том числе спустившийся при нас при ночном освещении аэродрома большой пассажирский самолет Г-38.

Можно поверить Гаммерштейну, что он не читает „романов“ о будущей войне, но не поверишь, когда видишь эти воздушные гиганты, что практически немцы не работают усиленно над проблемой использования тяжелой авиации.

Фактически эти гиганты — готовые боевые машины. Очень мало требуется конструкторских дополнений для превращения их в тяжелые бомбовозы. В ту же ночь Г-38 отправляется в пассажирский рейс в Москву. Немцы также показали самолет с дизель-мотором, давший уже хорошие показатели работы мотора на тяжелом топливе.

Весьма характерное обстоятельство из области отношений к нам немцев. Рассматривая самолет Ю-14, я задавал кое-какие вопросы одному из механиков о конструктивных особенностях этого самолета. Он нехотя отвечал, уклоняясь от прямых ответов. Это услышал один из старших начальников аэродрома и вразумительно говорит механику: „Эти господа

— советские офицеры, наши друзья и союзники, говорите смелее“.

Тогда этот механик уже более откровенно рассказывал особенности этой машины, вплоть до такой детали, как легко приспособить к крыльям бомбодержатели.

X. На заводе Сименса.

30-го были на заводе Сименса. Из всего показанного нам заслуживает внимание:

1) Свето-телефонный прибор. Он очень портативен, работает безукоризненно и удобен для связи, слышимость хорошая.

2) Автоматическая приемная станция связи с постами ВНОС.

3) Автоматический прибор управления судовой артиллерии.

Совершенно очевидны огромная научно-исследовательская и опытная работа фирмы Сименс.

Фирма тратит на это дело большие средства и содержит большой штат инженеров, техников и изобретателей.

Нетрудно сделать вывод, что каждому мало-мальски ценному изобретению уделяется должное внимание и фирма в своих же лабораториях, мастерских, чертежных проводит осуществление идеи от рабочего чертежа до изготовления опытного образца. Хоть торопливо, быстро немцы показали нам несколько цехов, но резко бросилась в глаза недогрузка цехов. Экономический застой чувствуется и здесь».

Пройдет всего пять месяцев, и в мае 1933 г. по приглашению Тухачевского в Москву приедет группа высших офицеров рейхсвера под руководством начальника вооружений генерала фон Боккельберга. Это будет тот самый ответный визит на последнюю поездку в Германию советских военачальников. Как сообщают историки: «Во время поездки по СССР деятели рейхсвера побывали на таких предприятиях советской военной промышленности, как ЦАГИ, 1-й авиазавод, артиллерийский ремонтный завод в Голутвине, химзавод в Бобриках, Красно-Путиловский завод, полигон в Луге, оружейный завод в Туле, Харьковский тракторный завод, 29-й мотостроительный завод в Запорожье, орудийный завод имени Калинина в Москве, и других. 13 мая на приеме у германского посла царила приподнятая атмосфера. Ворошилов говорил о стремлении и дальше поддерживать связи между „дружественными“ армиями. Во время беседы с немцами Тухачевский подчеркнул: „Не забывайте, что нас разделяет наша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к рейхсверу. И всегда думайте вот о чем: вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе“».

4

В первых числах сентября 1933 г. на стол Ворошилова легло агентурное сообщение от источника, связанного с кругами рейхсвера. В нем говорилось: «Сотрудничество в военно-исследовательской области (совместная работа на русской территории над тем, что запрещено по Версальскому договору) будет, однако, к 15.9.33 г. временно приостановлено. Отказ от дальнейшего обмена офицерами и военными сведениями не предполагался.

К сожалению, СССР отказался отправить в Германию своих офицеров на нынешний учебный период; это сильно омрачило отношения с Германией. В ответ на это со стороны Германии последовал отказ послать германских офицеров на русские осенние маневры. Недавно приехавший в Берлин военный атташе полковник Х. доложит о состоянии военных отношений между СССР и Германии, и в соответствии с этим будут выработаны новые директивы. (…) Что касается отношений с СССР, то решающим в этом вопросе будет позиция, которую займет Советский Союз на конференции по разоружению.

Опубликование многими газетами (начиная со статей в русских газетах) сведений относительно сотрудничества с Россией в прошлые годы подействовало ошеломляюще, и прежняя точка зрения министерства рейхсвера и министерства иностранных дел поколеблена. Можно уже теперь сказать, что на конференции по разоружению Германия будет начисто отрицать военное сотрудничество с СССР, если возникнут разговоры об этом сотрудничестве».

В конце декабря 1933 г. полпредство СССР в Германии составило отчет, не подлежащий оглашению и подписанный полпредом Хинчуком 1 января 1934 г. Ознакомимся с ним:

«1933 год был переломным годом в развитии советско-германских отношений. Приход фашистов к власти в Германии поставил в порядок дня германской внешней политики осуществление давнишних антисоветских планов Гитлера и Розенберга. Конечная цель этих планов состояла в создании антисоветского блока стран Западной Европы под руководством Германии для похода на СССР и для его расчленения. Ближайшей задачей являлось подчинение Прибалтики фашистскому влиянию и поддержка украинских сепаратистов. Первая попытка к осуществлению задуманного плана, предпринятая германскими фашистами через Розенберга, Геринга, Гугенберга в марте-июле 1933 г., окончилась полным провалом. СССР

ответил на фашистскую провокацию серией пактов об определении агрессора и о нападении, заключенных с пограничными странами, а также укреплением своих отношений с Францией, Польшей и Италией. (…)

Таким образом, вместе ослабления СССР фашисты оказались перед лицом колоссально возросшего международного веса СССР. (…)

Приход фашистов к власти сопровождался разгулом террора не только по отношению к рабочим и коммунистическим организациям Германии, но также и по отношению к советским учреждениям и гражданам, находившимся в 1933 году на территории Германии. За 1933 г. фашистами было произведено 47 арестов советских граждан, в том числе 9 служащих советских организаций в Германии…

С июля 1933 г. развертывается продолжающаяся до сих пор кампания о т. н. „голоде“ в СССР. По размаху и широте эта кампания беспрецедентна в истории антисоветских кампаний. В августе развернулась бешенная персональная травля т. Литвинова в связи с его пребыванием в Ройате (Франция).

1933 год был, бесспорно, переломным годом в развитии советско-германских отношений.

Рост германских вооружений и трудности экспансии на запад и юго-восток Европы будут толкать Гитлера также на дальнейшее обострение отношений с СССР.

Советско-германский товарооборот в первые девять месяцев 1933 г., по сравнению с тем же периодом 1932 г., уменьшился на 45,7 %; при этом германский импорт из СССР уменьшился на 37 %, а германский экспорт в СССР на 49,9 %. Значительное сокращение всего товарооборота и особенно сокращение германского экспорта в СССР обусловили довольно сильное, абсолютное сокращение (на 61,1 %) активного для Германии сальдо советско-германского торгового баланса».

Действительно, приход к власти Гитлера «резко повлиял на внешнеполитический курс обеих стран. Тем не менее советско-германские контакты еще продолжались на разных уровнях, правда, характер их стал иным. В этот период не заключаются крупные долговременные соглашения о сотрудничестве, и речь идет исключительно о малозначимых договорах, связанных с покупкой отдельных образцов военной техники и вооружения. Политика улыбок и всякого рода заверений в дружбе носит чисто дипломатический характер. На самом деле стороны проявляют все большее недоверие и подозрительность друг к другу, следя за каждым шагом союзника для выяснения характера и перспектив дальнейших военно-политических отношений».

Словом, отношения двух стран-изгоев, и без того не самые дружественные, стали абсолютно натянутыми. И виною тому стал прежде всего Адольф Гитлер.

В книге «Самоубийство» небезызвестный нам бывший капитан Резун сообщает из Лондона о том, что (по Троцкому) без Сталина не было бы Гитлера (Самоубийство. С. 57). Вроде бы он и сам об этом хотел написать, но, к сожалению, такая книга оказалась написанной германским историком Томасом Вайнгартнером: «Сталин и возвышение Гитлера. Политика Советского Союза и Коммунистического Интернационала по отношению к Германии». Он то и дело отсылает нас к этой книге, настоятельно ее рекомендуя.

Далее Резун пишет, как всегда, для обывателя: «Каждый, кто знает „Майн кампф“ в объеме одной цитаты, упрекает Сталина в близорукости: ведь Гитлер сам написал, что ему нужны земли на Востоке. Однако Сталин в отличие от Хрущева, Некрича и тысяч других обвинителей читал „Майн кампф“ полностью. До самой последней страницы. До корочки. И вычитал товарищ Сталин, что главную задачу будущей Германии Гитлер видел не в землях на Востоке, об этом в книге одна фраза, а в том, чтобы освободить Германию от оков Версальского договора» (Самоубийство. С. 58).

Что ж, Сталин действительно читал эту книгу, да и не только он один. Не менее внимательно читал ее Уинстон Черчилль — кстати сказать, выдающийся государственный и политический деятель Великобритании. В отличие от предателя своей Родины, который и на чужбине таковым считается, хоть и работает «профессором», У. Черчиллю, как истинному противнику большевизма, верить можно. Так вот что он писал: «Главный тезис, лежащий в основе „Майн кампф“, очень прост: человек есть воинственное животное; отсюда нация, будучи сообществом борцов, представляет собой боевую единицу.

Любой живой организм, прекращающий борьбу за существование, обречен на уничтожение. Страна или раса, перестающие бороться, точно так же обречены на гибель. Боеспособность расы зависит от ее чистоты. Отсюда необходимость очищения ее от чуждых, загрязняющих ее элементов. Еврейская раса, ввиду ее повсеместного распространения, по необходимости является пацифистской и интернационалистской. Пацифизм — это страшнейший из грехов, ибо он означает отказ расы от борьбы за существование.

Любое государство обязано прививать массам националистические чувства — это его первейший долг. Конечная цель образования — воспитать немца, который требовал бы минимального обучения для

превращения в солдата» (У. Черчилль. Вторая мировая война. С. 36–37).

И вот мы подходим к главному: «Внешняя политика может быть неразборчивой в средствах. Дипломатия не должна предоставлять стране героически гибнуть, а напротив, она должна заботиться о том, чтобы страна жила и процветала.

Англия и Италия являются двумя единственно возможными союзниками Германии. Если Германия сама не позаботится о себе, никто о ней не позаботится. Ни торжественное обращение к Небесам, ни благочестивые надежды на Лигу Наций не вернут ей утраченных территорий. Они могут быть возвращены силой оружия. Германия не должна повторять старую ошибку — бороться со всеми врагами сразу. Совершить нападение на Францию исключительно по эмоциональным мотивам было бы глупо. В чем нуждается Германия, так это в расширении своей территории в Европе. Довоенная колониальная политика Германии была ошибочной, и от нее надо отказаться. Германия, чтобы получать новые территории, должна обращать свои взоры к России и в особенности к Прибалтийским государствам. Никакой союз с Россией недопустим. Вести войну вместе с Россией против Запада было бы преступно, так как целью Советов является торжество международного иудаизма.

Таковы были „краеугольные камни“ его политики» (С. 37–38).

Во второй главе мы достаточно часто обращались к «Майн кампф», чтобы было несложно уличать Резуна во все новой лжи. В этой «Библии» Гитлера неоднократно говорится и о землях на Востоке, и о населяющих их евреях и недочеловеках.

Весной 1933 г. Л. Д. Троцкий, на которого опирается Резун, писал: «Гитлеровское движение добилось победы при помощи 17 млн отчаявшихся людей, это показывает, что капиталистическая Германия потеряла веру в разлагающуюся Европу, которая была превращена Версальским договором в сумасшедший дом, но не запаслась предварительно смирительной рубашкой».

Далее Троцкий говорит о неправильной политике коммунистической партии, об абсурдной аксиоме ее лидеров, когда социал-демократы и национал-социалисты были названы соседями. По его мнению, именно ошибки деморализовали пролетариат и укрепили позиции фашизма. Следовательно, между «ошибкой» и «намерением» разница существенная, о чем предатели знают лучше всех, но сами никогда не признаются. Из-за трусости! Кстати сказать, Л. Д. Троцкий стоял у истоков союза с рейхсвером. Но, оказавшись на чужбине, не мог простить унижения и был словоохотлив.

Однако вернемся к Черчиллю: «Настоящей политической силой в Германии и устойчивым элементом государства в послевоенные годы являлся генеральный штаб германской армии, или рейхсвера. Это он назначал и смещал президентов и кабинеты. Он нашел символ своей власти и исполнения своей воли в лице маршала Гинденбурга. Но в 1930 году Гинденбургу было уже 83 года. С этого времени характер его стал портиться, а ум слабеть. (…) Генералам давно уже было ясно, что престарелому маршалу надо будет искать подходящего преемника. Но к моменту начавшихся поисков нового человека подоспел бурный рост и укрепление национал-социалистического движения. После провала мюнхенского путча в 1923 году Гитлер провозгласил программу соблюдения строжайшей законности в рамках Веймарской конституции. Но в то же время он разрабатывал планы и поощрял расширение военных и полувоенных формирований нацистской партии. (…) Всесторонне осмыслив происходящее в стране, рейхсвер вынужден был признать, что в оппозиции к нацистскому движению он уже не способен сохранять контроль над Германией. Общей чертой для обеих групп была их решимость вывести Германию из пропасти и отомстить за ее поражение. Но если рейхсвер олицетворял собой регламентированную структуру кайзеровской империи и представлял интересы феодальных, аристократических и других имущих классов германского общества, то СА в значительной мере превратились в бунтарское движение, раздуваемое недовольством эмоционально возбудимых или озлобленных подрывных элементов и отчаянием разоренных людей.

Для рейхсвера ссориться с нацистской партией означало раздирать побежденную страну на части. В 1931 и 1932 годах руководители армии пришли к выводу, что им надо как в своих собственных интересах, так и в интересах страны, объединить свои силы с теми самыми элементами, которым они противостояли до сих пор в вопросах внутренней политики, со всей твердостью и суровостью, присущими немцам. (…)

Руководители армии постепенно пришли к заключению, что в стране настолько сильно влияние нацистской партии, что Гитлер является единственно возможным преемником Гинденбурга в качестве главы германского государства.

Гитлер, со своей стороны, знал, что для осуществления его программы возрождения Германии необходим союз с правящей верхушкой рейхсвера.

Сделка была заключена, и руководители германской армии стали убеждать Гинденбурга рассматривать Гитлера как кандидата на пост рейхсканцлера. Согласившись ограничить деятельность

коричневорубашечников, подчинить их генеральному штабу, а со временем, если понадобится, то и вовсе их ликвидировать, Гитлер заручился поддержкой самых влиятельных сил в Германии, достиг вершины административной лестницы и добился явного перемещения центра верховной власти в германском государстве. (…)

Если ключом к некоторым политическим комбинациям внутри Германии был генеральный штаб армии, то были и те, кто владел этим ключом.

Генерал Курт фон Шлейхер в то время демонстрировал острый, проницательный ум и при случае оказывал решающее влияние на события. (…) Шлейхер был глубоко убежден в том, что нацистское движение — серьезная сила, что ему необходимо оказывать сопротивление и контролировать его.

С другой стороны, он видел, что в этом потрясающем движении масс и постоянно растущей армии СА скрыто оружие, которое при правильном использовании генеральным штабом могло бы подтвердить былое величие Германии и, возможно, даже приумножить его. Поэтому в 1931 году Шлейхер вступил в тайный сговор с Ремом.

Таким образом, велась двойная игра: генеральный штаб договаривался с Гитлером, а Шлейхер, преследуя свой личный интерес, устраивал заговор с потенциальным конкурентом Гитлера Ремом. Контакты Шлейхера со штурмовым подразделением нацистской партии и особенно с Ремом прекратились через три года, когда он и Рем были застрелены по распоряжению Гитлера» (С. 38–41).

Следовательно, и по мнению Черчилля к власти Гитлера привел рейхсвер, а не Сталин!

После ухода кайзера президентом Веймарской республики стал Гинденбург. Именно он вручил власть в стране Гитлеру. А так как армия и ее генералы (все с приставками «фон») являлись важной опорой фюрера во время борьбы за власть, то ему приходилось быть чрезвычайно осторожным.

Как пишут Д. Мельников и Л. Черная в книге «Империя смерти»: «После событий 30 июня 1934 г. наступил „медовый месяц“ во взаимоотношениях фюрера с рейхсвером». Назвав армию «единственной вооруженной силой» в государстве, Гитлер получил от нее «слова заверения в готовности „напрячь все силы для достижения общей цели“, то есть для восстановления военной мощи Германии».

В начале марта 1933 г. Гитлер сказал:

— Я стремлюсь к полноте политической власти. Я ставлю себе срок в

6–8 лет, чтобы совершенно уничтожить марксизм. Тогда армия будет способна вести активную внешнюю политику и цель экспансии немецкого народа будет достигнута вооруженной рукой. Этой целью будет, вероятно, Восток… Вы никогда не встретите человека, который так же как я отдавал бы себя целиком, со всей силой своей цели, спасению Германии. И за это я готов отдать свою жизнь.

И это были уже не пустые слова.

5

Сказать, что приход Гитлера к власти вызвал взрыв энтузиазма в рейхсвере — это не сказать ничего. Ведь четвертая часть офицеров рейхсвера были выходцами из консервативной аристократии. Новый вождь импонировал им прежде всего своим отношением к будущему германской армии. Настоящая служба офицеров была слишком застойной и не давала больших возможностей для карьеры. Элита нации была лишена почтения в обществе, а ее будни были серыми и тоскливыми. «Солдаты превратились в чиновников, офицеры стали кандидатами на пенсию. Перспектива есть только в полицейских войсках. Люди обычно не понимают, какая драма заключена в словах „12 лет быть младшим офицером“», — писал лейтенант рейхсвера в нацистском ежедневнике.

И вот новый канцлер пообещал вернуть чувство гордости, прежде всего военному сословию!

Уже осенью 1934 г. состав германской армии увеличился в три раза. Так, на базе семи пехотных дивизий была образована 21 дивизия, состоящая из двух пехотных полков 4-батальонного состава. Артиллерийские дивизионы имели по две батареи, а кавалерийские части были моторизованы.

Теперь в солдаты забирали на один год.

Если до 1933 г. ежегодно зачислялись кандидатами в офицеры 180–200 молодых людей, то теперь их количество возросло до 500. В ряды офицеров также монолитно влились и унтер-офицеры, благодаря своему высокому уровню обучения в частях рейхсвера. Их оказалось около 1500. Более того, из полиции было взято еще около 2500 офицеров. На службу снова призвали бывших офицеров старой армии и рейхсвера. Были призваны и офицеры резерва.

Важно отметить, что начиная с осени 1933 г. в германской армии было разрешено отдавать приказы о проведении при необходимости скрытой

мобилизации для некоторой части сухопутных сил, но при этом сохранялась возможность дальнейшего расширения мобилизации.

В марте 1935 г. в Германии было объявлено о создании вооруженных сил (вермахта) и о введении всеобщей воинской повинности. Теперь германская армия мирного времени должна была состоять из 36 дивизий, объединенных в 12 армейских корпусов.

Так, в мобилизационный период 1935/1936 г. было создано 31 соединение (23 пехотных дивизии, 1 горнострелковая дивизия, 3 танковых дивизии, 1 кавалерийская бригада, 1 легкая моторизованная бригада мирного времени, 8 резервных дивизий и 21 дивизия ландвера).

Итоговая численность германских вооруженных сил к лету 1935 г. составить, по мнению советской стороны, от 849 000 чел. до 909 000 чел. Уже тогда германская армия имела в наличии 661 000 легковых автомобилей, 191 000 грузовых машин и 983 000 мотоциклов.

В 1935 г. М. Н. Тухачевский писал: «Германская военная промышленность практически вступила на путь все прогрессирующей мобилизации. Возможная продукция мобилизованной германской военной промышленности общеизвестна. В один-два года она может вооружить армию, какая была у кайзера к концу империалистической войны».

И он был прав. При этом до 1936 г. «Гитлер требовал оздоровления экономики, гарантирующей политическую стабилизацию режима, а также быстрое решение общественных и экономических проблем; политика играла обслуживающую роль по отношению к экономике». А потом он видел здоровую экономику на службе политике: «речь шла о создании сильной экономики», направленной исключительно на военные цели и ведение войны. Теперь «частные интересы или рациональные экономические принципы не принимались в расчет». Как отмечает Ричард Оувери: «Эти шаги, направленные на реализацию обещаний нацистов, совпали по времени с фундаментальными изменениями условий неписанного союза, который заключили остававшиеся во властных структурах консерваторы и нацистская партия в 1934–1936 годах. В этот период как армия, так и крупные промышленники и финансисты были удовлетворены тем, что нацистское движение не проводит такой радикальной политики, которой они опасались». «Гитлер (по необходимости) вопрос экономического возрождения оставил знавшим в этом толк бюрократам и группам предпринимателей, а проблемы вооружения и ремилитаризацию — генералам».

«Цели нацизма, — продолжает Р. Оувери, — которые проявились после кризиса середины 30-х годов, были ясно сформулированы — во-

первых, создать в Европе и Азии немецкую империю, которая стала бы державой мирового масштаба и уничтожила бы традиционных врагов Германии, во-вторых, создать экономику и государственный аппарат, которые поддерживали бы эту империалистическую программу. Ключом к реализации этих целей были экономическая мощь и наращивание вооружений, которые требовали лишений в настоящее время, а в будущем, после войны, должны были гарантировать благополучие и культурную гегемонию».

Таким образом, основное вложение капитала осуществлялось в тяжелую промышленность (производство железа, стали, химическая промышленность и машиностроение) за счет прежде всего производства потребительских товаров и строительства («В 1939 г. величина всех инвестиции в промышленности, занимавшейся производством потребительских товаров, по-прежнему была меньше, чем в 1926 году, зато величина инвестиций в тяжелой промышленности возросла больше чем в два раза по сравнению с 1928 годом».)

Тухачевский считал, что Фон Сект первым в германской военной литературе поставил вопрос о том, что «целью современной стратегии будет добиться решения при помощи подвижных, высококачественных, способных к ведению операций сил, — без того или до того, как массы придут в движение». К слову, знаменитая моторизация германской армии получила широкий размах в 1933 г., когда было создано управление бронетанковых войск. Управление возглавил генерал-лейтенант Лютц, а начальником штаба стал полковник Гудериан. Если учесть, что первые научные исследования в вопросах применения танков в Германии относятся к 1926 г., то реальная работа началась только в 1933 г. с использованием сельскохозяйственных тракторов.

Летом 1935 г. на полигоне в Мюнстере были проведены учения первой танковой дивизии, после которых был отдан приказ о формировании трех дивизий по ее образцу.

В связи с этим под Берлином была создана первая танковая школа, где изучались новые теоретические положения, а на специальных курсах в Дебериц-Эльсгрунде проводились практические занятия по вождению танков. Вскоре кавалерийскую школу в Крампнице фактически наполовину использовали под подготовку стрелков-мотоциклистов и экипажей бронеавтомобилей. А позже она перешла на обучение подразделений мотопехоты и бронеавтомобилей (2-я бронеавтомобилей).

«Создав бронетанковые войска, — вспоминал Г. Гудериан, — и признав их основным родом войск, командование немецкой армии отошло

от существовавшей в то время в иностранных армиях точки зрения на танки лишь как на средство сопровождения пехоты. По новой концепции, танковые соединения должны были полностью использовать скорость и радиус действия танков».

Тем не менее в 1936 г. Гудериан пришел к выводу, «что одни только танки не смогут решить все задачи и поэтому должны постоянно взаимодействовать с другими родами войск. Исходя из этого, танковым дивизиям придавали соответствующие их задачам средства сопровождения. Война целиком подтвердила правильность этой концепции, и организация дивизии осталась в основном неизменной».

В 1937 г. Г. Гудериан в сжатом виде изложил свои взгляды в отношении основных принципов организации бронетанковых войск в военном журнале. В частности, он писал: «В наступлении танки являются основным родом войск, и эту свою точку зрения мы будем твердо отстаивать до тех пор, пока техника не обеспечит нас чем-то более лучшим. (…) Наоборот, мы считаем, что бронированные моторы могут донести наше оружие к месторасположению противника без такой предварительной артиллерийской подготовки, если только будут соблюдены следующие важнейшие условия: движение по удобной местности, внезапность, массированное использование танков».

После того как немецкие бронетанковые войска получили первое боевое крещение в Испании в 1938 г., к 1 сентября 1939 г. они насчитывали 3195 танков (в т. ч. T-I — 1445, T-II — 1223, T-III — 98, T-IV — 211).

Новый мобилизационный план, который был принят в Германии 1 марта 1939 г. и должен был действовать до весны 1940 года, в сущности, лег в основу создания сухопутных сил военного времени. Как писал немецкий генерал Б. Мюллер-Гиллебранд: «В течение года, предшествовавшего принятию нового плана, значительно улучшилось оснащение армии вооружением и техникой: выросло промышленное производство и увеличился военно-экономический потенциал страны за счет присоединения чешской военной и тяжелой промышленности.

Теперь можно было рассчитывать на ежегодное производство вооружения и снаряжения в количестве, достаточном для оснащения до 12 дивизий, однако без необходимых мобилизационных запасов. В связи с увольнением в запас очередного контингента, прошедшего действительную службу, и расширением краткосрочной подготовки так называемых „белых“ призывных возрастов в учебных подразделениях комплектование армии личным составом также несколько улучшилось». В период с 1937/1938 г. по 1939/1940 г. вермахту удалось значительно увеличить численность полевых

войск (с 1382 тыс., или 71 дивизии до 2108 тыс., или 103 дивизий) и уменьшить численность армии резерва за счет призывников. «В мобилизационный период 1939/40 г. база комплектования действующей армии значительно расширилась и для армии резерва могла быть предусмотрена нормальная численность, соответственно численности действующей армии. Большой численный состав строительных войск объяснялся наличием системы трудовой повинности; за счет строительных войск в значительной мере пополнялась действующая армия».

Здесь важно отметить, что, превращая вермахт в современную и моторизованную наступательную армию, Гитлер делал все, чтобы не допустить сосредоточения большой власти в одних руках. Безусловно, только с этой целью он ввел военную присягу на верность фюреру, а в марте 1935 г. передал командование люфтваффе Герингу. Как писал немецкий генерал: «Многократное увеличение офицерского корпуса в годы строительства сухопутных сил начиная с 1934 г. способствовало также ликвидации замкнутости офицерского корпуса сухопутных сил». А в феврале 1938 г. Гитлер лично возглавил все вооруженные силы. Соответственно, не будучи ни военачальником, ни тем более полководцем, фюрер был не в состоянии решать абсолютно все вопросы, которыми занимался главнокомандующий. Следовательно, только поэтому начальнику военно-политического управления Военного министерства генералу Кейтелю, как его ближайшему помощнику, теперь была поручена чрезвычайно трудная и ответственная роль. Он стал начальником штаба ОКВ, в рамках которого был создан штаб оперативного руководства вермахтом с двумя отделами: отделом обороны и отделом связи вооруженных сил. Б. Мюллер-Гиллебрант подчеркивал: «Это было сделано, чтобы передать дело оперативного руководства в твердые руки. Начальнику штаба оперативного руководства было предоставлено право личного доклада Гитлеру, так что практически он находился в равном положении с начальником штаба ОКВ. Таким образом, внутри Верховного командования вермахта, хотя и бессознательно, произошло разделение функций генералиссимуса и военного министра.

Таким образом, личное положение Гитлера, безусловно, значительно упрочилось. Но авторитет нового главного штаба Вермахта в глазах главнокомандующих видами вооруженных сил в результате назначения генерала Кейтеля на должность его начальника значительно понизился. Функции генералиссимуса делились теперь не только между Гитлером как верховным главнокомандующим вермахтом и главнокомандующим сухопутными силами, но и между начальником штаба ОКВ и начальником

штаба оперативного руководства Вермахтом, не говоря уже о главнокомандующем военно-морскими силами и главнокомандующем военно-воздушными силами».

Информация к размышлению: Вильгельм Бодевин Иоганн Густав Кейтель.

Будущий фельдмаршал родился 22 сентября 1882 г. В 1992 г. его отдали учиться в королевскую гимназию, а на Пасху 1900 г. после перехода в старшие классы отец записал Вильгельма кандидатом в офицеры в полк полевой артиллерии (служба в кавалерии была дорогой).

В 1902 г. Кейтеля производят в чин лейтенанта, в этом же году он учится на курсах в артиллерийском училище.

В 1908 г. — он полковой адъютант, в 1910 г. — произведен в чин обер-лейтенанта (старшего лейтенанта), в 1914 г. — произведен в чин гауптмана (капитана).

К слову, Кейтель в течение всей зимы 1913/14 г. занимается теорией генштабовской службы. По его собственному признанию, он штудировал «серого осла» (так в военной среде называли справочник для офицеров генерального штаба).

С началом Первой мировой войны Кейтель участвует в боях (46-й полк полевой артиллерии был направлен на фронт в Бельгию и там перешел границу). В сентябре 1914 г. Кейтель был ранен осколком снаряда в правое предплечье (ему разорвало артерию, и угрожающее гибелью кровотечение удалось остановить с большим трудом).

После излечения он снова отправляется на фронт и командует на Западном фронте батареей 46-го полка. В марте 1915 г. Кейтеля назначают в Генеральный штаб. Уже тогда в нем отмечают добросовестность и удивительное прилежание. И он действительно стремился неустанным трудом восполнить с помощью самообразования недостаток в знаниях (и даже наверстал то, что ему поначалу недоставало для успеха в дальнейшей военной карьере).

В конце войны Кейтель служил в 19-й резервной пехотной дивизии, а затем в должности начальника оперативного отдела в штабе корпуса морской пехоты во Фландрии.

Еще в дивизии он познакомился с начальником оперативного отдела 7-й армии майором Вернером фон Бломбергом, который очень скоро станет военным министром и фельдмаршалом, но самое главное — будет частью жизни Кейтеля.

После Версальского мирного договора Кейтель остается в армии и в течение трех лет проходит службу инструктором в кавалерийской школе, а

затем его переводят в штаб артиллерийского полка. В 1923 г. Кейтеля производят в чин майора. С 1925 до 1933 г. он (с небольшим перерывом для службы в войсках в качестве командира дивизиона 6-го артиллерийского полка) служит в министерстве рейхсвера, в организационном отделе (Т-2) сухопутных войск войскового управления. Сначала начальником группы, а с 1930 г. — начальником отдела. Известно, что к тому времени относятся его первые составленные вместе с полковником Гейером соображения о будущей современной организации высших командных органов вооруженных сил. Генерал-лейтенант Ветцель, один из ближайших сотрудников Секта, будучи начальником войскового управления, этого неофициального генерального штаба рейхсвера, включил Кейтеля в свое непосредственное окружение и привлек в качестве разработчика проблем боеспособности небольшой по численности армии и создания резервных частей для ее развертывания в случае войны. Несколько позже на долю возглавленного Кейтелем отдела выпала теоретическая подготовка увеличения численности рейхсвера.

В 1929 г. его производят в чин оберстлейтенанта (подполковника).

Летом 1931 г. полковник Кейтель выезжает в Советский Союз в составе делегации германских офицеров, а осенью 1932 г. во время охоты у него произошло воспаление вены правой голени, вызванное ношением обмоток. Несколько недель будущий фельдмаршал не обращал на это внимания, но с каждым днем ему становилось хуже. После реабилитации, которая затянулась из-за рецидива тромбофлебита, он уехал в санаторий в Чешские Татры.

В начале октября 1933 г. Кейтель вступает в должность командующего территориальными войсками Потсдамского округа и начальником гарнизона г. Потсдама, в который входили два полка, дивизион и некоторые другие части.

Весной 1934 г. ему предложили сформировать новую дивизию, а летом этого же года сформировать дивизию в Лигнице. Но Кейтель твердо решил подать в отставку, и когда ему предложили любую другую дивизию на выбор, он выбирает Бремен и остается на службе.

В августе 1935 г. генерал-майору Кейтелю предлагают должность начальника управления вооруженных сил. По настоянию жены он соглашается. А в 1936 г. производят в чин генерал-лейтенанта.

Сам Кейтель вспоминал о новой работе следующее: «Еще в 1936 г. я, пусть и шаг за шагом, все же начал организовать штаб Верховного главнокомандующего вооруженными силами рейха первоначально в виде управления ими. Передо мной стояли следующие задачи:

а) заложить ядро оперативно-стратегического „руководящего штаба“ для всего вермахта;

б) осуществить на высшем уровне координацию трех составных частей вооруженных сил.

Девизом служило: „Никакого сверхминистерства, никакой рахитичной надстройки!“ Надо привлечь к этому делу первоклассных профессионалов, которым следует использовать уже имеющиеся специальные органы трех видов вооруженных сил, а особенно обладающий соответствующим опытом аппарат главнокомандования сухопутных войск. Многократно внушавшиеся мне идеи центрального министерства для всего вермахта я отвергал точно так же, как и стремления армии и военно-морского флота к созданию своих самостоятельных министерств. „Направлять“, „координировать“, „констатировать“, а вовсе не подменять существующие в трех видах вооруженных сил органы и отнюдь не подчинять их себе — такова была моя цель.

Мой опыт подтверждал правильность такого решения. Все что не требовало подобной унификации, надо и можно было оставить в компетенции составных частей вермахта. Уже по одному тому и для осуществления данного процесса они должны были сохранить свои специальные органы. Для этого я стремился укомплектовать подчиненные мне центральные инстанции наилучшими специалистами из всех составляющих вермахт видов вооруженных сил, которые могли обеспечить требующуюся надпартийность и отставание своих специфических интересов.

Первым новым „творением“ явился центральный отдел по подбору персонала самого штаба, а также по обработке направляемых министру жалоб. Затем последовало создание абвера, задачи которого вполне закономерно расширялись в интересах всего вермахта».

Никто и никогда не отрицал у Кейтеля огромных организаторских способностей, при этом он слыл «удобным подчиненным». А генерал Ф. Гальдер называл его даже «рабочим скотом».

Что и говорить, генерал Кейтель поддерживал самого фюрера, как казалось многим военачальникам, вопреки существующим реалиям. Тем не менее очень скоро ему удалось завоевать расположение Гитлера. Не без помощи Кейтеля (через Геринга) Бломберга убирают в отставку, а его вызывают к фюреру. На этом приеме он назначает генерала начальником штаба ОКВ. Немного позже Кейтель получит прозвище «Лакейтель». Однако сам фельдмаршал был «искренне убежден, что его назначение предписывало ему отождествлять себя с пожеланиями и указаниями

Верховного главнокомандующего даже в тех случаях, когда он лично с ними не согласен, и честно доводить их до сведения всех нижестоящих».

За победу над Францией Кейтель получил чин фельдмаршала (19 июля 1940 г.).

Историческая справка: Верховное главнокомандование вермахта (ОКВ) как военный штаб фюрера на его посту Верховного главнокомандующего вооруженными силами после многократных внутренних преобразований состояло из следующих подразделений:

1. Штаб (управление) оперативного руководства; начальник — генерал-полковник Йодль.

2. Управление общих дел (включая отдел по делам военнопленных); начальник — генерал пехоты Рейнике.

3. Управление зарубежной разведки (абвер «Заграница»); начальник — адмирал Канарис.

4. Управление военной экономики и вооружений, расформировано зимой 1940/41 г, с передачей вопросов вооружения министру Тодту.

5. Управление военной экономики (оставшаяся часть прежнего управления); начальник — генерал пехоты Томас.

6. Управление резерва; начальник — генерал-майор Видеман.

7. Центральное управление вермахта (личный состав, ведение личных дел. Ордена); начальник — генерал-лейтенант Винтер.

8. Финансовый отдел: начальник — министериаль-директор д-р Тишбейн.

9. Начальник штаба сухопутных войск ОКВ (по вопросам вооружения армии) — лично ответственный перед фюрером генерал пехоты Вальтер Буле.

Начальнику ОКВ фюрером были подчинены:

а) командующие тыловыми военными округами (одновременно они являлись и заместителями командиров соответствующих военным округам армейских корпусов и подчинялись командующему армией резерва);

б) полномочные генералы при союзных государствах;

в) начальник военно-санитарной службы вермахта (генерал-полковник медицинской службы д-р Хандлозер);

д) начальник транспортной службы вермахта (генерал пехоты Герке);

е) начальник связи вермахта генерал войск связи Фельгибель.

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн вспоминал: «25 августа в 15 ч. 25 м. из ОКХ прибыл шифрованный приказ: „Операция „Вейс““, первый день „у“ — 26.8, 4 ч. 30 м.

Решение о начале войны, в которую мы до той поры не хотели верить, было, следовательно, принято.

Я сидел с генерал-полковником фон Рунштедтом в нашем штабе в монастыре Гейлигес Кройц в Нейссе (Ниса) за ужином, когда в 20 ч. 30 м. из ОКХ был передан по телефону следующий приказ: „Открывать военные действия запрещено. Немедленно остановить войска. Мобилизация продолжается. Развертывание по плану „Вейс“ и „Вест“ продолжать, как намечено“.

Каждый солдат может понять, что означает это изменение приказа о наступлении в последний момент. Три армии, находившиеся на марше к границе в районе, простирающемся от Нижней Силезии до Восточной Словакии, необходимо было остановить в течение нескольких часов; при этом надо учесть, что все штабы, по крайней мере до штабов дивизий включительно, также находились на марше и что по соображениям маскировки радиосвязь еще не была разрешена. Несмотря на все трудности, все же удалось всюду своевременно передать приказ. (…)

О причинах, которые побудили Гитлера, по-видимому, в последний момент изменить свое решение начать войну, мы ничего не узнали. Говорили только, что еще ведутся переговоры».

«Как можно было принять такое решение, — возмущался фельдмаршал, — чтобы затем через несколько часов снова отменить его? Следовало прежде всего учесть, что подобная отмена с военной точки зрения должна была привести к тяжелым последствиям». Однако, несмотря на отмену Гитлером приказа о переходе в наступление 26 августа, во второй половине дня 25-го скрытая мобилизация и стратегическое развертывание сил продолжались.

Более того, когда 1 сентября польская кампания все же началась, значительная часть сил уже находилась в исходных районах. А утрата внезапности была компенсирована созданием более мощной группировки войск. В общем, если в первоначальный день наступления вермахт мог располагать только большинством моторизованных соединений и частью пехотных дивизий ускоренных сроков приведения в боевую готовность, то остальным требовалось на отмобилизование и переброску от 3 до 7 дней. Соответственно, к 1 сентября многие соединения вермахта были готовы к боевому использованию в кампании.

Германия выставила против Польши 42 кадровые дивизии (в т. ч. 24

пехотные, 3 горнострелковые, 6 танковых, 4 легкие, 4 моторизованные пехотные и 1 кавалерийскую бригаду; две группы армий «Север» и «Юг»).

На Западе она оставила всего 46 дивизий, из которых, по мнению Манштейна, «только несколько могли быть признаны лишь условно годными для участия в боевых действиях».

Целых два воздушных флота поддерживали сухопутную группировку вермахта, а это две трети всей авиации рейха (1302 самолета первой линии, 133 самолета в личном резерве Геринга и 216 машин, предназначенных для защиты неба над Восточной Германией). Следовательно, риск, на который пошел Гитлер, был чрезвычайно огромным. Но, как известно, он рисковал всегда!

Соотношение сил на германо-польском фронте в сентябре 1939 г. достигло следующих цифр: армия Германии насчитывала 61 дивизию, 1 бригаду, 1800 тыс. личного состава, 13 500 орудий и минометов, 2533 танков и 2231 самолетов; армия Польши насчитывала 33 дивизии, 13 бригад, 1000 тыс. личного состава, 4300 орудий и минометов, 610 танков и 824 самолета.

По мнению Манштейна, «Польский Генеральный Штаб не имел своей подкрепленной многолетним опытом военной доктрины. Вообще говоря, польскому темпераменту больше соответствовала идея наступления, чем обороны. Романтические представления минувших времен, по крайней мере подсознательно, еще сохраняли свою силу в головах польских солдат».

Далее он писал: «Возможно, что в основе плана развертывания польской армии, кроме желания „ничего не отдавать“ вообще не было никакой ясной оперативной идеи; существовал лишь компромисс между необходимостью обороняться от превосходящих сил противника и прежними заносчивыми планами наступления».

И еще один, очень любопытный момент: «Главные силы польской армии не должны были, как это произошло в 1939 г., сосредотачиваться вблизи границы; их сосредоточение должно было происходить на таком удалении от нее, чтобы можно было своевременно установить направление главного удара германской армии».

Примечательно, что несмотря на подтверждение англичан выполнить свои обязательства по договору о взаимопомощи перед Польшей, Гитлер все же решился на действия по плану «Вайс».

В 4.30 утра 1 сентября 1939 г. люфтваффе нанесли массированный удар по польским аэродромам. Вермахт наступал двумя фланговыми группировками, практически полностью отказавшись от лобового удара.

К 5 сентября германские войска заняли «польский коридор», частично разгромив соединения польской армии «Поможе». Но, что характерно, тогда же, 1 сентября, Лондон и Париж, вместо оказания помощи Польше, продолжали искать пути «урегулирования конфликта» мирным путем, а по сути, уклонялись от прямого вступления в войну. На другой день они же предложили Гитлеру в случае вывода войск, начать переговоры. Но от таких дипломатических шагов Гитлер становился все увереннее. И даже когда 3 сентября Англия и Франция объявили Германии войну, желая «спасти лицо», Гитлер не дрогнул тем более.

По авторитетному мнению генерала Ф. Гальдера, «в сентябре 1939 г. англо-французские войска могли бы, не встречая серьезного сопротивления, пересечь Рейн и угрожать Рурскому бассейну, обладание которым являлось решающим фактором для ведения Германией войны».

В сущности, «западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу», — писал другой генерал, Б. Мюллер-Гиллебранд.

Но 17 сентября 1939 г. войска Красной армии перешли восточную границу Польши. Отметим лишь, что после того, как 16-го правительство Польши бежало в Румынию. Это как раз-таки ответ на вопрос: кто первым начал Вторую мировую войну? А если у кого-то возникнет вопрос: кто больше воевал там, Германия или СССР? Тут тоже найдется вполне убедительный ответ. Если Германия потеряла в Польше только убитыми 10 572 человек и ранеными 30 322 человека, то СССР — убитыми 1173 человека и ранеными 2002 человека.

«Примерно 20 сентября началась переброска сил из Польши с целью усиления немецкой группировки на Западе. 27 сентября столица Польши Варшава перешла в руки немецких войск». Б. Мюллер-Гиллебранд считал, что «вследствие слишком резкого увеличения численности сухопутной армии боевая подготовка и внутренняя спаянность войск не всегда еще были на должном уровне. Блестящий успех польской кампании не мог скрыть этих недостатков. Его удалось добиться благодаря превосходству в силах и в современном вооружении (особенно в авиации и бронетанковых войсках), которому польская армия, сражавшаяся храбро и с ожесточением, не могла противопоставить ничего равноценного. Важную роль сыграл при этом тот факт, что немецкое командование в результате применения новой тактики массированного использования танковых и моторизованных соединений часто ставило польское командование перед такими трудностями, с которыми последнее не в состоянии было справиться».

Характерно, что в конце декабря 1940 г. в Москве на совещании

высшего командного и политического состава Красной армии в своей заключительной речи нарком обороны маршал С. К. Тимошенко высказал убеждение в том, что «в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового».

Зато немецкие генералы были несколько иного мнения о своих успехах. «Польский поход, — вспоминал Г. Гудериан, — явился боевым крещением для моих танковых соединений. Я пришел к убеждению, что они полностью себя оправдали, а затраченные на их создание усилия окупились».

А вот мнение Эриха фон Манштейна: «Быструю и решительную победу, одержанную в польской кампании, следует все же приписать не только влиянию благоприятной оперативной обстановки, но и достигнутому благодаря большому риску превосходству на стороне немцев, лучшему управлению войсками и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка авиации, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, был наступательный порыв, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настолько же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы.

Самым важным, однако, было то, что тот маленький рейхсвер, на который многие в свое время смотрели сверху вниз, сумел спасти после поражения во время Первой мировой войны и оживить великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск. Новая немецкая армия — детище этого рейхсвера — была, очевидно, единственной армией, сумевшей преодолеть вырождение войны в позиционную войну, или, как выразился генерал Фуллер в отношении боевых действий в последний период Первой мировой войны, в „торговле железом“. Германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны.

Самостоятельность, не предоставлявшаяся в такой степени командирам никакой другой армии — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты, — вот в чем состоял секрет успеха. А это наследство опять-таки сохранил и передал дальше рейхсвер».

После разгрома Польши германская армия, используя стратегическую паузу, готовилась к дальнейшим операциям в Западной Европе. В апреле-июне 1940 г. она оккупировала Данию и Норвегию, а 10 мая вторглась в Бельгию, Нидерланды, Люксембург и через их территории ударила по Франции.

К удивлению всего мира, англо-французские войска бездействовали. Не зря этот период Второй мировой войны назовут «странным».

Как пишет Иоахим Фест: «Начиная с весны 1939 года обращает на себя внимание неспособность Гитлера тормозить собственную динамику. Безошибочное чувство темпа, которое он доказал несколько лет назад в ходе завоевания власти, начало теперь покидать его, уступая место неврастеническому порыву к действию. (…)

Гений фюрера заключался в умении ждать, уверяла пропаганда режима. Теперь Гитлер больше не желал ждать».

Тем не менее именно эти первые ошеломительные победы в Европе принесли то долгожданное германское патриотическое воодушевление, о котором так мечтал фюрер. Теперь наконец подавляющее большинство немцев зажило имперскими традициями, вспоминая о лучшем и теплом «месте под солнцем», которого они лишились в 1919 г. Более чем двадцать лет назад!

Глава 4
Мешал ли Гитлеру маршал Тухачевский?

Это один из выдающихся талантов Красной армии. Известно, что он является коммунистом исключительно по соображениям карьеры.

Полковник германской армии Х. фон Миттельбергер

1

Как вспоминал руководитель политической разведки Германии Вальтер Шелленберг, «дело маршала Тухачевского являлось подготовительным шагом к сближению между Гитлером и Сталиным. Оно явилось поворотным пунктом, ознаменовавшим решение Гитлера обеспечить свой восточный фронт союзом с Россией на время подготовки к нападению на Запад».

Но так ли все было на самом деле?

Шелленберг утверждал, что «Гитлер столкнулся с необходимостью принять важное решение — выступить на стороне западных держав или против них. Принимая это трудное решение, необходимо было также учесть, каким образом использовать материал, доставленный ему Гейдрихом. Поддержка Тухачевского могла означать конец России как мировой державы, в случае же неудачи Германия оказалась бы вовлеченной в войну. Разоблачение Тухачевского могло бы помочь Сталину укрепить свои силы или толкнуть его на уничтожение значительной части своего генерального штаба. Гитлер в конце концов решил выдать Тухачевского и вмешался во внутренние дела Советского Союза на стороне Сталина. Это решение поддержать Сталина вместо Тухачевского и генералов определило весь курс германской политики вплоть до 1941 года и справедливо может рассматриваться как одно из самых роковых решений нашего времени. В конечном итоге оно привело Германию к временному альянсу с Советским Союзом и подтолкнуло Гитлера к военным действиям на Западе, прежде чем обратиться против России».

Итак, по данным Шелленберга, материал против Тухачевского был передан русским в середине мая 1937 г. Он включал: во-первых, материал, относящийся к сотрудничеству германского генерального штаба с Красной армией; во-вторых, материал из дел адмирала Канариса. Объемное досье было подготовлено и представлено Гитлеру через четыре дня. Подделано же было совсем немного документов. Для убедительности все они были проданы советской стороне за три миллиона рублей. Однако на основе прежде всего архивных документов версия о фабрикации документов против Тухачевского германской разведкой (Гейдрихом) не находит своего подтверждения.

В «Справке о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами т.т. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу…» говорится: «Прежде всего, до сих пор не найдено важнейшее доказательство — сами документы».

Все попытки разыскать эти «документы» в архивах ЦК КПСС, архивах Советской армии, ОГПУ-НКВД, а также в судебно-следственных делах Тухачевского и других советских военачальников ни к чему не привели. Нет никаких данных и о том, что эти «документы» предъявлялись участникам группы в ходе следствия. Не фигурировали эти «документы» и на суде. Об этих «документах» никто даже не упомянул ни в период расследования, ни в судебном заседании. Не выявилось никаких убедительных косвенных улик, в какой-то мере отражавших реальное существование этих «документов». О них ничего не говорит в своем письме на имя Сталина после процесса над Тухачевским член Специального судебного присутствия Верховного суда СССР С. М. Буденный, хотя он в письме подробно излагает ход процесса. На заседании Военного Совета при НКО СССР, которое проходило 1–4 июня 1937 г. и было посвящено специально вопросу о «военном заговоре», и прежде всего в докладе Ворошилова и выступлении Сталина также не было сказано ни слова о каких-либо изобличающих Тухачевского документах.

Следует также сказать, что на последовавших после осуждения Тухачевского различных оперативно-служебных и партийных совещаниях и собраниях в НКВД СССР никогда и никем не упоминалось о каких-либо немецких «документах», которые якобы легли в основу доказательства измены советских военачальников.

Важно отметить и то, что на Западе по сей день не сделано ни одной попытки публикации или детального описания этих «документов»; если верить некоторым версиям, гитлеровская разведка передала советским представителям лишь фотокопии, а не подлинники документов.

Казалось бы, подлинники фальшивок должны были остаться в архивах СД или других германских архивах. Однако в опубликованных источниках нет никаких указаний на то, что в архивах Германии содержались какие-либо документальные данные о проведенной будто бы Гейдрихом операции. Нет этих данных и в германских архивах, захваченных во время войны советскими службами. Следует, наконец, подчеркнуть, что авторы различных опубликованных книг далеко не едины в перечне якобы сфабрикованных немцами документов. Наоборот, их варианты сильно отличаются друг от друга.

Конечно, все это вовсе не означает, что при анализе причин возникновения «дела» Тухачевского возможно исключить его международный аспект. Наоборот, он, бесспорно, играл, быть может, не основную, но все же немалую роль в «деле» Тухачевского.

Материалы и документы достаточно обстоятельно подтверждают, что в обстановке 1935–1937 гг., когда Красная армия стала мощным фактором мировой политики, Тухачевский и другие советские военачальники, занимавшие в армии ключевые посты, оказались в фокусе сложных внешних событий, имевших в их судьбе важное значение.

По авторитетному мнению генерал-майора К. Шпальке (1891–1966), начальника отдела «Иностранные армии Востока» (1931–1937) (Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен таг. 1988, № 10, с. 36–37), «ни господин Гейдрих, ни СС, ни какой бы то ни было партийный орган не были, по-моему, в состоянии вызвать или только запланировать подобный переворот — падения Тухачевского и его окружения. Не хватало элементарных предпосылок, а именно знания организации Красной Армии и ее ведущих личностей… При подобном недостатке знаний недопустимо верить в то, что господин Гейдрих или другие партийные инстанции смогли-де привести в движение такую акцию, как афера Тухачевского. Для этого они подключили якобы еще и государственных деятелей третьей державы — Чехословакии.

И напоследок немыслимое: о подготовке, проведении и в конечном результате успешном окончании столь грандиозной операции не узнал никто из непосвященных! Другими словами: вся история Тухачевский — Гейдрих уж больно кажется мне списанной из грошового детектива, историей, сконструированной после событий на похвалу Гейдриху и СС, с пользой и поклонением Гитлеру…

…из отчетов военного атташе в московском посольстве генерала Кестринга я увидел, что с немецкой стороны абсолютно ничего не произошло, что могло бы вызвать аферу Тухачевского. И действительно,

события застали всех врасплох. Однако и о подоплеке, приведшей к их внезапному возникновению, невозможно было что-либо сказать.

Кестринг усматривал в устранении Тухачевского конец внутриполитической борьбы за власть, во время которой Сталин ликвидировал действительных или мнимых противников. Мы присоединились к этой хотя и примитивной, но по сути правильной оценке…

…Если судить по расплывчатым и неточным протоколам процесса, к которым я имел доступ, то для обоснования тезиса о том, что Тухачевский имел конспиративные контакты с „фашистской“ державой, никаких конкретных данных не было, кроме, пожалуй, одного, что один из генералов-предателей вел тайные переговоры с одним фашистским генералом. Указание на это — оно было напечатано в газетах — Кестринг принял на свой счет, так как кроме него ни одного „фашистского“ (т. е. на советском жаргоне — „национал-социалистического“) генерала во всем Советском Союзе не было. Он выразил протест в наркомат обороны СССР против того, что его, чье лояльное отношение к Советам общеизвестно, связывают с этим мрачным делом. На это ему ответили, что фашистский генерал, о котором идет речь, не он…»

Генерал-лейтенант П. А. Судоплатов, один из руководителей разведки советских органов безопасности, также считал, что «Красная папка» не что иное, как выдумка Шелленберга. В частности, в одноименной статье он утверждал: «На правах очевидца не могу не сказать об эпизоде, который, надеюсь, будет интересен читателям. Речь идет о мнимой причастности немецкой разведки к сталинской расправе над Тухачевским, Якиром, Уборевичем в 1937 г. Она базируется лишь на слухах и амбициозных претензиях В. Шелленберга. Как непосредственный куратор немецкого направления наших разведорганов в 1939–1945 гг., утверждаю, что НКВД никакими материалами о подозрительных связях Тухачевского с немецким командованием (за исключением выбитых в ходе предвзятого следствия показаний) не располагало. Сталину также никто не направлял материалов о Тухачевском по линии зарубежной разведки НКВД.

Резидент разведки НКВД в 1937–1938 гг. в Праге Зубов вместе с послом Александровским сообщали Сталину, в МИД и в НКВД об одобрении Бенешем „ликвидации заговора Тухачевского“ уже после казни последнего…

В архиве Сталина также обнаружены данные (они особенно не популяризируются) о том, что так называемые компрометирующие материалы об амбициях Тухачевского, поступившие из-за рубежа, были не

чем иным, как выдержками из материалов зарубежной прессы. Они направлялись в ЦК ВКП(б) советскими посольствами и корреспондентами ТАСС… Они-то, эти материалы, нет-нет да и использовались в качестве компромата в борьбе за власть наверху. Миф о причастности немецкой разведки к расправе Сталина над Тухачевским был пущен впервые в 1939 г. перебежчиком В. Кривицким, бывшим офицером Разведупра Красной Армии, в книге „Я был агентом Сталина“…

Выдумку Кривицкого, ставшего в эмиграции психически неустойчивым человеком, позднее использовал Шелленберг в своих мемуарах, приписав себе заслугу в фальсификации дела Тухачевского.

Но тот, по моему глубокому убеждению, — жертва борьбы за власть в советском военном руководстве».

Не менее интересна версия Судоплатова о причинах ареста Тухачевского: «Помню, как в августе 1939 года приятно удивили меня сообщения из Германии, из которых явствовало, что немецкое военное руководство высоко оценивало потенциал Красной Армии. В одном из документов высшего германского командования, перехваченном нами, причиной гибели маршала Тухачевского назывались его непомерные амбиции и разногласия с маршалом Ворошиловым, беспрекословно разделявшим все взгляды Сталина.

Утверждая сводку материалов разведки для Сталина, Берия включил туда фразу из этого документа: „Устранение Тухачевского наглядно показывает, что Сталин полностью контролирует положение дел в Красной Армии“, — возможно, для того, чтобы польстить вождю, подчеркнув тем самым его дальновидность в своевременном устранении Тухачевского.

Помнится мне также комментарий Берии и Абакумова, в годы войны начальника военной контрразведки Смерш, отвечавшего и за политическую благонадежность вооруженных сил. И тот и другой говорили о заносчивости Тухачевского и его окружения, которые смели думать, будто Сталин по их предложению снимет Ворошилова. По словам Берии, уже один этот факт ясно показывал, что военные, грубо нарушив установленный порядок, выдвинули предложения, выходившие за рамки их компетенции. Разве, говорил он, им не было известно, что только Политбюро и никто другой имеет право ставить вопрос о замене наркома обороны?

Тут-то и вспомнили, подчеркивал Абакумов, что Тухачевский и близкие к нему люди позволяли себе вызывать на дачи военные оркестры для частных концертов. (…)

Еще одно обстоятельство, сыгравшее свою роль в судьбе Тухачевского:

он был в плохих отношениях с Шапошниковым. В конце 20-х годов Тухачевский, как мне говорили, вел интригу против Шапошникова, с тем чтобы занять его пост начальника генштаба. Кстати, Шапошников был одним из членов специального присутствия Верховного суда, который вынес смертный приговор Тухачевскому. (…)

Мне представляется, что Тухачевский и его группа в борьбе за влияние на Сталина попались на его удочку. Во время частых встреч со Сталиным Тухачевский критиковал Ворошилова, Сталин поощрял эту критику, называя ее „конструктивной“, и любил обсуждать варианты новых назначений и смещений. Нравилось ему и рассматривать различные подходы к военным доктринам. Тухачевский позволял себе свободно обсуждать все это не только за закрытыми дверями, но и распространять слухи о якобы предстоящих изменениях и перестановках в руководстве наркомата обороны.

Словом, он и его коллеги зашли, по мнению Сталина, слишком далеко. (…) Уголовное дело против Тухачевского целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни было ссылки на конкретные инкриминирующие факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствуют».

Однако, несмотря на то, что в деле Тухачевского фактически все точки над «i» давным-давно расставлены, тем не менее до сих пор модно, защищая Сталина, твердить о «заговоре военных». Например, весьма уважаемый мною писатель В. Карпов в книге «Генералиссимус» пишет: «В 1990 году я написал очерк и о М. Н. Тухачевском. Очерк написан в „оправдательном“ стиле, в соответствии с опубликованными в те годы газетными и журнальными статьями и реабилитационной эйфорией, которой поддался и я. В ходе работы над книгой „Генералиссимус“ я более глубоко разобрался в причинах репрессий, опираясь на новые архивные документы, рассекреченные в перестроечные годы.

В связи с этим пусть не удивляет читателей иная оценка и иной подход к „делу Тухачевского“, не совпадающие с тем, что было написано мной прежде». И действительно, в книге «Расстрелянные маршалы» В. Карпов писал, что «наши известные военачальники были расстреляны не только благодаря стараниям гитлеровского гестапо, но главным образом потому, что Сталин этого очень хотел, и фальшивка гестаповцев для него была настоящим подарком. Об этом свидетельствует быстрота, с какой действовал Сталин. Всего через три недели после того, как было куплено это досье, то есть 11 июля 1937 года, уже было официальное сообщение в газетах о том, что маршал Тухачевский и семь других его соратников

приговорены к смертной казни…»

Теперь же он утверждает совершенно другое: «Я склоняюсь к тому, что обвинение в шпионаже надуманное. Не были подсудимые шпионами, ни немецкими, ни японскими. Один из инициаторов создания компромата против Тухачевского — шеф политической разведки Вальтер Шелленберг — в своих мемуарах „Лабиринт“, изданных в России в 1991 году, пишет (…)

Отметим некоторые сомнительные моменты в этой цитате. Сталин едва ли сам „запрашивал“ и торговался о стоимости „материала“. Дата передачи компромата „в середине мая 1937 года“ свидетельствует о том, что этот материал запоздал, так как „дело Тухачевского“, по всем параметрам, уже было сформулировано к маю, маршал был арестован 22 мая и уже 25 мая дал признательные показания. Значит, фальшивка не сработала? Может быть, и заговора не было? По этому поводу документы и сами подсудимые дают ответ однозначный — заговор был. Это не значит, что у них были членские билеты какой-то организации, что велись протоколы ее заседаний. А что же было?

Были конкретные заговорщические дела и планы по „дворцовому перевороту“, устранению Сталина и его соратников. Власть! Власть! Не зря называли Тухачевского „Красным Наполеоном“».

Сегодня лягнуть даже маршала, которого уничтожили в 1937-м, не может только ленивый. Пишут очень много, и каждый в буквальном смысле пытается высказать свое личное (субъективное) мнение. Оно, конечно, замечательно, но, как всегда, страдает истина, ибо в таких случаях абсолютно не учитываются упрямые факты и все опубликованные на данный момент документы. А их вполне достаточно, чтобы с полной уверенностью сказать: никакого заговора не было! Никаких «красных папок» не было! Были сталинские репрессии и ничего более. А защищать Сталина вопреки исторической правде — дело вовсе не благородное. Ложь — она всегда только ложь. Но сколько можно врать самим себе?

Н. С. Черушев, автор нескольких книг о репрессиях в Красной Армии, снова и снова возвращается к ним, считая, что «за последние полтора десятка лет ничего существенного здесь не прибавилось».

«На поверхность, — пишет он, — опять всплывает пресловутая „Красная папка“, документы которой никто никогда и в глаза не видел, но содержание которой не пересказывает разве что ленивый. В качестве основного аргумента против Тухачевского фигурирует сфабрикованное спецслужбами Германии его письмо якобы с подлинной резолюцией А. Гитлера о начале организованной слежки за немецкими

военачальниками, контактировавшими с Тухачевским.

Авторы описывают сложную международную систему передачи этого компромата из Берлина в Прагу и Париж, а уж оттуда в Москву. И как при этом были задействованы первые лица государств, в частности, президент Чехословакии Э. Бенеш.

Слишком сложно все это! Многоступенчатая конструкция передачи материала с задействованием нескольких иностранных разведок и посольств вызывает недоверие в конечную результативность этих действий — уж слишком много людей оказалось посвящено в это сугубо секретное мероприятие. Уж слишком загруженным кажется сюжет данного „романа“.

Но самое главное в другом: зачем надо было ставить весь этот спектакль с передачей якобы преступного содержания документов, якобы написанных рукой Тухачевского, если на процессе по его делу эти документы ни разу не упоминались? В обвинительном заключении по групповому делу М. Н. Тухачевского и его товарищей черным по белому было сказано, что вещественных доказательств нет. И есть самый главный аргумент в защиту обвиняемых, свидетельствующий о надуманности идей военного заговора в Красной Армии…»

Через два дня после расстрела Тухачевского министр пропаганды фашистской Германии Й. Геббельс записал в дневнике: «Кровавые приговоры в Москве ужасают. Там уже ничего не разберешь. Там все больны. Это единственное объяснение происходящего там. Огромное потрясение во всем мире». А вот запись от 16 июня 1937 г., т. е. на следующий день: «Бойня в Москве вызывает большое потрясение во всем мире. Говорят об очень серьезном кризисе большевизма… Россия терпелива».

Мнение военного атташе Германии в Москве Э. Кестринга более лаконично: «Подозрительность Сталина и всех против всех была достаточной для их приговора. Кроме того, Сталин… знал, что вокруг таких личностей, как Тухачевский, в стране может выкристаллизовываться круг множества недовольных. Самое надежное — „ликвидировать“. Мертвые не могут навредить. Итак, голова с плеч!..

Наблюдаемая повсеместно неуверенность, недоверие каждого к каждому воздействует на дееспособность армии вредоносно».

В июле 1937-го тот же Геббельс оставил такую запись: «Он (Гитлер) не может себе объяснить ситуацию в России. Сталин болен мозгами. Иначе нельзя объяснить его кровавый режим. Но Россия не знает (не хочет знать) ничего, кроме большевизма. Это — опасность, которую мы должны пресечь».

Сегодня, когда читаешь различного рода литературу и публикации в журналах и газетах, где с легкой самоуверенностью утверждается о наличии военного заговора Тухачевского, невольно думается о том, что защитники Сталина в этом кровавом спектакле точно так же БОЛЬНЫ МОЗГАМИ!

Иначе этого не объяснить.

2

Весьма интересной представляется статья М. Н. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии». Она была опубликована в «Правде» 29 марта 1935 г, и имела первоначальное название «Военные планы Гитлера». После правки самого Сталина оно изменилось. И акценты в ней он расставил иначе. В сущности, редакция носила политический характер. Вождь исправил не только некоторые формулировки, но и целые абзацы. Будущий «заговорщик» писал: «В своем докладе на VII съезде Советов тов. Молотов привел из книги Гитлера „Моя борьба“ следующее место:

„Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внезапной политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила 600 лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем наконец колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства.

Сама судьба как бы указывает этот путь“.

Тов. Молотов задал вопрос, остается ли это стремление Гитлера в силе?

Ответ на это мы находим в тех сведениях, которые проникли в печать из разговоров Гитлера с Саймоном. По сообщению агентства „Радио“ Гитлер заявил о том, что по отношению к СССР обстановка „заставляет Германию сохранить за собой свободу действий в будущем“.

При этом, по данным печати, Гитлер требует ослабления западных границ СССР. Гитлер требует также, чтобы Франция отказалась от сотрудничества с СССР. Эту ярко выраженную антисоветскую установку Гитлера признает даже вся буржуазная печать. Маршал Петен в

цитируемой выше статье говорит, что французская военная система „принятая в 1927–1928 гг., целиком основывалась на гипотезе, что наш возможный противник не способен в короткий срок выставить мощную армию и на надежде, что при его приближении мы найдем время для подготовки. Гипотеза эта не соответствует нынешним обстоятельствам“. И, действительно, французская армия, с ее 20-ю дивизиями и большими сроками мобилизационного развертывания и сколачивания частей, уже не сможет активно действовать против Германии. Наоборот, прежде чем начать такое столкновение, ей придется потерять много времени на развертывание своих сил. Эта изменившаяся обстановка на западе активизирует антисоветскую политику Гитлера. Гитлер стремится успокоить Францию и, как сообщала печать из Берлина от 25-го марта, заявляет, что „Германия готова дать обещания, что она не имеет никаких притязаний к Франции и не имеет никаких агрессивных намерений в отношении своих западных соседей“. Гитлер не хотел бы роста французских вооружений. (…)

Итак, обжегшись в 1914-м году при наступлении Франции и считая, что практически в настоящее время Франция не способна быстро предпринять активные действия, правящие круги Германии основную стрелу своих операций направляют против СССР. При этом Гитлер надеется на свою дипломатию и на то, что Франция останется нейтральной.

Большой друг фашистской Германии — Спрутейтор на страницах газеты „Синдей таймс“ прямо пишет:

„Германия решила, что если у нее не останется другого выхода, кроме войны, для достижения своих целей, и если представится удобный момент, то эта война должна будет происходить на востоке Европы, причем Великобритания и, если возможно, Франция должны занять нейтральную позицию.

Германия надеется победить, если мы будем нейтральны, и Франция не подвергнется нападению“. (…)

Этот факт имеет крупнейшее значение для антисоветской политики Гитлера.

Не говоря уже о том, что прямые пути в СССР идут через Польшу, армия этой последней насчитывает в мирное время 30 дивизий и, конечно, удвоит их число очень быстро по мобилизации.

Итак, антисоветский фронт растет и укрепляется материально. Военные силы национал-социалистической Германии растут бурно. (…)

Само собою понятно, что империалистические планы Гитлера имеют не только одно антисоветское острие. В случае осуществления своей

безнадежной мечты о разгроме СССР, конечно, германский империализм обрушился бы всеми силами на Францию…»

В заключение статьи Тухачевский подчеркнул: «Неистовая, исступленная политика национал-социализма толкает мир в новую войну. Но в этой своей неистовой милитаристской политике национал-социализм наталкивается на твердую политику мира Советского Союза».

Именно эти два предложения Сталин вычеркнул.

Одни исследователи считают, что сравнение старого (авторского) и нового (редакторского) текстов дает представление о сталинской позиции в сложное время, чреватое грядущей мировой войной. Во-первых, из статьи изъято утверждение об СССР как первой цели германского фашизма. «В случае осуществления своей безнадежной мечты о разгроме СССР, конечно, германский империализм обрушился бы всеми силами на Францию…» и центр тяжести перенесен на «не только антисоветское» острие гитлеровских планов.

Во-вторых, появились сравнительные данные по армии ключевых европейских держав, чье участие в грядущем конфликте неизбежно. Учитывая, что редактируемая статья выходит из-под пера заместителя наркома обороны, одного из первых маршалов Советского Союза, имя которого хорошо известно и за рубежом, эти изменения, очевидно, являются сигналами как для Франции и Великобритании (станет ли Гитлер нападать на СССР, не обеспечив себя рудой и портами), так и для самого Гитлера (мы не считаем войну между нами неизбежной; численность населения и территория СССР — фактор, который при планировании грядущей агрессии сбрасывать со счетов нельзя).

Другие исследователи придерживаются на этот счет иного мнения: «Правка И. Сталина фактически вычеркивала все только что приведенные расчеты М. Тухачевского, составляющие суть его геополитических и геостратегических воззрений, его концепцию „большой войны“ в Европе. В „Правде“ и в „Красной звезде“ вместо этого в тексте статьи М. Тухачевского напечатаны были строчки, написанные И. Сталиным, из которых следовало, что антисоветское „острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на Западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)“. Если можно спорить о том, являлись ли эти слова выражением сути геостратегических прогнозов И. Сталина, то, во всяком случае, они имели откровенно выраженный политический смысл: испугать Францию и другие страны Европы от имени лучшего знатока германской армии и настроений нацистов М. Тухачевского. (…) анализ „международного содержания“ статьи

М. Тухачевского позволяет обнаружить принципиальные „разночтения“ в прогнозировании геостратегических процессов в Европе И. Сталина, выражавшего официальный и господствующий внешнеполитический курс, и М. Тухачевского».

Но что тут удивительного? Ведь начиналась большая политика!

Угроза фашизма с каждым месяцем становилась все более реальной и ужасающей. А если учесть отношение мировых и европейских держав к СССР, то обыкновенное бряцанье оружием в данном случае казалось нелепым. В 1936 г. Советский Союз был еще не готов к войне.

Как записал в своем дневнике после совещания на военном совете при наркоме обороны комкор Кутяков, «СССР не готов ни политически, ни экономически, нам нужно выиграть хотя бы 3–5 лет». И это был тот самый весомый аргумент, который вынуждал работать по двум внешнеполитическим направлениям: достижение полноценного военно-политического союза с Францией и Великобританией; восстановление дружеских отношений с Германией.

Во второй половине 1936 г. маршал Тухачевский в кремлевском кабинете Сталина получил на этот счет особые и конкретные инструкции. Ему предстояло возглавить советскую делегацию на похоронах английского короля Георга V, то есть сначала посетить Лондон, а потом и Париж.

Кроме Тухачевского в кабинете вождя находились Ворошилов, Молотов, Ягода и начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД Слуцкий.

Рассматривался и запасной вариант действий: маршал должен был расшевелить политические и военные круги Великобритании и Франции, пугая их в случае отказа от соглашения с Советским Союзом возможностью неожиданного сближения СССР со своим политическим противником, т. е. с Германией.

Главная же цель состояла в зондировании настроений этих кругов на предмет нейтрализации направленной против СССР военной активности в Европе.

Спокойствие на западных границах Советского Союза в тот период было необходимостью в связи с угрозой войны на Дальнем Востоке. Тогда даже по оценкам НКВД внешнеполитическая обстановка для СССР считалась крайне неблагоприятной. В этом таинственном ведомстве полагали, что в «случае войны с Германией Красная Армия потерпит поражение», а уж «Германия в союзе с Японией безусловно победят СССР». По мнению аналитиков НКВД, «Советский Союз со своей Красной Армией не выдержит общего фронта ряда западноевропейских стран, так как соотношение армии и технической базы не в пользу Советского

Союза».

Как пишет историк С. Минаков, «задача миссии Тухачевского была неоднозначной, а поведение — загадочным и интригующим исследователей до сих пор».

Ю. Кантор в своем исследовании о маршале уточняет: «Ему предстояло после Лондона посетить Париж — для переговоров с руководством французского Генштаба. Тухачевскому удалось в Москве „продавить“ свою линию на укрепление советско-французских контактов в противовес Гитлеру».

Как стало известно, в Лондоне маршал «рассыпался в пламенных похвалах нацистам», называя их непобедимыми. В Париже он был не менее откровенен: «Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для всех нас».

Это было тем более странным, что до этой поездки Тухачевский «привлекал внимание своим глубоким опасением гитлеровских приемов ведения войны и необычайной направленностью на обличение опасности Третьего рейха». «Недружественный тон Тухачевского против Германии» в последнее время поражал бывших союзников из бывшего рейхсвера. А тут что-то не то! На встрече с начальником французского Генштаба генералом Гамеленом Тухачевский говорил о развитии отношений между двумя армиями, при этом не скрывал своих отношений с руководителями немецкой армии.

После этих переговоров маршал «побывал на нескольких дипломатических раутах, встретился с советскими военными атташе». Вместе с ним в Париж прибыл военный атташе СССР в Великобритании В. К. Путна, а из Москвы в Париж — командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. К слову, в Лондоне Тухачевский встретился еще и с германским генералом фон Рунштедтом. А в Париже на встрече с двадцатью товарищами по плену (во главе с генералом де Гойсом) он вполне искренне сказал: «Страшный враг выстраивается перед нашими странами, враг, который за несколько лет получил в распоряжение могучую армию с ультрасовременным вооружением. Мы должны сделать все, чтобы подавить его прежде, чем он раздавит… нас. Теперь перед нами Гитлер».

Свою сугубо профессиональную точку зрения на поездку красного маршала высказал немецкий генерал К. Шпальке: «Он представлял Советский Союз в Лондоне на торжествах коронации, потом отправился в Париж. Поездка в Лондон, а еще более остановка в Париже, задала нам…

загадку. Советский Союз представляет на коронации маршал, потом этот Тухачевский, знакомый нам своими недружественными речами, едет еще и в Париж!

Короче говоря, ничего хорошего за этим мы не видели… Тухачевский в Лондоне и Париже — сигнал, дававший пищу для размышлений. Разве этот визит не означал… что и Советский Союз намеревался перейти на сторону становившегося все более отчетливым на Западе фронта окружения национал-социалистической Германии? Однако наиболее близкой была все же мысль, что Советы хотели воспользоваться видимой и единственной возможностью в союзе с западными державами разрушить все более крепнущую и идеологически абсолютно враждебную Германию, причем без особого риска». И далее: «У Тухачевского… можно было предполагать гораздо больше симпатий по отношению к Парижу, нежели к Берлину, да и всем своим типом он больше соответствовал идеалу элегантного и остроумного офицера французского генштаба, чем солидного германского генштабиста. Он пошел на расхождение с Германией, был за войну с Германией на стороне западных держав».

3

Информация к размышлению: Михаил Николаевич Тухачевский.

Будущий маршал родился 3(15) февраля 1893 г., а крещен 5 марта 1893 г. по старому стилю. Только через три года после рождения на него выдадут свидетельство о рождении — и то на основании определения Смоленского окружного суда (как незаконнорожденному). И только 31 июля 1901 г. в Смоленске юного Михаила причислят к роду его отца Николая Николаевича Тухачевского.

С детских лет Тухачевский унаследовал любовь к музыке, играл на скрипке и увлекался астрономией. Рано проявлял интерес к военной службе. Подростком он сочинял пьесы для домашнего театра и сам играл в них главные роли. Не любил рассказывать о неприятностях и никогда не жаловался на обидчиков. Отец воспитывал его в духе атеизма. С 1904 по 1909 г. учился в Пензенской гимназии. Его успеваемость за этот период фактически можно оценить как удовлетворительную (слишком частые прогулы и взыскания за разговоры на уроках). Одну-единственную отличную оценку Тухачевский имел только по французскому.

В 1909 г. семья Тухачевских переезжает в Москву и Михаил поступает в 10-ю московскую гимназию, через два года — в седьмой, выпускной

класс Первого Московского кадетского корпуса, а еще через год — в Александровское военное училище.

В июне 1914 г. подпоручик Тухачевский выпускается из училища в лейб-гвардии Семеновский полк.

В Первой мировой войне участвовал с августа 1914 г. — семь месяцев. За это время его награждают за боевые отличия пятью орденами: орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (за Кржешовский бой); орденом Св. Анны 2 степени с мечами (по старшинству в чинах в 1915 г.: «за боевые отличия, отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий»); орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (за бои 10–13 октября под Ивангородом); орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (за бой 3–5 ноября под Посадом «Скала»); орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (за то, что «переправившись 26 сентября 1914 года на противоположный берег реки Вислы, нашел и сообщил место батареи неприятеля у костела и определил их окопы. На основании этих сведений наша артиллерия привела к молчанию неприятельскую батарею»).

Известно, что Тухачевского представляли и к ордену Св. Станислава 2-й степени, но шестую свою награду он так и не получил.

В феврале 1915 г. под Ломжей будущий маршал попадает в плен. В немецком плену (Ингольштадт) его приговаривают к шести месяцам тюрьмы за оскорбление унтер-офицера. За второе оскорбление — уже генерала — наказан не был, так как его пятый по счету побег оказался успешным. В плену Тухачевский прослыл дерзким офицером и стал убежденным противником Временного правительства.

Проведя два с половиной года в неволе, через Швейцарию, Париж и Лондон молодой офицер вернулся в Россию за несколько дней до октябрьской революции — 16 октября 1917 г. По прибытии в Петроград в ноябре 1917 г. его назначают командиром роты и представляют к производству в капитаны «для уравнения в чинах со сверстниками». Затем он снова убывает на фронт и возвращается в декабре. В январе 1918 г. по рекомендации партийных товарищей Тухачевский приступает к работе в Военном Отделе ВЦИК, где занимались подготовкой законодательных актов по вопросам военного строительства и общим руководством военной деятельностью советов.

Уже в начале апреля 1918-го Тухачевский вступает в партию, а 21 мая принимает должность губернского военного комиссара Московского района. Теперь Гражданская война открыла перед ним иной путь, который он начал сразу же командармом, то есть с невиданного до тех пор взлета.

Итак, он командует 1-й армией (с 26 июня 1918 г.), затем становится помощником командующего Южным фронтом (с 10 января 1919 г.), затем командует 8-й армией (с 20 января 1919 г.), 5-й армией (с 5 апреля 1919 г.), 13-й армией (с 19 ноября 1919 г.), временно исполняет обязанности командующего Кавказским фронтом (с 31 января 1920 г.) и наконец становится командующим Западным фронтом (с 28 апреля 1920 г.).

Об этом значимом периоде в жизни будущего маршала достаточно емко и красочно написал Р. Гуль: «Самым талантливым красным полководцем, не знавшим поражений в Гражданской войне, самым смелым вождем красной армии III Интернационала оказался Михаил Николаевич Тухачевский.

Тухачевский победил белых под Симбирском, спасши Советы в момент смертельной катастрофы, когда в палатах древнего Кремля лежал тяжело раненый Ленин. На Урале он выиграл „советскую Марну“ и, отчаянно форсировав Уральский хребет, разбил белые армии адмирала Колчака и чехов на равнинах Сибири. Он добил и опрокинул на французские корабли армию генерала Деникина».

С назначением на Западный фронт Тухачевский получает приказ: готовить войска к решающему удару по Польше.

Ему всего двадцать семь!

Приказ о переходе в наступление Тухачевский отдал 14 мая 1920 г. Главный удар по трем расходящимся направлениям на фронте протяженностью 60 км наносила правофланговая 15-я армия (шесть стрелковых дивизий и одна кавалерийская).

Вспомогательный удар должна была наносить 16 армия 17 мая, но ее наступление началось 19-го — и то незначительными силами. Однако к 8 июня 15-я армия, потеряв почти 32 % (убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными), была отброшена контрнаступлением поляков на прежние позиции.

С 17 июня Западный фронт ограничился боями лишь на некоторых участках, причем бои носили исключительно локальный характер. В наступление он переходит 4 июля, с точностью повторяя первоначальный замысел: мощным правым флангом отбросить поляков к Полесью. Теперь же 15-я армия, превосходившая поляков по численности, уже в первый день наступления оттеснила противника на 5–10 км. На следующий день неприятель сам начал отход, в течение которого польские войска за считаные дни оказались беспорядочно разбросанными по всему участку боевых действий. Но армии (4-я и 15-я) вдруг замедляют свое продвижение, а 3-я армия Западного фронта, перенацеленная на Минск,

вообще начинает перегруппировку. Только 7 июля 16-я армия Западного фронта, опять-таки с опозданием, переходит в наступление.

23 июля 1920 г. Тухачевский получает приказ: «12 августа выйти на линию Прасныш Ново-Георгиевск и далее по р. Висла на юг до Ново-Александрии включительно, овладев городом Варшавой». Тем не менее 10 августа командующий фронтом приказывает своим войскам форсировать Вислу только 14–15 августа. Но именно 14 августа поляки наносят удар в стык 15-й и 3-й армий, а 15 августа — по штабу 4-й. Они теснят по всему фронту 15-ю армию и отбрасывают войска 3-й. К 16 августа успех противника уже очевиден, а в ночь с 17 на 18 августа Тухачевский прекращает наступление и приказывает отрываться от противника.

Основными причинами поражения под Варшавой некоторые историки называют «явные ошибки и просчеты Главкома и Реввоенсовета Советской республики, допущенные при планировании и организации наступления Красной Армии и в оценке противника, отсутствие взаимодействия фронтов, неудачное использование сил Западного фронта. Его войска прошли с боями 500–800 км, не закрепляя завоеванных позиций, они сильно ослабли. Отсутствовали резервы, войска не обеспечивались вооружением и продовольствием».

Сам Тухачевский в неудачах Западного фронта обвинял: руководство Мозырской группы, которое не доложило о контрнаступлении; командование 16-й армии, которое доложило только через два дня после начала контрнаступления поляков; командование Первой Конной армии, которая прибыла на Люблинское направление с большим опозданием; командование 4-й армии, совершавшей бестолковые перемещения по Данцигскому коридору. А самую главную неудачу относил к области стратегии, а не политики.

Н. Е. Какурин, один из наиболее авторитетных исследователей военной истории, выпускник Академии Генштаба, причины неудач объяснял следующим образом: «Это превосходящие в 2,5 раза по сравнению с советскими силами польские войска, во-вторых, плохо действовавшая связь и переброска 1-й Конной армии под Львов, в-третьих, вынужденная необходимость для Юго-Западного фронта вести бои не только с поляками, но и с врангелевцами».

Маршал Польши Ю. Пилсудский считал Тухачевского человеком, склонным к абстрактному управлению войсками, отмечая отвлеченность его стратегического мышления, его «неспособность к широкому анализу». При этом, высоко оценивая подготовку Тухачевским наступления на Варшаву, отдавал должное его энергии, предвидению, воле и упорству, как

необходимым чертам полководца.

«Тухачевский, — писал крупный военный теоретик Г. Иссерсон, — упустил время для трудной, но все же возможной перегруппировки с далеко зашедшего правого крыла к своему центру и левому флангу, атакованному всей ударной группировкой Пилсудского. Наконец, когда катастрофа разразилась, он, может быть неосознанно, не смог целиком выполнить долг полководца перед войсками, попавшими в беду. В то время, когда на Висле разыгрывалась тяжелая драма и когда обессиленные войска Западного фронта без патронов и снарядов, без снабжения и без управления сверху дрались за свое существование, прижатые к восточно-прусской границе, Тухачевский со своим штабом находился далеко в тылу. Все его управление ходом операции держалось на телеграфных проводах, и, когда проводная связь была прервана, командующий оказался без войск, так как не мог больше передать им ни одного приказа. А войска фронта остались без командующего и без управления. Весь финал операции разыгрался поэтому без его участия.

На такой системе управления, когда полководец со своим штабом находился далеко в тылу и все поле расстилалось перед ним на карте, сказалось, конечно, влияние опыта Первой мировой войны и установившаяся практика. В годы гражданской войны Тухачевский не мог еще отрешиться от старого опыта, характерного для условий линейной стратегии, и поэтому остался безучастным зрителем разгрома своих армий. Тем тягостнее были его переживания».

К слову, в ноябре 1920 г. под руководством Тухачевского была разгромлена так называемая народно-добровольческая армия Булак-Булаховича, сформированная не без помощи самого Пилсудского. А дальше были Кронштадт и Тамбов.

Вечер 28 февраля 1921 г., когда состоялось общее собрание линкора «Петропавловск», можно считать началом Кронштадтского мятежа. Тогда же председателем избрали старшего писаря (начальника корабельной канцелярии) Петриченко С. М. Будучи украинцем и побывав на родине, он одобрял «движение» батьки Махно. В партии состоял с 1919 г., но по партийной чистке очень скоро выбыл из нее. На собрании выступили моряки, вернувшиеся из охваченного забастовкой Петрограда. С утра 2 марта во всех частях, учреждениях и на кораблях Кронштадта происходили выборы представителей на «делегатское собрание». А утром 3-го власть в Кронштадте безраздельно принадлежала ревкому.

Характерно, что 4/5 экипажей двух сильнейших кораблей Балтфлота («Петропавловск» и «Севастополь») начали службу на флоте до 1917 г.

Среди них было немало тех, кто служил на флоте по 15 и более лет. Такие вот мятежные матросики во главе с Ревкомом собрали военный совет, в который вошли бывшие офицеры и один генерал. С их помощью крепость и форты были разбиты на четыре боевых участка, разработан план мобилизации людских ресурсов и материальных сил и средств. Одним своим существованием мятежный остров с бетонными фортами бросал безмерно дерзкий вызов советскому государству.

Тухачевский прибывает в Петроград 5 марта и сразу же вступает во временное командование 7-й армией. И уже 8-го, по приказу сверху, начинается первая атака. Она окончилась неудачей из-за плохой и поспешной подготовки. Однако благодаря именно ей выяснилось, что мятежники будут сражаться упорно, а лед Финского залива пока чрезвычайно прочен. К началу главного штурма Тухачевский перебазировал 3 авиаотряда (18 самолетов) с Западного фронта, а также получил значительные подкрепления в живой силе. Теперь его армия насчитывала около 45 тыс. чел., что обеспечивало ей значительное превосходство над противником.

План наступления предусматривал одновременный удар по Кронштадту с севера и юга. Он же предусматривал решительный характер наступления. Весь день 16-го артиллерия вела непрерывный обстрел Кронштадта и фортов, а в ночь на 17-е красные части пошли в наступление в полной тишине. Мятежники поздно заметили атакующих. Красноармейцы развернулись в цепи и начали преодолевать проволочные заграждения. В 5 часов 30 минут в небо взлетела зеленая ракета и атакующие ворвались в город. К слову, все действия красных отличались решительностью, а мероприятия по маскировке вообще заслуживали высочайшей оценки.

Уже к 17 часам 17 марта одна треть города была захвачена, а к 23 часам все опорные пункты были заняты советскими войсками. Только теперь стало известно, что главари мятежа под руководством матроса Петриченко еще в 5 часов утра 17 марта на автомобиле уехали в Финляндию, бросив всех своих товарищей на произвол судьбы.

Утром 18 марта Тухачевский, завершая доклад Главкому, произнес исторические слова: «В общем, полагаю, что наша гастроль здесь окончилась. Разрешите возвратиться восвояси».

В 1920 г. крестьянская война в России распространилась по всей республике. В начале 1921 г. восстаниями было охвачено 118 уездов. Но наиболее крупными считались выступления крестьян в Западной Сибири и Тамбовской губернии. На Тамбовщине рост численности повстанческих

отрядов с каждым месяцем приобретал фантастические темпы. С нескольких десятков человек армия. Антонова увеличилась примерно до 15 тысяч. Следует подчеркнуть, что крестьянская война оказалась для советской власти более опасной, нежели армии всех белых генералов.

Александр Степанович Антонов (1889–1922) до революции принадлежал к Тамбовской группе независимых социалистов-революционеров. В 1910 г. гражданский суд приговаривает его к ссылке на 6 лет в каторжные работы за нанесение огнестрельных ранений городовому и лесному кондуктору, а суд военный — к смертной казни за разбойное нападение и ограбление кассы железнодорожной станции. Но смертную казнь все же заменяют каторжными работами без срока. В 1917 г. Антонов вернулся в Тамбов. Сначала работал младшим помощником начальника 2-й части (райотдела) Тамбовской городской милиции, а затем начальником Кирсановской уездной милиции. В «собирательстве» оружия Антонов был замечен еще в Тамбове, но самым ярким событием в его биографии является разоружение им нескольких эшелонов Чехословацкого корпуса. За время работы в милиции ему удалось со своими товарищами спрятать все то оружие, что отбиралось у чехословаков, фронтовиков и уголовников, в глухих уголках южной части Кирсановского уезда.

Летом 1918-го Антонов ушел в отпуск и вскоре исчез. А в январе 1919 г. он сколачивает и вооружает боевую дружину из 10–15 человек, которой впоследствии предстоит превратиться в ту самую повстанческую армию.

К слову, в 1921 г. Тухачевский в числе главных факторов, помешавших подавить восстание в самом начале, называл скрытые огромные запасы оружия, сделанные Антоновым за время его руководства Кирсановской уездной милицией, и военно-организаторский талант Антонова.

В Тамбов будущий маршал прибыл 12 мая 1921 г.

Численность его войск, предназначавшихся для непосредственной борьбы с антоновцами, достигала 53 тысячи бойцов. Первоначально они были разделены по пяти боевым участкам. Уступая давлению Москвы, Тухачевский перенес начало операции с 1 июня на 28 мая. Но фактически разгром мятежников начался 25 мая, когда кавбригада Котовского разбила два повстанческих полка.

Через два дня сводная кавалерийская группа Уборевича (более 2000 сабель) попыталась окружить и уничтожить до пяти полков повстанцев (около 3000 всадников), но из этого ничего не вышло. В начале июня кавбригаде Котовского и автобронеотряду (7 машин) удалось окружить до 3-х полков повстанцев во главе с самим Антоновым. Тогда повстанцы

потеряли еще 500 человек. Теперь Тухачевский создает «Особую сводную группу» (с 12 июня) во главе с Уборевичем (две кавбригады и три бронепоезда) для уничтожения шести полков Антонова. Только 16-го числа Уборевич силами одних бронеотрядов настиг повстанцев на переправе и обратил их в бегство. А к 19 июня за три дня боев бронеотрядами были уничтожены четыре повстанческих полка.

Из-за того что к концу июня общая численность мятежников насчитывала еще более 2200 чел, 29-го войска Тамбовской губернии начали вторую серию последовательных операций по окончательному разгрому последних отрядов повстанцев. Всего до конца первой половины июля было проведено шесть таких операций. К 20-му разгром антоновщины был завершен, но самое главное, к этому времени завершилось восстановление низовых органов советской власти на мятежной территории Тамбовщины.

Подводя итоги на 1-й общеармейской конференции коммунистов войск Тамбовской губернии, Тухачевский сообщил, что за период с 28 мая по 26 июля 1921 г. в Тамбовской губернии было обезврежено 16 369 мятежников. За это же время у повстанцев и местного населения было отобрано 3 орудия, 34 пулемета, 2221 винтовка и 285 револьверов. Предстояло еще найти по меньшей мере 4 тысячи винтовок.

Что же касается применения войсками Тухачевского отравляющих газов, то об этом достаточно объективно пишет историк В. В. Самошкин в своем уникальном труде «Антоновское восстание»: «На сегодняшний день известно несколько документально зафиксированных фактов применения газов против антоновцев, скрывавшихся в лесах и болотах по берегам реки Вороны. Однако, как выясняется, во всех этих случаях стрельба химическими снарядами велась совершенно вопреки вышеприведенной инструкции, то есть исключительно в страшную жару и по сильно заболоченной местности. Одним словом, повстанцы так и не поняли, сколь страшное оружие было применено против них».

После разгрома антоновщины Тухачевский назначается командующим войсками Западного фронта (по 24 января 1922 г.), затем помощником начальника штаба РККА и военкомом (по 1 апреля 1924 г.), заместителем начальника штаба РККА (по 18 июля 1924 г.), главным руководителем по стратегии Военной академии РККА (по 1 октября 1924 г.), командующим Западным военным округом (по 7 февраля 1925 г.), начальником штаба РККА (по 13 ноября 1925 г.), командующим войсками Ленинградского военного округа (с 5 мая 1928 г.), заместителем народного комиссара по военным и морским делам (с 11 июня 1931 г.), начальником вооружения РККА (с 11 июня 1931 г.), членом Военного Совета НКО СССР, вторым

заместителем наркома обороны СССР (с 22 ноября 1934 г.), командующим войсками Приволжского военного округа (с 11 марта 1937 г.).

За боевые отличия в годы Гражданской войны награжден:

Орденом Красного Знамени (7 августа 1919 г.) и Почетным революционным оружием (17 декабря 1919 г.).

«За исключительно личные заслуги перед революцией в деле организации обороны Союза ССР на внешних и внутренних фронтах в период гражданской войны и последующие организационные мероприятия по укреплению мощи РККА» 21 февраля 1933 г. награжден орденом Ленина. А в ноябре 1935 г. ему присвоено звание маршала Советского Союза. В 1919 г. «одно время Тухачевский носил ярко-красную гимнастерку, но при этом всегда был в воротничке, в белоснежных манжетах и руки имел выхоленные с отточенными ногтями». М. Н. Тухачевского называли и «демоном гражданской войны», и «одним из даровитейших молодых военных работников».

Характерно, что в разведсводке за февраль 1922 г. Берлинского представительства генерала Врангеля о нем говорилось буквально следующее: «Он человек выдающихся способностей и с большими административными и военными талантами. Но он не лишен честолюбия и, сознавая свою силу и авторитет, мнит себя русским Наполеоном». Однополчанин маршала полковник князь Ф. Касаткин-Ростовский, вспоминая о нем, писал: «Строевой офицер он был хороший… хотя не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей… он всегда был холоден и слишком серьезен…» А вот мнение русского философа Ильина: «Очень честолюбив, фаталистичен, молчалив, кажется не умен, может стать центром заговора; вряд ли справится».

В трудные годы Гражданской войны Тухачевский оберегал всех своих близких. Братья находились в его штабе, а сестры жили с ним в штабном поезде. В период командования Западным фронтом Тухачевскому вернули имение в Смоленской губернии, где жили его мать с сестрами.

Известно, что в дружеском общении он никогда не проявлял большой сердечности. Наоборот, окружающие подмечали его холодность и рассудительность. Зато с женщинами, как рассказывают очевидцы, он держался гораздо лучше. Считается, что почти на всех женщин внешность и обаяние Тухачевского действовали неотразимо. И это не могло не льстить его самолюбию. Возможно, из-за этого его увлечения бывали весьма недолговечны.

В 1921 г., в Смоленске, Тухачевский женился на Нине Евгеньевне Гриневич, которую «увел» от первого мужа — комиссара стрелковой

дивизии. В 1928 г., будучи командующим Ленинградским военным округом, он сблизился с женой своего друга (Ю. И. Кузьминой) и жил с ней до ее ареста в 1937 г.

То, что у Тухачевского было довольно мало друзей, объясняется, во-первых, его замкнутостью, а во-вторых, той «опасностью», которую он мог представлять для их жен.

Среди его друзей и приятелей всегда были люди образованные и незаурядные, в том числе и люди старше его по возрасту, бывшие офицеры. Многие из них оказывались его «учителями» и «воспитателями».

Как пишет историк С. Минаков: «Окружение М. Тухачевского в 20-е годы не ограничивалось бывшими офицерами-гвардейцами и генштабистами. Оно было весьма разнородным. Именно благодаря этому обстоятельству фигура М. Тухачевского так выделялась среди советской военной элиты той поры. Именно это обстоятельство способствовало формированию его репутации неформального лидера и „вождя“ Красной Армии».

Военный ученый и историк Н. Куракин называл Тухачевского «одним из наших военных авторитетов, чутко откликающихся на все новые явления в области военной жизни».

Между тем в самых разных кругах его считали весьма противоречивой личностью. Так, в немецком генералитете о нем отзывались следующим образом: «Высоко интеллигентен, но не без изъянов в характере».

В его личности, в его поведении была одна определяющая черта: аристократизм. И это не могло остаться незамеченным.

В начале двадцатых годов Особый отдел Западного фронта характеризовал Тухачевского как способного командира, но человека властного и хитрого, не терпящего возражений со стороны подчиненных, поэтому окружающего себя людьми во всем с ним согласными и угодливыми, которые преклоняются перед его авторитетом. Отмечалось, что Тухачевского больше интересует административная сторона подготовки армии к войне в ущерб вопросам стратегии и тактики. В конце октября 1923 г. на заседании Партколлегии ЦКК слушалось дело Тухачевского, где его обвиняли в «попойках, кутежах, разлагающем влиянии на подчиненных». В результате Тухачевский получил «строгий выговор за некоммунистические поступки». Но при всех его недостатках нельзя забывать и о том, что М. Н. Тухачевский сыграл большую роль в строительстве, реконструкции и перевооружении Красной армии. Он написал ряд крупных военно-теоретических трудов, чем внес большой вклад в развитие советской военной науки.

Таким образом, личность маршала Тухачевского настолько многогранна, колоритна и велика, что историкам еще только предстоит подступиться к ней через призму истории. Все написанное о нем представляет лишь часть той правды, которую предстоит осветить в будущем.

Думается, что как бы ни хотел кое-кто сегодня осквернить память об этом человеке, у него это не получится — по той простой причине, что Тухачевский был бесспорно талантлив и оставил свой след в российской военной истории. Причем не только в недоброй памяти в злопамятном 1937 г.!

К слову сказать, будущие офицеры американской армии внимательно изучают труды маршала Тухачевского. Но есть и такие, кто до сих пор не оставляют попыток облить грязью убиенного военачальника. Например, бывший советский капитан Резун в своем опусе «Очищение» пишет: «Полководец Тухачевский „академиев не кончал“, высшего образования не имел, и боевой опыт его невелик. В Первой мировой войне Тухачевский воевал полгода. А Гражданская война — это вовсе не война, а карательная экспедиция против мужиков. (…) И все боевые приказы Тухачевского — не о том, как небывалым маневром обойти противника и ударить во фланг и тыл, а о том, сколько заложников брать и когда их расстреливать».

И это пишет человек с высшим военным образованием…

4

Леонид Млечин в книге «Иосиф Сталин, его маршалы и генералы» очень точно замечает: «„Дело Тухачевского“ рассматривалось и при Ельцине президентской комиссией по реабилитации под руководством академика Александра Николаевича Яковлева.

Нигде, ни на одной странице этого многотомного дела нет и упоминания о том, что следствие в 1937 году располагало таким важнейшим доказательством, как „досье Тухачевского“ из немецкого Генерального штаба. И в архивах нет следов „папки Гейдриха“. Само предложение о том, что машина репрессий нуждалась в доказательствах, свидетельствует о непонимании сталинского менталитета. Для того чтобы провести гигантскую чистку армии, Сталин не нуждался в немецких подсказках! Армия не могла избежать судьбы, уже постигшей все общество».

Достаточно сказать, что до процесса Тухачевского в 1937 г. был

процесс Пятакова — Радека (1937), на котором большинство обвиняемых были приговорены к расстрелу.

Еще раньше, в 1936 г., проходил процесс Каменева — Зиновьева. Это был первый судебный процесс над политическими оппонентами Сталина, бывшими руководителями партии и государства, соратниками Ленина. Их обвиняли в терроре, в убийстве Кирова, подготовке покушений на Сталина и других вождей.

Так расправились со вчерашними конкурентами и дали понять, что всякая внутрипартийная оппозиция становится тягчайшим государственным преступлением. Сталинские репрессии так и будут представлять загадку для многих людей, пока их суть не разложат по полочкам в школьных учебниках. Ведь «проще» этой инквизиции трудно назвать что-либо в нашей отечественной истории. Построенные на абсолютном беззаконии, они до сих пор возбуждают умы некоторых новоявленных историков и подталкивают их на все новые домысленные ими «открытия».

В уголовном деле по обвинению М. Н. Тухачевского и других даже отсутствует санкция прокурора на арест. А ведь речь шла об особо опасных государственных преступлениях!

Далее: «Несоответствие дат арестов с датами первых допросов, которые были учинены спустя несколько дней».

Судебный процесс, который состоялся 11 июня 1937 г., длился всего один день. Его стенограмма, насчитывающая несколько страниц, говорит нам о чрезвычайно примитивном разбирательстве со столь тяжкими и многочисленными обвинениями.

Историк Н. Черушев приводит достаточно веские аргументы, дающие сомневаться в существовании заговора в Красной армии в 1937 г. Они выглядят так: «1. Отсутствие достаточно четко выраженной организационной структуры и программных документов. (…)

2. Не имеется ни одного письменного списка заговорщической организации, ни одного письма (в переписке) о делах заговора, ни одного перехваченного курьера или связного с секретной запиской, с прокламациями или обращением к народу и армии. Как не было ни подпольной типографии или радиопередатчика… (…)

3. Свидетельства самих „заговорщиков“, отбывших длительные сроки лишения свободы по обвинению в причастности к военному заговору. (…)

4. Оставление на свободе и в армии части „заговорщиков“, впоследствии выдающихся полководцев и военачальников… (…)

5. Сомнения в правильности и обоснованности репрессий даже у

членов Политбюро ЦК ВКП(б)… (…)

6. Отсутствие вещественных доказательств. (…)

7. Что это за заговор, если его далеко не рядовые члены в массовом порядке отказывались от своих показаний — и на предварительном следствии, и в суде? (…)

8. Большие нестыковки в следственных материалах НКВД. (…)

9. При аресте ни один „заговорщик“ не делал попыток бежать, отстреливаться… (…)

10. Что это за заговор, если заговорщики обращаются за помощью к той власти, которую собирались свергнуть (а это тысячи писем).

11. Все подследственные с нетерпением ждали суда, чтобы доказать свою невиновность. Но им не давали такой возможности, сократив временные рамки заседания суда до 15–20 минут.

12. Ни одна из жен арестованных командиров не показала против мужа. А это значит, что они ничего не знали о „преступной“ деятельности своих мужей. Не знали потому, что такой деятельности просто не было. (…)

14. Примитивность плана дворцового переворота и захвата Кремля. Прочитав о показаниях арестованных о плане захвата Кремля, ареста правительства и т. п., только диву даешься — неужели этот убогий план рожден умами полководцев… (…)».

К слову, вглядываясь в громкие процессы сталинской эпохи, мы отчетливо замечаем их примитивность. Примитивными были и люди, которые фабриковали уголовные дела и активно участвовали в этих процессах. В 1994 г. генерал (от военной журналистики) В. Филатов сподобился донести показания и «План поражения» Тухачевского до читателя следующим пояснением: «Вам сейчас предстоит прочитать рукопись Тухачевского. В качестве показаний следствию она хранится в архивах чекистов. Так полно текст ее публикуется впервые. Почему написанному Тухачевским можно верить? Да еще как чистосердечному признанию? Во-первых, если бы изложенное им было архигосударственной тайной, показания Тухачевского опубликовали бы еще в 1937 г. Режиму, в политическом смысле, было выгоднее опубликовать, чем не опубликовать это полностью. Во-вторых, то, что вы будете читать, — это уровень мышления не ниже начальника генерального штаба, никакому следователю, будь он даже семи пядей во лбу, насильно такое надиктовать своему подследственному просто не дано. Существует версия, будто „дело Тухачевского“ подбросил Сталину Гитлер через тогдашнего президента Чехословакии Бенеша. Все может быть. Но представляется, что

Тухачевский все-таки был нужнее Гитлеру живой, чем мертвый.

Сегодня „разговорился“ чекистский генерал Судоплатов. Он утверждает, в частности, что физики, работавшие над атомной бомбой в США, сами передавали в СССР результаты своих исследований. Они хотели, чтобы у США и СССР были равные шансы в ядерном противостоянии. В арсенале Гитлера Тухачевский был той самой „атомной бомбой“ в надвигающейся войне против СССР, если допустимо подобное сравнение. Можно только гадать, кто из самого ближайшего окружения Гитлера „сдал“ Тухачевского Сталину. В любом случае он был нашим другом. Нет „колонны“, шансы на победу у Гитлера и Сталина во многом уравнялись в 1937 г. — факт. Гитлер это, несомненно, знал. Но машина войны уже работала на полные обороты и вся экономика Германии была поставлена на военные рельсы…»

И здесь можно отметить примитивность мышления в оправдание беззакония. В этом плане можно говорить долго и звонко, но зачем? Чтобы еще пройтись по трупам уничтоженных военачальников? В конце 1937 г. на встрече с руководящим составом РККА Сталин сказал: «Иные думают, что сила армии в хорошем оснащении техникой, техника-де решает все. Вторые думают, что армия крепка и вся сила ее в командном составе, — это также неправильно.

Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране, поддерживают ли эту политику рабочие, крестьяне, интеллигенция. Армия ведь состоит из рабочих, крестьян и интеллигенции. Если политикой партии довольна вся страна, довольна будет и армия. Мы против политики нейтралитета в армии. Мы за то, чтобы армия была бы теснейшими угрозами переплетена с политикой правительства в стране. Правильная политика правительства решает успех армии. При правильной политике техника и командный состав всегда приложатся».

Теперь, надеюсь, понятно, откуда «ноги растут». Сталин боролся с политикой нейтралитета в армии.

Сегодня можно рассуждать о том, как поступил Сталин. Но ясно одно: у него не было такого права лишать военачальников жизни! Даже если бы они посмели говорить иначе или критиковали его правильную политику! Юлия Кантор в своей монографии пишет: «На Лубянке лежал „План поражения“, написанный перед расстрелом маршалом Тухачевским. На протяжении всего следствия с бесконечными, круглосуточными допросами и очными ставками он все пытался говорить об опасности, которая угрожает СССР после прихода к власти Гитлера. Тухачевскому дали сутки

для написания „признаний“. И он, найдя в себе силы абстрагироваться от Лубянского кошмара, нарисовал четкую картину захватнических планов Гитлера и их мотивировок, практически безошибочно определил основные направления ударов вермахта в 1941-м и основные стратегические цели фашистов на каждом из них».

В отличие от генерала Филатова, Ю. Кантор не поленилась и отдала некоторые страницы «Плана поражения» на графологическую экспертизу. В ней указывается: «Признаки выполнения в необычном состоянии выражены достаточно объемно, но при этом доминирует заинтересованность автора предметом излагаемого материала».

Ю. Кантор: «Почерковедческий анализ выявил и большое количество „вдиктованных фрагментов“, нарушающих авторскую структуру излагаемого текста и искажающих ее подлинный смысловой ряд. Вот характерный пример: „Я предложил… облегчить немцам задачу, путем диверсионно-вредительской сдачи… укрепленного района“. А далее, после этой бредовой „заплаты“ — детальный анализ действий советских Белорусского, Украинского и других фронтов с учетом оперативно-стратегической обстановки и конкретными рекомендациями по выполнению реальных оборонительных задач».

Лично я неоднократно читал этот документ. И он действительно напоминает некую конструкцию: основная мысль — маршала, а бредовые вставки — следователя. Что и подтверждает заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н., подготовленного главным экспертом ЭКЦ ГУВД СПб и ЛО Сысоевой Л. А. В «Плане поражения» Тухачевского не просто глубочайшая осведомленность в международной политике того периода, но и высочайший профессионализм и эрудиция в вопросах военной стратегии. Здесь тщательный анализ вероятных направлений фашистской Германии против СССР.

В докладной Буденного, представленной Сталину после процесса, говорится: «Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начинал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который сблокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия, по сравнению с германской и польской армиями, по своей численности была на 60–62 дивизии меньше… Тухачевский пытался популяризировать перед

присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал».

«Основной для Германии вопрос — это вопрос о получении колоний, — писал Тухачевский. — Гитлер прямо заявил, что колонии, источники сырья, Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты». И далее: «Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье, украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и за Белоруссию, т. е. связано оно с использованием польской территории. В экономическом отношении Украина имеет для Германии исключительное значение. Она решает и металлургическую, и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. (…)

Итак, территорией, за которую Германия, вероятнее всего, будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германской армии. (…)

В конечном счете можно сделать вывод, что независимо от того, будет ли предшествовать войне против СССР война Германии с Чехословакией и Румынией или не будет, все равно главные интересы гитлеровской Германии направлены в сторону Украины. Из этого должен исходить, это должен учитывать наш оперативный план. Однако наш оперативный план этого не учитывает. Он построен все так же, как если бы война ожидалась с одной только Польшей».

К слову, с 1 по 10 июня 1937 г. Тухачевского заставили собственноручно описать организацию заговора и «План поражения» Красной армии. Эти показания тут же были отправлены Сталину, а к делу они были приобщены сразу же после процесса. В сущности, этим «планом» маршал взывал к разуму руководства страны перед грядущей опасностью фашистского вторжения. Он высказывал свои соображения, открывая глаза вождю на многие вещи, за которые боролся с Ворошиловым и его окружением. «Германская армия в 1938 году значительно вырастет и технически окрепнет», — предупреждал Тухачевский. По большому счету, «План поражения» маршала — не что иное, как предсмертное завещание Родине, государству, власти и народу. И если он в чем-то ошибался, так это только потому, что не дожил до 1939 г., когда бы воочию увидел блицкриг

вермахта. А если бы прожил еще, то и вовсе смог бы увидеть истинное направление главного удара немцев. Но тогда, в 1937 г., еще было рано делать правильные выводы. Германия второй половины 30-х годов удивляла мир с каждым днем, а ее вооруженные силы росли и крепли с каждым часом. Тогда, в 1937 г., изложенное Тухачевским совпадало с разведывательной информацией 1935 г. и последующего времени, вплоть до его ареста.

Кто знает, что вынес для себя Станин из «завещания» Тухачевского? Однако 18 сентября 1940 г. вождь высказал свою точку зрения начальнику Генерального штаба о наиболее вероятном направлении главного удара потенциального противника:

— Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникает по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы.

«В соответствие с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении», — рассказывал маршал Советского Союза К. А. Мерецков.

Глава 5
Большая игра Гитлера и Сталина

Продолжительный мирный период не пошел бы нам на пользу.

А. Гитлер

1

«Как только гитлеровской Германии было позволено перевооружиться без активного противодействия со стороны союзников, Вторая мировая война стала почти неизбежной», — вспоминает в своих мемуарах Уинстон Черчилль. Но дальше он удивляет еще большей откровенностью: «Летом 1935 года Германия в нарушение договоров вновь ввела всеобщую воинскую повинность. Великобритания простила ей это, и, заключив с ней сепаратное соглашение, позволила восстановить флот, а при желании и строить подводные лодки в одинаковом количестве с Англией.

Нацистская Германия тайно и незаконно создала военно-воздушные силы, которые к весне 1935 года уже открыто претендовали на равенство с английской авиацией. Она уже второй год после длительной тайной подготовки усиленно производила вооружение. Великобритания и вся Европа, а также далекая, как тогда считали, Америка оказались перед лицом организованной мощи и стремления к войне самой боеспособной 70-миллионной нации Европы, жаждавшей вернуть себе попранную национальную честь. И если бы эта нация заколебалась, ее погнал бы вперед безжалостный военный, социальный и партийный режим.

Возможно, было еще время отстоять систему коллективной безопасности на основе явно выраженной готовности всех членов Лиги Наций, которых это касалось, осуществить ее решения с оружием в руках. Демократические страны и связанные с ними государства реально и потенциально все еще были значительно сильнее своих противников, но их положение, по сравнению с противником, не было и наполовину таким благоприятным, каким оно было год назад. Благонамеренность, сдерживаемая инертностью и робостью, не может противостоять

вооруженной и решительной безнравственности. Искренняя любовь к миру не может служить оправданием для втягивания сотен миллионов простых людей в тотальную войну».

Как явствует из тех же воспоминаний Черчилля, весь 1935 г., Германия «отвергала и саботировала все попытки западных держав начать переговоры о „Восточном Локарно“».

Тогда же Гитлер утверждал, что «для него не может быть и речи о сотрудничестве с Советами». Он играл в такую игру, благодаря которой он мешал и срывал попытки Франции достигнуть каких либо соглашений с Советским Союзом.

«27 февраля французская палата ратифицировала франко-советский пакт, а на следующий день французский посол в Берлине получил инструкции обратиться к германскому правительству и выяснить, на какой основе могут быть начаты общие переговоры о франко-германском соглашении. Гитлер попросил на размышление несколько дней. 7 марта в 10 часов утра германский министр иностранных дел фон Нойрат вызвал на Вильгельмштрассе английского, французского, бельгийского и итальянского послов и объявил им о предложении заключить пакт сроком на 25 лет, провести демилитаризацию обеих сторон рейнской границы, заключить договор, ограничивающий военно-воздушные силы, а также пакты о ненападении с восточными и западными соседями.

Демилитаризованная зона в Рейнской области была создана в соответствии со статьями 42, 43 и 44 Версальского договора. В этих статьях указывалось, что Германия не должна иметь или создавать укрепления на левом берегу Рейна, а также в пределах пятидесяти километров от его правого берега. Германии запрещалось также держать в этой зоне какие бы то ни было вооруженные силы, проводить там военные маневры и иметь там средства для проведения военной мобилизации. Венцом всего этого был Локарнский договор, свободно заключенный обеими сторонами. По этому договору пописавшие его державы гарантировали, каждая в отдельности и все коллективно, неприкосновенность германо-бельгийской и германо-французской границ.

Статья 2 Локарнского договора обещала, что Германия, Франция и Бельгия никогда не предпримут вторжения или нападения через эти границы. Если же статья 42 и 43 Версальского договора будут нарушены, это будет означать „неспровоцированный акт агрессии“ и державы — участницы договора, пострадавшие вследствие сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне, будут иметь право предпринять немедленные действия. О таком нарушении следовало

немедленно сообщать Лиге Наций, а последняя, установив факт нарушения, должна сообщить державам — участницам договора, что они обязаны оказать военную помощь пострадавшей стороне».

Но коварный секрет Гитлера заключался в том, что в тот же день, 7 марта 1936 г., ровно через два часа, как было сделано предложение о заключении пакта, он выступил в рейхстаге и подчеркнул, что предполагает вернуть Рейнскую область. В это время части и соединения вермахта перешли границу и заняли все немецкие города.

Комментируя политические события этого периода, У. Черчилль пишет: «Не один раз в эти неустойчивые годы французские министры, входившие в состав постоянно сменявшихся правительств, довольствовались тем, что находили в английском пацифизме оправдание для собственного пацифизма».

Более того, «английская печать убеждала рядовых англичан утешать себя мыслью, что „в конце концов немцы лишь возвратились в свою собственную страну“».

«До середины 1936 года агрессивная политика Гитлера и нарушение им договора опирались не на силу Германии, а на разобщенность и робость Франции и Англии, а также на изоляцию Соединенных Штатов. Каждый из его предварительных шагов был рискованной игрой, и он знал, что в этой игре он не сможет преодолеть серьезного противодействия. Захват Рейнской области и ее последующее укрепление были самым рискованным ходом. Он увенчался блестящим успехом. Противники Гитлера были слишком нерешительными и не сумели дать ему отпор. Когда в 1938 году он предпринял следующий шаг, это был уже не блеф. Агрессия опиралась на силу, и, вполне возможно, на преобладающую силу. Когда правительства Франции и Англии поняли, какие ужасные изменения произошли, было уже слишком поздно».

* * *

В 1937 г. У. Черчилль как рядовой член парламента встретился с германским послом в Англии фон Риббентропом. Посол принял гостя в довольно просторной комнате верхнего этажа в здании германского посольства.

— Германия хочет дружбы с Англией, — в двухчасовой беседе заявил Риббентроп. — Мне предлагали пост министра иностранных дел Германии, но я убедил фюрера отпустить меня в Лондон, чтобы добиться англо-

германского союза. Мы тогда смогли бы беречь величие Британской империи. Но для нас очень важно, чтобы Англия предоставила нам свободу действий на востоке Европы. Германии просто необходимо жизненное пространство для ее все возрастающего населения. Поэтому нам придется поглотить Польшу и Данцигский коридор.

Риббентрроп внимательно посмотрел на собеседника и добавил:

— Что касается России и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского рейха, насчитывающего свыше 70 млн душ. На меньшее согласиться нельзя.

— Английское правительство не согласится предоставить Германии свободу действий в Восточной Европе, — парировал Черчилль. — Хотя мы и в самом деле находимся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидим коммунизм не меньше, чем ненавидит его Гитлер, вам следовало бы твердо знать, что если бы даже Франция была в полной безопасности, Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбам континента настолько, чтобы позволить Германии установить свое господство над Центральной и Восточной Европой.

— В таком случае, — Риббентроп резко отвернулся от карты, — война неизбежна. Другого выхода нет!

* * *

В поисках очередного компромисса между великими державами Англия потратила все драгоценное лето 1938 г. Но как было не раз, вместо серьезного нажима на Германию, она совместно с Францией продолжала требовать от Чехословакии уступок во имя сохранения мира в Европе. Угроза ее большевизации, по мнению руководства Англии, стало бы реальностью в ожидаемой войне. Английская сторона исходила из того, что «слабая Германия не хочет, а сильная Франция не может пойти на закрепление британской гегемонии». Следовательно, за усилением Германии и ослаблением Франции следовало изоляция Советского Союза, который «21 сентября предложил провести конференцию для выработки мер против агрессии». Итоги весьма неумной сделки стала Мюнхенская конференция (29–30 сентября 1938 г.), где Англия и Франция передали Германии Судеты в обмен на декларации о ненападении.

Следует отметить, что когда Гитлер только готовился поглотить Чехословакию, Сталин неоднократно (в марте, апреле, мае, июне, августе) поручал Наркомату иностранных дел находить формы и способы

публичного подтверждения готовности СССР защитить Чехословакию.

На запрос Праги о возможности СССР защитить Чехословакию Сталин 20 сентября ответил утвердительно. В Киевском округе даже создавалась специальная группировка войск. Были намечены оперативные передвижения и в Белорусском округе. Однако правительство Чехословакии просто капитулировало под давлением Англии и Франции. Сталина очень беспокоила свобода Гитлера на Востоке, которую ему дали англо-германская декларация о ненападении (сентябрь 1938 г.) и франко-германское соглашение (декабрь 1938 г.). Черчилль, вспоминая о заседании ассамблеи Лиги Наций 21 сентября, где с резким официальным заявлением выступил Литвинов, пишет: «Это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказала влияние на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе. Советские предложения фактически игнорировали. Они не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы за это поплатились».

Я не без умысла цитирую величайшего британского политика XX столетия. Дело в том, что, во-первых, он объективен в своих мемуарах, как никто другой. Во-вторых, когда он писал их (написаны в марте 1948 г.), все еще было свежо в его памяти. Прошло всего несколько лет после окончания Второй мировой войны. Появились новые документы. У Черчилля было достаточного времени все обдумать и взвесить. В любом случае, человек, который лично определял политику страны и стратегию ведения военных действий Вооруженными силами Британии, достоин быть не просто услышанным — он является ценным носителем объективной информации.

2

Генерал П. А. Судоплатов вспоминал: «В августе 1939 года объем разведывательной информации резко возрос. Мы получили достоверное сообщение о том, что французское и британское правительства не горят желанием оказать Советскому Союзу поддержку в случае войны с Германией. Это вполне совпадает с данными, полученными нами тремя или четырьмя годами раньше от кембриджской группы. По этим сведениям, британский кабинет министров, точнее, Невилл Чемберлен и сэр Джон Саймон, рассматривал возможность тайного соглашения с Гитлером для

оказания ему поддержки в военной конфронтации с Советским Союзом. Особое внимание заслуживала информация трех надежных источников из Германии: руководство вермахта решительно возражало против войны на два фронта. Полученные директивы обязывали нас быстро рассмотреть возможные варианты сотрудничества со странами, готовыми подписать соглашения о противодействии развязыванию войны. Речь шла не только об Англии и Франции, с которыми велись консультации с начала 1939 года, но также и о Германии. В Германии за мирное урегулирование отношений с Советским Союзом выступали в среде влиятельных военных лишь выходцы из Восточной Пруссии».

Фактически терпение Сталина лопнуло уже весной 1939 г. Уставший от хитрости политиков Великобритании и Франции, он дал им понять, что в конце концов готов пойти на контакт с Гитлером! Выступая на XVIII съезде партии 10 марта 1939 г. Сталин объяснил, почему «неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

— Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или нескольких странах. Но это сейчас не единственная и даже не главная причина.

Главная причина состоит в отказе от большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию „нейтралитета“. Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: „пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами“. Наделе, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии развязывания войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну».

Напоминая о шуме, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу похода Германии на Советскую Украину, Сталин сказал:

— Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью

поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

В апреле 1939 г. Германия, будто уловив намек советского вождя, предпринимает зондаж позиции СССР на предмет улучшения отношений. Однако советское правительство все еще занимало выжидательную позицию. Именно в апреле между Англией, Францией и СССР зрели новые контакты, которые могли бы обернуться политическими переговорами и еще принести общую пользу. В расчете на это руководство Советского Союза ставило своим дипломатам только три задачи: предотвратить или хотя бы оттянуть войну или сорвать единый антисоветский фронт. Уже в мае в советской печати утверждалось, что «остановить агрессию может только союз Англии, Франции и СССР, но эта позиция советского руководства не находит поддержки в Лондоне и Париже, которые не хотят равноправного договора с Москвой». А 20-го Германия предложила СССР возобновить экономические переговоры. Через десять дней в выступлении Молотова прозвучала критика позиции Англии и Франции на переговорах, которые, по мнению Москвы, лишь демонстрировали уступки и не хотели дать гарантии Прибалтийским странам.

Двадцать девятого июня в советской печати отмечалось, что «англо-франко-советские переговоры „зашли в тупик“, поскольку Англия и Франция „не хотят равного договора с СССР“».

Семнадцатого апреля 1939 г. статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер отметил в меморандуме: «Русский посол — в первый раз с тех пор, как он получил здесь свой пост, — посетил меня для беседы, касавшейся ряда практических вопросов. Он подробно остановился на вопросе, который, как он сказал, кажется ему особенно важным, а именно о выполнении заводами „Шкода“ определенных контрактов на поставку военных материалов. (…)

В конце разговора я намекнул полпреду на то, что сообщения о русско-англо-французском военно-воздушном пакте и т. п. в настоящий момент явно не способствуют проявлению доброй воли с нашей стороны и созданию атмосферы для доставки военных материалов в Советскую Россию. (…)

После того как я опроверг последнее утверждение и сделал некоторые сдержанные комментарии относительно германо-польских отношений, русский посол спросил меня, что я действительно думаю о германо-русских отношениях. Я ответил господину Мерекалову, что мы, как все знают, всегда хотели иметь с Россией торговые отношения, удовлетворяющие взаимным интересам. Мне кажется, что в последнее

время русская пресса не присоединяется к антигерманскому тону американских и некоторых британских газет. (…)

Посол в этой связи заявил примерно следующее: Политика России всегда прямолинейна».

Четвертого мая 1939 года германский поверенный в делах в Москве Типпельскирх телеграфировал в МИД Германии:

«…Поскольку Литвинов еще 2 мая принимал британского посла, а вчера его имя было указано прессой среди почетных гостей, присутствовавших на параде, его смещение кажется результатом неожиданного решения Сталина». Пятого мая немцы соглашаются на запрос от 17 апреля соблюдать советские контракты с заводами «Шкода» о поставках…

А 17 мая на встрече советника советского посольства Астахова с заведующим восточноевропейской референтурой МИД Германии Шнуре произошла интересная беседа. В ходе нее Астахов отметил, «что тон германской прессы за последние недели совершенно изменился. Нет направленных против Советского Союза выпадов, сообщения объективны». Однако затем особенно подчеркнул: Советский Союз не может «судить о том, является ли это лишь временной переменой, вызванной тактическими соображениями, или нет. Но есть надежда на то, что подобное положение дел станет явлением постоянным».

Пятого июня немецкий посол в Москве Шуленбург докладывал о том, что «Молотов почти что призывал нас к политическому диалогу. Наше предложение о проведении только экономических переговоров не удовлетворило его». Далее в своем письме он подчеркнул: «Поэтому осторожность с нашей стороны была и остается необходимой, но мне кажется очевидным, что дверь не захлопнута и что путь для дальнейших переговоров открыт. Мы ничего не просили у Советского Союза, а Советский Союз — у нас», «…благодаря нашим пактам о ненападении с прибалтийскими государствами Россия получила от нас бесплатно большую безопасность, как бы являющуюся первым политическим взносом Германии».

«Советы нам не доверяют, но они также не слишком доверяют демократическим державам».

29 июня Гитлер принимает следующее решение, которое отправляется в канцелярию министра иностранных дел: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимость от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений в том их виде, как

они были сформулированы в январе. Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией». При этом данный документ было рекомендовано задержать на несколько дней… Гитлер явно горячился!

Двадцать седьмого июля в беседе советского поверенного в делах Астахова с заведующим референтурой Шнуре документы зафиксировали интересные факты. На замечание Астахова о тесном сотрудничестве последний ответил: «Возобновление подобного сотрудничества представляется мне сейчас вполне возможным, если советское правительство находит его желательным». И Шнуре ненавязчиво предлагает три этапа: …восстановление сотрудничества в экономической области, нормализацию и улучшение политических отношений, восстановление хороших политических отношений. Тем не менее, несмотря на то что Астахов назвал путь сближения с Германией соответствующим интересам обеих стран, «он отметил, что, вероятно, темп должен быть медленным и постепенным. Советский Союз усматривает серьезную для себя угрозу во внешней политике национал-социализма». В заключение меморандума Шнуре подчеркнул: «У меня создалось впечатление, что Москва еще не решила, что она хочет делать. Русские умолчали о состоянии переговоров о пакте с Великобританией и о шансах на его заключение. Учитывая все это, можно заключить, что в течение определенного времени Москва решила следовать как в отношении нас, так и в отношении англичан политике затягивания и отсрочек для того, чтобы отложить принятие решений, важность которых она ясно понимает». (…) «А в общем — большое недоверие не только к нам, но и к Англии. С нашей точки зрения, можно рассматривать как заметный успех то, что Москва после месяцев переговоров с англичанами все еще неясно представляет себе, что ей следует в конце концов делать».

В сущности, Германия делала все возможное, чтобы остановить сближение СССР с Англией и Францией. Так, 3 августа имперский министр иностранных дел Рибентроп телеграфировал послу в Москве Шуленбургу: «Хорошо известно, что тон нашей прессы в отношении России вот уже пол года совершенно другой. Мне кажется, что пока что русская сторона хочет построить наши отношения по возможности на двух условиях: а) невмешательство во внутренние дела другой страны (…) б) прекращение политики, направленной против жизненных интересов друг друга. (…)»

«Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что происходит и как нам действовать. Если случится обратное, то от

Балтийского до Черного моря не будет проблем, которые мы совместно не сможем разрешить между собой. (…)

Что касается Польши, то за развивающимися событиями мы следим внимательно и хладнокровно. В случае провокации со стороны Польши мы урегулируем вопрос с Польшей в течение недели. На случай этого я сделал тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши». И далее: «В международной политике мы не следуем тактике демократических держав. Мы привыкли строить на солидном фундаменте, не должны платить дань неустойчивому общественному мнению и не хотим никаких сенсаций. Если беседы, подобные нашей, не будут вестись с той степенью секретности, которой они заслуживают, они будут прекращены. Мы не стремимся привлечь к ним внимание. Выбор, как уже говорилось, у Москвы есть».

Гитлер спешил не зря, так как 12 августа 1939 г. в Москве начались переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции.

После изучения справок на членов английской и французской военных миссии (Дракс, Барнетт, Хэйвуд, Думенк, Вален, Вийом), Сталин сразу же обратил внимание на то, что «кроме нескольких генералов в делегациях немало младших офицеров вроде капитана Совиша, капитана Бофра и других».

Иностранная делегация, прибывшая в Россию на тихоходном товарно-пассажирском пароходе «Сити оф Эксетер», имела в качестве основы для переговоров следующую инструкцию: «Британское правительство не желает принимать на себя какие-либо конкретные обязательства, которые могли бы связать нам руки при тех или иных обстоятельствах. Поэтому следует стремиться свести военные соглашения к самым общим формулировкам. Что-нибудь вроде согласованного заявления о политике отвечало бы этой цели». И еще: «Делегация должна вести переговоры очень медленно, следя за ходом политических событий».

У главы советской делегации К. Е. Ворошилова имелись более четкие инструкции политического руководства. Документ назывался «Соображения к переговорам с Англией и Францией». В нем рассматривались пять вариантов, «когда возможно выступление наших сил».

К слову, документ именовал Германию главным агрессором.

Так, СССР был готов выставить против «главного агрессора» 120 пехотных дивизий. От Англии и Франции требовалось выставить 86 пехотных дивизий (для решительного их наступления с 16-го дня мобилизации, самого активного участия в войне Польши, а равно

беспрепятственного прохода наших войск через территорию Виленского коридора и Галицию с предоставлением им подвижного состава) — при нападении «главного агрессора» на нас.

«Сталин, раскладывая с Молотовым и Ворошиловым этот политический пасьянс, — писал Волкогонов, — все больше убеждался: Запад не имеет искренних намерений достичь взаимоприемлемого соглашения. И все же Сталин посчитал необходимым еще раз обратиться с конкретным предложением к Англии и Франции о заключении на 5 или 10 лет соглашения с СССР о взаимной помощи, которое предусматривало и военные обязательства. Суть его сводилась к следующему: в случае агрессии против любого из договаривающихся государств (как и восточноевропейских) стороны обязуются прийти ему на помощь. Советский Союз конкретно изложил, о каких странах между Балтийским и Черным морями идет речь. Лондон и Париж долго не давали ответа. Сталин требовал напоминать. Однако на переговоры в Москву прибыли второстепенные лица, не уполномоченные принимать важные решения. Одновременно, и об этом стало известно Сталину, партнеры по переговорам не прекращали своих тайных попыток добиться приемлемого соглашения с Гитлером. В Кремле решили: Англия и Франция просто тянут время в поисках выгодного для себя варианта, без учета интересов СССР».

Д. А. Волкогонов утверждает, что окончательно Сталин поставил крест на трехсторонних переговорах, когда Ворошилов утром 20 августа положил перед ним записку от адмирала Р. Дракса, которого, как и его французского коллегу, просили ускорить ответ на советские предложения.

Глубокой ночью в августе 1942 г. в Кремле Сталин познакомил Черчилля с одним аспектом тогдашней советской позиции: «У нас создалось впечатление, — сказал Сталин, — что правительства Англии и Франции не приняли решения вступить в войну в случае нападения на Польшу, но надеялись, что дипломатические контакты Англии, Франции и России остановят Гитлера. Мы были уверены, что этого не будет». «Сколько дивизий, — спросят Сталин, — Франция выставит против Германии после мобилизации?» Ответом было: «Около сотни». Тогда он спросил: «А сколько дивизий пошлет Англия?» Ему ответили: «Две и еще две позднее». «Ах, две и еще две позднее, — повторил Сталин. — А знаете ли вы, — спросил он, — сколько дивизий мы выставим на германском фронте, если вступим в войну против Германии?» Молчание. «Больше трехсот».

«Сталин не сказал мне, когда и с кем произошел этот разговор. Надо признать, что это была действительно твердая почва», — вспоминал

У. Черчилль.

3

Как пишет генерал Волкогонов: «К концу лета 1939 года советским руководителям становилось все более ясно: перед лицом фашистской Германии на западе и милитаристской Японии на востоке СССР рассчитывать не на кого.

У СССР оказался весьма ограниченный выбор. Но его нужно было делать. На него нужно было решиться. Сталин это понял раньше других, хотя и предвидел, что реакция на этот шаг во многих странах будет крайне отрицательной. Будучи прагматиком, он отбросил в этот момент идеологические принципы в сторону».

И действительно, а что оставалось делать в подобной ситуации?

Наверное, многие сегодняшние политики на это могут ответить гораздо быстрее. Но опять-таки, не забывайте, что нельзя подходить к тому времени с мерками сегодняшнего дня, а уж тем более современного менталитета.

«Итак, когда Сталин убедился, что англо-франко-советские переговоры не дают быстрых результатов (а он и не очень верил, что они приведут к положительному решению), „вождь“ вернулся к „германскому варианту“, который настойчиво предлагал Берлин. По его мнению, другого выбора уже не было. В противном случае СССР, как он считал, может столкнуться с широким антисоветским фронтом, что чревато наихудшим. Сталину, попавшему в политический цейтнот, некогда было думать, что скажут об этом шаге потомки, что скажет история. На пороге ее начало. Поэтому его мысль все чаще возвращалась к Берлину», — достаточно аргументировано высказывается на этот счет генерал.

А тем временем 14 августа 1939 г., МИД Германии информировал своего посла в Москве: «Советы заинтересованы в обсуждении отдельных групп вопросов из числа тех, которые уже были подняты». Далее Риббентроп телеграфирует Шуленбургу лично: «Я прошу Вас связаться с господином Молотовым и передать ему следующее:

„1. Идеологические расхождения между национал-социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует

деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружеского сотрудничества. (…)

2. В действительности интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг другу, но в столкновениях нет естественной потребности. Таким образом, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. (…)

3. Нет никакого сомнения, что сегодня германо-советские отношения пришли к поворотному пункту своей истории. Решения, которые будут приняты в ближайшем будущем в Берлине и Москве по вопросу этих отношений, будут в течение поколений иметь решающее значение для германского и советского народов. От этих решений будет зависеть, придется ли когда-нибудь двум народам снова, без возникновения каких-либо действительно непреодолимых обстоятельств, выступить друг против друга с оружием в руках… (…)

5. Имперское правительство и советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как национал-социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии“».

В приложении Риббентроп просил «не вручать этих инструкций господину Молотову в письменном виде, а зачитать их ему».

И вот еще: «Я считаю важным, чтобы они дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени господина Сталина»…

Глубокой ночью 16 августа МИД Германии дождался ответа. В телеграмме говорилось: «Молотов с величайшим интересом выслушал информацию, которую мне было поручено передать, назвал ее крайне важной и заявил, что он сразу же передает ее своему правительству и в течение короткого времени даст мне ответ. Он может заявить уже сейчас, что советское правительство тепло приветствует германские намерения улучшить отношения с Советским Союзом и теперь, принимая во внимание мое сегодняшнее сообщение, верит в искренность этих намерений.

В связи с идеей приезда сюда имперского министра иностранных дел он хочет высказать свое личное мнение о том, что подобная поездка требует соответствующих приготовлений для того, чтобы обмен мнениями дал какие-либо результаты.

В этой связи его интересует вопрос о том, как германское правительство относится к идее заключения пакта о ненападении с Советским Союзом, а также готово ли германское правительство повлиять на Японию с целью улучшения советско-японских отношений…»

В меморандуме германский посол указал: «Молотов затем заявил, что ввиду важности моего сообщения он не может дать мне ответ сразу же, но должен сначала представить доклад своему правительству».

После обсуждения всех вопросов с Гитлером, Риббентроп телеграфирует Шуленбургу: «Я прошу Вас снова связаться с господином Молотовым и заявить ему, что в дополнение к вчерашнему посланию для господина Сталина Вы должны передать ему нижеследующую инструкцию, только что полученную из Берлина, которая касается вопросов, поднятых господином Молотовым. После этого, пожалуйста, сообщите господину Молотову следующее:

1. Вопросы, поднятые господином Молотовым, соответствуют германским пожеланиям, а именно: Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, если желает советское правительство, не подлежащий изменению в течение 25 лет. (…)

2. Фюрер считает, что, принимая во внимание настоящую ситуацию и каждодневную возможность возникновения серьезных инцидентов (в этом месте, пожалуйста, объясните господину Молотову, что Германия полна решимости не терпеть бесконечно польские провокации), желательно общее и быстрое выяснение германо-русских отношений и взаимное урегулирование актуальных вопросов. По этим причинам имперский министр иностранных дел заявляет, что начиная с пятницы 18 августа он готов в любое время прибыть самолетом в Москву, имея от фюрера полномочия на решения всего комплекса германо-русских вопросов, а если представится возможность, то и для подписания соответствующего договора». В конце приложения Риббентроп подчеркивает: «Абсолютно конфиденциально для Вашего сведения добавляется, что мы особенно заинтересованы в том, чтобы моя поездка в Москву могла состояться в конце этой или в начале следующей недели».

Внимательно читая наиболее важные документы и материалы германского министерства иностранных дел, касающиеся советско-германских отношений весны — лета 1939 г., трудно не заметить активности гитлеровской дипломатии, направленной на сближение с Советским Союзом — с безусловной выгодой прежде всего для своей завоевательной политики. При этом очевидна спешка, с которой все совершалось.

Утром 18-го августа Шуленбург докладывает в МИД Германии: «Господин Молотов зачитал ответ советского правительства, в котором, согласно данному мне тексту, сказано следующее:

„Советское правительство принимает к сведению заявление германского правительства о его действительном желании улучшить политические отношения между Германией и СССР, переданные графом Шуленбургом 15 августа. (…)

Однако, когда сейчас германское правительство меняет свою прежнюю политику в отношении СССР в сторону искреннего улучшения политических отношений с Советским Союзом, советское правительство смотрит на такие изменения с удовлетворением и готово, со своей стороны, направить свою политику по пути заметного улучшения отношений с Германией. (…)

Правительство СССР считает, что первым шагом к подобному улучшению отношений между СССР и Германией может быть заключение торгового и кредитного соглашения. Правительство СССР считает, что вторым шагом, который должен быть сделан вскоре после первого, может быть заключение пакта о ненападении или подтверждение договора о нейтралитете от 1926 года, с одновременным подписанием специального протокола, который определит интересы подписывающихся сторон…“ (…)

Затем Молотов сообщил следующую дополнительную информацию:

1. Сначала должно быть заключено экономическое соглашение. То, что начато, должно быть доведено до конца.

2. Затем, через короткий промежуток времени, по усмотрению Германии, последует либо заключение пакта о ненападении, либо подтверждение договора о нейтралитете от 1926 года. (…)

3. Относительно предполагаемого визита в Москву имперского министра иностранных дел Молотов заявил, что советское правительство очень удовлетворено этим предложением, поскольку посылка такого выдающегося общественного и государственного деятеля подчеркивает искренность намерений германского правительства. Это выглядит особенно контрастно в сравнении с Англией, которая послала в Москву в лице Стрэнга второсортного чиновника. Поездка имперского министра иностранных дел, однако, требует тщательной подготовки. Советскому правительству не нравится гласность, сопровождающая подобный визит».

Утром 19 августа приходит следующий ответ: «Пожалуйста, немедленно условьтесь о новой беседе с господином Молотовым и сделайте все, что возможно, чтобы эта беседа состоялась без задержки. Я просил бы Вас во время этой встречи говорить с Молотовым в следующем

духе: (…) „По мнению фюрера, существующая необычная ситуация делает необходимым использование какого-нибудь другого метода, который приведет к быстрым результатам. Германо-польские отношения изо дня в день становится все более острыми. Мы должны принять во внимание, что в любой день могут произойти столкновения, которые сделают неизбежным начало военных действий. В общем, учитывая поведение польского правительства, эти события ни в коем смысле от нас не зависят. Фюрер считает, что необходимо, чтобы мы, за стараниями выяснить германо-русские отношения, не были застигнуты врасплох началом германо-польского конфликта. Поэтому он считает, что предварительное выяснение отношений необходимо для принятия во внимание интересов России в случае подобного конфликта, что без этого, конечно же, будет трудно…“».

И в заключение: «…Вы должны иметь в виду тот главенствующий факт, что вероятно скорое начало открытого германо-польского столкновения и что поэтому мы крайне заинтересованы в том, чтобы мой визит в Москву состоялся немедленно».

То есть Гитлер очень и очень спешит. Ему нужна Польша.

А что Сталин?

Его ответ был таким: «…если о заключении экономического соглашения будет объявлено завтра, то имперский министр иностранных дел может прибыть в Москву 26 или 27 августа». В беседе Молотова с Шуленбургом также от Сталина было передано: «…что пока что даже первая ступень — завершение экономических переговоров — не пройдена. Прежде всего должно быть подписано и провозглашено и приведено в действие экономическое соглашение. Затем наступит очередь пакта о ненападении и протокола».

На доводы германского посла «в пользу необходимости торопиться» Молотов абсолютно уверено заявил «о том, что он высказал мне взгляды советского правительства и не может более ничего к ним добавить».

«Что касается поездки имперского министра иностранных дел, — резюмировал Шуленбург, — то советское правительство согласно на прибытие господина Риббентропа в Москву примерно через неделю после обнародования подписанного экономического соглашения. Таким образом, если это провозглашение произойдет завтра, господин фон Риббентроп может прибыть в Москву 26 или 27 августа. Молотов не объяснил мне причины резкого изменения своей позиции.

Я допускаю, что вмешался Сталин. Моя попытка убедить Молотова согласиться на более раннюю дату приезда имперского министра

иностранных дел была, к сожалению, неудачной…»

В тот же день, только в десять часов вечера, Сталин на заседании Политбюро объяснял присутствующим, почему необходимо политическое соглашение с Гитлером.

«Мир или война, — тихим голосом говорил вождь. — Этот вопрос вступает в критическую фазу. Его решение целиком и полностью зависит от позиции, которую займет Советский Союз. Мы совершенно убеждены, если завтра мы заключим договор в союзе с Францией и Великобританией, Германия будет вынуждена отступиться от Польши и искать modus vivendi с западными державами. Таким образом, войны удастся избежать и тогда последующее развитие событий примет опасный для нас характер.

С другой стороны, если мы примем известное вам предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным. При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта и мы сможем, находясь в выгодном положении, выжидать, когда наступит наша очередь».

До сих пор многие историки и у нас, и за рубежом приводят эту речь, чтобы в очередной раз обвинить Сталина и его режим в коварстве. Но позвольте, господа, вас предостеречь. Политика вообще никогда не делается в белых перчатках. А во-вторых, тогда речь шла о спасении нашего государства и народов СССР, в том числе русского. И какими бы ни были действия советского правительства и лично Сталина, в данном случае цель оправдывала средства.

В-третьих, эту речь приводят в качестве доказательства намерений Сталина нанести удар по Германии. Но и это утверждение весьма сомнительно. Нужно очень внимательно читать слова Сталина, а не искать в них то, что хотелось бы вам увидеть!

4

Торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией было заключено 19 августа 1939 г., а 20-го Риббентроп отправил послу в Москве телеграмму. Текст был таким: «Фюрер уполномочивает Вас немедленно явиться к Молотову и вручить ему следующую телеграмму фюрера для господина Сталина:

„Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо-советского

торгового соглашения как первую ступень перестройки германо-советских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне Ваш министр иностранных дел господин Молотов, и я считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государств всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих стран, не теряя времени вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа…“»

21 августа советское правительство согласилось на приезд в Москву имперского министра иностранных дел 23 августа. В этот день Риббентроп прилетел в Москву, и в тот же день состоялось подписание Договора о ненападении между Советским Союзом и Германией. Он был заключен сроком на десять лет (хотя Шуленбург предлагал на двадцать пять).

«В ходе обсуждения проекта соглашения, — писал Волкогонов, — Риббентроп настаивал на том, чтобы включить в преамбулу тезис „о дружественном характере советско-германских отношений“. Когда Молотов доложил об этом Сталину, тот отклонил предложение министра иностранных дел Германии: „Советское правительство не могло бы честно заверить Советский народ в том, что с Германией существуют дружеские отношения, если в течение шести лет нацистское правительство выливало

ушаты помоев на Советское правительство“.

Вечером 3 сентября Шуленбург получил очередную телеграмму: „Мы безусловно надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в Германскую сферу интересов. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу интересов.

Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере интересов и, со своей стороны, оккупировала эту территорию…“»

Гитлер снова спешил. Но зато не спешил Сталин, который дал, как всегда, не совсем определенный ответ: «Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов».

Что ж, и здесь понятна аккуратность Сталина, которую нельзя не заметить. Подписывая соглашение и решая вопросы присоединения территорий, он был абсолютно спокоен и, видимо, этим злил Гитлера.

Но что оставалось делать фюреру? Также играть!

Только десятого сентября Молотов заявил Шуленбургу: «Советское правительство было застигнуто совершенно врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами. Основываясь на нашем первом сообщении, Красная Армия рассчитывала на несколько недель, которые теперь сократились до нескольких дней, Советские военные власти оказались поэтому в трудном положении, так как, принимая во внимание местные обстоятельства, они требовали, по возможности, еще две-три недели для своих приготовлений…»

И еще 14 сентября, когда Гитлер особенно нервничал, Молотов хоть и заявил о готовности Красной армии, но при этом сослался на невозможность вступления ее в Польшу, пока не падет административный центр Польши — Варшава. И в этом также был определенный политический расчет. Перед самым вводом Красной армии на территорию Польши Сталин предложил Гитлеру «мотивировать свои действия следующим образом:

Польское государство распалось и более не существует, поэтому

аннулируются все соглашения, заключенные с Польшей; третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из создавшегося хаоса; Советский Союз считает своей обязанностью вмешаться для защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению трудиться спокойно.

Советское правительство намерено обнародовать сообщение в указанном духе по радио, в прессе и т. д. немедленно после того, как Красная Армия пересечет границу, и в то же время заявить об этом в официальной ноте польскому послу…»

В разговоре с Шуленбургом «Молотов согласился с тем, что планируемый советским правительством предлог содержал в себе ноту, обидную для чувств немцев, но просил, принимая во внимание сложную для советского правительства ситуацию, не позволять подобным пустякам вставать на нашем пути».

Пройдет чуть больше года — и в Германию для обмена мнениями с рейхсканцлером А. Гитлером, министром иностранных дел И. Риббентропом, а также рейхсмаршалом Г. Герингом и заместителем Гитлера по НСДАП Р. Гессом совершит поездку председатель Совнаркома и народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов. Хотя еще в марте 1940 г. Риббентроп через Шуленбурга настаивал на приезде в Германию самого Сталина. «Понятно без слов, что приглашение не ограничивается одним Молотовым. Если в Берлин приедет сам Сталин, это еще лучше послужит нашим собственным целям, а также нашим действительно близким отношениям с Россией. Фюрер, в частности, не только будет рад приветствовать Сталина в Берлине, но и проследит, чтобы он (Сталин) был принят в соответствии с его положением и значением, и он (Гитлер) окажет ему все почести, которые требует данный случай».

Однако 12 ноября на Ангальтский вокзал Берлина прибыл только Молотов.

«Когда Молотова проводили в кабинет Гитлера, — пишет Волкогонов, — он поразился его величию — огромное мрачноватое помещение, похожее на банкетный зал. Фюрер в своем зеленовато-мышином френче в углу кабинета был едва виден. Протягивая мягкую потную ладонь, Гитлер немигающими глазами внимательно оглядывал советского наркома».

Сам Вячеслав Михайлович Молотов спустя три десятилетия рассказывал Ф. Чуеву: «Гитлер… Внешне ничего такого особенного не было, что бросалось бы в глаза. Но очень самодовольный, можно сказать, самовлюбленный человек. Конечно, не такой, каким его изображают в

книгах и кинофильмах. Там бьют на внешнюю сторону, показывают его сумасшедшим, маньяком, а это не так».

По мнению Молотова, фюрер был очень умным человеком, но из-за огромной самовлюбленности и нелепости своей идеи казался тупым. «Во время первой беседы, — продолжал Вячеслав Михайлович, — он почти все время говорил один, а я его подталкивал, чтоб он еще что-нибудь добавил. (…)

Гитлер говорит: „Что же получается, какая-то Англия, какие-то острова несчастные владеют половиной мира и хотят весь мир захватить — это же недопустимо! Это несправедливо!“ (…)

Гитлер: „Вот вам надо иметь выход к теплым морям. Иран, Индия — вот ваша перспектива“. Я ему: „А что, это интересная мысль, как вы себе это представляете?“

Втягиваю его в разговор, чтобы дать ему возможность выговориться. Для меня это несерьезный разговор, а он с пафосом доказывает, как нужно ликвидировать Англию, и толкает нас в Индию через Иран. (…)

А во второй нашей с ним беседе я перешел к своим делам. Вот вы, мол, нам хорошие страны предлагаете, но, когда в 1939 году к нам приезжал Риббентроп, мы достигли договоренности, что наши границы должны быть спокойными, и ни в Финляндии, ни в Румынии чужих воинских подразделений не должно быть, а вы держите там войска? Он: „Это мелочи“. Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существует разделение: это ваша сфера влияния, а это наша. Вот с Риббентропом мы и договорились, что границу с Польшей проводим так, а в Финляндии и Румынии никаких иностранных войск. „Зачем вы их держите?“ — „Мелочи“. — „Как же мы с вами можем говорить о крупных вопросах, когда по второстепенным не можем договориться действовать согласованно?“ Он — свое, я — свое. Начал нервничать. Я — настойчиво, в общем, я его допек».

«Когда нас фотографировали, Гитлер меня обнял одной рукой. Меня в 1942 году в Канаде спрашивали, почему я на этом снимке улыбаюсь? Да потому, что у нас ничего не получилось и не получится! А Гитлер удивляется, почему я настаиваю, такая мелочь второстепенная, можно уладить… Я ему: „Давайте уладим!“ Он в ответ что-то неопределенное. Когда мы прощались, он меня провожал до самой передней, к вешалке, вышел из своей комнаты. Говорит мне, когда я одевался: „Я уверен, что история навеки запомнит Сталина!“ „Я в этом не сомневаюсь“, — ответил я ему. „Но я надеюсь, что она запомнит и меня“, — сказал Гитлер. „Я и в

этом не сомневаюсь“.

Чувствовалось, что он не только побаивается нашей державы, но и испытывает страх перед личностью Сталина».

Об этих переговорах Волкогонов писал: «Партнеры из большевистского и фашистского лагерей опасались друг друга. Дух глухого недоверия витал в кабинетах Гитлера и Риббентропа, когда туда приходил Молотов. Стороны уже понимали, что заключенные год назад соглашения — мертворожденные. Они были нужны каждой из сторон для своих целей. Германии — ввести в заблуждение СССР, развязав тем самым себе руки. Советскому Союзу — выиграть время. Шла большая игра. Каждая из сторон считала, что она выигрывает».

Таким образом, Гитлер, а не Сталин первым сделал шаг к сближению. С точки зрения Гитлера, теперь были созданы абсолютно все условия для быстрой и ошеломляющей победы над Польшей. И он не ошибся, достаточно искусно используя нерешительность Великобритании и Франции.

Выступая 22 августа 1939 года, Гитлер сказал:

— У противника была еще надежда, что после захвата Польши в качестве врага выступит Россия. Противник не учел моей большой решительности. Наши противники — жалкие черви. Я видел их в Мюнхене. Я был убежден, что Сталин никогда не примет английское предложение. Россия не заинтересована в сохранении Польши… В связи с торговым договором мы начали политический диалог. Предложили пакт о ненападении. Затем последовало всестороннее предложение от России. Теперь Польша в том положении, в которое я и хотел ее поставить. Блокады нам нечего бояться. Восток поставит нам зерно, скот, уголь, свинец, цинк. Это большая цель, которая требует много сил. Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне предложение о посредничестве.

Тем не менее, как пишет И. Фест, «Гитлер видел, что его главная концепция была поставлена с ног на голову: он воевал не в том направлении, не с Востоком (…), а с Западом. Почти 20 лет все его мышление и тактика определялись прямо противоположной идеей. Теперь его настроение, заносчивость и опьяняющее действие больших успехов перевесили все рациональные соображения и окончательно разбили „фашистскую схему расстановки сил“: он воевал с консерваторами не „разгромив предварительно революционеров!“»

Когда война с Великобританией стала неизбежной, Гитлер с грустью в голосе сказал Рудольфу Гессу: «Дело моей жизни сейчас разваливается.

Моя книга была написана впустую».

Глава 6
План «Барбаросса»

Мы будем диктовать Востоку наши законы. Мы завоюем шаг за шагом землю до Урала. Я надеюсь, что с этой задачей справится еще наше поколение.

А. Гитлер

1

Генерал Ганс фон Сект умер в начале 1937 г. Перед смертью он оставил политическое и военное завещание. В день похорон генерал Бломберг передал его Гитлеру.

В завещании Сект заклинает фюрера «не относиться с предубеждением к русским вопросам и русским политическим и военным деятелям, тогда, по убеждению Секта, можно будет легко прийти к соглашению с Советским Союзом».

Свое твердое убеждение Сект обосновывает следующими тезисами:

1. У Германии нет общей границы с СССР;
2. СССР не имел ничего общего с Версальским мирным договором;
3. СССР не возражал против вооружения Германии, т. к. СССР в течение нескольких лет активно поддерживал германское вооружение;
4. СССР не требует от Германии никаких репараций;
5. СССР не является противником Германии;
6. Германия с внутриполитической точки зрения в данный момент меньше чем когда-либо опасается большевизма;
7. И Германия и СССР автархичны, поэтому у них больше общего друг с другом, чем с демократией;
8. Взаимоотношения Турции с СССР доказывают возможность самых интимных и наилучших отношений между Германией и СССР;
9. В течение долгих лет СССР находится в дружественных отношениях с Италией.

Сект требует, чтобы немцы как можно скорее улучшили отношения с СССР с тем, чтобы освободить Германию не только от опасности войны на

два фронта, но и от опасности многофронтовой войны. Эта опасность для Германии в данный момент неизмеримо актуальней, чем во времена Бисмарка и Шлиффена. Сект настойчиво предостерегает против союза с Японией, учитывая ее ненадежность, а также потому, что это повредит соглашению с Англией Америкой и не даст завязать интимные отношения с Китаем.

Но прислушался ли Гитлер к этим словам?

На этот вопрос дают ответ материалы секретного совещания, которое фюрер провел в самом узком кругу 5 ноября 1937 г. Выступление длилось более 4 часов, и фюрер сам предложил рассматривать «как завещание на случай преждевременной смерти».

— Если видеть цель немецкой политики, — говорил Гитлер в приподнятом настроении, — в обеспечении и преумножении народа, то тут же наталкиваешься на «проблему пространства»: все экономические и социальные трудности, все расовые угрозы можно устранить исключительно за счет преодоления нехватки пространства, от этого просто зависит будущее Германии. В отличие от держав либеральной эпохи колониализма страна не может решить проблему, захватив заморские территории, «жизненное пространство» Германии расположено на европейском континенте. Всякая экспансия, как показывает история мировой Римской или Британской империи, связана с немалым риском; «ни раньше, ни сейчас не было и нет территории без хозяина, наступающий всегда наталкивается на владельца». Но большой выигрыш, а именно: обладающая сплошным пространством великая империя, которой владеет и которую обороняет твердое «расовое ядро», оправдывает большой риск.

Для решения германского вопроса может быть только один путь — путь насилия.

После того как такое решение принято, речь может идти только о времени и наиболее благоприятных обстоятельствах для применения силы. Через 6–8 лет условия могут измениться только в невыгодном для Германии направлении. Поэтому если фюрер будет еще жив, то «не позднее 1943–1945 годов он намерен обязательно решить проблему пространства для Германии», если возможность представится раньше — будь то в результате тяжелого внутреннего кризиса Франции или вовлеченности западных держав в какую-нибудь войну, — то он решит использовать ее.

Как вспоминал адъютант от вермахта полковник Хоссбах: «У части собравшихся эти идеи вызвали значительную тревогу». А последующая дискуссия «принимала порой очень резкие формы». «Против планов Гитлера выступили прежде всего Нейрат, Бломберг и Фрич, со всей

серьезностью предостерегая от риска войны с западными державами».

Сам же Гитлер собрал участников совещания главным образом для того, чтобы довести до них свое нетерпение и в особенности, как он заявил до начала встречи Герингу, «раскрутить Бломберга и Фрича», «поскольку он совершенно не доволен тем, как идет наращивание вооружения сухопутных войск». «Таким образом, — резюмирует Иоахим Фест, — характерной чертой ноябрьского совещания 1937 года стало взаимное отрезвление. Консерваторы, в особенности верхушка военного руководства, которые так и не научились думать категориями, выходящими за узкие рамки их целей и интересов, с изумлением констатировали, что Гитлер оказался верен своему слову и был действительно Гитлером».

Буквально за несколько месяцев Гитлеру удалось убрать всех противников его главной идеи.

Сначала он воспользовался желанием вдовца Бломберга жениться вновь. Избранница последнего, фрейлейн Эрна Грун, была женщиной с «известным прошлым», а значит, не отвечала строгим сословным критериям германского офицерского корпуса. Венчание состоялось в январе 1938 г., а спустя несколько дней полиция предоставила документы, которые подтвердили, что в прошлом молодая супруга была проституткой и что однажды подверглась наказанию за то, что подрабатывала фотомоделью для непристойных фотографий. Участь Бломберга была решена.

«Эта история. — сказал ему Гитлер, — легла слишком тяжелым грузом на меня и на Вас. Я не мог больше делать вид, что ничего не случилось. Мы должны расстаться».

Затем убрали и преемника Бломберга — Фрича. Его обвинили в гомосексуализме. Главнокомандующему сухопутными войсками устроили прямо в имперской канцелярии очную ставку с подкупленным свидетелем. Таким образом, после удаления Бломберга и Фрича оппозиция в армии как таковая сошла на нет, а большинство генералов смирились с такой участью. Теперь им ничего не оставалось делать, кроме как четко и безукоризненно выполнять все предписания фюрера.

Как пишут Д. Мельников и Л. Черная: «Именно после событий 1938 г. начался усиленный процесс проникновения СД и СС в высшие сферы армейского командования, процесс „нацификации армии“. В это же время, с учреждением Верховного командования вооруженными силами, к его руководству приступил Кейтель. По мысли Гитлера, оно играло роль военного штаба фюрера и находилось под непосредственным его руководством. Начальник (шеф) Верховного командования получил ранг

министра». «Верховное командование вооруженными силами, — говорилось в указе, — принимает на себя все функции имперского военного министерства. Начальник Верховного командования вермахта выполняет по моим указаниям функции, которые до сих пор находились в компетенции военного министра».

* * *

В 1936 г. атаман Донского казачьего войска П. Н. Краснов получил письмо из Берлина. Ему писал старый товарищ по 1918 г. (бывший военный атташе в Донском государстве) майор вермахта фон Кокенхаузен. Он «сообщал бывшему атаману, что в Германии возрождены ее вооруженные силы, что в немецких книжных магазинах по-прежнему нарасхват сочинения Краснова, а главное — что в Генеральном штабе немецкой армии, получившей название вермахта, многие старые знакомые донского атамана помнят о боевом союзе германского штыка и казачьей шашки. И что перспективы открываются — захватывающие. И настойчиво приглашал вернуться в Берлин». В том же 1936-м русский генерал принял приглашение. А в 1938 г. Петру Краснову немцы поручили «подготовить доклад о трагическом походе Бонапарта на Москву, в котором предполагалось обосновать или опровергнуть возможность современного вторжения в Россию».

Как известно, русский генерал, несмотря на огромную ненависть к большевизму, «постарался не позволить ненависти к Советской России доминировать над объективностью, а потому пришел к выводу, что только мгновенный удар потрясающей мощности может принести захватчикам стратегический успех».

Следовательно, начиная с 20-х годов и до самой смерти Гитлер ни на секунду не усомнился в том, что народы Советского Союза можно обратить в безгласных рабов, которыми будут управлять немцы-надсмотрщики. Он никогда не отказывался от главной своей задачи — завоевания «жизненного пространства» на Востоке, сокрушения «большевизма» и порабощения «мирового славянства».

Английский историк Тревор-Ропер пишет: «После войны часто слышишь слова о том, что русский поход был большой „ошибкой“ Гитлера. Если бы он вел себя нейтрально по отношению к России, то сумел бы подчинить себе всю Европу, организовать ее и укрепить. И Англия никогда не смогла бы изгнать немцев оттуда. Эту точку зрения я не могу разделить,

она исходит из того, что Гитлер не был бы Гитлером! Для Гитлера русский поход никогда не являлся побочной военной аферой, частной вылазкой за важными источниками сырья или импульсивным ходом в шахматной партии, которая выглядит уже почти ничейной. Русский поход решал, быть или не быть национализму. И этот поход стал не только обязательным, но и безотлагательным».

На вечернем совещании 17 октября 1939 г. Гитлер дал указание начальнику ОКВ генерал-полковнику Кейтелю учесть впредь при планировании, что оккупированный польский регион «имеет для нас военное значение как передовой рубеж и может быть использован для сосредоточения и развертывания сил. Для этого надо содержать в порядке и использовать для наших целей железные дороги, шоссе, линии связи. Следует устранить все попытки какой-либо консолидации в Польше».

А несколько раньше генерал-полковник Франц Гальдер, начальник генштаба сухопутных войск, сделал вывод о том, что Германия способна победить Россию только в ходе скоротечной войны, которая продлится не более двух месяцев.

2

В 1940 г., после разгрома вооруженных сил Франции, появился весьма удобный момент для осуществления агрессивных замыслов на Востоке. В день капитуляции Франции (22 июля 1940 г.) начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Франц Гальдер получил указания от Гитлера и главнокомандующего сухопутными войсками Вальтера фон Браухича о разработке плана вторжения в Советский Союз. «Командование сухопутными войсками (ОКХ) в июле-декабре разрабатывало одновременно несколько вариантов, каждый самостоятельно. Один из вариантов разрабатывался в Верховном главнокомандовании вооруженными силами Германии (ОКВ) под руководством Альфреда Йодля и его заместителя генерала Вальтера Варлимонта и проходил под кодовым названием „Этюд Лоссберга“. Он был завершен к 15 сентября и отличался от другого варианта — генерала Маркса — тем, что главный удар в нем определялся на северном участке фронта. При принятии окончательного решения Гитлер согласился с соображениями Йодля. Ко времени завершения работы над вариантами плана заместителем начальника Генерального штаба был назначен генерал Фридрих Паулюс, которому было поручено свести все планы воедино и учесть замечания, высказанные

фюрером».

В течение июля 1940 г. штаб армейской группировки «Б» (генерала фон Бока) был переведен из Франции на Восток (Познань). Ему были приданы переброшенные из Франции (из состава оккупационных войск): 12-я армия (Лист), 4-я армия (фон Клюге), 18-я армия (фон Кюхлер) и еще несколько корпусов и около 30 дивизий.

Кроме того, как утверждал немецкий генерал Мюллер, «после кампании на западе ОКХ (верховное командование сухопутных сил) отдало приказ о демобилизации 20 дивизий. Приказ этот был отменен, и 20 дивизий не были демобилизованы. Вместо этого они по возвращении в Германию были уволены в отпуск и, таким образом, держались наготове на случай срочной мобилизации».

«Оба мероприятия, — продолжал генерал, — перевод около 500 тыс. человек за границу с Россией и отмена приказа о роспуске около 300 тыс. человек — показывают, что уже в июле 1940 года существовали планы военных действий на Востоке».

На совещании в Ставке 31 июля 1940 г. Гитлер сказал:

— Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: в соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Оценивая общее стратегическое положение и силы Советского Союза, гитлеровское командование положило в основу планирования войны против СССР требование максимально быстрого, молниеносного разгрома его вооруженных сил, до того как Англия и Соединенные штаты сумеют прийти им на помощь.

Фельдмаршал Кейтель при разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке был убежден:

«а) исключительные размеры территории России делают абсолютно невозможным ее полное завоевание;

б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно линии Ленинград — Москва — Сталинград — Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь от нефти;

в) для разрешения этой задачи необходим быстрый разгром Красной Армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможности возникновения войны на два фронта».

Придавая огромное значение фактору времени, Гитлер предполагал

напасть на Советский Союз уже осенью 1940 г. Однако из-за неподготовленности вооруженных сил, районов сосредоточения и развертывания войск, а также из-за неподходящих метеоусловий ему пришлось отказаться от скоропалительного решения. А планирование войны против России продолжалось.

Так в ходе него были выдвинуты два совершенно разных подхода к решению важнейшей стратегической задачи. Первым можно назвать концепцию «концентрического наступления на Москву», которую представлял генеральный штаб сухопутных войск, а вторым — наступление по расходящимся направлениям, которую представлял штаб ОКВ. «По заданию Гальдера начальник отдела иностранных армий Востока полковник Канцель занялся исследованием вопроса о наиболее целесообразном направлении главных ударов с точки зрения характера и численности группировки советских войск. Он пришел к выводу, что наступление следует вести в направлении Москвы с севера, примыкая к побережью Балтийского моря, чтобы затем, осуществив громадный стратегический охват на юг, заставить советские войска на Украине сражаться с перевернутым фронтом. Начальник оперативного отдела генерального штаба генерал Грейфенберг, напротив, считал, что главный удар следует наносить на юге советско-германского фронта».

В конце июля 1940 г., начальнику штаба 18-й армии генералу Марксу поручили разработать оперативно-стратегический план военной кампании против СССР. Свой первый доклад Маркс сделал уже 1 августа с изложением своих идей по плану операций. «Они предусматривали развертывание боевых действий двумя крупными группировками войск на московском и киевском стратегических направлениях. Гальдер при этом указал на важность того, чтобы главное направление на Москву не ослаблялось из-за частных операций на соседних участках фронта» Буквально через несколько дней генерал «Маркс представил Гальдеру законченную оперативно-стратегическую разработку, получившую наименование „План Фриц“. В ней намечались два основных стратегических направления — московское и киевское».

В этом плане «главный удар должен быть направлен из северной Польши и Восточной Пруссии на Москву». Оговорка была следующей: «Поскольку сосредоточение в Румынии невозможно, другого направления главного удара не существует. Попытка обходного маневра с севера лишь удлинила бы путь войск и в конечном счете привела бы их в лесистую область северо-западнее Москвы». Маркс считал, что главная задача наступления на основном направлении — это «прямым ударом по Москве

разбить и уничтожить Главные силы русской северной группы западнее, внутри и восточнее лесистой области; затем, овладев Москвой и Северной Россией, повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с немецкой южной группой занять Украину и в итоге выйти на рубеж Ростов — Архангельск». По плану Маркса, против Советского Союза предполагалось развернуть группировку войск, насчитывающую 147 дивизий, объединенных в пять армий, из которых три должны были действовать севернее Припятских болот. Генерал Э. Кестринг, военный атташе в Москве, ознакомившись с планом Маркса, абсолютно не согласился с тем, что взятие Москвы будет иметь решающее значение для победы над Красной армией. «По его мнению, наличие сильной промышленной базы на Урале позволило бы Советскому Союзу продолжать активное сопротивление, искусно используя имеющиеся и вновь созданные коммуникации».

В первых числах августа верховное главнокомандование отдало директиву «Ауфбау ост» на проведение широкомасштабных мероприятий по оборудованию театра военных действий для нападения на СССР. Директива предусматривала строительство сети коммуникаций, аэродромов, складов, казарм и других военных объектов на территории Польши и Восточной Германии. А через месяц заместителю начальника генштаба генерал-майору Паулюсу было поручено разработать соображения относительно группировки войск для войны против СССР и порядка их стратегического сосредоточения и развертывания, опираясь на план генерала Маркса. К 17 сентября такая работа была закончена, вылившись в докладную записку от 29 октября. Впоследствии на ее основе оперативный отдел генштаба составил проект директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию — «Ост».

С начала сентября, точно также как и в генштабе, в штабе оперативного руководства вооруженных сил велась работа по составлению плана войны против СССР. К 19 сентября генерал Варлимонт представил его Йодлю. План предусматривал использование трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», соответственно, на ленинградском, московском и киевском направлениях. Главный удар направлялся на Москву по кратчайшему пути через Минск и Смоленск. «После захвата последнего продолжение наступления на центральном направлении планировалось в зависимости от развития обстановки в полосе группы армии „Север“. В случае ее неспособности решить поставленные задачи предполагалось приостановить наступление группы армий „Центр“ и часть ее сил направить на помощь северному соседу».

В указаниях ОКВ от 6 сентября 1940 г. говорилось: «В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте. Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток. В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах.

Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать общую численность немецких войск на Востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства, в протекторат и Австрию, и что концентрация войск на Севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобные сведения для создания впечатления, что после окончания Западного похода противовоздушная оборона на Востоке серьезно усилилась и что зенитная оборона всех важных объектов укрепляются за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснить необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей…»

К середине ноября в германской армии были разработаны основы материально-технического обеспечения войск. В расчет принимались: 3 млн. человек, 600 тыс. машин, 600 тыс. лошадей, горючее и запчасти на 700–800 км.

В ноябре-декабре генеральный штаб сухопутных войск продолжал уточнение и проигрывание на штабных учениях вопросов о главных стратегических направлениях, о распределении сил и средств для

наступления.

В конце ноября начальники штабов групп армии, предусмотренных для ведения наступления, получили указания представить независимо друг от друга соображения по плану операций. В разработке начальника штаба группы армий «А» (позднее «Юг») генерала Зоденштерна от 7 декабря 1940 г. предполагалось провести наступление тремя ударными группировками. Ведущая идея этого плана заключалась в том, чтобы, сковав основные советские войска в центре фронта, основные наступательные операции предпринять на флангах и по достижении первой стратегической цели — рубежа Кременчуг — Киев — Могилев — Даугавпилс — нанести на Москву по сходящимся направлениям, осуществив тем самым гигантский охват всей западной части Советского Союза.

Генерал предлагал «отказаться от овладения окраинными областями на юго-востоке и северо-востоке Советского Союза, а прикрытие внешних флангов ударных группировок осуществлять заслонами, обращенными в сторону Ленинграда и Восточной Украины».

3

Доклад начальника Генерального штаба сухопутных войск был зачитан Гитлеру в Ставке 5 декабря 1940 г. Автор считал, что важнейшие промышленные центры России находятся на Украине, в Москве и Ленинграде. «Кроме того, Украина является богатейшим сельскохозяйственным районом. Вся территория, на которой будут происходить операции, делится Припятскими болотами на северную и южную половины. В последней — плохая сеть дорог. Наилучшие шоссейные и железные дороги находятся на линии Варшава — Москва. Поэтому в северной половине представляются более благоприятные условия для использования большего количества войск, нежели в южной. В районе севернее Припятских болот поэтому же, очевидно, находится больше войск, нежели южнее. Кроме того, в группировке русских намечается значительное массирование войск в направлении русско-германской демаркационной линии. Следует полагать, что сразу же за бывшей русско-польской границей располагается база снабжения русских, прикрытая полевыми укреплениями. Днепр и Западная Двина представляют собой самый восточный рубеж, на котором русские вынуждены будут дать сражение. Если же они будут отходить дальше, то

они не смогут больше защищать свои промышленные районы. Вследствие этого замысел немцев должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создание русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек. Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву. Из предусматриваемых трех групп армий северную необходимо будет направить на Ленинград, а силами южной нанести Главный удар в направлении Киева, причем одна армия последней должна наступать из района Люблина, вторая из района Львова и третья из Румынии. Конечной целью операции является Волга и район Архангельска. Всего должно быть использовано 105 пехотных, 32 танковые и моторизованные дивизии, из числа которых крупные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне».

Как известно из стенограммы совещания, Гитлер согласился с изложенными оперативными замыслами и обратил внимание на некоторые детали:

— Важнейшая цель — не допустить, чтобы русские отходили, сохраняя целостность фронта. Наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла больше совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных районов. Для этого необходимо добиться разгрома русских вооруженных сил и воспрепятствовать их созданию.

Уже первые удары должны быть нанесены такими силами, чтобы можно было уничтожить крупные силы противника. Поэтому подвижные войска следует использовать на самых флангах обеих северных групп армий, где будет наноситься главный удар. На севере необходимо добиться окружения вражеских сил, находящихся в прибалтийских странах. Для этого группа армий, которая будет наступать на Москву, должна иметь достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север. Группа армий, наступающая южнее Припятских болот, должна выступить позже, причем, в зависимости от обстоятельств, частью сил из района Румынии, и добиться окружения крупных вражеских сил на Украине путем совершения охватывающего маневра с севера.

Сейчас, однако, еще невозможно решить, будет ли после уничтожения основной массы русских войск, окруженных на севере и на юге, нанесен удар на Москву или против района Москвы. Важно, чтобы русские не смогли вновь закрепиться восточнее. Предусмотренная для проведения всей операции численность войск в 130–140 дивизий достаточна.

4

Бывший командующий 3-й танковой группой немецких войск на советско-германском фронте Г. Гот размышлял в своих мемуарах о стратегическом планировании войны против СССР следующим образом: «31 июля 1940 года Гитлер назвал в качестве цели войны „уничтожение живой силы России“. В директиве сказано осторожнее. В ней говорится о „разгроме Советской России“. Позже, в августе 1941 года, Гитлер указал, что цель войны — „окончательно вывести Россию из войны как континентального союзника Англии“. Это различные формулировки, и понимать их можно по-разному. Отдавал ли себе Гитлер отчет о том, как он окончит войну? Клаузевиц, участвовавший в войне 1812 года на стороне России, берет под защиту Бонапарта, когда того упрекают в том, что он слишком далеко проник в Россию. „Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать…Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров. Добраться же до этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны. Лишь достигнув могучим порывом самой Москвы, мог Бонапарт надеяться подорвать мужество правительства, стойкость и верность народа. В Москве надеялся он найти мир, и это была единственная разумная цель, какую он мог себе поставить в эту войну“. (…)

Вместо того чтобы создать ясную основу для стратегии в войне против России, Гитлер в подготовительный период занимался оперативными планами, не входившими в его компетенцию. Эти планы резко менялись. 31 июля 1940 года он предлагал операцию с охватом обоих флангов (Киев и Прибалтика). 5 декабря 1940 года он согласился с предложением нанести Главный удар в центре, на Москву. 17 декабря он сообщил о своем намерении наступать по обе стороны от Припятских болот и продвинуться глубоко на восток, чтобы затем повернуть на юг и север. Наконец, 18 декабря 1940 года он издал директиву „Барбаросса“, предписывающую обеим северным группам армий во взаимодействии овладеть побережьем Балтийского моря и только затем нанести удар на Москву. Неизменным во всех этих планах было одно: цель войны должна быть достигнута на протяжении одной кампании. Война имела для Гитлера смысл только в том случае, если „государство будет разбито одним ударом“ (31 июля 1940 г.). Это стремление к быстрому окончанию войны было связано с дальнейшими стратегическими планами Гитлера. С 15 июня 1940 года,

когда наступило перемирие во Франции, война на суше по существу прекратилась. Молниеносные действия германской армии в мае и июне 1940 года находились в резком противоречии с медлительным общим течением войны, в результате которого западные державы получили в подарок столь ценный год. Теперь предстоявшая в 1941 году война в России связывала немецкие сухопутные войска на Востоке. Если бы начало войны на Востоке отодвинулось еще дальше, то Англия снова получила бы инициативу; последствия всего этого могли быть роковыми.

Понятное стремление Гитлера к повторению на Востоке такой же скоротечной кампании, как и кампании во Франции, столкнулось на Восточном театре с совершенно иными условиями для военных действий, и прежде всего — с огромными расстояниями, которые, казалось, еще более увеличивались из-за плохого состояния дорог. Может быть, имевшихся в распоряжении трех-четырех месяцев и хватило бы для того, чтобы разгромить кадровую армию и захватить большую часть территории страны, включая столицу. Но, как мы уже видели, это не означало бы уничтожения живой силы русских. Поэтому цель, которую предстояло достичь за одну кампанию, должна была быть более ограниченной.

Насколько можно установить, „конечную цель кампании — выход на линию Волга — Архангельск“ — предложил начальник генерального штаба сухопутных сил. Вскоре выяснилось, что в 1941 году такая цель была недостижима».

Другой генерал вермахта, Гейнц Гудериан, вспоминал: «Но все же зима и весна 1941 г. были для меня кошмаром. Новое изучение походов шведского короля Карла XII и Наполеона I показало все трудности этого театра военных действий; одновременно выявилась недостаточность нашей подготовки к такой крупной кампании. Прошлые успехи, особенно победа на западе, одержанная в столь неожиданно короткий срок, так задурманили мозги руководителям нашего верховного командования, что они вычеркнули из своего лексикона слово „невозможно“. Все руководящие лица верховного командования вооруженных сил и главного командования сухопутных сил, с которыми мне приходилось разговаривать, проявляли непоколебимый оптимизм и не реагировали ни на какие возражения.

Готовясь к выполнению предстоящих трудных задач, я с особым рвением занимался обучением и вооружением дивизий, находившихся под моим контролем. Я настойчиво указывал войскам на то, что предстоящая кампания будет значительно тяжелее, чем кампания в Польше и западная кампания. В целях сохранения военной тайны я не мог говорить ничего другого. Я хотел только предотвратить легкомысленное отношение моих

солдат к новой, страшно трудной задаче. К сожалению, как указывалось выше, материальную часть вновь сформированных по приказу Гитлера дивизий составляли главным образом французские машины. Эта материальная часть никоим образом не отвечала требованиям войны в Восточной Европе».

Не менее интересно мнение и немецкого фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Он писал: «Само собой разумеется, что меня, командира корпуса, не спрашивали о том, нужно ли и как вести войну против Советского Союза. И только намного позже, насколько я припоминаю, в мае 1941 г., корпус получил план развертывания, который ограничивался только масштабами танковой группы, в которую входил корпус… Но, как теперь известно и, видимо, общепризнанно, можно сделать два вывода.

Первый вывод: ошибка, в которую впал Гитлер, недооценивая прочность советской государственной системы, ресурсы Советского Союза и боеспособность Красной Армии. Поэтому он исходил из предположения, что ему удастся разгромить Советский Союз в военном отношении в течение одной кампании. Но вообще, если это и было возможно, то только в случае, если бы удалось одновременно подорвать советскую систему изнутри. Но политика, которую Гитлер вопреки стремлениям военных кругов проводил в оккупированных восточных областях при помощи своих рейхскомиссаров и СД, могла принести только противоположные результаты. В то время как Гитлер в своих стратегических планах исходил из того, что он поставил себе целью быстрый разгром Советского Союза, в политическом отношении он действовал в диаметрально противоположном направлении.

В других войнах также часто возникали противоречия между военными и политическими целями. В данном случае и военное и политическое руководство объединилось в руках Гитлера, но результатом было то, что его восточная политика резко противоречила требованиям его стратегии и лишила его, возможно, существовавшего шанса на быструю победу.

Второй вывод: в сфере высшего военного командования, то есть между Гитлером и ОКХ, не удалось выработать единой стратегической концепции, что было необходимо как при разработке общего плана операций, гак и в ходе проведения самой кампании 1941 г.

Стратегические цели Гитлера покоились преимущественно на политических и военно-экономических соображениях. Это был в первую очередь захват Ленинграда, который он рассматривал как колыбель большевизма и который должен был принести ему одновременно и связь с

финнами, и господство над Прибалтикой. Далее, овладение источниками сырья на Украине и военными ресурсами Донбасса, а затем нефтяными промыслами Кавказа. Путем овладения этими районами он надеялся, по существу, парализовать Советский Союз в военном отношении.

В противовес этому ОКХ правильно полагало, что завоеванию и овладению этими, несомненно, важными в стратегическом отношении областями должно предшествовать уничтожение Красной Армии. Главным силам Красной Армии должно быть навязано решительное сражение путем нанесения удара на Москву (этот план не соответствовал полностью фактической группировке советских сил, как это выявилось позже).

Москва представляет собой главный центр советской державы, потерей которого страна не стала бы рисковать, во-первых, потому, что Москва — в противоположность 1812 г. — была действительно политическим центром России; во-вторых, потому, что потеря военно-промышленных районов вокруг Москвы и восточнее ее, по крайней мере значительно ослабила бы советскую военную промышленность; в-третьих, что по стратегическим соображениям было наиболее важно, потому, что Москва является центральным узлом коммуникаций европейской части России. С потерей Москвы советская оборона практически раскололась бы на две части и советское командование не было бы в состоянии организовать единые операции по всему фронту.

В стратегическом отношении разногласия между Гитлером и ОКХ сводились к следующему: Гитлер хотел добиться военного успеха на обоих флангах (для чего немецких сил ввиду соотношения сил и ширины оперативного района было недостаточно), ОКХ же стремилось достичь успеха в центре общего фронта. (…)

Указанная Гитлером в плане „Барбаросса“ „общая цель“ („необходимо уничтожить основную массу войск, расположенных в Западной России, путем смелых операций, выдвигая далеко вперед танковые клинья; воспрепятствовать отходу боеспособных соединений в глубину русского пространства“) была в конце концов не чем иным, как лишь оперативным или тактическим „рецептом“. И только благодаря превосходному военному руководству германской армии были достигнуты чрезвычайно большие успехи, поставившие Советскую Армию на край пропасти. Но этот „рецепт“ никогда не мог заменить оперативного плана, относительно разработки и выполнения которого Главное командование должно было быть единого мнения, оперативного плана, который ввиду соотношения сил и протяженности театра военных действий заранее должен был предусматривать возможность уничтожения Советской Армии в случае

необходимости в результате двух кампаний».

Немецкий генерал Винценц Мюллер в сорок шестом году напишет: «В конце января 1941 года я был командирован телеграфным приказом начальника генерального штаба Гальдера на военные игры в Сен-Жермен (около Парижа) в армейскую группировку Рундштедта. Задачей военной игры было наступление из Румынии к Южной Польше в направлении на Киев и к югу от него. Игра велась с расчетом на участие и румынских войск. В основном военная игра соответствовала условиям будущего приказа о стратегическом развертывании сил, к чему я еще вернусь ниже. Руководителем военной игры был начальник генштаба армейской группировки Рундштедт. Присутствовали: Рундштедт, Гальдер, начальники штабов: 6-й армии — полковник Гейм, 11-й армии — полковник Белер, танковой группы Клейста — полковник Цвиклер и несколько генералов танковых войск. Военная игра происходила в месте расположения армейской группировки Рундштедта примерно с 31 января по 2 февраля 1941 года. Игра доказала необходимость сильной концентрации танковых сил.

В начале февраля, после моего возвращения из Франции, прибыл командующий — генерал пехоты фон Штюльпнагель Гейнрих, бывший до этого председателем комиссии по перемирию с Францией и лишь теперь получивший это новое назначение.

Примерно в то же время из штаба армейской группировки Рундштедта была получена первая директива по стратегическому развертыванию войск под названием „Барбаросса“».

5

Директиву за номером 21 или план «Барбаросса» Гитлер как Верховный главнокомандующий подписал 18 декабря 1940 г. Под грифом «Совершенно секретно» документ был зарегистрирован в Верховном главнокомандовании вооруженных сил Германии под номером 33408/40 и имел только девять экземпляров. Самый первый предназначался для Главнокомандующего сухопутными войсками (оперативный отдел), второй экземпляр — для Главнокомандующего военно-морским флотом (штаб руководства военно-морскими операциями), третий — для Главнокомандующего военно-воздушными силами (штаб оперативного руководства ВВС), четвертый — для Верховного главнокомандования вооруженных сил (Штаб оперативного руководства) и еще пять

экземпляров (с 5-го по 9-й) — для Отдела обороны страны.

К слову, условное наименование плана войны Германии против СССР («Barbarossa Fall») родилось в умах германских генералов не просто так. Оно отталкивалось от имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, и тем самым должно было содержать некий мистический смысл новой кампании.

Итак, в директиве или плане говорилось: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии. (Вариант „Барбаросса“).

Сухопутные силы должны использовать для этой цели все находящиеся в их распоряжении соединения, за исключением тех, которые необходимы для защиты оккупированных территорий от всяких неожиданностей.

Задача военно-воздушных сил — высвободить такие силы поддержки сухопутных войск при проведении восточной кампании, чтобы можно было рассчитывать на быстрое завершение наземных операций и вместе с тем ограничить до минимума разрушения областей Германии вражеской авиацией. Однако эта концепция усилий ВВС на Востоке должна быть ограничена требованием, чтобы все театры боевых действий и районы размещения нашей военной промышленности были надежно прикрыты от налетов авиации противника и наступательные действия против Англии и особенно против ее морских коммуникаций отнюдь не ослабевали. Основные усилия военно-морского флота должны также и во время восточной кампании, безусловно, сосредотачиваться против Англии. Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, поскольку они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г. Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны.

Подготовительные мероприятия высших командных инстанций должны проводиться, исходя из следующих основных положений.

I. Общий замысел

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории

должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга, Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации.

В ходе этих операций русский Балтийский флот быстро потеряет свои базы и окажется, таким образом, не способным продолжать борьбу.

Эффективные действия русских военно-воздушных сил должны быть предотвращены нашими мощными ударами уже в самом начале операции».

Далее директива определяет предполагаемых союзников: Румынию и Финляндию. Причем в документе подчеркивается, что «Верховное главнокомандование вооруженных сил в соответствующее время согласует и установит, в какой форме вооруженные силы обеих стран при их вступлении в войну будут подчинены германскому командованию».

Сухопутные силы при проведении операций получали следующие задачи:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии. Таким образом будут созданы предпосылки для поворота мощных частей подвижных войск на север, с тем чтобы во взаимодействии с Северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операциям по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

И только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих задач одновременно».

По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот, в ходе преследования, план предусматривал обеспечение выполнения следующих задач: «На юге — своевременно занять важный в военном и экономическом

отношении Донецкий бассейн. На севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношениях решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла».

Задача военно-воздушных сил заключалась «в том, чтобы, насколько это возможно, затруднить и снизить эффективность противодействия русских военно-воздушных сил и поддержать сухопутные войска в их операциях на решающих направлениях».

Военно-морскому флоту Германии в этой войне предстояло, «обеспечивая оборону своего побережья, воспрепятствовать прорыву военно-морского флота противника из Балтийского моря. Учитывая, что после выхода к Ленинграду русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении, следует избегать до этого момента крупных операций на море».

Не менее интересна и оговорка, в сущности, затрагивающая весь план: «Все распоряжения, которые будут отданы главнокомандующими на основании этой директивы, должны совершенно определенно исходить из того, что речь идет о мерах предосторожности на тот случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию в отношении нас.

Число офицеров, привлекаемых для первоначальных приготовлений, должно быть максимально ограниченным. Остальные сотрудники, привлечение которых необходимо, должны привлекаться к работе как можно позже и знакомиться только с теми частными сторонами подготовки, которые необходимы для исполнения служебных обязанностей каждого из них в отдельности. Иначе имеется опасность возникновения серьезнейших политических и военных осложнений в результате раскрытия наших приготовлений, сроки которых еще не назначены».

В последний день января 1941 г. была подготовлена и директива по сосредоточению войск: «1. Общие задачи. В случае если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии, следует в качестве меры предосторожности осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». То есть у Гитлера уже задолго до начала войны было готово вполне логичное объяснение для своего народа и армии необходимости нанесения превентивного удара по Советскому Союзу («если Россия изменит свое нынешнее отношение к Германии»). А ведь эта фраза была позаимствована из директивы № 21 и включена в директиву по сосредоточению войск по указанию фюрера именно с этой целью. И более

того, это объяснение ляжет в основу «Ноты министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года».

П. Ян и Р. Рюруп считают, что национал-социалистическая система была настроена на эту войну. «Для фюрера вопрос заключался не в том, стоит ли нападать на Советский Союз, а в том, когда напасть».

О положении противника директива говорила следующее: «Следует считать наиболее вероятным, что русские, используя усиленные на отдельных участках полевые укрепления на новой и старой государственных границах, а также многочисленные удобные для обороны водные преграды, вступят в бой крупными соединениями западнее рек Днепр и Западная Двина. Русское командование будет придавать особое значение тому, чтобы по возможности дольше удерживать свои авиационные и морские базы в Прибалтийских провинциях и сохранять примыкание своего южного фланга к Черному морю посредством использования крупных сил.

При неблагоприятном развитии операций южнее и севернее Припятских болот русские будут пытаться остановить немецкое наступление на линии рек Днепр, Западная Двина.

Уже при ликвидации немецких прорывов, а также при возможных попытках отвести находящиеся под угрозой войска на линию Днепр, Западная Двина следует считаться с возможностью наступательных действий со стороны крупных русских соединений с использованием танков».

А вот и сам замысел: «Первое намерение главного командования сухопутных войск в соответствии с вышеизложенной задачей состоит в том, чтобы расколоть фронт главных сил русской армии, сосредоточенных в западной части России, быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок, севернее и южнее Припятских болот и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки вражеских войск. Южнее Припятских болот наступает группа армий „Центр“ под командованием генерал-фельдмаршала фон Бока. Введя в бой мощные танковые соединения, она осуществляет прорыв из района Варшава и Сувалки в направлении Смоленска; поворачивает затем танковые войска на север и совместно с группой армий „Север“ (генерал-фельдмаршал фон Лееб), наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожает советские войска, находящиеся в Прибалтике, Затем войска группы армий „Север“ и подвижные войска группы армий „Центр“ совместно с финской армией и подброшенными для этого из Норвегии немецкими войсками окончательно лишают противника

последних оборонительных возможностей в северной части России. В результате этих операций будет обеспечена свобода маневра для выполнения последующих задач во взаимодействии с немецкими войсками, наступающими в южной части России.

В случае внезапного и полного разгрома сил на севере России поворот войск на север отпадает и может встать вопрос о немедленном ударе на Москву. Начало наступления будет отдано единым приказом по всему фронту от Черного до Балтийского моря (день „Б“, время — „У“).

Основой для ведения боевых действий в этой операции могут послужить принципы, оправдавшие себя в польской кампании. При этом, однако, следует учитывать, что наряду со сосредоточением сил на направлениях главных ударов необходимо атаковать противника также и на прочих участках фронта.

Только таким образом можно будет воспрепятствовать своевременному отходу боеспособных сил противника и уничтожить их западнее линии Днепр, Зап. Двина. В еще большей степени, чем до сих пор, следует ожидать воздействия вражеской авиации по сухопутным войскам, тем более что немецкие воздушные силы не будут полностью привлечены для операций против России. Войска также должны быть готовы к тому, что противник может применить химические отравляющие вещества». Но, как известно, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

6

Сегодня известно, что Гитлер в преддверии нападения на СССР, конечно же, учитывал очевидную возможность столкновения с Америкой, но при этом рассчитывал на это не раньше 1942 г. Фюрер был убежден, что «максимального уровня производства США достигнут только через четыре года». Этого было вполне достаточно, чтобы завершить план «Барбаросса».

Другая мировая держава — Англия — не имела достаточных сил для развертывания крупных военных операций на Европейском континенте летом 1941 г. Ее 37 дивизий не вызывали опасений у Гитлера. Более того, Британия «была связана своими имперскими интересами на Средиземном море, Ближнем Востоке и в других регионах». И все же она имела огромные возможности для наращивания своих вооруженных сил в самое ближайшее время. Именно это вынуждало Гитлера провести кампанию против СССР в самые короткие сроки. Но кроме этого ему требовалось скоординировать стратегические действия со своими союзниками —

Японией и Италией.

Доктор исторических наук В. И. Дашичев пишет: «17 декабря 1941 г. Гитлер приказал разработать директиву ОКВ относительно военного сотрудничества с Японией. В качестве „цели, к которой стремится Германия“, он требовал предусмотреть в ней „по возможности скорейшее вовлечение Японии в активные действия на Дальнем Востоке“. „Чем скорее Япония выступит, — говорил он, — тем более благоприятная обстановка возникнет для нее. Она должна овладеть Сингапуром и всеми источниками сырья, в которых нуждается для продолжения войны, особенно если в нее вступит Америка“. Эти соображения легли в основу директивы ОКВ № 24 от 5 марта 1941 г. В ней особо подчеркивалось, что операция „Барбаросса“ создает благоприятные политические и военные условия для экспансии Японии в Юго-Восточной Азии».

«По мере приближения начала операции „Барбаросса“ в планах гитлеровского руководства все большее место стали занимать расчеты на привлечение Японии к непосредственному участию в агрессии против Советского Союза, чтобы вынудить его вести борьбу на два фронта.

5 июня японский посол в Берлине Осима сообщил в Токио о своей беседе с главою фашистской Германии: „Гитлер сказал, что он давно вынашивал мечту ликвидировать коммунистический Советский Союз и до сегодняшнего дня еще не оставил открытой возможность вступить в войну лишь позже, после объявления Германией войны Советскому Союзу, если Япония захочет выступить на стороне Германии. Из его рассуждений явствовало, что Японию нельзя освободить от обязательств, вытекающих из союза“». Гитлер надеялся, что быстрый разгром СССР «наряду с активным выступлением Японии на стороне Германии настолько изменят расстановку сил на мировой арене в пользу Тройственного пакта, что это вынудит Соединенные Штаты остаться в стороне от войны».

А подготовка к войне продолжалась!

В середине февраля 1941 г. начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии Кейтель подписал директиву по дезинформации противника. В ней говорилось: «Цель дезинформации заключается в том, чтобы скрыть подготовку к операции „Барбаросса“. Эта главная цель и должна лечь в основу всех мероприятий по дезинформации противника.

В первый период времени, примерно до апреля месяца, необходимо по-прежнему поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших намерений. На следующем этапе действия по подготовке к операции „Барбаросса“, скрыть которые станет уже

невозможно, должны быть представлены в виде ложных мероприятий, проводимых якобы с целью отвлечения внимания от возможного вторжения в Англию».

На первом этапе директива требовала: «Акцентирование предстоящего вторжения в Англию; широкая информация о новых средствах нападения на транспорты; преувеличение значения вспомогательных операций „Марита“… „Подсолнечник“… действий 10-го авиационного корпуса и количества сил, предназначенных для проведения этих операций.

Мотивировка стратегического сосредоточения и развертывания для операции „Барбаросса“. Развертывание сил для операции „Барбаросса“ проводить под видом обмена сил между Западом, Германией и Востоком, подтягивания тыловых эшелонов для операции „Марита“ или в конце концов под видом обеспечения тылового прикрытия со стороны России на случай перехода к обороне.

На втором этапе: Стратегическое развертывание сил для операции „Барбаросса“ должно быть представлено в свете величайшего в истории войн дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию…»

Были в директиве и мероприятия главных штабов видов вооруженных сил:

«1. Несмотря на значительное ослабление приготовлений к операции „Морской лев“… необходимо делать все возможное для того, чтобы внутри вооруженных сил сохранить впечатление, что подготовка к высадке в Англию ведется в совершенно новой форме и что подготовленные ранее для этой цели войска отводятся в тыл до определенного момента. Необходимо как можно дольше держать в заблуждении относительно действительных планов даже те войска, которые предназначены для действий непосредственно на Востоке». И еще: «Чем больше будет скопление сил на Востоке, тем более необходимо делать все для того, чтобы поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших планов. С этой целью главное командование сухопутных войск совместно с управлением разведки и контрразведки верховного главнокомандования вооруженных сил должно подготовить все необходимое для внезапного „оцепления“ определенных районов на побережье проливов Ла-Манш и Па-де-Кале и в Норвегии. (Сигнал для начала действий — условное слово „Альбион“.) При этом не столь важно провести оцепление полностью и вводить в действие крупные силы, сколько произвести сенсацию соответствующими мероприятиями. Проведением этой демонстрации, а также других мероприятий, как-то:

установка технического имущества, которое неприятельская разведка может принять за неизвестные до сих пор „ракетные батареи“, преследуется одна цель — создать видимость предстоящих „сюрпризов“ против английского острова».

Согласно специальным указаниям к директиве № 21, подписанным 13 марта 1941 г., все приказы и распоряжения по боевому обеспечению, утвержденные верховным главнокомандованием вооруженных сил Германии, должны были вступить в силу за 4 недели до начала операций в Восточной Пруссии (области Польши, присоединенные к Германии в 1939 г.) и генерал-губернаторстве.

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель вспоминал: «В начале декабря 1940 г. Гитлер принял окончательное решение готовить войну против Советского Союза с таким расчетом, чтобы в любой момент дать приказ о планомерном сосредоточении войск на восточной границе, — это было равнозначно началу нападения в начале мая. Предпосылкой являлось беспрепятственное функционирование железнодорожного транспорта на полную мощность. Если таким образом в соответствии с отданными приказами свобода принятия решений сохранялась до середины мая, как мне было ясно, только совершенно непредвиденные события могли бы изменить решение начать войну».

«С середины марта началось развертывание войск для войны на Востоке. Днем „Х“ должно было стать 12 мая, хотя приказ о наступлении отдан еще не был. Таков был метод Гитлера: не устанавливать окончательной даты перехода границы как можно дольше, до самого крайнего момента, ибо никто не знал, какие именно непредусмотренные события, требующие свободы действий, могут еще произойти в эти недели и даже последние часы».

«Я заметил, что дату начала войны на Востоке переносить нельзя, так как сосредоточение войск по максимально уплотненному графику уже идет полным ходом, и мы не сможем взять оттуда никаких сил; армия же Листа одна против Югославии слишком слаба, а на Венгрию положиться никак нельзя».

«Тем временем фюрер определил в качестве нового „дня Х“ середину июня. Это означало быстрое высвобождение задействованных на Балканах соединений сухопутных войск и продолжение сосредоточения войск на Востоке. Следствием этого явилось лишь очень поверхностное умиротворение югославской территории, на которой по открытому призыву Сталина и при его энергичной поддержке стала оживляться война, ведущаяся бандами».

И вот Кейтель подходит к главному: «В середине июня 1941 г. фюрер в последний раз перед войной на Востоке собрал всех высших офицеров Восточного фронта для доклада об их задачах, в котором вновь с огромной проникновенностью изложил свою точку зрения на предстоящую „войну мировоззрений“. Он указал на сильное сопротивление при освобождении Балкан — следствие слишком мягкого и потому истолкованного как слабость обращения с населением, что дает фору бунтовщикам. Он, мол, изучил те методы, к которым постоянно приходилось прибегать старым дунайским монархиям, чтобы придать властям предержащим должный авторитет. Со стороны натравливаемого на нас под кнутом населения нам придется встретиться с тем же, а вероятно, и с еще более упорным сопротивлением. Поэтому следует заранее понять: самый твердый кулак — в конечном счете самый милосердный. Террор можно сломить только контртеррором. Он сам сломил террор КПГ в Германии не с помощью законности, а грубой силой своих СА.

Именно тогда я пришел к тем осознанным выводам, которые изложил в одной из своих памятных записок для моего защитника. Гитлер целиком проникся идеей, что его миссия — уничтожить коммунизм прежде, чем тот уничтожит нас. Он считал совершенно невозможным долгое время быть заодно с коммунизмом в России и считал: Германию постигнет экономический крах, если он не сумеет разорвать то железное кольцо, которое Сталин в любой день, когда того пожелает, может сомкнуть вокруг нас в союзе с западными державами. Он с презрением отвергал мир любой ценой с западными державами и ставил все на одну карту — на войну! Он знал: весь мир будет против нас, если карта против России окажется битой. Он знал, что такое война на два фронта! Он взял на себя эту войну потому, что недооценил большевизм и государство Сталина, и тем сам разрушил созданный им „Третий рейх“!»

Автор книги «Германия в XX веке» А. Ватлин считает, что «Поражение Великобритании заставило бы ее признать гегемонию Гитлера на европейском континенте, но вопроса о физическом выживании англичан не стояло. Иное на Востоке. Война с СССР должна была обеспечить завоевание ресурсов и жизненного пространства для его „германизации“. Ни о каком соглашении со Сталиным в ходе или после войны на уничтожение (Vemichtugskrieg) речи быть не могло. Донесения военной разведки подчеркивали слабость Красной Армии, гнет режима и готовность порабощенных народов к сопротивлению, особенно в только что присоединенных западных республиках. Гитлер окончательно пришел к выводу о том, что СССР — „колосс на глиняных ногах“, и в узком кругу

предпочитал говорить о его „обезвреживании“. (…) В конечном счете направление кампании 1941 г. определили прагматические соображения. Весной в рейхе были снижены нормы потребления ряда продовольственных товаров. Чиновники из министерства продовольствия давно уже прорабатывали восточный сценарий: „Войну можно продолжать только в том случае, если весь вермахт на третьем году военных действий будет питаться за счет России. При этом от голода погибнут несколько десятков миллионов человек, если мы вывезем оттуда необходимое для нас продовольствие“. С точки зрения нацистского руководства все складывалось как нельзя лучше — обеспечение германской армии само собой решало проблему „избыточного населения“ европейской России». И действительно, в агентурном сообщении, полученном НКГБ СССР из Берлина 18 апреля 1941 г. сообщалось, что «полученным источником от графа фон Гагена, работающего в комитете по 4-летнему плану над вопросами планирования и внутреннего снабжения Германии зерном и являющегося близким сотрудником Геринга, Гаген весьма обеспокоен проблемой зерновых запасов в Германии, ибо созданный перед войной запас зерна в 6,5 млн т фактически уже исчерпан. Как заявил Гаген, Германии пришлось 2 млн т пшеницы поставить Испании, 1,5 млн Франции и, кроме того, Италии, Голландии и Бельгии.

Германия на своей территории не может собрать количества зерна, достаточного для покрытия хотя бы минимальных потребностей 1941–1942 гг. Даже после победы над Англией США наверняка будут продолжать блокаду Европы, и Германия очутится в весьма затруднительном положении. Надо искать новые источники получения пшеницы.

По подсчетам немцев, „украинское самостоятельное государство“, руководимое немцами, при немецкой технике и организованности может в течение двух ближайших лет не только покрыть потребность Германии, но и удовлетворить нужды европейского континента.

По мнению Гагена, Германия будет вынуждена использовать хлебные и нефтяные источники Советского Союза».

Что ж, эта информация в который раз подтверждала для Сталина важность обороны именно южного направления.

Окончательное решение о нападении на Советский Союз Гитлер принял за четыре недели до начала войны. Об этом писал его личный пилот генерал-лейтенант Ганс Баур.

Однажды, уже после трагедии под Сталинградом, к Гитлеру на прием пришел гауляйтер одной из земель. «Когда Гитлер расстелил карту, на которой была обозначена линия фронта, и подробно описал обстановку на

каждом участке, партийный руководитель спросил: „Когда вы на самом деле решили напасть на Россию?“ На это Гитлер ответил: „За четыре недели до начала войны с Россией“». Как вспоминал Баур, очень многие прямо спрашивали об этом фюрера. И только один-единственный раз он услышал его ответ по этому поводу.

К слову, до июня 1941 г. советская внешнеполитическая разведка направила более 120 сообщений о подготовке вторжения в СССР. К началу войны советская разведка располагала сведениями о позициях немецких батальонов и даже отдельных батарей у наших границ. Более того, ей удалось реконструировать основные идеи плана «Барбаросса». Но Сталину трудно было верить сообщениям разведки, так как все время назывались самые разные даты вторжения: 15 апреля, 1 мая, 20 мая, 1 июня, 20–25 июня и 22 июня. Как пишут А. Колпакиди и М. Панченко: «Вероятно, тут не обошлось без немецкой дезинформации — ее распространяли столь масштабно, что даже наши самые проверенные агенты слали ложные сведения».

«Было и другое весьма важное обстоятельство. В 1941 г. СССР пытались втянуть в войну западные державы. Как докладывал Филби, англичане в США пытались убедить всех, что СССР нанесет первый удар по Германии. Сталин помнил, что американцы будут помогать России только в случае неспровоцированного нападения. Филби же прямо предупреждал: если США не вступят в войну, англичане могут пойти на переговоры с немцами».

Сталин имел все основания опасаться немецких провокаций, особенно после известия о прибытии второго человека в нацистской партии — Рудольфа Гесса — в Великобританию в мае 1941 г. Большая политическая игра на мировой шахматной доске была поистине сложной.

Так что же скрывалось за полетом Гесса?

С февраля 1941 г. «Гесс интенсивно занимался разработкой политических и экономических предложений, которые должны были лечь в основу переговоров с англичанами. В разработке этих предложений принимали участие руководитель зарубежной организации национал-социалистской партии Боле, министерский советник имперского министерства хозяйства Яквиц, генерал Карл Хаусхофер и брат Гесса Альфред Гесс, являвшийся заместителем Боле». Весь день 11 мая Гитлер интересовался сообщениями из Англии. Только поздно вечером ему доложили, что, «Гесс приземлился с парашютом в глухой местности на севере Англии и задержан полицейскими, которым Гесс заявил, что он прилетел в Англию для встречи со своим другом герцогом Гамильтоном».

Фюрер уточнил, «не сообщили ли англичане о намерениях Гесса». Ему ответили, «что об этом англичане молчат». Тогда Гитлер приказал полет Гесса объяснить в немецкой печати поступком «невменяемого». И только лишь потому, что фюреру стало известно об отказе герцога Гамильтона признать свое знакомство с Гессом. Гитлер был взбешен:

— Какое лицемерие! Теперь он его не хочет знать!

О полете Гесса говорили шепотом и под большим секретом: «Гесс взял с собой в Англию меморандум об условиях мира с Англией, составленный им и одобренный Гитлером.

Суть меморандума сводилась к тому, что Англия предоставила Германии свободу действий против Советской России, а Германия, со своей стороны, соглашалась гарантировать Англии сохранение ее позиций в колониальных владениях и господство в средиземноморском бассейне. Кроме того, в меморандуме подчеркивалось, что союз „великой континентальной державы Германии“ с „великой морской державой Англией“ обеспечит им господство над всем миром».

После того как адъютант Гесса генерал Пинч подтвердил фюреру, что знал содержание письма своего шефа, его арестовали, затем разжаловали в рядовые и отправили в штрафную роту на фронт. Правда, перед этим заставили заявить о признаках психического расстройства Гесса. Жена Гесса спокойно проживала в своем поместье, получая от фюрера довольно хорошее денежное пособие, и поддерживала переписку со своим мужем, находящимся в Англии, через Мартина Бормана.

Пройдут годы, и, возвращаясь к этому времени, Гитлер продиктует Борману свое объяснение его тогдашней позиции в момент принятия исторического решения: «За время войны мне не приходилось принимать более трудного решения, чем о наступлении на Россию. Я всегда заявлял, что нам следует любой ценой избегать войны на два фронта, и, кроме того, никто не усомнится в том, что я больше, чем кто-либо другой, размышлял над судьбой Наполеона в России. Так почему же эта война с Россией и почему мной был избран именно этот момент?

Мы потеряли надежду окончить войну успешным вторжением на английскую землю. Ибо эта страна, которой правили тупые вожди, не соглашалась допустить нашего господства в Европе и заключить с нами мир без победы, пока на континенте еще была держава, принципиально враждебно противостоящая нашему рейху. Следовательно, война затягивалась на веки вечные и была чревата опасностью, что вслед за англичанами будет возрастать активное участие американцев. (…) Чтобы побудить англичан сдаться, чтобы заставить их заключить мир, нужно

было, следовательно, отнять у них надежду противопоставить нам на континенте противника нашего ранга, то есть Красную Армию. У нас не было выбора, это было для нас непреложной необходимостью — удалить русскую фигуру с европейской шахматной доски. Но тут была еще и вторая, столь же весомая причина, которой хватило бы и самой по себе: та колоссальная опасность, которую представляла для нас Россия уже самим фактом своего существования. Она стала бы нашей гибелью, если бы вздумала однажды напасть на нас».

Кто знает, читал ли Гитлер знаменитую книгу Карла фон Клаузевица «О войне»? А ведь там черным по белому написано: «Политика, используя войну, уклоняется от всех строгих выводов, вытекающих из природы войны, мало заботится о конечных возможностях, интересуется лишь ближайшими вероятностями. Отсюда вносится во все дело значительная неопределенность, и, следовательно, война становится своего рода игрой; при этом политика каждого правительства лелеет надежду превзойти в этой игре своего противника искусством и дальновидностью».

Глава 7
От «Зеленой папки» к «Плану Ост» (от покорения к уничтожению)

Задача накормить немецкий народ занимает верхнюю строчку в списке целей Германии на Востоке… Мы не видим решительно никакой причины для любых обязательств с нашей стороны кормить также и русских.

Альфред Розенберг

1

Конечные цели нападения на СССР были сформулированы Гитлером на совещании, проходившем 16 июня 1941 г. Тогда фюрер не сказал ничего нового. Он только пояснил:

«Создание вечной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, даже если бы нам для этого пришлось воевать 100 лет… Вся Прибалтика должна стать частью империи. Крым с прилегающими районами (область севернее Крыма) также должен быть включен в состав империи. Приволжские районы точно так же, как и район Баку, должны быть включены в империю. Финны хотят получить Восточную Карелию. Однако ввиду больших залежей никеля Кольский полуостров должен отойти к Германии».

Еще в 1939 г. в качестве листовки в Германии распространялась карта «Большая Германия 1938–1948 гг.»

В верхней ее части под лозунгом «Народ, рейх, фюрер!» проиллюстрированы планы захвата Германией ряда государств: Австрия — весна 1938 г., Чехословакия — осень 1938 г., Венгрия — весна 1939 г., Польша — осень 1939 г., Югославия — весна 1940 г., Румыния, Болгария — осень 1940 г., Дания, Голландия, Бельгия, Франция, Швейцария — весна 1941 г., СССР — осень 1941 г. А внизу располагалась «Большая Германия», которая к 1948 г. должна была включать территорию от Португалии, Франции, Ирландии, Англии до Уральских гор и Средней Азии

включительно. Листовку завершал следующий лозунг: «Германия, Германия, превыше всего!» А ведь нужно было постоянно подтверждать эти слова. И немцы без ложной скромности старались это делать…

2

Так называемая «Зеленая папка» — это не что иное, как директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях. К 16 июня 1941 г. она была подготовлена к реализации в недрах Верховного командования вооруженных сил. «Зеленая папка» предназначалась прежде всего для ориентации военного руководства и хозяйственных инстанций в области экономических задач в подлежащих занятию восточных областях. Она содержала указания относительно снабжения войск из ресурсов страны и предписывала войсковым частям оказывать помощь хозяйственным органам. Ее главной целью была немедленная тотальная эксплуатация оккупированных областей в интересах военной экономики Германии, в особенности в области продовольственного и нефтяного хозяйства, что, по мнению Гитлера, имело исключительное значение для дальнейшего ведения войны.

В «Главных экономических задачах» папки указывалось: «Задачи, не согласующиеся с основной целевой установкой или мешающие ее проведению в жизнь, не должны приниматься во внимание, даже если в определенных случаях проведение их в жизнь кажется желательным. Совершенно неуместно мнение о том, что оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть чрезвычайно разнообразным. Восстановление порядка должно производиться только в тех областях, в которых мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти, а в остальных частях страны, которые не могут прокормить самих себя, т. е. в Средней и Северной России, экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов».

Для отдельных областей работы папка предусматривала следующее:

«а) Продовольствие и сельское хозяйство.

1. Первой задачей является наиболее быстрое осуществление полного продовольственного снабжения германских войск за счет оккупированных областей, чтобы таким образом облегчить продовольственное положение в Европе и разгрузить транспорт. Всю потребность германской армии в овсе

покрывать за счет областей Средней России, которые являются главным поставщиком овса, если только нельзя его доставить из других оккупированных областей. В Южной России вместо овса следует употреблять кукурузу и ячмень.

2. При учете продовольствия для местных нужд главное внимание следует уделять масличным и зерновым культурам. Имеющиеся в южных областях излишки и запасы урожая должны быть сохранены всеми средствами; необходимо следить за правильным ходом работ по уборке урожая; решительно препятствовать вывозу урожая в потребляющие области Средней и Северной России, за исключением случаев, когда это вызывается особыми указаниями или нуждами снабжения армии.

б) Что касается промышленного сырья, то главным продуктом является нефть. Среди мероприятий, не относящихся к продовольственному снабжению, все вопросы, связанные с добычей и вывозом нефти, должны при всех случаях стоять на первом месте. Для проведения мероприятий, касающихся нефтяных районов, особенно на Кавказе, будет использовано Континентальное нефтяное акционерное общество.

Особое место займет вопрос о снабжении сельского хозяйства горючим для тракторов. От этого зависят сбор урожая и осенние сельскохозяйственные работы. До окончания этих работ перевозки горючего внутри оккупированной области имеют преимущество даже по сравнению с вывозом продукции в Германию».

Подчеркивая приоритеты видов промышленности в интересах Германии, папка особое внимание уделяла восстановлению транспорта (дорожное строительство, строительство железнодорожных путей, исправление каналов и перевалочных сооружений, восстановление портовых сооружений). Для обеспечения экономического успеха, служащего немецким интересам, она указывала на необходимость привлечения «к сотрудничеству в возможно более широком масштабе руководящих работников хозяйственных комиссариатов, главных управлений и других хозяйственных организаций, а также руководителей сельскохозяйственных и промышленных предприятий (конечно, не работников с чисто политическими задачами). Их дальнейшая судьба будет определена позже. Решающим моментом прежде всего является деятельность хозяйственного аппарата, служащего немецким интересам, при наименьшей затрате немецких сил».

«Зеленая папка» предусматривала единое руководство экономикой на театре военных действий, а также в административных областях в

Восточном штабе экономического руководства, который возглавил представитель рейхсмаршала Геринга статс-секретарь Кернер.

На время подготовки и проведения операций для обеспечения военных интересов член Восточного штаба и начальник управления военного хозяйства и вооружения генерал от инфантерии Томас наделялся правом высшего руководителя. Через него Восточный штаб должен был передавать все распоряжения Восточному экономическому штабу, находящемуся в непосредственной близости от генерал-квартирмейстера главного командования сухопутных сил.

Восточный экономический штаб имел свои военно-хозяйственные учреждения, а они, в свою очередь, должны были находиться в составе армейских штабов.

Например, в тылу армейской группы: одна хозяйственная инспекция при командующем тылом армейской группы; одна или несколько команд при охранных дивизиях; одна хозяйственная группа при полевой комендатуре. В армейском тылу: один хозяйственный отдел (или офицер связи от управления военного хозяйства и вооружения) при Главном командовании армии; одна хозяйственная группа при находящейся в районе армии полевой комендатуре, которая подчиняется командованию армии.

О пути движения приказов в районе военных действий «Зеленая папка» говорит следующее: «1. Указания экономического порядка, проведение которых в жизнь предполагает необходимость включения органов исполнительной власти или требует дачи указаний воинским частям. Восточный экономический штаб направляет генерал-квартирмейстеру Главного командования сухопутных сил.

Генерал-квартирмейстер Главного командования сухопутных сил отдает приказы об исполнении по военной линии (для тыла армейской группы: генерал-квартирмейстер Главного командования сухопутных сил — начальник тыла армейской группы и командование армейской группы для сведения — охранная дивизия — полевая комендатура; для армейского района: генерал-квартирмейстер Главного командования сухопутных сил — командование армии и начальник армейского тылового района для сведения — полевая комендатура или хозяйственная команда.) (…)

Другие хозяйственные директивы сугубо специального характера Восточный экономический штаб спускает для исполнения непосредственно в порядке специальной подчиненности (для тыла армейской группы: Восточный экономический штаб — хозяйственная инспекция — хозяйственная команда — хозяйственная группа при полевой комендатуре; для армейского района: Восточный экономический штаб — хозяйственный

отдел при главном командовании армии — хозяйственная группа при полевой комендатуре или хозяйственная команда). При этом Восточный экономический штаб обязан держать в курсе текущих дел и ставить в известность о полученных и изданных им указаниях генерал-квартирмейстера Главного командования сухопутных сил, а другие хозяйственные учреждения — те командные инстанции сухопутных сил, при которых они состоят».

Восточный экономический штаб подразделялся на следующие группы:

«Ла» — продовольственное снабжение и сельское хозяйство, распоряжение всей сельскохозяйственной продукцией, заготовка припасов для снабжения войсковых частей по договоренности с соответствующими учреждениями сухопутных сил;

«В» — промышленная экономика, включая сырье и обеспечивающие предприятия, лесное хозяйство, финансовое и банковское хозяйство, имущество противника, торговля и товарооборот (также в ней находился штаб особого назначения генерального уполномоченного по автомобильному делу);

«М» — потребности войсковых частей, экономика промышленности вооружения, транспортное хозяйство.

В распоряжении каждой армейской группы создавалась хозяйственная инспекция, которая должна была руководить экономической эксплуатацией тылового района.

Хозяйственные команды должны были создаваться в районе расположения каждой охранной дивизии. В целях единого руководства одна из них назначалась по совместительству хозяйственной группой при охранной дивизии. Команды являлись стационарными. В их состав входили: начальник команды — офицер и несколько специалистов по отдельным отраслям. Для охраны обнаруженных запасов и машин команде придавались подразделения по сохранению орудий производства и подразделения по сохранению сырья.

Хозяйственные группы должны были создаваться при полевых комендатурах. В каждой начальником назначался офицер. Группе придавались: один специалист по использованию рабочей силы; один специалист по продовольственному снабжению и сельскому хозяйству; один или несколько специалистов по промышленной экономике и общим экономическим вопросам.

При каждом штабе армии состоял офицер связи управления военного хозяйства и вооружения, который возглавлял хозяйственный отдел и должен был оказывать помощь специалистам, состоящим при Главном

командовании армии, в их работе по снабжению войсковых частей.

Отделу придавались: один или несколько специалистов по вопросам снабжения и сельского хозяйства, один или несколько специалистов по вопросам промышленной экономики и общим экономическим вопросам. А кроме того, ему подчинялся один технический батальон для восстановления коммунальных предприятий, один технический взвод для восстановления предприятий пищевой промышленности и по необходимости разведывательные подразделения по промышленной экономике, а также подразделения для выявления и охраны сельскохозяйственных продуктов и машин.

3

Как оккупанты собирались проводить в жизнь отдельные экономические задачи? И на этот вопрос «Зеленая папка» дает вполне вразумительный ответ со всей немецкой педантичностью: «В области продовольственного снабжения на первом месте стоит добыча зерна и масличных культур. Все мероприятия для этого следует рассчитать на долгий срок (уборка урожая, обеспечение хранения, подготовка и проведение полевых работ, подготовка рабочей силы и сельскохозяйственных машин, семян, удобрений, понижение потребления для местного населения). В дальнейшем следует организовать простейшие общественные столовые.

Как можно скорее восстановить заводы и фабрики по ремонту сельскохозяйственных машин и других орудий производства, в особенности тракторов, и в первую очередь вспомогательные предприятия по изготовлению запасных частей. (…) Значение восстановления механических мастерских и необходимость их использования для ремонта сельскохозяйственных машин вытекают из следующего. Правительство в течение ряда лет полностью механизировало сельское хозяйство. В 1913 году в России было 29 миллионов лошадей, а в январе 1938 года — 16,2 миллиона лошадей. Для обработки земли имеются машинно-тракторные станции (МТС), которые большей частью имеют свою машинно-тракторную мастерскую (МТМ). В 1937 году было 6558 МТС. Одна МТС в среднем обслуживает 33 колхоза с 561 га посевной площади в каждом. В каждой МТС в среднем имеются следующие машины: 64 трактора с прицепами, 18 комбайнов, 10 грузовых машин.

В 1941 году всего имеется 520 000 тракторов и 180 000 комбайнов.

Исправных тракторов перед уборкой урожая — 80 %, после уборки — 60 %, после осенних полевых работ — 50 %. Исправных комбайнов после уборки урожая — 30 %.

Перевозка зерна с поля к железной дороге или силосной башне обычно производится на грузовых машинах. Из этого вытекает, что очень велика потребность в горючем. Годовая потребность в горючем на каждый трактор исчисляется приблизительно в 10 тонн. Нужно еще сказать, что марки тракторов являются точными копиями американских марок „Интернационал“ и „Катерпиллер“. Эти тракторы расходуют большое количество горючего. Поэтому последние годы тракторные заводы перешли на производство дизельных и газогенераторных моторов. Но до настоящего времени для машинно-тракторных станций дизельные и газогенераторные моторы еще никакого значения не имеют.

Общая ежегодная потребность в горючем для сельского хозяйства в европейской России исчисляется в 7,5 миллиона тонн. От своевременной доставки этого огромного количества зависит успешное проведение полевых работ и уборка урожая. Срыв в организации доставки горючего ставит под удар сбор урожая. Любое нарушение работы МТС делает невозможным плановое ведение сельского хозяйства. Работа всей этой сильно механизированной системы, таким образом, зависит от своевременной заготовки горючего и запасных частей, а также от выпуска заводами новых тракторов и прицепных машин».

Судя по всему, немцы подготовились на славу. Они рассчитали все до мелочей, до болтика и винтика. Именно так произошла трансформация теоретических бредовых идей, планов и замыслов Гитлера и его окружения в практическую экспансию против Советского Союза. Но самое главное, что до сих пор вряд ли кто находил и найдет что-либо подобное — как в российских архивах, так и в любых зарубежных. Ибо «Зеленая папка» — это исключительно порождение фашистской Германии. Ничего подобного в Советском Союзе не существовало. И как бы ни уличали товарища Сталина в мерзких делах, он не додумался до такого!

Но вернемся к «Папке». В первую очередь и как можно скорее немцы планировали восстановить и пустить в ход все те отрасли промышленности, которые создавали предпосылки для успешного производства зерновой продукции и добычи нефти. А это прежде всего нефтяные предприятия, предприятия энергетического хозяйства, тракторные заводы, предприятия железодобывающей промышленности, транспортное хозяйство, железодобывающая и металлообрабатывающая промышленность, химия, производство строительных материалов и т. д.

О хозяйственных перевозках «Папка» сообщала:

«1. Общие вопросы. В СССР 90 % перевозок производится по железной дороге (в Германии только 77 %). Поэтому значительная часть всех военных и хозяйственных перевозок также должна будет производиться железнодорожным путем (2/3 — одноколейка, ширина колеи — 1,524 м, в Европе ширина колеи — 1,435 м). Для разгрузки железных дорог нужно использовать морские пути (Балтийское, Черное и Азовское моря). Дороги (2 % перевозок производится на грузовиках) и в особенности внутренние водные пути находятся в очень запущенном состоянии и, по нашим понятиям, могут играть только подсобную роль.

2. Исполнители по вопросам хозяйственных перевозок при хозяйственных инспекциях должны заботиться о том, чтобы при выборе участков для перегрузки на новую колею (с русской на европейскую) было достаточно приспособлений для перегрузки и перелива хозяйственных товаров или чтобы таковые были вновь оборудованы.

3. При весьма вероятном большом недостатке в паровозах и вагонах специалист по вопросам хозяйственных перевозок при хозяйственной инспекции должен постоянно справляться в соответствующем отделе военно-железнодорожных перевозок или других военно-транспортных инстанциях, каким образом могут быть включены необходимые перевозки для выполнения главных экономических задач. Устанавливать разницу между хозяйственными перевозками, имеющими военное значение или не имеющими военного значения, нецелесообразно. Речь должна идти, скорее всего, об установлении степени срочности. При известных обстоятельствах с точки зрения выполнения главных задач военные перевозки меньшей срочности должны выполняться позже, чем срочные перевозки хозяйственного значения».

С немецкой аккуратностью в папке подчеркивалось рациональное отношение ко всему, что требовалось вывозить в Германию:

«5. Принимая во внимание ограниченное количество погрузочных площадок, все случайные инстанции должны заботиться о том, чтобы предоставленные для хозяйственных перевозок железнодорожные вагоны, суда и грузовые машины по возможности быстро загружались и разгружались. Для этого нужно по мере надобности создавать особые колонны грузчиков. Загрузка железнодорожных вагонов без особого приказа запрещается.

6. При каждой перевозке необходимо проверять, не имеется ли возможности использовать другие виды транспорта (грузовые машины, внутренние водные пути и морской путь) в целях разгрузки

железнодорожных путей. При перевозках на грузовых машинах необходимо экономить моторесурсы и горючее».

Предусмотрительно были определены и задачи военной охраны хозяйства на оккупированной территории:

«2. Уже во время наступления и при всех прочих военных мероприятиях командиры войсковых частей должны обращать внимание на то, чтобы защищать от повреждений оборудование транспортных и коммунальных предприятий (газ, вода, электричество), разного рода запасы и хранилища (…), а также рудники, оборудование по добыче руды, фабрики, верфи и судостроительное оборудование, грузовые машины и тягачи. Машинно-тракторные станции являются основой для сельскохозяйственных работ и уборки урожая.

3. Обнаруженные войсковыми частями или специальными разведывательными частями важные сооружения, предприятия, машины, запасы товаров, водка и т. д. должны охраняться военной силой, чтобы предотвратить насильственное повреждение и недозволенное расхищение».

Снабжение германской армии, как и планировалось, должно было осуществляться из ресурсов завоеванной страны. С этой целью выявленные в районе боевых действий и в тыловом районе продукты питания, предметы бытового и личного потребления, а также одежда в первую очередь должны были поступать в распоряжение отделов снабжение для удовлетворения текущих потребностей войск. «Чтобы облегчить в дальнейшем вывоз продовольственных запасов в Германию, по возможности не следует забирать продукты питания, необходимые для удовлетворения текущих потребностей войск, со складов, из которых удобно вывозить в Германию, т. е. из расположенных на главных магистралях и водных путях, в портах, особенно на Балтийском море, в Прибалтийских странах или вблизи германских границ».

«Зеленая папка» позволяла германской армии пользоваться только обнаруженными ею запасами. Однако в случае крайней необходимости ей разрешалось претендовать на:

«а) запасы, находящиеся в распоряжении газовых, водоснабжающих, электрических и горно-рудных установок;

б) горючие и смазочные материалы сельскохозяйственных и особо важных промышленных предприятий;

в) запасы машинно-тракторных станций».

Зато авиационный бензин предназначался исключительно для авиации. Не прошли немцы и мимо покрышек. Германии требовалось абсолютно все!

4

Уже во время наступления немцы предполагали привлекать к работе пригодных для этого жителей. Особенно это касалось следующих работ: предварительное восстановление путей сообщения, уборка трупов, очистка пострадавших от военных действий населенных пунктов, устройство временных помещений для войск и т. д. В папке говорилось: «Привлечение к работе местных жителей не должно идти в ущерб уборке урожая и полевым работам. Привлечение населения к работе осуществляется войсковыми частями или полевыми комендантами».

В документе обращает на себя некоторая лояльность немцев к советскому руководящему хозяйственному составу. А к ним они относили: ответственных работников хозяйственных комиссариатов Советского Союза и отдельных республик, ответственных профсоюзных и кооперативных работников, служащих, занимающих руководящие должности в промышленных и торговых предприятиях, на транспорте, в банках, хозяйственных руководителей колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций.

Заинтересованность в этих работниках объяснялась совершенно просто: «Чтобы хозяйственная жизнь, поскольку это совпадает с нашими интересами, не пришла в упадок. (…) Советское хозяйство полностью организовано государством. Если эта организация распадется или вследствие устранения руководящего состава будет нарушена, может возникнуть опасность хозяйственной анархии».

А вот привлечение таких работников было своеобразным: «Посредством воззваний, плакатов и отдельных распоряжений им следует приказать оставаться на своих местах и продолжать прежнюю деятельность. Путем строжайших угроз наказанием за бездействие нужно установить их ответственность за поддержание порядка и за проведение всех нужных возможных мероприятий в интересах дальнейшей работы предприятия».

Особый интерес в «Зеленой папке» представляет обращение с населением по отдельным областям:

«1. Прибалтийские страны, Ленинградская и Северная области.

В Прибалтийских странах германским органам наиболее целесообразно опираться на оставшихся там немцев, а также на литовцев, латышей и эстонцев. Напряженные отношения между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в

интересах Германии. Особые условия в великорусском Ленинграде, городе, который весьма трудно прокормить, с его ценными верфями и близлежащей алюминиевой промышленностью, требуют особых мероприятий, которые будут предприняты своевременно.

2. Средняя полоса.

В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который бы лояльно работал на нас, потому что белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великороссов, евреев и поляков. С другой стороны, необходимо найти путь для использования в наших интересах запасов скота, ячменя, лошадей, древесины и т. д.

Московская область и области, находящиеся к востоку от нее, населенные великороссами, представляющие большой интерес в связи с ценными возможностями в отношении текстильного производства, составляют в смысле подхода к населению такую же трудную проблему, как Ленинградская область, особенно вследствие того, что многомиллионный город потребует больших продовольственных дотаций. На основе опыта первых недель войны будут даны указания в отношении подлежащих проведению мероприятий.

3. Юг.

В южных областях будут отличные предпосылки для продолжения нормальной хозяйственной жизни, если не произойдет больших разрушений. Продовольствие для населения имеется, уголь и железо тоже имеются на месте. Трудно сказать заранее, в какой мере можно будет использовать кавказскую нефть. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы сохранить важнейшую промышленность и прочие хозяйственные предприятия и избежать разрушений. Необходимо установить возможно лучшие отношения между местными жителями, т. е., в данном случае, между рабочими и служащими. Возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами необходимо использовать в наших интересах. Особое внимание и здесь следует уделить промышленности, которая служит интересам сельского хозяйства, восстановлению транспорта и горного дела (сельскохозяйственные машины, тракторы, паровозы, вагоны, добыча железа и стали, трубы для нефтепровода и т. д.).

Юг является важнейшей областью по снабжению Германии продуктами питания.

4. Кавказ.

Продовольственное положение в важнейших нефтяных районах (Южный Кавказ) зависит от доставки зерна из плодородных районов

Северного Кавказа.

С населением следует поддерживать хорошие отношения, в особенности с рабочими нефтяной промышленности. Противоречия между туземцами (грузины, армяне, татары и т. д.) и русскими следует использовать в наших интересах. При этом следует считаться с тем, что грузины и татары в противоположность армянам дружественно настроены к немцам».

«Зеленая папка» рассматривала сложные вопросы военных трофеев, платных услуг, военной добычи и призовых судов. Особо отмечены в ней экономические задачи в области военной промышленности и использования товарных ресурсов и сырья. Не забыли покорители российских просторов про финансы и кредитное хозяйство. А уж про внешнюю торговлю и взаимные платежи — тем более. Естественно, им пришлось коснуться и вопроса регулирования цен.

5

В 1945 г. бывшего начальника отдела по делам военнопленных Дангцигского военного округа генерал-лейтенанта Курта фон Остеррайха заставили вспомнить события, предшествующие вторжению в Россию. В советской военной контрразведке он писал: «Приблизительно в марте 1941 года я был вызван в Берлин, где в ставке верховного главнокомандования состоялось секретное совещание. Руководил совещанием генерал-лейтенант Райнеке, являвшийся начальником управления по делам военнопленных при ставке. На этом совещании присутствовало свыше двадцати человек начальников отделов по делам военнопленных из различных округов, а также офицеры ставки. Фамилий этих офицеров я сейчас не помню. Генерал Райнеке сообщил нам под большим секретом о том, что ориентировочно в начале лета 1941 года Германия вторгнется на территорию Советского Союза и что в соответствии с этим верховным командованием разработаны необходимые мероприятия, в том числе подготовка лагерей для русских военнопленных, которые будут поступать после открытия военных действий на Восточном фронте.

Все присутствовавшие на этом совещании начальники отделов по делам военнопленных получили конкретные задания по подготовке определенного количества лагерей для приема и размещения в них русских военнопленных. Я лично получил от генерала Райнеке задание подготовить на территории Данцигского военного округа лагерь на 50 тысяч русских

военнопленных. В связи с ограниченным сроком генерал Рейнеке приказал быстро провести все мероприятия по организации лагерей. При этом он указал, что если на местах не удастся в срок создать лагеря с крытыми бараками, то устраивать лагеря для содержания русских военнопленных под открытым небом, огороженные только колючей проволокой.

Далее Райнеке дал нам инструкцию об обращении с русскими военнопленными, предусматривающую расстрел без всякого предупреждения тех военнопленных, которые попытаются совершить побег.

Спустя примерно 8–10 дней после возвращения с указанного совещания в Данциг я получил совершенно секретный приказ ставки, подписанный генерал-лейтенантом Райнеке, в котором говорилось, что мне в соответствии с указаниями, данными на совещании в Берлине, надлежит организовать на территории Данцигского военного округа лагерь для военнопленных, присвоив ему номер 312-А.

В соответствии с этим приказом мною в гор. Торн на военном учебном плацу был организован стационарный лагерь под открытым небом, огороженный колючей проволокой. Для сооружения этого лагеря я использовал английских военнопленных, содержавшихся в подчиненных мне шталагах XX-Б. Одновременно мною был подобран штат лагерной администрации.

Через некоторое время после получения упомянутого выше приказа я получил из ставки верховного командования предписание, в котором подтверждалось указание Райнеке о расстреле русских военнопленных без всякого предупреждения при попытке к побегу».

Но кроме вопросов экономического характера, кроме подготовки лагерей к приему русских военнопленных, оккупанты готовились к предстоящей исторической кампании и в теоретическом плане. В Берлине специально с этой целью к 1 июня были подготовлены так называемые «12 заповедей поведения немцев на Востоке и их обращение с русскими».

Если первая заповедь требовала от оккупанта упорной и неустанной работы, то вторая призывала не бояться «решений, которые могут оказаться ошибочными». В третьей подчеркивалось высочайшее доверие к работникам на Востоке, которое необходимо было оправдать. В четвертой только требования: продолжительной деятельности на фронте, величайшей готовности принимать решения, быстроты в принятии того или иного решения, небольшого штата хороших сотрудников, отсутствия бумажной канцелярщины, умения действовать согласно директивам и материалу, коротких и ясных указаний подчиненным, отсутствия объяснений и

обоснований, товарищества между немцами, сознания своей ответственности, полной замкнутости по отношению к русским.

В пятой заповеди требовалось быть упорным в достижении своей цели, а вот уже в шестой особо подчеркивалось, что немцы на целые столетия являются представителями великой Германии и знаменосцами национал-социалистской революции и новой Европы.

В седьмой предписывалось сосредотачивать свои мысли на всем нужном и не спрашивать, «какую пользу извлечет из этого крестьянство», а спрашивать «только, насколько полезно это для Германии. Только то, что полезно Германии, полезно также и крестьянству».

На последующих заповедях остановимся несколько подробнее, чтобы понять всю суть идеологии оккупантов.

Итак, восьмая заповедь гласила: «Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал „склонность к философствованию“. Меньше слов и дебатов. Главное — действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женственен и сентиментален. „Наша страна велика и прекрасна, а порядка в ней нет, приходите и владейте нами“. Это изречение появилось уже в самом начале образования Русского государства, когда русские звали норманнов приходить и управлять ими. Эта установка красной нитью проходит через все периоды истории Русского государства: господство монголов, господство поляков и литовцев, самодержавие царей и господство немцев, вплоть до Ленина и Сталина. Русские всегда хотят быть массой, которой управляют. Так они воспримут и приход немцев, ибо этот приход отвечает их желанию: …приходите и владейте нами.

Поэтому у русских не должно создаваться такое впечатление, будто вы колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без всяких дебатов, без долгих бесплодных разговоров и без философствования устанавливают и проводят необходимые мероприятия. Тогда русский охотно подчинится вам. Не применяйте здесь никаких немецких масштабов и не вводите немецких обычаев, забудьте все немецкое, кроме самой Германии.

Особенно не будьте мягки и сентиментальны. Если вы вместе с русским поплачете, он будет счастлив, ибо после этого он сможет презирать вас. Будучи по натуре женственными, русские хотят также и в мужественном отыскать порок, чтобы иметь возможность презирать мужественное, поэтому будьте всегда мужественны, сохраняйте вашу нордическую стойкость. Только ваша воля должна быть решающей, однако эта воля должна быть направлена на выполнение больших задач. Только в

таком случае она будет нравственна и в своей жестокости. Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попоек с русскими. Не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Если вы опуститесь до их уровня, то потеряете свой авторитет в глазах русских. Исходя из своего многовекового опыта, русский видит в немце высшее существо; заботьтесь о том, чтобы сохранить этот авторитет. Поднимайте его своими спокойными, деловыми приказами, твердыми решениями, высмеиванием дебатирующих и невежд.

Остерегайтесь русской интеллигенции — как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обманывает, она ни на что не способна, однако обладает особым обаянием и искусством влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени женщина».

Девятая заповедь: «Не заражайтесь коммунистическим духом. Русская молодежь на протяжении двух десятилетий воспитывалась в коммунистическом духе. Ей незнакомо иное воспитание. Поэтому было бы бессмысленно наказывать за прошлое. Мы не хотим обращать русских на путь национал-социализма, мы хотим только сделать их орудием в наших руках. Вы должны покорить молодежь, указывая ей ее задачи, энергично взяться за нее и беспощадно наказывать, если она саботирует или не выполняет этих задач.

Проверка и расследование прошлого и разбор ходатайств отнимает у вас время, необходимое для выполнения ваших немецких задач. Вы не судебные следователи и не стена плача.

Россия всегда была страной подкупов, доносов и византизма. Эта опасность может проникнуть к вам, особенно через эмигрантов, переводчиков и т. д. Русские, занимающие руководящие посты, а также руководители предприятий, старшие рабочие и надсмотрщики проявляют всегда склонность к подкупам и вымогательству взяток у своих подчиненных. Пресекайте взяточничество, будьте сами всегда неподкупны и корректны».

Десятая заповедь: «Мы не несем русским никакой новой религии. По своей натуре русский религиозен и суеверен, с этим вы должны считаться. Однако разрешение религиозных вопросов не входит в круг ваших задач».

Одиннадцатая: «В течение столетий испытывает русский человек нищету, голод и лишения. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия к нему. Не пытайтесь вносить изменения в образ жизни русских, приспосабливая его к немецкому жизненному стандарту».

И, наконец, двенадцатая: «Вы полностью предоставлены самим себе, поэтому не должно быть никаких жалоб и взываний о помощи в высшие инстанции. Справляйся сам, тогда и Бог поможет тебе».

Был бы сейчас жив товарищ Сталин, то он наверняка, прохаживаясь в своем кабинете с известной всему миру трубкой, обязательно бы спросил:

— А что думает по этому поводу господин Резун?

И предатель, потея от страха, пробурчал бы что-то вроде:

— По этому вопросу, товарищ Сталин, мне необходимо проконсультироваться в Лондоне.

6

На основании распоряжения фюрера от 5 июля 1940 г. в этом же месяце был создан первый оперативный штаб рейхсляйтера НСДАП для «областей, оккупированных на западе, и Нидерландов». В его задачи входило отстаивание интересов «НСДАП в борьбе против мировоззренческих противников, и в особенности в конфискации и перевозке в рейх книжного, архивного и рукописного материала, необходимого Розенбергу для дальнейшей работы».

Вскоре за этим штабом появились другие — «сначала в Юго-Восточной, а потом и Восточной Европе. Довольно быстро они стали рассматриваться не как совокупность различных штабов, а в качестве отделений единой централизованной службы — Оперативного штаба „Рейхсляйтер Розенберг“ — с центром в берлинском округе Шарлоттенбург на Бисмаркштрассе, 1. Реальное повседневное управление всем Оперативным штабом осуществлял с 1 апреля 1941 г. начальник его главного имперского отделения Герхард Утикаль». Штат филиала штаба представлял собой двух руководителей, десяток сотрудников, пять водителей и двух секретарш. «Техническое обеспечение состояло из пяти легковых автомобилей и пяти пишущих машинок».

Например, в югославском филиале в качестве первоочередных задач назывались синагоги и масонские ложи. И все это нужно было «прочесать» в 22 городах и местечках. Все объекты следовало «немедленно опечатывать, жилища раввинов и масонов обыскивать, имущество „указанных враждебных групп“ конфисковывать. Руководство штаба не рассчитывало обнаружить в Югославии столь же богатый материал, как ранее во Франции, но надеялось тем не менее найти кое-что интересное в политическом и этнографическом планах. Установить контроль над всеми

объектами предполагалось в течение двух недель после прекращения военных действий. На осмотр и проведение дополнительных конфискаций отводилось четыре недели, на упаковку и отсылку отобранного — еще четыре недели. При таком графике работы в штабе предполагали выполнить свои основные задачи за три месяца». Перед вторжением в Россию летом сорок первого «для деятельности Оперативного штаба на востоке Европы должен был открыться небывало широкий простор…»

Рейхсмаршал Геринг еще 1 мая распорядился о тесном взаимодействии армии с организацией Розенберга.

«Борьба против евреев, масонов, союзных им и иных враждебных мировоззренческих сил является во время войны первоочередной задачей национал-социализма, — убеждал он солдат Третьего рейха. — Поэтому я приветствовал решение рейхсляйтера Розенберга создать во всех занятых областях оперативные штабы с целью фиксации и транспортировки в Германию культурных ценностей и всего материала для изучения отмеченных таким образом кругов…

Всем учреждениям партии, государства и вермахта поэтому предписывается предоставлять любую мыслимую поддержку и помощь штабсфюрерам оперативных штабов рейхсляйтера Розенберга, начальнику главного имперского отделения чл. партии Утикалю и его заместителю… чл. партии фон Бере при выполнении ими задач».

В «рабочем штабе рейхсляйтера Розенберга» работало 350 экспертов, наделенных особыми полномочиями, — квалифицированные историки, искусствоведы, архивисты, библиотекари. Спорить с ними обычно не рисковали даже офицеры гестапо.

У каждого из экспертов была специальная группа вспомогательного персонала. Эти люди собирали, регистрировали и каталогизировали конфискованные сокровища.

Все, что нельзя было вывезти или не представляло для фашистов интереса, подлежало уничтожению. Для этого специально обучали отряды факельщиков и минеров.

К слову, каждому полку вермахта и войск СС придавался «офицер по культуре». Обычно родом из дворян. Считалось, что аристократы лучше разберутся в том, какое произведение искусства обогатит рейх, а какой памятник культуры, архитектуры или православия следует пустить на слом, дабы не портил будущего арийского ландшафта и не склонял аборигенов к «идолопоклонству».

Забегая вперед, можно отметить, что все задачи Оперативного штаба в восточных землях формулировались в распоряжениях Розенберга от 20

августа и 3 октября 1941 г. Приказ фюрера от 1 марта 1942 г. завершил формирование той правовой базы, на которой действовал Оперативный штаб. Гитлер снова поручал Розенбергу вести «планомерную духовную борьбу против евреев, масонов и связанных с ними мировоззренческих противников национал-социализма — разжигателей ведущейся ныне войны». В связи с этим фюрер подтверждал право Оперативного штаба осуществлять в оккупационных областях, находившихся под военным управлением, а на востоке — и в тех из них, где действовали гражданские власти (за исключением генерал-губернаторства), следующие мероприятия: обследовать библиотеки, архивы, ложи и «прочие мировоззренческие и культурные учреждения всякого рода» в поисках «подходящего материала» для выполнения Розенбергом его задач и конфисковывать этот материал; конфисковывать ценности культуры, находящиеся в собственности или владении евреев, а также оставшиеся без владельца, или же те, владельческие права на которые не являются бесспорными; специально на восточном театре военных действий «укрывать» и «брать под охрану» и те культурные ценности, которые не подпадают под действие пункта 2, чтобы не допустить их уничтожения или повреждения. Все это именовалось не иначе, как «военная добыча». Только она подразделялась на ту, которая находилась в распоряжении и пользовании армии противника, и на ту, которая принадлежала оккупированному народу.

Когда-то, еще до прихода Гитлера к власти, кто-то из штаба одного из самых молодых будущих рейхсляйтеров рейха Даре сделал доклад о пространственных задачах «восточной территориальной политики». В нем докладчик обратил особое внимание на огромную опасность для белой нордической расы высокой биологической плодовитости восточных славян, «которые, подобно неполноценным народам, восполняют недостаток качества избытком количества, то есть заставляют своих женщин чаще рожать». «Аграрная политика большевиков после войны, — продолжал убеждать внимательных слушателей расовый специалист, — то есть раздача крупных земельных владений крестьянам, угрожающе повысила их плодовитость. Поэтому стоило бы снова освободить крестьян от земли, сделать их батраками, чтобы снизить их плодовитость. Следует передать сельскохозяйственные угодья преимущественно в руки немецкого господствующего класса. Только немцы должны быть крупными землевладельцами на всех восточных территориях. Крестьяне иноплеменного происхождения должны снова стать работниками, странствующими батраками (также на землях Рейха) и неквалифицированными рабочими на промышленных предприятиях».

С нападением на Советский Союз или Советскую Россию у такого рода специалистов появятся огромные возможности для воплощения подобных планов. Начнется не просто время экспериментов, а произойдет нечто более страшное. Начнется планомерное порабощение и истребление народов, населяющих СССР.

Но «Зеленая папка» не стала окончательным вариантом целей завоевателей — истинных зверей. Ведь они уже очень давно по команде Гитлера перешли от идеологии и разговоров к практике.

Продолжением «Зеленой папки» стал генеральный «план Ост». В введении к «Замечаниям и предложениям по генеральному „плану Ост“ рейхсфюрера СС» говорилось: «Еще в ноябре 1941 г. мне стало известно, что главное управление имперской безопасности работает над генеральным „планом Ост“. Ответственный сотрудник главного управления имперской безопасности штандартенфюрер Элих назвал уже тогда предусмотренную в плане цифру в 31 млн человек не немецкого происхождения, подлежащих депортации. Этим делом ведает главное управление имперской безопасности, которое сейчас занимает ведущее место среди органов, подведомственных рейхсфюреру СС, при этом главное управление имперской безопасности, по мнению всех управлений, подчиненных рейхсфюреру СС, будет выполнять также функции имперского комиссариата по делам укрепления немецкой расы».

Документ к концу апреля 1942 г. составил доктор Ветцель, служащий в министерстве по делам оккупированных восточных территорий, после чего с ним ознакомился сам Гиммлер. Он внимательно изучил все разделы («Общие замечания по вопросу об онемечивании, особенно о будущем отношении к жителям бывших Прибалтийским государств», «К решению польского вопроса», «К вопросу о будущем обращении с русским населением») и нашел в нем некоторые, по его мнению, принципиальные упущения.

Первое: «Прежде всего бросается в глаза, что из плана выпала Ингерманландия (территория Новгородской, Псковской и Ленинградской областей), Приднепровье, Таврия и Крым, как территории для колонизации…»

Второе: «На землях Востока должно остаться 14 млн местных жителей и поселиться 10 млн немцев. Однако Гиммлер считает, что даже если у немецких колонистов на восточных территориях удастся пробудить желание к увеличению деторождения, то можно рассчитывать лишь на 8 млн немцев для колонизации этих территорий за период примерно в 30 лет. Однако этим не достигается предусмотренная планом цифра в 10 млн

немцев».

Третье: если составители плана предлагали депортировать с Востока 31 млн. человек, то Гиммлер считал совершенно иначе: «Число людей, подлежащих выселению… должно быть в действительности значительно выше, чем предусмотрено». Прежде всего Гиммлер требует, чтобы еще до депортации были бы «ликвидированы 5–6 млн евреев, проживающих на этой территории». «Кроме того, как мне кажется, — заявляет он далее, — местное население не немецкого происхождения будет за период в 30 лет очень быстро размножаться…»

И, наконец, общий вывод: «Если учитывать, что на рассматриваемых территориях останется 14 млн местных жителей, как предусматривает план, то нужно депортировать 46–51 млн человек. Число подлежащих депортации жителей, установленное планом в 31 млн человек, нельзя признать правильным».

«План Ост» предусматривал депортацию 16–20,4 млн поляков. А остальные 3–4,8 млн должны были остаться на территории, заселенной немецкими колонистами.

И далее: «б) К вопросу об украинцах.

По плану главного управления имперской безопасности, на территорию Сибири должны быть переселены также западные украинцы. При этом предусматривалась депортация 65 процентов населения…

в) К вопросу о белорусах.

Согласно плану, предусматривается выселение 75 процентов белорусского населения с занимаемой им территории…»

«К вопросу о чехах.

…Онемечиванию подлежит около 50 процентов всего чешского населения. Если исходить из этой цифры, то останется еще 3,5 млн чехов, не предусмотренных для онемечивания, которые должны быть постепенно удалены с территории империи…

Следует подумать о том, чтобы переселять этих чехов в Сибирь, где они растворятся среди сибиряков и тем самым будут способствовать дальнейшему отделению сибиряков от русского народа…» Касаясь будущего обращения с русским народом, Гиммлер призывает в союзники расистскую «науку» в лице некоего профессора Абеля, ассистента… Фишера. «Ученый» Абель, как явствует в «Замечаниях и предложениях по генеральному „плану Ост“», рекомендовал отнюдь не только разгром государства с центром в Москве…

«Дело заключается, скорее всего, в том, — говорится в цитируемом документе — чтобы разгромить русских как народ, разобщить их. Только

если эта проблема будет рассматриваться с биологической, в особенности с расово-биологической точки зрения, и если в соответствии с этим будет проводиться немецкая политика в восточных районах, появится возможность устранить опасность, которую представляет для нас русский народ…»

Гиммлер поправляет профессора так:

«а) прежде всего надо предусмотреть разделение территории, населяемой русскими, на различные политические районы…

Народам, населяющим эти районы, нужно внушить, чтобы они ни при каких обстоятельствах не ориентировались на Москву, даже в том случае, если в Москве будет сидеть немецкий имперский комиссар…

Русскому из Горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из Тульского генерального комиссариата…

б) Вторым средством, еще более действенным, чем мероприятия, указанные в пункте „а“, служит ослабление русского народа в расовом отношении…

Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуеврейского типа…

в) Есть много путей подрыва биологической силы народа. Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится… к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа, а в будущем — частично и к Украине.

…Мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения… Следует пропагандировать… добровольную стерилизацию, не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней».

А вот и главная цель: «Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он был не в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе…»

Как пишут Д. Мельников и Л. Черная, «„план Ост“ был в какой-то степени универсальным и основополагающим. Предписывая истребление десятков миллионов людей, перетасовку народов — чехов — в Сибирь, австрийцев — в Крым, — он давал полную волю нацистским чиновникам. Разве можно исключить, что Гитлер в случае осуществления плана „Морской лев“ (завоевания Англии) не пожелал бы переселить британцев, скажем, в Польшу или в Африку?

Самое главное, что в генеральном „плане Ост“ была четко проведена идея „высших“ и „низших рас“ — господ и рабов, и число последних рекомендовалось „биологически“ лимитировать, независимо от того, проживают ли они на Востоке или на Западе. Составлен „план Ост“ был против Востока, но в любую минуту мог обернуться против „Вест“, то есть против Запада».

Таким образом, если «Зеленая папка» стала руководящим документом по вопросам покорения и порабощения России, то «план Ост» станет руководством к уничтожению славянских народов.

Глава 8
Организация СС

Организация СС есть союз специально отобранных нордических немцев… СС осознает, что данным приказом закрепляется сделанный ею значительный шаг вперед. Нас не трогают насмешки, ирония, недоговоренности: нам принадлежит будущее.

Из приказа Гиммлера от 31.12.1931 г.

1

Первые отряды СС выросли из созданного подразделения телохранителей («штабной караул»).

Для защиты своих ораторов на митингах молодая партия Гитлера (НСДАП) создала «группы порядка» (штурмовые отряды), которые не только охраняли, но и использовались для разгона митингов других партий. Весной 1923 г. для охраны фюрера был сформирован специальный отряд численностью около 20 человек. Среди первых телохранителей были: торговец канцтоварами, часовщик с судимостью, торговец лошадьми, мясник, борец-любитель и, конечно же, ветераны Первой мировой. Как пишет Г. Кнопп, «штурмовики очень быстро обрели дурную славу. Любой, кто отваживался открыть рот против Гитлера в пивной или на улице, подвергался безжалостным избиениям».

«Штурмовые отряды были задуманы как полувоенные соединения национал-социалистической партии, как орудие террора и физической расправы с противниками фашизма, — сообщают Д. Мельников и Л. Черная. — Их сколотили, обучили, вооружили для устрашения. Для дестабилизации. Такова была политика наиболее оголтелой реакции. Она хотела разрушать, убивать, сеять смуту, дебоширить, превращать жизнь „маленького“ человека в сущий ад, добавлять ему тягот к тем тяготам, которые и без того существовали в стране, — к инфляции, дороговизне, безработице».

В начале октября 1923 г. отряд телохранителей совместно со

штурмовиками принял самое активное участие в попытке государственного переворота («Пивной путч»). А им было за что сражаться. Защищая фюрера, молодые люди получили возможность подняться «с уровня среднестатистического существования в ранг „элиты“». От них требовались только преданность, исполнительность и презрение к жизни. И хотя «путч» провалился, а Гитлер попал за решетку, освободившись, он с радостью узнал, что отряды СА за это время выросли с двух тысяч до тридцати тысяч. Некто Эрнст Рем под вывеской «Фронтового единства» создал из штурмовиков настолько мощную организацию, что она затмила саму партию. Гитлеру это уже не могло понравиться. И он приказывает своему водителю и телохранителю (старому штурмовику) Юлиусу Шреку собрать для своей охраны новую команду. «Отряд охраны» или СС появился в мюнхенской пивной и составил группу старых товарищей. Комплектование отрядов СС по своей строгости скорее напоминало стародавние спартанские принципы приема в спортивные общества. Первый постулат гласил: «О хронических пьяницах, болтунах и людях с другими пороками не может быть и речи».

В противоположность СА, в ряды которых, как и прежде, продолжали вступать почти все желающие, кандидаты в СС подвергались определенной системе отбора. Их возраст должен был быть в пределах 23–35 лет, они должны были назвать двух своих поручителей, проживать на одном месте не менее пяти лет (с подтверждением полиции) и быть «здоровыми и крепко сложенными» (Г. Кнопп).

В отличие от СА по численности отряды СС были большими. Их элитарность заключалась в безмолвии бойцов и внешнем отличии от СА головными уборами и нарукавными повязками с черной окантовкой вокруг свастики на коричневой рубашке. В начале января 1929 г. командиром отрядов СС (всего 280 человек) был назначен Генрих Гиммлер. Формально подчиняясь Рему (СС входила в СА) он довольно медленно и кропотливо увеличивал численность своих эсэсовцев. В 1930 г. отряды СС насчитывали 2 тысячи, в 1932 г. — 10 тысяч и в 1933 г. — 30 тысяч. При том что у Рема количество членов СА достигало 4,5 млн, Гиммлер не побоялся яростного соперничества и открытой вражды. Своих лучших эсэсовцев он расставил на ключевые посты, а когда фюрер пришел к власти, направил (прибывший последним из Баварии) отряд СС из 117 человек для охраны его канцелярии; этот отряд стал позднее ядром элитного формирования «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

Весной 1933 г. Рем собрал на демонстрациях в трех городах более 100 тысяч штурмовиков. Их он рассматривал «как основу нового немецкого

народного ополчения, в котором небольшая профессиональная армия, рейхсвер, должна была раствориться». Он разрабатывал план реорганизации СА, по образцу армии, а себя видел только главнокомандующим. Боевые знамена СА должны были носить номера королевских полков прусской армии, а служебные инструкции штурмовикам с его подачи превратились в воинские уставы.

Таким образом, «армия» Рема, ставшая бесконтрольной, весьма серьезно угрожала власти Гитлера. И с этим нужно было что-то делать. В марте 1933 г. СС создает свои собственные лагеря, а в 1934 г. управление и охрана концлагерей полностью будут поручены эсэсовцам. Тогда же Гиммлер формирует новое подразделение «Тотенкопф», то есть «Мертвая голова». Первоначально было создано 5 таких отрядов. Как пишет Жак Деларю, «создание специальных войск СС „Мертвая голова“ ясно показало, что концлагеря становятся в Германии общенациональным институтом. И ни один судебный или административный орган, ни одно германское должностное лицо, не говоря уже о министре юстиции Гюртнере, не подняли голоса протеста против этого чудовищного беззакония, не подкрепленного каким-либо юридическим актом и противоречащего действующей конституции».

Летом 1934 г. для Рема наступил час расплаты. В течение трех дней с 30 июня по 2 июля отряды СС при поддержке рейхсвера провели «Ночь длинных ножей», в ходе которой было физически уничтожено все руководство СА (19 высших руководителей, еще 13 погибли при оказании сопротивления и 3 покончили с собой).

Спустя десятилетия будут документально подтверждены 85 убийств.

В июле 1934 г. СС будут объявлены самостоятельной организацией. Войска СС являлись всего лишь ее частью. В сентябре 1934 г. министр рейхсвера Вернер фон Бломберг утвердил комплектование частей спецназа СС в составе трех полков с одним батальоном связи, а в августе 1938 г. сам фюрер подписал указ о том, что «части СС будут получать на вооружение и тяжелую боевую технику, а на базе частей спецназа создается полноценная дивизия особого назначения». Ровно через год повестки на призыв в войска СС получили 18 000 человек в соединение спецназа СС и более 8000 человек — в охранные части СС «Мертвая голова». Их подчинили командованию сухопутных войск вермахта.

К концу 1939 г. войска СС насчитывали 56 000 человек (без полков СС «Мертвая голова»). К весне 1940 г. войска СС располагали тремя с половиной дивизиями, а также рядом специальных частей (100 тыс. чел). Это дивизия СС особого назначения (полки «Германия» и «Фюрер»,

артиллерийский полки подразделения боевого обеспечения и обслуживания), дивизия СС «Мертвая голова» (три полка: «Мертвая голова» («Обербайерн», «Бранденбург» и «Тюрингия»), артиллерийский полк и подразделения боевого обеспечения и обслуживания), полицейская дивизия СС (три пехотных полка и артиллерийский полк), «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» (усиленный полк, соответствующий бригаде).

Были установлены строгие критерии отбора в ряды СС. Годными признавались только высокие, в расовом отношении безупречные добровольцы. Они подвергались всестороннему медицинскому обследованию, а их «расовая чистота» определялась по пятибалльной системе. Для них требовалось документальное подтверждение «арийского происхождения», начиная с 1800 г. Кандидат в эсэсовцы должен был быть голубоглазым блондином с ростом не менее 172 см и желательно сельским жителем. Образовательный уровень при приеме для него не играл особой роли, так как особое внимание уделялось многочисленным спортивным тестам. На умственное развитие проводился всего один двадцатиминутный тест, который состоял из диктанта в три строчки, упражнения на сообразительность и трех скромных арифметических задач.

Солдаты и офицеры СС в свободное время общались на равных, в обиходе называя друг друга «товарищами». Три раза в неделю эсэсовцы посещали политические занятия, где слушали лекции по основам нацистской философии, недостаточное усвоение которой каралось отчислением.

Для войск СС была характерна высокая дисциплина. Обязательным элементом их боевой подготовки был рукопашный бой, а занятия в классах и на стрельбищах постоянно дополнялись спортом. Особое внимание уделялось формированию выносливости, выдержки и бесстрашия. В войсках СС была внедрена тактика ударных штурмовых отрядов, вооруженных автоматическим стрелковым оружием, гранатами и ножами. Во время артиллерийской подготовки они приближались к окопам противника, а после ее окончания врывались в них. Отработка боевых действий начиналась у эсэсовцев в составе отделения. Пройдя боевую слаженность, они переходили к ротным учениям, во время которых отрабатывали приемы владения имеющимся на вооружении роты тяжелым пехотным оружием — пулеметами, минометами и противотанковыми ружьями.

Офицерские школы войск СС находились в двух городах — Бад-Тельц и Брауншвейг. Для поступления в них требовалась двухгодичная служба в войсках. Срок службы солдат составлял 4 года, унтер-офицеров — 12 лет и

офицеров — 25 лет. К июню 1941 г. численность войск СС достигла более 160 000 человек. Более 10 790 человек проходили службу в дивизии СС Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», более 19 370 — в дивизии СС «Викинг», более 18 750 — в дивизии СС «Тотенкопф», более 10 570 — в дивизии СС «Норд», более 10 000 — в дивизии СС «Рейх», более 17 300 — в полицейской дивизии СС, более 18 400 — в штабе рейхсфюрера СС, более 4000 — в административном департаменте, более 29 000 — в резервных подразделениях, более 7000 — в инспекторате концентрационных лагерей, более 2100 — в охранных батальонах СС, более 1000 — в офицерских школах СС и 900 в добровольческом батальоне «Нордост».

2

Через два с половиной года после прихода Гитлера к власти была учреждена должность имперского руководителя СС и шефа полиции рейха (рейхсфюрера) в Имперском министерстве внутренних дел. В тот же день — 17 июня 1936 г. Гиммлер стал независимым министром полиции, подчиняющимся только фюреру. Ему, наконец-то удалось объединить службы СС и полиции.

Главное ведомство полиции порядка («орпо») возглавил обергруппенфюрер Курт Далюге, а Главное ведомство полиции безопасности («зипо») — группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих.

Если полиция порядка включала имперскую охранную полицию («шупо») муниципальную охранную полицию, жандармерию, полицейскую пожарную охрану, административную полицию, аварийно-техническую службу, то в полицию безопасности входили тайная государственная полиция — гестапо (создана в 1931 г.) и уголовная полиция («крипо»).

Отделы политической полиции выглядят чрезвычайно любопытными:

первый — в его ведении коммунизм и марксизм;

второй — церковь, секты, эмигранты, масоны, евреи;

третий — реакционеры, оппозиционеры;

четвертый — концентрационные лагеря предварительного заключения;

пятый — аграрные и социально-политические проблемы;

шестой — радиоперехват;

седьмой — НСДАП и примыкающие к ней массовые организации;

восьмой — иностранная политическая полиция;

девятый — сбор и обработка сводок;

десятый — печать;

одиннадцатый — гомосексуализм;

двенадцатый — контрразведка.

В сентябре 1939 г. путем слияния тайной государственной полиции (зипо и гестапо) со службой безопасности СС в Германии было образовано Главное управление имперской безопасности (РСХА). Его структура была следующей:

I управление — организационные вопросы и подготовка кадров;

II управление — финансовая и хозяйственная работа;

III управление — СД, вело наблюдение за внутренней политической жизнью страны (бригадефюрер СС Отто Олендорф);

IV управление — гестапо, вело борьбу с политическими противниками режима (группенфюрер СС Генрих Мюллер);

V управление — крипо, вело борьбу с уголовными преступниками (группенфюрер СС Артур Небе);

VI управление — зарубежная разведка СД (бригаденфюрер СС Вальтер Шеленберг);

VII управление — вело научные исследования и контрпропаганду (оберфюрер СС профессор Зикс Альфред Франц).

В мае 1941 г., т. е. накануне войны с СССР, были созданы оперативные группы СД. Всего было создано четыре таких группы (А, Б, Ц, Д). Каждая состояла из штаба, зондеркоманд (специальных команд), действовавших в районах расположения армейских частей и айнзатцкоманд (оперативных команд), действовавших в оперативном тылу армии.

Айнзатцгруппы (оперативные группы) и их подразделения укомплектовывались служащими полиции, гестапо и СД. Каждая айнзатцгруппа насчитывала до 600 человек и располагала необходимым количеством автотранспорта.

Оперативные и особые команды СД насчитывали в своем составе 120–170 сотрудников. Из них: 10–15 человек — офицеры, 40–50 — унтер-офицеры и 50–60 рядовых СС.

Перед ними были поставлены конкретные задачи:

— захват и обыск помещений советских партийных правоохранительных органов и штабов воинских частей;

— захват учреждений, имеющих архивы и картотеки;

— проведение розыскных мероприятий, арестов и уничтожение советских партийных работников, сотрудников НКВД, армейских политработников, офицеров;

— выявление и ликвидация местного партийного и комсомольского актива, общественников, советской агентуры и евреев;

— ведение борьбы в тыловых районах со всеми проявлениями антинемецкой деятельности;

— информирование командующих тылами немецких армий о положении в подведомственных им районах.

По утверждению Ж. Деларю, айнзатцгруппы «формировались не для операций против Советского Союза. Они были созданы Шелленбергом по приказу Гейдриха в 1938 г. перед началом операций в Чехословакии с целью подавления всякого сопротивления со стороны гражданского населения и „политической чистки“ страхом.

Гейдрих в 1941 г. также разрабатывал большинство директив по тотальному уничтожению населения. Он очень любил эвфемизмы и, стараясь почти всегда избегать слова „уничтожение“, употреблял вместо него „фильтрование“, „меры по оздоровлению“, „очистка“, „специальные меры“, „специальный режим“ и очень редко „ликвидация“ и „казнь“.

Оперативные группы создавались в соответствии с соглашением между Главным имперским управлением безопасности и верховным командованием.

В середине мая 1941 г. Гейдрих поручил шефу гестапо (Amt IV) Мюллеру обсудить с военными властями соглашение о деятельности айнзатцгрупп (оперативных групп) в тылу войск, которым предстояло сражаться на Восточном фронте. Своей обычной прямолинейностью и узостью мышления Мюллер полностью восстановил против себя своего собеседника генерала Вагнера. Тогда Гейдрих поручил эту деликатную миссию (а необходимо было добиться абсолютной свободы рук на Востоке) ловкому дипломату и будущему шефу заграничного отдела СД (Amt IV) Шелленбергу, которому удалось заставить военных „проглотить пилюлю“. Указания Гейдриха были жесткими: необходимо добиться, чтобы армия не только терпела присутствие оперативных групп в своем тылу, но и „вменила в обязанность своим ответственным службам оказывать полную поддержку всем мероприятиям этих групп, политической полиции и службе безопасности“. Шелленбергу удалось успешно выполнить поручение, и в конце мая Гейдрих подписал соглашение. Он получил свободу действий на Востоке. Армии предписывалось оказывать поддержку оперативным группам, снабжать их горючим и продуктами питания, предоставлять в их распоряжение средства связи.

Было создано четыре айнзатцгруппы, разделившие между собой фронт по географическому признаку. Во главе их были поставлены испытанные

нацисты, давно уже забывшие, что такое угрызения совести, ставшей излюбленным объектом нападок Гиммлера.

В состав каждой айнзатцгруппы входило от 1 тыс. до 1200 человек, распределенных между несколькими айнзатцкомандами. Профессиональный состав групп был тщательно продуман и взвешен. На 1 тыс. человек приходилось примерно 350 эсэсовцев, 150 шоферов и механиков, 100 членов гестапо, 80 сотрудников вспомогательной полиции (набиравшихся обычно на месте), 130 сотрудников полиции порядка, 40–50 работников уголовной полиции и 30–35 сотрудников СД. Полагалось также определенное число переводчиков, радистов, телеграфистов, управленческих работников и женский персонал, так как в эти подразделения убийц включались и женщины (от 10 до 15 на группу). Руководящий персонал состоял, естественно, из гестаповцев и небольшого количества сотрудников СД и уголовной полиции.

Создание оперативных команд было завершено к концу июня 1941 г., а в начале июля они приступили к операциям. В инструкциях, определяющих круг их обязанностей, на первом месте стояла задача „ликвидации“ евреев и политических комиссаров».

«С августа 1941 г. Берлин ежедневно получал радиограммы от начальников оперативных групп об обстановке на местах и проделанной работе, — пишет Г. Кнопп. — В так называемых „донесениях по существу“ подробно излагались „трудовые достижения“ особых и оперативных расстрельных команд. Согласно им оперативная группа „А“ к 15 октября 1941 г. успела уничтожить 118 430 евреев и 3387 „коммунистов“. В результате спровоцированных погромов в Латвии и Литве были убиты 5500 евреев. Начальник оперативной группы — 3 штандартенфюрер Карл Егер подготовил итоговый отчет о своих деяниях, который из-за циничной скрупулезности вошел в историю холокоста как „рапорт Егера“, и отправил его в Берлин. В этом рапорте от 1 декабря он подробно докладывал своему начальству, что ликвидировано 137 346 евреев. (…)

Подобные донесения эскадронов смерти поступали и из других регионов. Оперативная группа „Б“ доложила к 31 декабря 1941 года о расстрелах 45 467 человек. В районах ответственности оперативной группы „Д“ к декабрю 1941 г. были уничтожены 54 696 человек, 90 % которых составляли евреи».

На северо-западной окраине Киева 65 лет назад были уничтожены тысячи и тысячи людей. Как пишет Т. Замахина, «сколько — никто не знает точно, и цифры, называемые историками, располагаются в диапазоне от 70 до 200 с лишним тысяч. Немцы педантично подсчитали собранное добро,

но не убитых. В материалах Нюрнбергского процесса бойня в Яре значится как „утилизация золота“ — с места расстрелов в Германию драгоценности доставлялись чемоданами… После первых нескольких дней бойни в Берлин был отправлен рапорт: „Киев свободен от евреев“. Потом достреливали, чтобы окончательно решить еврейский вопрос на киевской земле. С немецкой педантичностью — по вторникам и субботам, целых 104 недели». Спастись из Яра удалось 29 человекам!

3

Лагерная система СС — это путь от расового безумия к «конвейеру смерти». Как пишут Д. Мельников и Л. Черная, «концлагеря, или, каких называли в просторечии, „кацет“ — по двум латинским буквам слова „концлагерь“, являлись важнейшей составной частью эсэсовской террористической системы. Но, подобно всей системе, „кацет“ нельзя рассматривать как нечто совершенно застывшее. Количество лагерей менялось (увеличивалось), менялись и порядки в лагерях (ужесточались), и само назначение „кацет“». После прихода Гитлера к власти, т. е. в 1933 г., были основаны первые «дикие лагеря», где штурмовики избивали, морили голодом, пытали людей, видя в них врагов нацистского строя. Большинство таких лагерей находилось в Берлине и его окрестностях, несколько меньше — в Саксонии и Тюрингии, а именно лагеря Литхенберг, Заксенбург, Хоэнштейн, Бад-Зульца, Гильдиц, еще лагерь Хейбер недалеко от Штутгарта.

«Дикие лагеря размножались где попало: в бывших казармах, казематах, заброшенных фабричных зданиях, полуразрушенных пустующих замках. Наиболее страшной репутацией пользовались берлинские концлагеря Колумбия-Хауз… и лагерь на Генерал-Папенштрассе. В каждый из них запирали обычно около тысячи узников. Общее, что они имели с лагерями-гигантами последующих времен, заключалось в том, что из них мало кто выходил живым».

«Далее на смену „диким лагерям“ пришли лагеря под эгидой СС». «В 1935 г. в Германии функционировало семь „кацет“: Дахау, Эстервеген, Лихтенберг, Заксенбург, Бад-Зульца, Колумбиа-Хауз и Фюльсбюттель.

В июле 1936 г. „основным“ (базовым) лагерем стал концлагерь Заксенхаузен, в июле 1937 г. началось интенсивное строительство концлагеря Бухенвальд». «…В 1936–1937 гг. тысячи узников стали свозить в лагеря Дахау (близ Мюнхена), Бухенвальд (близ Веймара), Заксенхаузен

(в Ораниенбурге под Берлином), а также в менее известные концлагеря — в Гросс-Розен (близ Штутгарта), во Флоссенбюрг (в баварском Верхнем Пфальце), в Нойенгамме (близ Гамбурга), в женский лагерь Равенсбрюк — он функционировал с 1939 г., — а после захвата Австрии — и в Маутхаузен (близ Линца)». Только на территории Германии насчитывалось 1100 концлагерей…

В каждом лагере были определены пять отделов, подчинявшиеся коменданту (штурмбанфюреру СС или оберштурмбанфюреру СС). Адъютанты и офицеры связи составляли первый отдел, гестапо — второй, администрация лагеря — третий, четвертый значился как административно-хозяйственный, врачи и санитары находились в пятом.

К концу Второй мировой войны в концлагерях в качестве охраны трудились более 37 600 мужчин и более 3500 женщин.

«Вся деятельность лагерей СС строилась на „самообеспечении“, благодаря универсальной рабской силе заключенных. Они составляли „особую экономическую систему“, ибо использовались на самых различных принудительных работах в качестве бесплатной рабочей силы… В сущности, концлагеря были превращены СС в военно-промышленные предприятия и рынки рабов. Эсэсовцы и владельцы военно-промышленных концернов, которым узники сдавались внаем, выжимали из рабского труда огромные прибыли. Наживу из труда узников извлекали такие концерны: ИГ Фарбен, Хейнкель, Брабаг, Демаг, Крупп, АЭГ, Сименс, Фликки, Ауэр, Хеншель, Даймлер-Бенц, Арадо, Аргус, Кайзер и др.

Доход от этой сдачи узников внаем составлял ежемесячно около 50 миллионов марок.

Кроме имперских концлагерей, где большая часть заключенных гибли от холода и голода, издевательств, принудительного труда, расстрелов и смертельных инъекций, СС создали во время войны на территории Польши самые настоящие „фабрики смерти“. Их единственной целью было индустриальное истребление людей (в Белцеке, Собиборе, Треблинке, Челмно). Там совершали преступления люди, которые еще в мирное время набили руку на насильственном умерщвлении неполноценных с рождения детей, неизлечимо больных и умственно отсталых взрослых („Акция Т4“). И не все из них имели членские билеты СС. Майданек и Аушвиц являлись как концлагерями, так и центрами массового уничтожения, хотя постоянно находились в ведении СС. Обе эти фабрики смерти имели в своих комендатурах около 300 профессиональных убийц, которые непосредственно управляли процессом массового уничтожения». Опыты над живыми людьми стали в концлагерях некой параллельной задачей,

которую реализовывали дипломированные врачи. Множество научных институтов, различные монополии совместно с медицинским персоналом концлагерей принимали в них самое деятельное участие.

В Бухенвальде занимались разработкой противотифозной вакцины. Там же проводились опыты по заражению заключенных желтой лихорадкой, оспой, паратифом, дифтеритом. Пересаживали половые органы, кастрировали и вводили синтетические гормоны.

В Дахау специализировались на малярии, в Равенсбрюке трансплантировали костные ткани, в Заксенхаузене — испытывали жидкие отравляющие вещества (ОВ), которые втирали в кожу. Опробовали новые образцы химических и бризантных ручных гранат, новый газ, отравленные пули, средства против сыпного тифа, туберкулеза и эпидемической желтухи. Для этого узников в большинстве случаев заражали микробами этих болезней. Испытывались мази для ран от ожогов, действие различных ядов, препараты, замедляющие сердцебиение или возбуждающие бессонницу.

В Освенциме проводились эксперименты по стерилизации людей. Один только гауптштурмфюрер СС Йозеф Менгеле, проводивший «генетические эксперименты» в Освенциме, ответственен за уничтожение 400 тыс. узников. Его «научные» опыты славились разнообразием: он убивал детей-близнецов, сжигал узникам кожу, выкачивал кровь…

Бывший штабной хирург люфтваффе и офицер СС доктор Зигмунт Рашер проводил эксперименты с низким давлением и высотой в Дахау. «В дополнение к опытам с ипритом и фосгеном, начавшимся в 1939 году, профессор Гебхард, личный врач Гиммлера и консультирующий хирург Ваффен СС, возглавил опыты с применением сульфаниламидов над женщинами в Равенсбрюке».

К слову, попытки создать систему массовой стерилизации начались осенью 1941 г. (натренированный врач при помощи 10 помощников мог стерилизовать до 1000 человек за день). «Тогда стало ясно, что таким способом легче всего добиться уничтожения восточных рас. Проект стерилизации с помощью наркотиков представил Гиммлеру в октябре 1941 г. специалист по венерическим болезням. „Сама мысль о том, что 3 миллиона большевиков, находящихся сегодня в немецких лагерях, могут быть стерилизованы, что они смогут работать, но никогда не смогут произвести потомства, открывает самые широкие перспективы“, — писал он».

Практически все «подопытные» переходили в разряд смертников. Любой же эксперимент заканчивался в крематории.

«Содержание заключенных под арестом только ради безопасности, воспитания или как предохранительная мера уже не стоит на переднем плане. Основное внимание концентрируется на экономической стороне. Мобилизация всей заключенной рабочей силы в первую очередь для военных целей (рост вооружения)… выдвигается все больше и больше на передний план», — докладывал управляющий экономикой лагерей Освальд Поль Гиммлеру в 1942 г.

Например, прибыль, получаемая от эсэсовских предприятий в Равенсбрюке, составила:

в 1940 г. 575 000 рейхсмарок,

в 1941 г. 800 000 рейхсмарок,

в 1942 г. 1 214 000 рейхсмарок.

К 1945 г. было запланировано получение 35 000 000 рейхсмарок. За 12-часовой рабочий день при сменной работе управлению концлагеря платили: за необученных рабочих 0,50 рейхсмарок, эсэсовские предприятия и 2,50 рейхсмарки, военные концерны. За квалифицированных рабочих, соответственно: 1 марка и 5 марок.

А вот простейший арифметический подсчет прибыли от одного заключенного в этом же лагере на весьма аккуратный немецкий манер:

ежедневная плата за одного предоставляемого рабочего — 6 марок;

минус питание — 0,60 марок;

минус одежда (амортизация) 0,10 марок;

продолжительность жизни в среднем 9 месяцев — 270 × 5,30 = 1 431,00 марок;

выручка с рациональной утилизации трупа:

1. зубное золото;

2. оставленная одежда;

3. оставленные ценные вещи;

4. оставленные деньги;

минус расходы за кремацию 2 марки;

прибыль нетто в среднем 200 марок;

прибыль после 9 месяцев всего 1631,00 марка.

Трудно назвать питанием паек, который получали женщины в Равенсбрюке. Это водянистые супы из полусгнившей брюквы, кружка черного, несладкого суррогата кофе и 250 граммов — а позднее всего лишь 150 граммов, — хлеба, два раза в неделю около 20 граммов маргарина, кусочек гарцевского сыра или ложка повидла. И ни грамма лишнего!

Только от эпидемических заболеваний и с голоду там умерло 60 000 женщин, 32 000 было умерщвлено в газовых камерах, 600 — убиты

выстрелом в затылок.

Всего в Равенсбрюк фашисты угнали 132 000 женщин и детей из более чем 20 стран, из них 92 000 жертв не дожили до освобождения.

«Заксенхаузен был школой и центром всей концлагерной системы. Здесь проходили подготовку эсэсовские фюреры и младшие фюреры, занимавшие затем должность комендантов, лагерфюреров, рапортфюреров и блокфюреров в 2000 концентрационных лагерей, покрывавших как паутину всю Германию и оккупированную фашистами часть Европы… В непосредственной близости к лагерю находилась с 1936 года „Инспекция концентрационных лагерей“, переименованная весной 1942 года в „Ведомственную группу Д“ экономического и административного ведомства СС. Здесь в период с 1939 по 1945 год была резиденция центрального управления всех концентрационных лагерей, находившихся в оккупированных гитлеровцами странах».

В Заксенхаузене из более 200 000 узников погибло свыше 100 000 человек.

«За 12 лет своего господства гитлеровские фашисты согнали 18 миллионов человек из всех частей Европы в свои концентрационные лагери. 11 миллионам не было суждено вернуться на свободу. Они были убиты газом, повешены, растоптаны, отравлены или расстреляны». «Из доставленных в Заксенхаузен свыше 20 000 советских военнопленных в живых осталось лишь около 2500». Только в одном сорок первом там были расстреляны в течение двух месяцев 18 000 военнопленных.

История сохранила нам примеры того, как в концлагерях с мертвецов срезали покрытые татуировкой куски кожи, которые потом препарировали. А зубные врачи, надев на руки перчатки, выламывали изо рта у трупов коронки, протезы и золотые зубы. Поэтому когда читаешь книгу Иоахима Гофмана «Сталинская война на уничтожение», становится как-то брезгливо от его вольного извращения нашей истории. Становится обидно за наших дедов, победивших фашизм!

Сегодня у нас появились такие писатели-историки, которые стали сомневаться в фашистских убийствах газом. Но пусть это останется на их совести, ибо грешно иронизировать над мучениками.

Убийство газом… В книге «Люди за спиной Гитлера» (Т. Редер, В. Кубиллус, А. Бурвелл) рассказывается, что первые убийства с помощью окиси углерода были совершены в январе 1940 г. в санатории в Бранденбурге под руководством Виктора Браха и Вернера Гейде. «Камера смерти представляла собой душевую комнату, предназначенную для помывки пациентов. В водопроводных трубах, проходивших вдоль стены,

были просверлены маленькие дырочки, через которые газ мог проникать в герметично закрытую комнату. В двери имелся глазок для наблюдения. Вот как происходило первое убийство газом. Медсестры привели в „душевую комнату“ примерно 18–20 человек. Людей заставили раздеться в предбаннике. Затем за ними закрыли дверь. Люди спокойно вошли в комнату и не выказывали признаков беспокойства. Приблизительно через одну минуту люди просто упали или легли на скамейки. Никакого шума и паники. Еще через пять минут комнату проветрили. Эсэсовцы уложили трупы на особые носилки и отнесли к печам крематория». «Особые носилки» были специально сделаны так, чтобы тела можно было засовывать в топку подобно тому, как булочник ставит противень с хлебами в печь. После отравления газом не проводилось никакого медицинского освидетельствования. Предполагалось, что люди мертвы, но не более того. Таким образом, вовсе не исключено, что некоторые из них в действительности были кремированы заживо.

Что и говорить, если шеф гестапо Рейнгард Гейдрих в многочисленных разговорах с женой разъяснял ей: «Антисемитизм — это не политика, а медицинская проблема».

Восточные народы были для фашизма тем же самым!

С начала 1941 г. Гейдрих «трудился над разработкой обширной программы по депортации всех евреев из Европы на Восток».

Весной 1940 г. Гиммлер говорил своим генералам и офицерам: «Антисемитизм — это точно то же самое, что санитарная обработка. Избавление от вшей — не вопрос идеологии, это вопрос гигиены. Точно так же для нас антисемитизм является не вопросом идеологии, а вопросом гигиены, которым мы скоро практически займемся. Скоро мы избавимся от „вшей“, и затем с этим вопросом будет покончено во всей Германии».

Эскалация насилия в Третьем рейхе постепенно переходила в эскалацию геноцида, но только уже в арифметической прогрессии!

4

«Германские монополии финансировали нацистское движение с начала его зарождения, и около трети всех сумм, предоставленных промышленниками нацистам, шли на нужды создания террористических организаций НСДАП — СА и СС, — пишут Д. Мельников и Л. Черная. — Вначале эти суммы были относительно скромными: в 1923 г. не кто иной, как Тиссен — самый богатый и влиятельный в то время германский

монополист — передал в кассу нацистской партии 100 тыс. марок. За ним последовал Кирдорф — другой „король угля и стали“ в Веймарской республике. В 1927 г. состоялось его свидание с Гитлером, и с тех пор начались регулярные отчисления группы крупнейших монополий в кассу нацистской партии.

В 1931 г., опять-таки при содействии Тиссена, произошла встреча Гитлера и Геринга с особо доверенным лицом германского монополистического капитала — Яльмаром Шахтом. Именно тогда, по мнению многих буржуазных историков, и был заключен „исторический пакт“: представители монополий благословили Гитлера — как будущего канцлера. В осуществлении этого сговора монополистов с нацистами важнейшая роль выпала на долю террористического аппарата НСДАП, которым тогда руководили начальник штурмовых отрядов Эрнст Рем и начальник „охранных отрядов“ Генрих Гиммлер».

Из денег, которые шли на финансирование нацистской партии, очень скоро стали выделяться суммы, предназначенные для Гиммлера. Причиной тому послужило желание экономических кругов иметь «своего влиятельного человека» в окружении Гитлера, которому подчинялась тайная полиция. Гиммлер, в свою очередь, расширяя свою власть, был прежде всего заинтересован в окружении себя влиятельными людьми. «Кружок друзей рейхсфюрера СС» возник случайно, но он стал тем взаимовыгодным союзом, без которого организация СС никогда не достигла бы своих масштабов. К 1939 г. численность «кружка» составила 40 членов или представителей основных монополий Германии.

Например, «доктор Фридрик Флик. Владелец концерна Флика. Член наблюдательного совета 20 акционерных обществ, главным образом в угольной и сталелитейной промышленности».

«Отто Штейнбриик. Один из руководителей концерна „Ферейничте штальверке“».

«Эвальд Хеккер и доктор Генрих Шмидт. Руководители угольной промышленности в нацистской Германии. Первый из них был членом наблюдательных советов 11 концернов, преимущественно в угольной промышленности Германии, второй — также крупный предприниматель…»

«Герберт Геринг и доктор Вильгельм Фосс. Представители концерна „Герман Геринг-верке“. Герберт Геринг — родственник всемогущего Германа Геринга, именем которого был назван один из крупнейших горнорудных концернов Германии».

«Август Ростерг. Один из руководителей концерна „Винтерсхалл“. Его

специальность была, в частности, калийная химическая промышленность, он занимал посты члена наблюдательных советов в восьми концернах».

«Доктор Генрих Бютефиш. Один из руководителей знаменитой химической монополии „ИГ Фарбениндустри“».

«Вильгельм Кеплер и Фриц Канефус. Владельцы концерна „Браунколе-бензин АГ“».

«Рудольф Бингель. Один из владельцев электротехнического концерна „Сименс“» и т. д.

Являясь членами еще от нескольких до десятков наблюдательных советов, многие из них не просто были прикомандированными к СС, но и были членами нацистской партии и имели соответствующие высокие чины этой организации. На встречах так называемого «кружка», проводившихся ежемесячно, всегда обсуждался вопрос бесперебойного снабжения монополий рабочей силой за счет заключенных.

«Мы хотим сформировать высший класс, которому предстоит господствовать века», — утверждал Гиммлер. Он считал, «что будущий рейх, который к тому времени охватит всю Европу, будет организован по образцу античных обществ. Это означало, что элита, представляющая 5–10 % населения, будет господствовать над остальным обществом, заставляя работать на себя огромную массу илотов и рабов».

«Будущие „господа“ из числа эсэсовцев имели особые права. После принятия присяги они получали кинжал, помеченный буквами „СС“. Им говорили, что этот кинжал выдается для того, чтобы смыть кровью нанесенное им оскорбление, если сами они сочтут, что задета их честь. В 1935 году это их право и даже долг были закреплены декретом Гиммлера, а в специальном решении Верховного суда было уточнено, что эсэсовец „может воспользоваться оружием, если даже противник мог быть остановлен другим способом“», — пишет Жак Деларю. Гиммлер сделал очень много для того, чтобы «превратить организацию СС в новый рыцарский орден». Без него, видимо, не могло быть прочной основы нацистского рейха. Люди высшей расы, находящиеся на самой верхней точке некой пирамиды общества, должны были с презрением взирать на «недочеловеков» внизу. Обыкновенная, а в сущности, примитивная политика силы служила в СС основанием для уничтожения последних.

«Разработка расистских принципов, составляющих одну из главных основ нацизма, посредством которых будут оправданы избиение „низших“ народов, уничтожение миллионов человеческих существ и превращение выживших в рабов, завершалась принятием в 1935 году нюрнбергских законов, определяющих требования, которым должен отвечать гражданин

рейха».

Эсэсовские кольца «Мертвой головы» Гиммлер учредил 10 апреля 1934 г. Оно не являлось государственной наградой. Но внутри СС рассматривалось как высшая ведомственная награда (за личные достижения, преданность и лояльность). Как пишет О. Курылев, «сама идея кольца с руническими символами, несомненно, позаимствована Гиммлером из древнегерманской мифологии. Согласно легендам, бог Тор имел кольцо из чистого серебра, именем которого клялись люди (как современные христиане клянутся на Библии). Клятву вырезали рунами на копье Вотана. Эсэсовское кольцо представляло собой массивный кусок серебра в виде венка из дубовых листьев, в который погружались изображения мертвой головы и рун. Кольца изготавливались методом литья, затем каждое вручную отделывалось уполномоченными на то ювелирами из мюнхенской фирмы Отто Тара (…) Первоначально такие кольца вручались только представителям „старой гвардии“, численность которых не превышала 5000 человек. В дальнейшем правила получения кольца „Мертвой головы“ смягчили и к 1939 году практически каждый офицер СС, прослуживший более 3 лет, имел такое кольцо. (…)

Штабы СС регулярно подавали списки награждаемых, дополненные размером пальцев. В Главном управлении кадров СС (…) в Берлине эти списки рассматривали и отправляли на места кольца, сопровожденные наградным листом. Текст на листе представлял собой личное обращение рейхсфюрера и гласил: „Я награждаю тебя кольцом СС „Мертвой головы“. Кольцо символизирует нашу лояльность фюреру, послушание и наше братство и дружбу. Мертвая голова напоминает нам о том, что мы должны быть готовы в любой момент отдать наши жизни на благо немецкого народа. Руны, расположенные напротив мертвой головы, символизируют наше прежнее могущество, которое мы должны воссоздать. Две зиг-руны составляют название нашей организации — СС. Свастика и хагалл-руна означает нашу непреклонную веру в торжество нашей философии. Кольцо овито дубовыми листьями — немецким традиционным символом. Кольцо „Мертвой головы“ нельзя купить или продать, оно никогда не должно попасть в руки того, кто не имеет право им владеть. Если ты покидаешь ряды СС, то должен вернуть кольцо рейхсфюреру. Нелегальное приобретение или копирование кольца запрещено и преследуется по закону.

Носи кольцо с честью!

Г. Гиммлер!“»

Кольцо «Мертвой головы» обычно вручали с присвоением очередного

звания. Носили его на безымянном пальце левой руки. Но и оно было только деталью в мистическом клубке всей организации СС.

«Первый германский король из рода Оттонов играл для шефа СС ключевую роль „по историческим соображениям“. По мнению Гиммлера, Генрих I, основавший первые поселения на восточных землях и не подчинявшийся римско-католической церкви, указал путь к „германскому возрождению“, осуществиться которому теперь, по прошествии 1000 лет, наконец-то пришло время», — пишет Г. Кнопп.

В собственной персоне рейхсфюрер СС видел некое телесное возрождение Генриха I и утверждал, что во сне получает от него советы.

В его архиве обнаружат даже перефразированный в духе древней германо-саксонской языческой религии текст молитвы «Отче наш». Считая, что он выполняет свою миссию во благо немецкого народа и нордической расы, он «посылал исследователей на Тибет, чтобы найти следы древних арийцев, или требовал основательного изучения структуры скалистых пород в Шварцвальде на предмет обнаруженных гигантских доисторических оборонительных сооружений».

Однажды Гиммлер заговорил о своем видении будущего: «Первые два года мира будут решающими для нашего будущего. Мир установит железная рука… Мы должны начать неслыханное самообучение». «Даже служба в лагерях с отбросами человечества лучше формирует воззрения на низшие существа и низшие расы. Эта деятельность необходима, чтобы отделить немецкий народ от этих вредных существ, чтобы эксплуатировать их для великого народного сообщества, заставляя их дробить камни и обжигать кирпичи, чтобы фюрер мог воздвигать величественные здания. Если хорошая кровь не будет воспроизводиться, мы не сможем править миром…»

С одной стороны, он приветствовал вновь прибывших в лагерь Дахау следующими циничными словами: «Вы знаете, что здесь вы — арестованные и находитесь под нашей защитой. А это значит, мы сделаем все, чтобы обеспечить вам эту защиту». При том, что в его лагерях систематически унижали, избивали, пытали и уничтожали…

С другой стороны, он считал биологическую селекцию основным принципом национал-социализма, хотя она была варварской, а сам принцип — лженаучным.

Тем не менее в Германии в тридцатые годы служба в СС рассматривалась «как особый шик, а черная форма — как верх мужской элегантности». Со временем «членство в СС станет необходимым условием для занятия некоторых постов в государственном управлении или

ответственных должностей в частном секторе промышленности. То же требовалось для поступления в высшую школу или университет».

Информация к размышлению: Генрих Гиммлер.

Родился 7 октября 1900 г. в семье профессора Гебхарда Гиммлера в Мюнхене. Родители назвали его в честь самого принца Генриха, который согласился выступить в роли крестного отца для сына своего бывшего учителя.

Примерно с десяти лет юный Гиммлер вел дневник, где обычно подытоживал незначительные события своей жизни и всегда подчеркивал свое уважение к взрослым.

«В школе он, по-видимому, является прилежным, хоть и не выдающимся учеником; в дневниках часто упоминает в числе прочих предметов историю, математику, латинский и греческий, рассказывает о своих домашних заданиях. Он усердно упражняется в игре на фортепиано, но в отличие от своего старшего брата не имеет таланта пианиста; однако пройдут годы, прежде чем он попросит у родителей разрешения отказаться от этой невыполнимой задачи», — пишут Р. Мэнвэлл и Г. Франкель.

Во время Первой мировой войны Генрих Гиммлер мечтал поскорее пойти в армию. Но в 1917 г. его отец написал заявление, чтобы спасти сына от принятия в офицерскую школу. Все же в 17-м его призвали в армию, и он проходил службу в 11-м Баварском полку. В 1918 г. после демобилизации Генрих требует выдачи документов об окончании курсов пулеметчиков и курсов офицеров-кадетов.

Собираясь присоединиться к силам обороны, он служит в войсках ополчения. Однако из-за инфляции ему пришлось изменить военной профессии, которая его привлекала всегда. В 1919 г. Гиммлер приступает к изучению сельского хозяйства на аграрном факультете Мюнхенского университета, а в 1922 г. получает диплом. К слову, молодой студент вел вполне обычную студенческую жизнь, увлекался фехтованием, учился танцевать, изучал русский язык и собирался работать волонтером в России.

Но все больше его привлекает антисемитская литература, которую он «проглатывает» с упоением и скоро находит «еврейство ужасным». В списке его литературы появляются такие как «Раса и нация», «Грех против крови», «Справочник по еврейскому вопросу» и «Ложный бог». А вскоре для Гиммлера очень четко вырисовываются враги немецкого народа: евреи, большевики, масоны и католики.

«Если доверять записям Гиммлера и спискам прочитанных им книг, то видно, что он все чаще замыкался в себе от неудач в реальной жизни, погружаясь в чудесный мир прочитанного», — пишет Г. Кнопп.

В нацистскую партию Генрих Гиммлер вступает в 1923 году и получает партбилет за номером 42404. Так будущий рейхсфюрер вступил в политическую «борьбу за дело».

После непродолжительной работы в фирме по производству удобрений он навсегда оборвал эту карьеру, а потом произошла и размолвка «с любимыми родителями».

Став секретарем депутата баварского ландтага Грегора Штрассера с окладом в 120 рейхсмарок, Гиммлер на мотоцикле мотался по баварским селам, выступая на «политических» собраниях против «жидов и капиталистов». В 1926 г. он уже заместитель гауляйтера и заместитель руководителя отдела пропаганды. В 1927 г. — заместитель рейхсфюрера СС, а в 1929 г. — рейхсфюрер СС. После прихода Гитлера к власти Гиммлер назначается на ключевые посты в государстве и по властным полномочиям постепенно становится вторым лицом.

Было в биографии Гиммлера и нечто, о чем до сих пор умалчивают многие его биографы: «Молодой Гиммлер вскоре после окончания Первой мировой войны вступил в конфликт с полицией и с законом… он жил с 1919 г. с проституткой Фридой Вагнер, 1893 г. рождения, иными словами, на семь лет старше его, в пользовавшихся дурной славой меблирашках в районе Моабита. В протоколе, составленном Францем Штирманом, полицейским 456-го участка, от 2 апреля 1919 г., говорилось, что соседи этой парочки жаловались на постоянные ссоры и драки. Молодой Гиммлер — так значилось в протоколе — жил за счет Вагнер. Частично он сам признал это обстоятельство. В начале 1920 г. Гиммлер внезапно исчез. И это выяснилось как раз тогда, когда Фрида Вагнер была обнаружена убитой. Полиция объявила розыск. Гиммлера арестовали в Мюнхене, привезли в Берлин, и 8 сентября он предстал перед судом по подозрению в убийстве… Суд оправдал его из-за недостатка улик».

«В 1924 году, находясь в лекционной поездке, Гиммлер познакомился в Бад-Рейхеналле с Маргаретой Зигрот, старше его на восемь лет. Его брат Гебхард описывал Маргарет как „идеал нордической женщины“ с удивительно прекрасными белокурыми волосами и голубыми глазами. На поздних фотографиях она выглядела скорее как „солидная“ личность. Их отношения друг к другу выходили за рамки принятых тогда правил. Генриетта фон Ширах, заведомо известная сплетница, сделала ошеломляющее открытие: властитель империи СС находится дома „под каблуком“ у жены.

Марга была самоуверенной и категоричной дамой, которая передавала Генриху свои обширные знания по гомеопатии, природным методам

лечения и принятию ванн, настоянных на овсяной соломе. К тому же ее отец выделил дочери в качестве приданого определенную сумму денег, которую молодые вложили в покупку птицефермы в мюнхенском пригороде Вальдтрудеринг. Однако образ трудолюбивого птицевода Гиммлера, который позже испытывал приемы забоя птицы на живых людях, никак не вязался с действительностью. Вся фермерская работа легла на плечи Марги, тогда как ее муж постоянно находился в разъездах по политическим делам. В 1929 году на свет появилась дочь Гудрун — единственный ребенок в семье. Достаточно надежные источники свидетельствуют, что Гиммлер старался быть хорошим отцом и супругом, несмотря на частые отъезды из дома. На страничках его рабочего календаря есть почти на каждом дне отметки о телефонных разговорах с дочерью и женой даже тогда, когда он уже давно решил создать новую семью с любовницей».

«В 1942 году его любовница и бывшая секретарша Хедвиг Потхаст (с ласковым прозвищем „Зайка“) родила ему внебрачного сына, которого на крестинах назвали Хелге. В 1944 году родилась дочь по имени Нанета. Внебрачная связь шефа СС держалась в строгой тайне от общественности Третьей империи».

Жак Деларю дает вот такой портрет Гиммлера: «Лицо его было гладким, но безнадежно банальным. Это был человек среднего, а скорее высокого роста, довольно хорошо сложенный. Лицо его было немного полноватым, с признаками раннего облысения надо лбом и на висках, хотя в начале полицейской карьеры ему исполнилось всего тридцать три года. Внешне он выглядел мелким служащим, скромным счетоводом или коммерсантом. Маленький, срезанный назад подбородок отнюдь не свидетельствовал о сильной воле. Его вялое лицо перечеркивали усики, а обрамляли большие оттопыренные уши. Неизменная улыбка придавала ему приказчичье выражение.

Только два признака вызывали скрытую тревогу: очень тонкие, бледные, почти бескровные губы и два маленьких голубых или серо-голубых глаза, взгляд которых, удивительно проницательный и завораживающе твердый, не могли скрыть стекла пенсне в круглой оправе из полированной стали. Он знал, конечно, что этот взгляд выдает его, и старался держать голову слегка склонив к правому плечу, что отблеск стекол маскировал глаза. Он разглядывал собеседника, словно хищник в засаде, стерегущий добычу. Болезненный вид его странной шеи с дряблой и морщинистой, как у старика, кожей часто поражал посетителей. Руки у него были необыкновенно тонкие и деликатные, с длинными пальцами,

очень белой прозрачной кожей и хорошо видными венами. Они напоминали руки холеной женщины».

Не менее интересно и мнение Вальтера Шелленберга: «Этот человек, с которым мне приходилось встречаться теперь каждый день, был после Гитлера самым могущественным в рейхе, и все же я не могу не сказать, что он производил впечатление школьного учителя. Более подходящего сравнения не подыщешь. Он был подобен школьному учителю, который проверял уроки своих учеников с щепетильной точностью и за каждый ответ ставил оценку в своем классном журнале. В целом он был воплощение бюрократической точности, работоспособности и лояльности. Тем не менее судить о Гиммлере только по его старательно выдерживаемому внешнему виду было бы ошибочно…»

«В августе 1941 года шеф СС, находясь в инспекционной поездке в Минске, остановился у командира боегруппы „Б“, бригадефюрера Артура Небе, — пишет Г. Копп. — После доклада Небе о проведении его подчиненными массовых расстрелов Гиммлер приказал провести на следующий день расстрел очередной сотни „партизан“, на котором он лично будет присутствовать. По показаниям Карла Вольфа, шеф СС никогда до этого не видел своими глазами, как производится групповой расстрел людей. Утром следующего дня личный состав оперкоманды 8-го и полицейские 9-го батальонов подвели к свежевырытому рву 100 пленных, среди которых находились две женщины. Жертвы должны были небольшими группами спускаться в ров и ложиться на дне лицом вниз. После чего расстрельная команда открывала залповый огонь по лежащим внизу людям. Среди ожидавших своей участи Гиммлер вдруг увидел юношу лет двадцати, светловолосого, с голубыми глазами. Он распорядился, чтобы обреченного подвели к нему. Генерал СС Эрих фон дем Бах-Залевски, свидетель той сцены, так вспоминает произошедший разговор:

— Вы еврей?

— Да.

— Ваши родители тоже евреи?

— Да.

— Нет ли у вас в роду не евреев?

— Нет.

— Что ж, тогда и я не могу вам помочь.

Молодой человек был расстрелян. По мере того как число трупов во рву увеличивалось, Гиммлер все заметнее проявлял беспокойство. Наконец нервы у шефа СС не выдержали, его вырвало. Эсэсовский генерал не

преминул воспользоваться подходящим случаем и указал Гиммлеру на то, что после проведения таких акций его люди „полностью выдыхаются“. После экзекуции Гиммлер обратился к палачам с краткой речью, в которой, в частности, заявил, что они как солдаты должны беспрекословно выполнять все без исключения приказы, за остальное „ответственность“ они не несут, а несут ее Гитлер и он лично».

В общем, «днем цветы, а вечером „фабрика“ смерти».

Глава 9
Адмирал Канарис и «одиум» войны

Канарис был, вероятно, самым трудным партнером на переговорах, с каким я когда-либо встречался. Он показался мне абсолютно непроницаемым. Возможно, он единственно правильный образец разведчика. Интеллект буквально струился у него из глаз, но понять его до конца было невозможно… Ни одного «да», ни одного «нет», ни черного, ни белого — только одни нюансы. В конечном счете он ни с чем не согласился, и при этом, вероятно, добился чего хотел.

Отто Скорценни

1

Берлинский кабинет Канариса, шефа абвера, на Тирпицуфер, 74–76, имел средние размеры. В нем стояла старомодная и самая необходимая мебель. В одном углу разместился стальной сейф, а у стены — обыкновенная походная кровать. На стенах были аккуратно развешаны фотографии всех его предшественников и портрет генерала Франко с дарственной надписью. Кроме того, на них также висели несколько географических карт и японский ландшафт, подарок японского посла.

Но все кто заходили в этот, без лишней помпезности, кабинет, всегда обращали внимание на письменный стол хозяина, ибо он занимал центральное место в этой достаточно скромной обстановке. «На нем стояла миниатюрная модель крейсера „Дрезден“ как воспоминание о морских сражениях. Рядом с ней лежала небольшая каменная пластина, на которой располагалась оригинальная бронзовая скульптурная группа: три обезьянки, одна из которых держит лапу у уха, как бы напряженно вслушиваясь, вторая внимательно смотрит вдаль, держа лапу над глазами козырьком, а третья прикрывает лапой рот. Это должно было означать, что сотрудники тайной службы должны держать открытыми глаза и уши, но при этом уметь молчать».

Снимок умершей любимой таксы Зеппль стоял на каминной полке, а сзади рабочего места располагался стол с огромным количеством новых книг: «Канарис был ненасытным чтецом».

Нередко в этом же кабинете он вел свой личный дневник, который не найден до сих пор. В него он «с предельной точностью заносил со времени кризиса верховного командования 1938 г. все, что казалось ему важным; причем делал он это не от первого лица и не сопровождал факты своими субъективными оценками. Эти записки предназначались для того лишь, чтобы когда-нибудь стать отчетом перед германским народом и обвинением Гитлеру и его режиму. При случае к этим заметкам присовокупляли свои записи и руководители отделов (…). Иногда Канарис позволял некоторым из ближайших сотрудников делать для себя выписки».

«Кто когда-нибудь присутствовал у Седого на регулярных совещаниях узкого состава, посвященных анализу обстановки (так называемых „малых колоннах“) или на общих собраниях управления, как и на инспекционных разборках, воспринимал их как некую искусную „режиссуру“, а не как получение приказов или слушание докладов, — пишет о Канарисе Герд Бухгайт. — Адмирал как-то очень нервически, но вполне обдуманно, повышая тон лишь для того, чтобы что-то особо подчеркнуть, всегда тщательно подбирал слова. Но большей частью любил слушать других. При этом он, казалось, дремал. Но внезапно пробуждался и вставлял чаще всего ироническое замечание, причем так, что у докладчика ломалась вся его концепция. „Короче, короче!“ Эти слова беспрерывно прерывали доклады: Канарис не терпел словоизлияний».

Как пишет Оскар Райле, «опыт и необыкновенная судьба сделали Канариса прежде всего чрезвычайно молчаливым, одним из тех, кто проявлял искренне участие ко всем страдающим и нуждающимся, кто много знал о добре, зле и несбыточном. Такие люди предпочитают помолчать, нежели держаться опрометчиво или даже нескромно. Болтунов и бахвалов он на дух не переносил. Но при этом в обществе не был некомпанейским человеком. Правда, Канарис с удовольствием слушал. Но если он что-то говорил после того, как присутствующие долго и пространно рассуждали о каком-либо предмете, то нередко, к их удивлению, обнаруживалось, как внимательно он следил за обсуждением и к каким глубоким выводам приходил. Нередко в его замечаниях звучала скрытая насмешка или затаенный незлой юмор. Те, кого это касалось, иногда ничего не замечали. Настолько искусно он умел завуалировать смысл своего высказывания, что даже людям из своего окружения иногда требовалось время, чтобы осмыслить суть сказанного».

2

Только с началом войны с Польшей Советский Союз стал преимущественным объектом деятельности абвера. Но еще до того Канариса «беспокоило то, что Гитлер с каждым новым успехом своей внешней политики, основанной на силе, будет настраиваться на все новые нарушения договоров. А из поступавших к нему со всего мира донесений было видно, сколь быстро и сильно вновь растет ненависть к немцам в странах, переживших Первую мировую войну…»

В конце 1939 г. адмирал утверждал: «Войну мы уже проиграли». Побывав на аудиенции у Гитлера, Канарис был взволнован неверной оценкой Гитлера положения СССР. Он «напрасно указывал ему на потенциальную мощь СССР.

Гитлер стоял на своем, утверждая, что уже первый удар приведет Россию к краху».

На следующий день после совещания 22 августа 1939 г. в Берхтесгадене в «журнале боевых действий» абвера-II Канарис, возмущенный безумием Гитлера, записал: «Фюрер придерживается того мнения, что сейчас сложилась очень благоприятная возможность для Германии решить восточный вопрос. Фюрер полагает, что западные державы не вмешаются. Германо-русский договор — это не только пакт о ненападении, а нечто гораздо большее».

В разговоре с Кейтелем Канарис однажды поставил под сомнение оптимизм верховного командования вермахта. На это Кейтель ответил ему так: «Дорогой мой Канарис, вы, вероятно, что-то понимаете в разведке. Но не вам как моряку читать нам здесь лекции о стратегическом планировании».

— Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, — делился своими впечатлениями адмирал с Шелленбергом. Они, как два шефа разведок (военной и политической), очень часто общались во время утренних прогулок верхом и по телефону.

В. Шелленберг вспоминал: «По мнению генерального штаба, наше превосходство в количестве войск, в их техническом оснащении и военном руководстве было настолько значительным, что подготовленная кампания против русских могла быть завершена в течение десяти недель.

Теория Гейдриха, которую разделяли Гиммлер и Гитлер, заключалась в следующем. Военное поражение настолько ослабит советскую систему, что последующая засылка политических агентов в Россию довершит ее гибель.

Канарис и я полагали, что оптимизм военного руководства вермахта ничем не оправдан. По мнению Канариса, политические теории Гейдриха были весьма сомнительными. Оценка Канарисом политической мощи русских была совершенно противоположна оценке Гейдриха. Однако, как он признавался мне, ему не удалось убедить своего шефа Кейтеля принять его точку зрения. Кейтель утверждал, что действия, запланированные Гитлером, будут настолько стремительными и мощными, что советская система, как бы она ни была прочна, не устоит.

По моему мнению, наши руководители при оценке сил России повторяли ту же самую ошибку, которую допустили накануне войны западные союзники в отношении сил Гитлера.

Я пытался доказать Гейдриху, что благоразумнее было бы при планировании военных действий принять во внимание, что Сталин сможет укрепить костяк своей партии и своего правительства и что война, навязанная России, станет скорее источником ее могущества, чем слабости».

Далее шеф политической разведки писал: «В конце апреля 1941 года Гейдрих позвонил мне на службу. Он сделал несколько намеков о приближающейся кампании против России, но, заметив, что я ничего не понял, сказал:

— Давайте позавтракаем вместе, там мы сможем поговорить спокойно.

В половине второго мы встретились в столовой Гиммлера. Я вошел в комнату на мгновения позже Гиммлера и его сотрудников. Гиммлер приветствовал меня благожелательно, затем, отведя в сторону, сказал:

— На следующей неделе у вас будет очень много работы.

Я ответил довольно сухо:

— Для меня это не новость, дорогой рейхсфюрер.

Гиммлер засмеялся и добавил:

— Да, Гейдрих планирует для вас много работы.

За обедом (…) он перешел к предстоящей русской кампании. Если мне не изменяет память, произнесенный им текст был примерно таким:

— Да, фюрер не смог разрешить военно-политическую проблему, связанную с Великобританией. Он полагает, что в то время как боеспособность нашей авиации подорвана, Британия с помощью Америки сможет быстро провести перевооружение своих войск. Вот почему Гитлер старается ускорить создание нашего подводного флота. (…)

По мнению фюрера, мы можем сейчас напасть на Россию без всякого риска ввязаться в войну на два фронта. Но если мы не используем этот шанс, нам надо ожидать вторжения с Запада, причем к тому времени

Россия уже так окрепнет, что мы не сможем себя защитить, если она на нас нападет. Подготовка русских к войне проводится в таких масштабах, что в любой момент Сталин сможет нейтрализовать наши действия в Африке и на Западе. А это означает, что он сможет предупредить все акции, которые запланированы против него.

Так что время для решительных шагов настало. Фюрер убежден, что силы вермахта настолько велики, что они сумеют выиграть битву против России. Россия будет завоевана до открытия второго фронта. (…)

Так как нашей общей мечтой является защита новой Европы, то конфликт с Россией неизбежен. Конфликт с Россией рано или поздно, но должен произойти. Поэтому лучше предотвратить опасность именно теперь, когда мы еще можем быть уверены в своих силах. Генеральный штаб в этом полностью убежден. По мнению генштаба, в то время как войска противника будут только готовиться к боевым действиям, наши войска уже будут их громить на их же территории. Внезапность имеет исключительное значение, благодаря ей кампания успешно закончится по крайней мере к Рождеству сорок первого».

Помощник адмирала Оскар Райле напишет о тех днях следующее: «В те дни адмирал Канарис и полковник генштаба Пикенброк, шеф I отделения абвера, стали свидетелями, как Гитлер в высокопарных выражениях объявил, когда и как Советский Союз будет уничтожен в ходе блицкрига. Но Канарис не хотел всерьез верить, будто Гитлер может быть настолько ослеплен, чтобы начать войну с Советским Союзом до заключения мирного договора с западными державами. Об этом я слышал от одного из моих товарищей, который в те трагические дни разговаривал с полковником Пикенброком. В качестве подтверждения этих сведений я могу привести тот факт, что Канарис и Пикенброк еще незадолго до начала кампании в России послали на Дальний Восток в транссибирском экспрессе майора, позднее подполковника Эйзентрегера. Восемь часов спустя, как он оказался на китайской территории, началась операция „Барбаросса“. Эйзентрегера, впоследствии возглавившего КО по Дальнему Востоку, несомненно, не отправили бы в длительную поездку по Сибири, если бы Канарис был убежден, что Гитлер всерьез говорит о нападении на Советский Союз».

Информация к размышлению: Вильгельм Канарис.

Родился 1 января 1887 г. в Аплербеке в семье директора металлургического завода Карла Канариса. Родители воспитывали сына в религиозно-христианском духе. Вильгельм увлекался верховой ездой и с детства стремился «к свободе и широким просторам». По окончании

реального училища он поступает морским кадетом на флот (1905). В 1907 г. корабельного гардемарина Канариса направляют на крейсер «Бремен», а через год производят в чин лейтенанта.

«… предложенную ему по производству в чин службу в качестве адъютанта командира корабля нес превосходно и при выполнении мобилизационных задач совместно со старшим офицером Восточноамериканской военно-морской базы проявил гораздо большую сноровку и находчивость, чем можно было предположить…», — записал в ежегодной аттестации командир корабля.

На родине будущего адмирала назначают артиллерийским офицером на торпедный катер 2-й флотилии торпедных катеров, а осенью 1912 г. — на крейсер «Дрезден». Именно на нем молодому обер-лейтенанту довелось участвовать в единственном в его жизни морском сражении. В декабре 1914 г. германская эскадра была уничтожена превосходящими британскими силами у Фолклендских островов. Лишь одному крейсеру «Дрезден» удалось спрятаться в бухтах Огненной Земли. Но, оставшись без топлива и запасов продовольствия, крейсер бросил якорь в чилийских территориальных водах, где внезапно появился крейсер «Глазго» и открыл по нему огонь из всех орудий.

Тогда было принято решение затопить корабль. Раненых чилийские власти эвакуировали в Вальпараисо, а остальных матросов и офицеров интернировали на острове Кириквина.

На этом острове Канарис в совершенстве изучил испанский язык и осенью 1915 г., выдавая себя за чилийца, сбежал с острова. Путешествие из юго-западной части Южной Америки в Европу заставило сделать будущего шефа абвера невозможное — проделать путь пешком или на лошади в 1200 километров. В Аргентине Канарис сделал себе документы на имя чилийского вдовца Рида и под этим именем на пароходе «Фризия» отправился в Роттердам. Во время плавания в разговорах с англичанами он усовершенствовал свои знания английского.

Разведывательной работой Канарис занялся с лета 1916 г. в Мадриде — помощником германского военно-морского атташе, капитана 3-го ранга фон Корна. В испанских портах он выступал в качестве чилийца Рида Розаса и вербовал агентов для наблюдения за движением судов. Кроме того, в его работу входил поиск капитанов судов и коммерсантов, готовых снабжать запасами продовольствия германские базы подводных лодок. При этом он рвался на фронт, разрываясь между морем и разведкой, пока его рапорт не удовлетворили. Однако ему снова потребовалось проделать невероятное путешествие через Южную Францию и Северную Италию в

Швейцарию. Но случилось непредвиденное. При выезде из Италии в Швейцарию Рида Розаса вместе со спутником арестовали. Это стоило Канарису нескольких недель заключения в ожидании военно-полевого суда. Вскоре через влиятельных лиц и по дипломатическим канатам в Италию поступили сообщения, подтверждающие личность Рида Розаса. Тогда будущего адмирала вместе с испанским священником на испанском грузовом судне отправили через Марсель из Генуи в Картахену, с надеждой, что французская контрразведка изобличит чилийца Рида Розаса в шпионаже на Германию. Поэтому Канарису ничего не оставалось, как открыться капитану судна и уговорить его не заходить в Марсель. Капитан согласился. В Картахене немецкой подводной лодке только с третьей попытки удалось взять Канариса на борт на рейде порта.

После благополучного возвращения Канариса перевели в подводный флот, а через несколько месяцев стажировки он стал преподавать в школе подводного плавания. В 1918 г. его назначили командиром подводной лодки, в июле 1920 г. — первым заместителем начальника абверштелле (военной контрразведки) на Балтийском море. В середине 1923 г. Канарис служит первым помощником командира крейсера «Берлин».

С мая по октябрь 1924 г. его направляют в Японию для ознакомления со строительством подводных лодок концерном «Кавасаки» по немецким проектам. Затем он референт в штабе начальника управления ВМФ в министерстве рейхсвера, часто посещающий Испанию, Голландию и Финляндию. Но летом 1928 г. Канариса снова переводят первым помощником командира линкора «Шлезвиг» и производят в капитаны 2-го ранга. Осенью 1932 г. его назначают командиром этого корабля и производят в капитаны 1-го ранга.

После прихода Гитлера к власти Канарис получает тупиковую должность коменданта военно-морской крепости Свинемюнде. И только в 1935 г. его назначают начальником абвера (в 48 лет).

Впервые перед начальниками отделений абвера предстал неброский и неряшливый шеф. Один из участников обрисовал его следующим образом: «Невысокий, уже сильно потрепанный жизнью моряк с седыми волосами, кустистыми бровями и усталыми глазами. Вступительное слово, явно выдержанное в нацистском духе, он зачитал по бумаге…»

Но пройдет всего немного времени — и Канариса начнут уважать… «В Канарисе, наряду с его религиозностью и верностью офицерской чести, пожалуй, сильнее всего поражала фундаментальная образованность — явление довольно редкое среди высших офицеров. В нем было многое от идеалов и воззрений первой половины девятнадцатого века, которые

способствовали выдающимся офицерам прошлого — таким, как Роон, фон дер Гольц, граф Йорк фон Вартенбург, а также Клаузевиц и Мольтке, — достичь высоких научных вершин, далеко выходящих за узкие рамки военного дела. Наряду с широкой и глубокой образованностью, Канарис, в отличие от многих флотских и армейских офицеров, не видевших абсолютно ничего за пределами Северного и Балтийского моря и границами Германии, обладал способностью разбираться во взаимосвязях мирового масштаба. С этим было связано его тонкое восприятие развития политических событий, которые он довольно часто пересказывал с поразительной точностью. Правда, в этой области он не находил достойных собеседников — за исключением разве Фрича, Браухича, Бека и Гальдера, — которые были бы способны серьезно воспринимать его суждения. Неудивительно, что Канарис уже в начале военных действий против России серьезно оценивал сложившуюся обстановку, а также перспективу благополучного для Германии исхода войны. Вот почему ему особенно тяжело было видеть, что руководители немецкого государства скептически относились к его прогнозам и отводили ему роль неудавшейся современной Кассандры», — вспоминал о нем начальник отдела «Иностранные армии Востока» генерал Рейнхард Гелен.

3

В 1938 г. на базе контрразведки рейхсвера было создано управление абвер-заграница при штабе Верховного Главнокомандования вооруженных сил (ОКВ). Управление состояло из следующих отделов:

Абвер-1 занимался сбором развединформации об иностранных армиях и флотах, подготовкой агентов-радистов, радиоперехватом, изготовлением документов прикрытия и оперативной техники;

Абвер-2 — подготовкой диверсионно-террористической агентуры и заброской ее в тыл противника, разработкой и изготовлением средств террора и диверсий, организацией национальных легионов, созданием из немцев, проживающих на территориях стран-противников, спецформирований для захвата стратегически важных объектов. В распоряжении абвера-2 находились специальные воинские формирования: дивизия «Бранденбург-800» и полк «Курфюрст»;

Абвер-3 — контрразведывательной работой в вооруженных силах Германии, военно-административных и военно-хозяйственных учреждениях и на объектах оборонного значения;

Иностранный отдел абвер-заграница — изучением экономики и внешней и внутренней политики иностранных государств на основе сведений, получаемых от военных атташе, МИДа и других официальных учреждений за границей; разработкой вопросов взаимодействия германской армии с армиями других стран; изучением международной печати и радиовещания;

Центральный отдел — комплектованием кадрами; обеспечением материальными и финансовыми средствами, разработкой мобилизационных планов органов абвера на военное время.

Абверштелле являлись основными звеньями абвера и вели практическую контрразведывательную и диверсионную работу против СССР при каждом военном округе. Они подчинялись соответствующим отделам управления абвер-заграница и согласовывали свою работу с (отделами «1-Ц») разведотделами штабов военных округов.

Примечательно, что несмотря на стремление. Гитлера «не допустить чрезмерной концентрации власти и силы в одних руках», Канарису удалось «взять в свои руки задачи разведки и контрразведки для всех видов вооруженных сил и включить их службы в свою, не вызвав при этом никаких серьезных противоречий с ними».

Как считает Герд Бухгайт, Канарис вел дела германской военной разведки «твердой рукой. При этом основные его интересы были связаны с военной разведкой и контрразведкой, тогда как задачи внешней разведки, решаемые отделением „Аусланд“, его беспокоили в меньшей степени. Несмотря на огромный объем работы, он с удовольствием координировал деятельность трех отделений абвера — абвер-I, абвер-II и абвер-III, — а также их внешних опорных пунктов (станций) в стране и за рубежом. К сожалению, при этом у него не хватало умения делегировать им ответственность. Нередко он оставлял за собой задачу принятия малозначащих решений, что, конечно, несло с собой дополнительную нагрузку и неизбежно усиливало беспокойство. Во время многочисленных поездок Канарис руководил делами с помощью постоянной телефонной и радиосвязи. В его отсутствие непосредственное руководство управлением в центре осуществлял обычно старший по званию начальник одного из отделов. (…) Кто не знал Канариса близко, мог удивляться тому, с какой энергией и упорством он всегда сразу же брался за решение постоянно растущих задач. Там, где речь шла о важном и где он должен был действовать сам, Канарис внезапно выходил из своего обычного состояния отстраненности и мог весьма настойчиво и в то же время искусно преследовать поставленные перед собой цели». (…)

Принимая во внимание обстановку постоянной напряженности, обусловленную не в последнюю очередь внутренней политикой Гитлера, руководству абвера было непросто в столь короткие сроки:

«1) поставить свою организацию на прочный фундамент;

2) подобрать офицеров, способных решать специфические задачи разведки, и обучить их методам работы в их области;

3) утвердить в своем аппарате принципы моральной чистоты и гуманизма. Сделать все сказанное одним разом было крайне трудно, если учесть заданный Гитлером темп перевооружения, вынуждавший все виды вооруженных сил и, конечно, абвер во многом прибегать к импровизациям».

Однако, кроме всего прочего, трудности Канариса создавались и благодаря стараниям Гиммлера и Гейдриха, которые «старались урезать исключительную компетенцию военной разведки и контрразведки и все больше и больше распространяли свое влияние на дела разведки».

«Так как абвер по всем вопросам исполнительной власти вынужден был обращаться к тайной государственной полиции, в чьей компетенции находились аресты, обыски и допросы по делам государственной измены, то Гейдрих и тут пустил в ход все средства, — вспоминал Оскар Райле. — Еще в 1934–1935 годах он, как руководитель гестапо в Пруссии, использовал любую представлявшуюся ему возможность, чтобы вмешиваться в работу военной разведки и контрразведки. (…)

Канарис стремился к примирению и пытался наладить терпимую рабочую атмосферу между абвером и тайной государственной полицией. (…)

Поначалу казалось, что все идет хорошо. Канарис и Гейдрих давно знали друг друга еще со времени совместной службы в военном флоте. Многие годы назад Канарис был начальником Гейдриха и держал себя с ним как старый, добрый товарищ. (…)

В деловых отношениях Канарис придерживался умеренной тактики и шел навстречу пожеланиям Гейдриха в несущественных моментах, но не уступал в важных вопросах. Тем временем Гейдрих был недоволен мелкими уступками, что — чем дальше, тем больше, — приводило к трениям и противоречиям между военной контрразведкой и тайной государственной полицией. (…)

Еще более зыбкими становятся границы между военной и политической разведкой. Как, например, избежать бесед на политические темы, если абвер и готовит украинцев и белорусов для того, чтобы они подговаривали своих земляков, служивших в польской и советской армиях,

стать перебежчиками? (…)

И что же оставалось делать адмиралу Канарису, когда от военных атташе за границей, подчинявшихся ему вместе с шефом группы заграничной службы, он получал важные донесения для политического руководства рейха?

Должен ли был он их выбрасывать в корзину и запрещать отправителям и впредь собирать информацию по политическим вопросам? (…)

Можно привести еще множество примеров, как многократно дублировались задачи главным управлением имперской безопасности и заграничной службой абвера. Отсутствие единого руководства порождало тяжкие последствия».

Что удивительно, несмотря на все это, «семьи Канарисов и Гейдрихов были соседями. Вскоре после переезда в Берлин адмирал поселился на южной окраине Берлина, на Делленштрассе. Гейдрих тоже приобрел дом на этой улице. Но уже в августе 1936 г. Канарис купил себе домик на Дианаштрассе в Шлахтензее. И было ли то случайностью, но полтора года спустя Гейдрих приобрел недостроенный дом на соседней Аугустенштрассе, буквально в пяти минутах ходьбы от Канариса. Канарис знал, что шеф СД за ним следит и собирает „материал“ с целью поставить абвер под свой контроль.

И однажды Канарис пригласил Гейдриха к себе и „по-дружески“ открыл ему, что получил подлинные документы, изобличающие происхождение Гейдриха. Тот улыбнулся, принимая это к сведению, и с тех пор изменил к нему отношение. Действительно, добыв эти документы, Канарис сумел таким образом защититься от наскоков шефа службы безопасности».

Обергуппенфюрер СС, шеф службы безопасности (СД), начальник тайной госполиции (гестапо) и немецкой уголовной полиции, уполномоченный по «окончательному решению еврейского вопроса» — Рейнгард Гейдрих в 1931 г. был уволен из флота после суда чести, как оскорбивший дочь влиятельного старшего советника ВМФ по строительству. Причем на суде вины своей не признал и вел себя вызывающе! В этом же году он начал сотрудничество с Гиммлером. А в 1932 г. бывшие сослуживцы Гейдриха, «узнав, что уволенный… получил работу в СС партии НСДАП в Мюнхене, уведомили об этом гауляйтера в Галле и сообщили ему, что настоящая фамилия Рейнгарта — Зюс и что он еврей». Говорят, мучительные вопросы преследовали «пражского вешателя», пока 22 июня 1932 г. не появился письменный ответ экспертов,

подтверждающий расовую чистоту его происхождения. В частности, в этом документе говорилось: «Из прилагаемой здесь родословной следует, что обер-лейтенант ВМФ в запасе Рейнгард Гейдрих имеет германское происхождение без каких-либо примесей цветной или еврейской крови».

Кто знает, «не потому ли Гейдрих так ненавидел евреев, что сам имел в роду еврейских предков?»

«Бабушка Гейдриха Эрнестина Вильгельмина Гейдрих выходила замуж вторично за некоего Густава-Роберта Зюса и как многодетная мать в браке с первым мужем Рейнгартом Гейдрихом часто потом называлась „фрау Зюс-Гейдрих“».

Информация к размышлению: «мишлинге».

Этим термином в Третьем рейхе называли людей, родившихся от смешанных браков арийцев с неарийцами. Расовые законы 1935 г. различали «мишлинге» первой степени (один из родителей — еврей) и второй степени (бабушка или дедушка — евреи).

Десятки тысяч «мишлинге» абсолютно спокойно жили при Гитлере и в установленном порядке призывались в армию, авиацию и во флот.

Сотни «мишлинге» были награждены за храбрость Железными крестами, а двадцать солдат и офицеров еврейского происхождения были удостоены высшей военной награды Третьего рейха — Рыцарского креста.

Известно 1200 примеров службы «мишлинге» в вермахте — солдат и офицеров с ближайшими еврейскими предками. У тысячи из этих фронтовиков были уничтожены 2300 еврейских родственников — племянники, тети, дяди, дедушки, бабушки, матери и отцы. В январе 1944 г. кадровый отдел вермахта подготовил секретный список 77 высокопоставленных офицеров и 4 генералов, «смешанных с еврейской расой или женатых на еврейках». Все 77 имели личные удостоверения Гитлера о «немецкой крови».

Среди перечисленных в списке — 23 полковника, 5 генерал-майоров, 8 генерал-лейтенантов и два полных генерала.

Всего 150 000 еврейских солдат и офицеров воевали в армии Гитлера!

4

Многие специалисты по России считали, что «войну с СССР нельзя было выиграть без политики, основанной на освобождении населяющих его народов от большевизма и без аграрной политики, в основе которого лежит крестьянское частное владение землей».

Так считал адмирал Канарис, но так не считал Гитлер…

Один из его офицеров, некий обер-лейтенант профессор Оберлендер, высказал ему похожее мнение еще до Восточной кампании. «После этого ему было поручено изложить эти взгляды в совершенно секретной памятной записке, использовав опыт польской кампании. В ней были показаны факты истребления и угнетения польского народа в духе политики Гитлера, в результате чего между населением и оккупационными властями сложились исключительно напряженные отношения. Если подобные методы при нашем военном успехе, продолжал Оберлендер, будут применены в России, мы встретим там жестокую партизанскую войну, которая традиционно является русским способом ведения боевых действий. Эту памятную записку Оберлендера Канарис передал непосредственно Гитлеру…»

И он ее, естественно, проигнорировал!

* * *

«После окончания военных действий во Франции немецкая разведка резко активизировала свои действия против СССР, — вспоминал генерал Судоплатов. — Мы засекли сосредоточение немецких войск вблизи советской границы, что, естественно, вызвало соответствующую настороженность в Москве. (…)

Разведка противника стремилась координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине, в Румынии. Связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины — в Одессу и Крым. Центром их деятельности, как оказалось, были Черновцы. (…)

Накануне войны также было зафиксировано стремление немецких разведывательных органов насадить свою агентуру в службах Киевского особого военного округа из числа местных жителей, особенно в сфере обслуживания войсковых частей, материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины. (…) Немцы проявляли большой интерес к вербовке советских граждан и перемещенных лиц. Главным критерием их вербовочных подходов был так называемый „принцип немецкой крови“. Немецкая национальность считалась главным пропуском для установления связей с интеллигенцией, проживающей на территории СССР».

Но главным направлением немецкого сотрудничества все же было

сотрудничество с оуновцами или украинскими националистами.

Генерал Судоплатов свидетельствовал: «Их директива „О едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН“, принятая 22 декабря 1940 г., согласовывалась с немецкой разведкой. В ней, как нам стало известно, говорилось, что „Украина находится накануне вооруженного восстания, сразу же после выступления немецкой армии миллионы людей возьмут оружие, чтобы уничтожить советы и создать свое украинское государство. Поэтому необходимо, чтобы на Украине действовала организованная политическая национальная сила, которая возглавила бы вооруженное восстание и повела народ к победе. Такая сила у нас есть, утверждалось в директиве, это ОУН в союзе с немцами. Она действует, организовывает украинские массы, выводит их на борьбу“.

В директиве ставились задачи террористического характера, шла речь о создании центра политического и военного руководства, а также подготовки и обучения кадров. „Мы должны захватить в свои руки военные пункты и ресурсы Донбасса, морские порты, увлечь за собой молодежь, рабочих, крестьян и армию. Мы должны ударить везде и одновременно, чтобы разбить и рассеять его силы…“»

Как пишет С. Ткаченко, «украинское национальное движение приобрело организованные формы в то время, когда над Восточной Европой нависла угроза нацизма. Стремясь использовать в своих интересах немецкий „Дранг нах Ост“, ОУН легализовала тогда свою деятельность и пошла на политическое соглашение с Гитлером».

Информация к размышлению: ОУН — Организация украинских националистов.

«Всеукраинское» политическое движение националистического типа было оформлено на первом Конгрессе украинских националистов, состоявшемся в Австрии (Вена) в 1929 г. Руководящим органом стал так называемый «Провод» украинских националистов во главе с Евгением Коновальцем, полковником армии УНР (1918–1919).

В годы Первой мировой войны Коновалец воевал офицером в австро-венгерской армии против России на Юго-Западном фронте в составе корпуса «сечевых стрельцов», а с 1915 по 1918 г. он находился в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну воевал на Украине против частей Красной армии, а в 1919 г. ушел в Польшу.

Именно Коновалец разработал идеологические положения, программу на основе идей интегрального национализма Н. И. Михневского, а также создал организационную структуру и план действий организации. До 1936 г. Провод находился в Женеве, до 1940 г. в Риме, затем переехал в

Берлин.

В тридцатые годы ОУН стала довольно заметной активной политической силой на западноукраинских землях, осуществляя террористические акции. В 1938 г. в Голландии П. А. Судоплатов по заданию Сталина ликвидировал Коновальца, и новым руководителем Провода был назначен А. Мельник (1939). В результате этой ликвидации лидера в ОУН был вызван раскол. В феврале 1940 г. бандеровское крыло ОУН создало параллельный ПРОВОД организации. С того времени в ОУН существовали две фракции: радикальная Степана Бандеры — ОУН «Б» и более либеральная Андрея Мельника ОУН «М». При этом в ходе борьбы за власть внутри ОУН между Бандерой и официальным преемником Коновальца Мельником погибли видные боевики и соратники Коновальца. К слову, С. Бандера до середины сентября 1939 г. находился в польской тюрьме, где отбывал пожизненное наказание за организацию покушения на министра внутренних дел этой страны. После освобождения, с началом Второй мировой войны, он начал собирать вокруг себя группу недовольных Мельником. В результате двух руководителей ОУН объединяла идеология, но разделяла тактика.

Мельниковцы соглашались на глубокое сотрудничество с Германией, а вот бандеровцы предлагали ориентироваться и на другие страны.

Два крыла расходились, причем весьма ощутимо, в вопросах лидерства.

Мельник был более спокойным, опытным и образованным. Бандера — молодым, динамичным и решительным. Именно он предлагал «развернуть более активную работу на территории Советской Украины и во время советско-финской войны» предлагал создание украинских военных частей на стороне финнов.

Если бандеровцам не хватало руководящего состава, то мельниковцам — молодых активистов. При этом, около две трети оуновцев вошли в ОУН «Б» и только треть — в ОУН «М».

Весной 1940 г. два лидера встретились в Италии, но так ни о чем и не договорились. Раскол продолжался.

В мельниковском Проводе в качестве его члена работал офицер гестапо Ярыга — Рихард (Ярый), который затем вошел в состав бандеровского Провода. Именно через него немцы осуществляли свои намерения ослабить националистическое движение, в развитии которого они совершенно не были заинтересованы.

В период германо-польской войны бандеровцы якобы захватили документы польской разведки и установили, что члены Провода ОУН

Сенник Сциборский и Барановский являлись агентами польской разведки, и что об этом знал Мельник, но никаких мер против них не принимал. Германское руководство внешне не вмешивалось в конфликт ОУН и при этом всегда подчеркивало их роль в сотрудничестве с Третьим рейхом, как третьей силы в Украине…

* * *

В 1938 г., в период подготовки к оккупации Судетской области, один из офицеров абвера капитан фон Хиппель предложил создать небольшие подразделения из хорошо обученных разведчиков, которые при необходимости могли забрасываться в тыл противника через линию фронта в гражданской одежде или в форме войск противостоящей стороны. Они предназначались для свободной охоты и действий впереди своих наступающих войск с целью наведения паники, диверсионных акций и захвата важных объектов. Адмирал Канарис не сразу согласился с этим предложением, но уже в этом же году поручил сформировать «800-ю учебно-строительную роту особого назначения». А через месяц с небольшим был создан «800-й учебно-строительный батальон особого назначения» с постоянным местом дислокации в Бранденбурге. Позднее батальон был переформирован в полк «Бранденбург-800».

Если в первой роте собрали только немцев для пополнения агентуры абвера за рубежом, то в остальных ротах бойцы изучали инженерно-подрывное дело и тактику «индивидуальных действий». Особое внимание при их обучении «уделялось практике незаметного, скрытного подхода к объекту, бесшумного снятия часовых, а также установке подрывных устройств и минированию». А все это сочеталось с методами тайных служб.

И все же главная задача диверсантов сводилась к тому, чтобы с помощью маскировки и введения противника в заблуждение добиться эффекта внезапности, который должен был использоваться идущими за ними войсками. При этом внезапность носила тактический, а иногда и оперативно-стратегический характер.

Как Герд Бухгайт, «зимой 1940/41 г. абвер-II стал привлекать к сотрудничеству молодых украинцев, и вскоре в лагере Нойхаммер близ Лигнице был сформирован целый батальон. Эти люди в большинстве служили в польской армии и в военном отношении были достаточно хорошо подготовлены. Командовать батальоном „Нахтигаль“, как назвали

эту часть, было поручено обер-лейтенанту Герцнеру. Его политическим советником был назначен обер-лейтенант доктор Оберлендер.

Задача батальона заключалась не столько в ведении боевых действий, сколько в том, чтобы оказывать пропагандистское влияние на украинское население самим своим существованием».

В преддверии военных действий в России абвер приступил к вооружению групп ОУН и фольксдойче на советской территории, контрабандным путем переправляя им оружие через границу.

В 1940 г. один из лидеров «правой белорусской эмиграции» предложил немецкому руководству проект организации деятельности белорусских национал-социалистов, который включат в себе переподготовку военнопленных белорусов и переправку обученных кадров на территорию СССР для ведения диверсионной работы.

Формирование 1-го белорусского подразделения началось весной 1941 г. Первый штурмовой взвод (50 чел) был подготовлен в составе полка «Бранденбург-800». Точно так же немцами готовились десантники Варшавско-Белорусского комитета. В их число включали добровольцев-белорусов из лагерей военнопленных польской армии. Диверсантам поручаюсь проведение диверсий в ближнем советском тылу, истребление командного состава РККА, передача военных сведений по радио. Уже перед началом военных действий против СССР абвер привлек к сотрудничеству грузинских эмигрантов (5-я рота полка «Бранденбург-800»). Согласно секретному распоряжению № 53/41 отдела иностранной контрразведки, немцы готовили силами грузин восстание на территории Грузии. Эта организация разделилась на две агентурные группы: первая — «Тамара-1» (16 грузин для саботажа) и вторая — «Тамара-2» (80 грузин — оперативная группы).

Группы были сформированы во Франции при активном участии руководителя грузинского военного комитета Михаила Кедия. Кроме украинцев, белорусов и грузин абвер использовал и эстонцев. После присоединения Прибалтики к Советскому Союзу многие эстонские военнослужащие оказались в Финляндии. В 1940 г. 2-й отдел абвера направил туда нескольких офицеров эстонцев с целью отбора из их соотечественников наиболее подходящих для работы в разведке. Около 80 эстонцев готовили к заброске в СССР. Для этой цели был организован центр подготовки на полуострове Сека, в 40 км западнее Хельсинки. Предполагалось после первых успехов кампании на Востоке с моря высаживать эстонские диверсионные группы на советскую территорию. Начиная с февраля 1941 г. и до 15 июня диверсионные подразделения

абвера были развернуты против СССР. Штаб-квартирой полка «Бранденбург-800» стали Краков и местечко Аленштайн в Восточной Пруссии.

Глава 10
22 июня 1941 года: начало конца

Гитлер целиком проникся идеей, что его миссия — уничтожить коммунизм прежде, чем тот уничтожит нас. Он считал совершенно невозможным долгое время быть заодно с коммунизмом в России и считал: Германию постигнет экономический крах, если он не сумеет разорвать то железное кольцо, которое Сталин в любой день, когда тот пожелает, может сомкнуть вокруг нас в союзе с западными державами.

Он с презрением отвергал мир любой ценой с западными державами и ставил все на одну карту — на войну! Он знал, весь мир будет против нас, если карта против России окажется битой.

В. Кейтель

1

В 1919 г. Версальский договор официально лишил Германию ее политических и военных позиций передовой державы. В один миг она осталась без армии и авиации.

Однако уже к 1920 г. Германии, благодаря некоторым ее выдающимся генералам и офицерам, удалось сохранить оргядро старой армии, чтобы потом с той известной всему миру легкостью создать сильнейшие в мире вооруженные силы. Но самое главное, — несмотря на Версаль, там смогли в какой то мере сберечь, а затем и поднять высокий моральный дух германского солдата и офицера.

В сущности, путем обмана Версаля и союзников генерал Ганс фон Сект буквально сразу же заложил фундамент тайного рождения новой армии. Весьма кстати для Германии на тот момент пришлась и международная изоляция России… И кто бы что ни говорил, но союз двух стран того времени был взаимовыгодным: Россия, получая иностранный капитал и техническую помощь, могла повышать свою

обороноспособность, а Германия взамен — располагать совершенно секретной базой для нелегального производства оружия, прежде всего танков и самолетов. Не менее важно и то, что Германия получила возможность открывать на территории СССР военные объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава родов войск, которые запрещал Версаль.

Советская сторона была не менее заинтересована в этом, так как участвовала практически во всех немецких военно-промышленных испытаниях и разработках.

Вспомним слова Уборевича, написанные им в 1927 г.: «Немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения». Именно он подчеркивал, что «немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас». Факт в том, что уже в конце 1920-х годов было отмечено: во-первых, рейхсвер приспособился для перехода на большую армию… и во-вторых, для этой цели готовится богатая промышленность Германии. Тот же Уборевич считал, что у немецких военных специалистов можно многому научиться.

Вспомним мнение и другого расстрелянного военачальника — Белова, высказанное им в 1930 г.: «Когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости». И вот еще: «В немецком рейхсвере неисполнения приказа нет».

Вспомним, как на осенних маневрах 1932 г. впоследствии также расстрелянный военачальник Фельдман особо подчеркнул уже тогда огромную массу командирских малых машин, огромную массу специальных машин, быстрое передвижение батальонных пушек на прицепах к автомобилям в разведотрядах, моторизованный тыл и множество машин с радиоустановками. А вот его описание немецкого солдата и офицера: «Внешний вид солдата отличный. Физически крепкая, выносливая молодежь». «Немецкий офицер — профессионал, мастер военного дела: устав и глубокое знание техники и тактики сегодняшнего дня предпочитает высоким проблемам будущей войны». Не без интереса он отметил немецкий военный порядок и организованность.

Отличное впечатление сложилось у Фельдмана от немецких строевых занятий. А отсутствие несчастных случаев на полигоне за год вообще потрясло его!

Но вот наступает 1933 год. Гитлер приходит к власти и импонирует офицерам-аристократам своим отношением к будущему германской армии. Ведь только он пообещал вернуть чувство гордости и прежде всего — военному сословию.

Начиная с осени 1933 г. в германской армии было разрешено отдавать приказы о проведении при необходимости скрытой мобилизации для некоторой части сухопутных сил, а уже весной 1935 г. в Германии было объявлено о создании Вооруженных сил. В этом же году в них насчитывалось более 660 000 легковых автомобилей, более 190 000 грузовых автомобилей и более 980 000 мотоциклов. И это при том, что германская военная промышленность буквально тут же вступила на путь все прогрессирующей мобилизации. Гитлер лично указал ее главное направление: на исключительно военные цели и ведение войны, что требовало лишений в настоящем и благополучия в будущем! Если первые научные исследования в вопросах применения танков были проведены немцами в 1926 г., то в 1933 г. широкий размах получила моторизация всей германской армии. В 1935 г. первая танковая дивизия Германии провела свои учения. Теперь немецкие танковые соединения должны были полностью использовать скорость и радиус действия танков, отказываясь от общемировой концепции сопровождения пехоты. Решение вопросов взаимодействия с другими родами войск придало их задачам и соответствующие средства сопровождения. Гейнц Гудериан пришел к выводу, что танки могут прорвать оборону противника даже без артиллерийской подготовки, если будут соблюдены следующие условия: «движение по удобной местности, внезапность, массированное использование танков». Именно так зарождался блицкриг! А в 1939 г. блестящий успех польской кампании был обеспечен новой тактикой массированного применения танковых и моторизованных соединений, с которой польское командование справиться было не в силах.

Не менее важную роль сыграло рискованное превосходство немцев, лучшее управление войсками, более высокие боевые качества немецких войск, а также их наступательный порыв.

Тот маленький рейхсвер, чудом выживший в 1919 г., не просто оживил «великие немецкие традиции в области обучения и вождения войск», а сумел подняться над вырождением войны в позиционную в пользу маневренной. И, как писал Манштейн, «германской армии удалось с помощью новых средств борьбы снова овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны». И этого нельзя отрицать, потому как еще один секрет успеха германской армии заключался в самостоятельности ее

личного состава — от рядовых до фельдмаршалов.

Таким образом, к июню 1941 г., перед вторжением в Советский Союз, у его границ сосредоточилась чрезвычайно мощная, современная и весьма опытная германская армия. Она представляла собой грозную силу: армию, лучше управляемую, обладающую высокими боевыми качествами, моторизованную, с сильным наступательным духом и самостоятельностью ее бойцов.

За четыре месяца от начала непосредственного развертывания немецких войск у границ СССР (со второй половины 1941 г.) германскому командованию удалось перебросить 95 дивизий. До 21 мая туда прибыли более 45 % дивизий (42 пехотные и 1 танковая), а в завершающий месяц — остальные 55 % дивизий (16 пехотных, 14 танковых, 13 моторизованных и 9 охранных). Кроме того, к 22 июня к советской границе перебазировались 3 дивизии и одна бригада резерва ОКХ.

«В первой половине июня, — пишет М. И. Мельтюхов, — одновременно с завершением стратегического сосредоточения начался вывод войск в 30-км приграничную полосу в исходные районы для наступления. График развертывания предусматривал выход основных сил ударных группировок на линию границы в ночь перед нападением, чтобы они задержались здесь всего лишь на несколько часов. Пехотные соединения начали выдвижение к границе за 12, а танковые и моторизованные — за 4 дня до нападения.

В феврале-мае 1941 г. на Восток были переброшены тыловые части и службы ВВС, а 22 мая — 18 июня — летные части. В течение 21 июня летные части первого удара заняли аэродромы западнее р. Висла, а к вечеру перелетели на полевые аэродромы у границ.

В ночь на 22 июня 1941 г. германское командование завершило все подготовительные мероприятия для осуществления операции „Барбаросса“».

К середине июня 1941 г. вермахт насчитывал 7329 тыс. человек:

3960 тыс. — в действующей армии,

1240 тыс. — в армии резерва,

1545 тыс. — в ВВС,

160 тыс. — в войсках СС,

404 тыс. — в ВМФ,

около 20 тысяч — в инонациональных формированиях.

Информация к размышлению: армия вторжения.

Располагала 208 дивизиями, 1 боевой группой, 3 моторизованными и танковыми бригадами и 2 пехотными полками. Эти войска имели 88 251

орудие и миномет, 6292 танка и штурмовых орудия и 6852 самолета.

В связи с отсутствием сухопутного фронта в Европе Германия смогла развернуть наиболее боеспособную часть своих вооруженных сил на границе с СССР.

Сухопутные войска против СССР выделили 3300 тыс. чел. или 101 пехотную, 4 легкопехотных, 4 горнопехотных, 10 моторизованных, 19 танковых, 1 кавалерийская, 9 охранных дивизий и 5 дивизий и 1 боевую группу СС, а также 1 моторизованную бригаду, 1 моторизованный пехотный полк и сводное соединение СС — всего свыше 155 расчетных дивизий, что составляло 73,5 % их общего количества.

Из четырех штабов групп армий было развернуто три: «Север», «Центр» и «Юг». Из тринадцати штабов полевых армий (61,5 %) восемь, руководивших действиями 34 штабов армейских корпусов из 46 (73,9 %) имевшихся.

У границ СССР Германия сосредоточила 92,8 % частей Резерва Главного Командования, в том числе все дивизионы и батареи штурмовых орудий, три из четырех батальонов огнеметных танков, одиннадцать из четырнадцати бронепоездов, 92,1 % пушечных, смешанных, мортирных, гаубичных дивизионов, железнодорожных батарей, батарей привязных аэростатов, установок «Карл», дивизионов АИР, дивизионов и полков химических минометов, моторизованных разведывательных, пулеметных, зенитных батальонов, зенитных батарей, истребительно-противотанковых и зенитно-артиллерийских дивизионов РГК, а также 94,2 % саперных, мостостроительных, строительных, самокатных батальонов, дегазационных и дорожно-дегазационных отрядов.

Из этих частей РГК 23 % было развернуто в группе армий «Север», 42,2 % — в группе армий «Центр», 31 % — в группе армий «Юг», 31 % — в германских войсках, действовавших в Финляндии, и 0,8 % находилось в резерве ОКХ.

Основной ударной силой на Востоке были 11 моторизованных корпусов из 12 имевшихся в вермахте (91,7 %). Десять из них были к 22 июня объединены в четыре танковые группы…

Кроме того, в составе 11 дивизионов и 5 батарей штурмовых орудий насчитывалось 228 боевых машин, и 18 штурмовых орудий имелось на вооружении моторизованного полка «Великая Германия», лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» и 900-й моторизованной бригады (всего 246 штурмовых орудий).

Таким образом, в составе армии нападения к 22 июня 1941 г. насчитывалось до 3865 танков и штурмовых орудий, а в резерве ОКХ в

Германии находилось 2 танковые дивизии (около 350 танков).

К этому же времени на границе с СССР из 155 дивизий в трех группах армий и армии «Норвегия» находилось 127 дивизий, 2 бригады и 1 полк. В этих войсках насчитывалось 2812 тыс. человек, 37 099 орудий и минометов, 3865 танков и штурмовых орудий.

Военно-воздушные силы Германии развернули для обеспечения плана «Барбаросса» 60,8 % летных частей, 16,9 % войск ПВО и свыше 48 % войск связи и прочих подразделений. Каждая группа армий получила по одному воздушному флоту…

Всего для нападения на Советский Союз германское командование выделило 4050 тыс. человек (3300 тыс. в сухопутных войсках и войсках СС, 650 тыс. в ВВС и около 100 тыс. в ВМФ).

Армия вторжения имела 155 расчетных дивизий, 43 812 орудий и минометов, 4215 танков и штурмовых орудий и 3909 самолетов. Из этих сил на 22 июня было развернуто 128 расчетных дивизий. Германская группировка насчитывала 3562 тыс. человек, 37 099 орудий и минометов, 3865 танков и штурмовых орудий и 3909 самолетов.

По мнению современных германских исследователей, состояние Восточной армии вермахта к 22 июня выглядело следующим образом: «Дивизии с лучшим оснащением были сосредоточены вокруг танковых групп, в то время как между ними и на флангах использовались преимущественно менее боеспособные и малоподвижные дивизии. В целом Восточная армия производила впечатление скорее „лоскутного одеяла“, вопреки очень распространенному в послевоенной литературе суждению, что Гитлер, благодаря гибкой экономике молниеносной войны и ограблению оккупированных территорий, смог мобилизовать против СССР мощную однородно оснащенную армию. Этот сам по себе довольно неожиданный факт объясняется не только имевшимися тогда материальными возможностями германского военного командования, но также и тем, что решение напасть на Советский Союз не было обеспечено соответствующими энергичными мерами в области вооружения. При его производстве германское руководство исходило из того, что сможет имеющимися силами уничтожить военный потенциал СССР в течение нескольких недель».

Словом, качественного превосходства техники, как и ее количественного превосходства, у вермахта не было.

Однако подготовка личного состава и эксплуатация этой техники в вермахте были более высокими, чем в Красной армии. Явным преимуществом вермахта было то, что сосредоточенные для нападения на

СССР войска находились в развернутом состоянии и полной боевой готовности, а Красная армия еще только начала сосредоточение и развертывание войск на Западе.

Общее соотношение сил двух сторон к утру 22 июня 1941 г.:

1) дивизии СССР: — 190; Германия: — 166; соотношение: — 1,1:1;

2) личный состав: — 3 289 851; — 4 327 500; — 1:1,3;

3) орудия и минометы: — 59 787; — 42 601; — 1,4:1;

4) танки и штурмовые орудия: — 15 687; — 4171; — 3,8:1;

5) самолеты: — 10 743; — 4846; — 2,2:1.

2

Всю ночь 22 июня 1941 г. Адольф Гитлер в кабинете рейхсканцелярии диктовал свою речь. Поочередно сменялись его секретарши, а адъютант каждые 15 минут относил машинисткам заполненные под диктовку листы. Только в пять утра фюрер спокойно лег спать, чтобы через три с половиной часа проснуться и с воспаленными глазами, вглядываясь в готовый текст выступления, охрипшим голосом вслух зачитать наиболее значимые и наиболее резкие места из своей речи.

Как всегда, он тренировался в жестах, мимике и, конечно же, в интонациях… В этот исторический для него день фюрер надел серую форму, а затем личный врач сделал ему возбуждающий укол.

Около десяти по берлинскому времени Гитлер выехал в оперу Кроль на заседание рейхстага, где объявил о нападении на Советскую Россию с целью предупредить нависшую над Германией угрозу с Востока. А в одиннадцатом часу об этом узнал весь мир…

В этот же день с щецинского вокзала фюрер вместе с Кейтелем и Йодлем отправился в Восточную Пруссию, в район Мазурских болот. Там в треугольнике Растенбург — Летцен — Ангенбург была расположена его главная ставка «Вольфшанце» («Волчье логово»). Здесь же размещались главная квартира Гиммлера, резиденция Риббентропа, ставка командования сухопутных войск и гостиница «Охотничий дом» для высших чинов германского командования.

Недалеко от «логова» находился железобетонный бункер — КП и штаб ПВО ставки, а также аэродром Гитлера.

Как вспоминал Вильгельм Кейтель, «в огромном лесу расположилась штаб-квартира ОКХ. Главнокомандующий люфтваффе Геринг поставил свой особый поезд в Иоганнесбургском бору, так что все трое

главнокомандующих могли в любую минуту поддерживать между собою и ОКВ устную связь и не позже чем через полчаса (а с помощью самолета „Шторьх“ — и еще быстрее) явиться к фюреру. Кроме лагеря фюрера в собственном смысле слова (заградзона 1) был построен в километре от него специальный лагерь для штаба оперативного руководства вермахта. (…) Ежедневно в полдень у фюрера проходило обсуждение обстановки на основе утренних сводок главнокомандующих видами вооруженных сил, которые, что касалось ОКХ, основывались на итоговых вечерних сводках групп армий. Только командующие войсками в Финляндии, Норвегии и Северной Африке докладывали непосредственно ОКВ и одновременно, в порядке информации, — ОКХ. Обстановку докладывал генерал-полковник Йодль и только потом — главнокомандующий сухопутными войсками со своим начальником генерального штаба Гальдером (обычно же или в его отсутствие — последний)».

Начальник генштаба сухопутных войск Ф. Гальдер 22 июня записал в своем дневнике: «Утренние сводки сообщают, что все армии, кроме 11-й (на правом фланге группы армий „Юг“ в Румынии), перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения наших подвижных частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность».

Не менее интересно свидетельство о первом дне реализации плана «Барбаросса» Эриха фон Манштейна:

«21 июня в 13 ч. 00 м. в штаб корпуса прибыл приказ о том, что наступление начинается на следующее утро в 3 ч. 00 м.

Кости были брошены! (…)

Сначала наши войска непосредственно на границе натолкнулись на слабое сопротивление, по-видимому, вражеского боевого охранения. Но они остановились вскоре перед укрепленным районом, который был преодолен только после того, как в полдень 8-я тд прорвала вражеские позиции севернее Мемеля (Клайпеда).

Уже в этот первый день нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен. Мой адъютант и я много ездили по районам, в которых еще могли находиться части противника, и мы решили не отдаваться живыми в руки этого противника. Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат.

Общее впечатление от противника было такое, что он во фронтовой полосе не был захвачен врасплох нашим наступлением, но что советское командование не рассчитывало — или еще не рассчитывало на него и потому не сумело быстро подтянуть вперед имевшиеся в его распоряжении крупные силы».

В 2 часа 10 минут утра 22 июня 1941 г. Гейнц Гудериан выехал на командный пункт группы и поднялся на вышку в 15 км северо-западнее от Бреста. Дальше происходило следующее: «Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. — первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. (…) В 6 час. 50 мин. у Колодно я переправился на штурмовой лодке через Буг. Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими мотоциклами переправилась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Десна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений вопреки моему указанию бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

В три часа с минутами четыре корпуса 3-й танковой группы Г. Гота, при поддержке артиллерии и авиации, пересекли советскую государственную границу. В первый день плана «Барбаросса» ее наступление проходило строго по плану. «Стратегическое нападение, — вспоминал Г. Гот, — несмотря на сосредоточение больших масс войск вдоль всей советско-германской границы в ночь перед наступлением, увенчалось успехом.

Для 3-й танковой группы явилось большой неожиданностью то, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными. (…)

Обе дивизии 5-го армейского корпуса сразу же после перехода границы натолкнулись восточнее города Сейны на окопавшееся охранение противника, которое, несмотря на отсутствие артиллерийской поддержки, удерживало свои позиции до последнего.

На пути дальнейшего продвижения к Неману наши войска все время встречали упорное сопротивление русских».

Следует отметить, что все немецкие военачальники как один отмечали сильное сопротивление русских и не без иронии удивлялись захвату неповрежденных мостов противника.

Но разве они не знали, что в ночь на 22 июня 1941 г. абвер-группы полка «Бранденбург-800», одновременно появившись на участках Августов — Гродно — Колынка — Рудинка — Сувалки, захватили сразу же десять советских стратегических мостов? А сводная рота батальонов «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» при форсировании реки Сан заняла плацдарм и сумела воспрепятствовать эвакуации и уничтожению документов советских военных и гражданских учреждений в Брест-Литовске и в Литве.

3

В своей книге «Самоубийство» (С. 272) бывший советский капитан Резун с удовольствием пишет: «Министр иностранных дел Риббентроп заявил на процессе, что война Советскому Союзу была объявлена. Советские обвинители это категорически отрицали. Доказательство у советских обвинителей стандартное: а где документ?

Риббентроп: так наш же посол в Москве фон дер Шуленбург ранним утром 22 июня 1941 г. вручил Молотову соответствующие документы!

Наши: не было такого!

Риббентроп: а я, кроме того, лично в тот же момент в Берлине вручил также документы вашему послу Деканозову.

Наши — свое — не было такого. Не можем мы никакого документа найти, а раз так, значит, нам его не вручали, а раз не вручали, значит, война не была объявлена.

И в приговор вписали: „22 июня 1941 года Германия без объявления войны…“»

Ну что тут скажешь? Как всегда, расчет на обывателя. Одно дело, говорил бы Резун, а другое, когда говорит «Суворов», да еще в прошлом отличник боевой и политической, рьяный коммунист. Да вот только аргумент у этого отличника какой-то странный… Как нож в спину. А ведь часто, очень часто он повторяет слово «наши». Да только лондонский пес ему «свой», ибо его правда, как всегда, выглядит обычной мерзостью. И вот почему: 17 июня 1941 г. Гитлер отдал окончательный приказ о нападении на СССР 22 июня в 3 часа 15 минут.

21 июня 1941 г. Молотов пригласил к себе германского посла и вручил ему копию заявления по поводу нарушения германскими самолетами нашей границы.

Шуленбург уклонился от ответа, сославшись на отсутствие информации из Берлина. При том, что 22 июня в 1 ч. 17 мин. он докладывал туда о своем разговоре с Молотовым. И только в 5 ч. 30 мин. утра Шуленбург по поручению своего правительства передал советскому правительству НОТУ. Ту самую, о которой мы уже говорили.

Правда, советский посол в Берлине Деканозов получил меморандум немецкого правительства в 4 часа утра.

Следовательно, в любом случае нападение Германии на Советский Союз началось без объявления войны…

Брестская крепость находилась на направлении главного удара вермахта. Против нее действовали две пехотные дивизии 12-го армейского корпуса (31-я и 34-я) и непосредственно 45-я пехотная дивизия 53-го армейского корпуса противника.

Русский писатель Б. Л. Васильев в избранной публицистике по этому поводу задает один очень существенный вопрос: «Зачем штурмовать старую, не приспособленную к обороне крепость, имеющую считанное количество ворот и, по сути, являющуюся мышеловкой для собственного гарнизона? Да выделите для этого подвижные группы, поставьте против ворот танки или хотя бы кинжальные пулеметы, захватите валы внешнего обвода — и все.

Крепость после этого маневра можно даже не бомбить и не расстреливать артиллерией: ее защитники все равно ничего не могут предпринять. И уж тем более бессмысленно атаковать крепость в лоб с запада: достаточно поставить там заградотряды с подвижными бронерезервами. Немецкие историки и генералы оправдывают безграмотное решение тем, что крепость-де могла держать под огнем шоссе и железную дорогу, но ведь в крепости практически не было сколько-нибудь солидной артиллерии, кроме (…) 131-го артполка,

прижатого к берегу Буга и разгромленного первым же артналетом. Что, германская разведка не знала об этом?

В это нельзя поверить: артиллерийские позиции легко засекаются воздушной разведкой, а ведь немецкие самолеты беспрепятственно летали над нашей территорией, как, впрочем, и наши над территорией потенциального противника. А тут опытнейшие и талантливые военачальники германского вермахта совершают ошибку, за которую им пришлось дорого заплатить.

Нет, тут дело не в безопасности дорог и даже не в ошибках, недопустимых для боевых офицеров. Существовала какая-то особая причина, заставившая виднейших полководцев вермахта — командующего армейской группой „Центр“ фельдмаршала фон Бока, командующего 4-й армией фельдмаршала фон Клюге и командующего 2-й танковой группой генерал-полковника Гудериана (имена-то какие!) — пойти и против законов военного искусства, и против собственного богатого опыта, и даже против элементарного здравого смысла: отдать приказ о штурме крепости в лоб. И такая причина есть».

А вот вам и простой ответ: «Дело в том, что задача захвата крепости возлагалась на 45-ю пехотную дивизию. Это была далеко не обычная дивизия: она комплектовалась из жителей Верхней Австрии, то есть земляков самого фюрера Адольфа Гитлера. Она первой вошла в Варшаву, первой — в Брюссель и первой — в Париж; немцы уже привыкли к тому, что ее марш открывал парады в побежденных столицах Европы. Захват Бреста давал немного пищи для восторга: немцы уже привыкли к победам и более крупного масштаба. Но захват именно 45-й дивизией первой советской „крепости“ для геббельсовской пропаганды мог оказаться сенсацией: ведь обыватель само название „крепость“ воспринимает с ликованием, что позволило бы притушить сомнения тех немцев, которые по личному опыту знали, что с Россией лучше не связываться».

Но именно такой была вся война Германии против России, когда серия сенсаций должна была, разрушив великое государство, потрясти весь мир и все человечество. Но именно оборона Бреста предсказала поражение Гитлера!

* * *

По мнению Гейнца Гудериана, Гитлер «ясно осознавал ту опасность, которая нависла над Европой и всем Западом со стороны коммунизма,

который нашел свое воплощение в Советском Союзе и который стремится к мировому господству. Он знал, что такого мнения придерживается большинство нашего народа, даже очень многие порядочные европейцы во всех странах. Совсем другим вопросом являлась выполнимость этих его идей в военном отношении.

Он все больше и серьезнее начинал думать о планах войны с Россией. Но его необыкновенно богатая фантазия приводила к тому, что он недооценивал всем известную мощь Советской державы. Гитлер утверждал, что моторизация наземных и воздушных сил открывает новые перспективы на успех, которые нельзя сравнить с перспективами, имевшимися когда-то у шведского короля Карла XII и Наполеона. Он утверждал, что мы можем рассчитывать на то, что при успешном нанесении первых ударов по противнику его советская государственная система рухнет. Он надеялся далее, что русский народ воспримет тогда идеи национал-социализма. Но когда началась война, случилось много такого, что помешало этому повороту. Плохое обращение с населением оккупированных областей со стороны высших партийных инстанций, стремление Гитлера распустить русскую империю и присоединить к Германии большую часть территории России — все это сплотило всех русских под знаменем Сталина. Они сражались против иностранных захватчиков за „матушку Русь“. Одной из причин этого являлось неуважение других рас и народов. (…)

Война в России сразу же выявила истинные силы и потенциальные возможности Германии. Но Гитлер не сделал из этого соответствующего вывода, он и не думал о приостановлении или, на плохой конец, об ограничении военных действий; он продолжал свою безрассудную авантюру. Гитлер хотел добиться низвержения России беспощадной жестокостью».

Эрих фон Манштейн, касаясь в своих воспоминаниях оперативных целей Гитлера в войне с Советским Союзом, писал: «Они в значительной степени обусловливались политическими и военно-экономическими соображениями. (…)

Безусловно, политические, а в настоящее время прежде всего военно-экономические вопросы играют существенную роль при определении стратегической цели войны. Но Гитлер не учитывал следующего обстоятельства: захват и особенно удержание территории должны иметь предпосылку — победу над вооруженными силами противника. Пока этот военный фактор не достигнут, занятие ценных в военно-экономическом отношении районов, то есть достижение территориальной цели войны,

остается сомнительным, а их длительное удержание — невозможным. Об этом наглядно свидетельствует война с Советским Союзом. Тогда еще не было, возможно, как теперь, видов оружия дальнего действия, способных настолько разрушить военную промышленность и сеть коммуникаций противника, чтобы его вооруженные силы оказались не в состоянии продолжать борьбу».

Рейнхард Гелен до конца своих дней был убежден, что «военная цель кампании 1941 года могла бы быть достигнута, если бы не пагубное вмешательство Гитлера в военные дела (…). Но фюрер не видел никакой альтернативы и добивался лишь одного — завоевания жизненного пространства. Такой замысел вел к полному уничтожению России как государства, а не к политическому решению, к которому стремились мы и которое предусматривало существование российской державы. Даже после поражения в зимней кампании 1941/1942 года наше положение ни в коем случае не было безнадежным. Более того, если бы мы действовали благоразумно, то сумели бы избежать гибельного конца. А благоразумие заключалось в первую очередь в том, что следовало бы признать: Россию с ее громадной территорией, богатыми сырьевыми ресурсами и многочисленным населением можно было победить, а лучше сказать, — освободить от коммунизма, лишь с помощью самих русских».

Что ж, так считал не только Гелен. Еще до начала плана «Барбаросса» многие специалисты по России в Германии, в том числе и сам Канарис, были убеждены, что «войну с Советским Союзом нельзя было выиграть без политики, основанной на освобождении населяющих его народов от большевизма, и без аграрной политики, в основе которой лежит крестьянское частное владение землей».

Но Гитлер никогда бы не был Гитлером, если бы согласился со всеми этими весьма авторитетными мнениями. У него была своя идея, свой собственный план и отступать от него ни на йоту никогда не собирался. Ибо верил в свою миссию, а у него для этого было все….

Когда 30 марта 1941 г. фюрер выступил в Имперской канцелярии в Берлине перед своими высшими офицерами всех родов войск, то более чем за два часа смог объяснить им свою главную цель в войне с Россией. Очевидец Гальдер зафиксировал для истории основные положения этой речи: «Наши задачи в отношении России: вооруженные силы разгромить, государство ликвидировать… Борьба двух мировоззрений. Уничтожающая оценка большевизма: это все равно что антиобщественное преступление. Коммунизм — чудовищная опасность для будущего. Нам не следует придерживаться тут законов солдатского товарищества. Коммунист не был

товарищем и не будет. Речь идет о борьбе на уничтожение.

Нужно бороться с ядром разложения. Это не вопрос военных судов.

Войсковые начальники должны знать, о чем тут идет речь. Они обязаны руководить этой борьбой…

Комиссары и люди из ГПУ — это преступники, так с ними и следует обращаться… Это война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке же жестокость — это благо для будущего. От командиров требуется жертва — отбросить все сомнения».

Отметим, что все в ней четко и ясно: война на уничтожение, в которой жестокость — благо. Армию разгромить, а государство ликвидировать. Не более и не менее! Для этого он и соединил обычную военную кампанию со своей идеологией фашизма, обратив ее в совершенно новую войну, где за вермахтом и войсками СС шагали по крови айнзатцгруппы, сформированные из личного состава полиции безопасности и СД.

До сих пор многие историки подсчитывают и раскрывают фатальные ошибки Гитлера. Но абсолютно никто не хочет понять простой истины, что в главной его ошибке — походе на Восток — и заключалась одна из его священных идей, к которой он шел двадцать лет. Недооценивать Гитлера — значит недооценивать природу возникновения такого рода личностей в истории. Возможно, Гитлер был не знаком с трудами Клаузевица, но вряд ли не знал: «Наступление не может быть продолжено в непрерывной последовательности до полного его завершения, оно требует остановок, и в течение этих перерывов, когда оно само оказывается нейтрализованным, естественно наступает состояние обороны.

Во-вторых, пространство, которое оставляют позади себя наступающие войска и использование которого безусловно необходимо для их существования, не всегда бывает прикрыто самим наступлением и требует особой защиты.

Следовательно, акт наступления на войне, с точки зрения стратегии, является постоянной сменой и сочетанием наступления и обороны, причем оборона не должна рассматриваться как действительная подготовка к наступлению, повышающая его напряжение. Оборона при наступлении не представляет собою действующего начала, напротив, она — неизбежное зло, тормозящее усилие, вызываемое инертностью массы; оборона — это первородный грех, смертное начало для наступления. Мы сказали „тормозящее усилие“, так как оборона, ничем не способствуя усилению наступления, ослабляет его действие уже одной вызываемой потерей времени».

Следовательно, разве можно назвать величайшей стратегической

ошибкой Гитлера стремление добраться в 1941 г. до линии Архангельск — Каспийское море? Теоретически — да, а практически — нет! Ведь подпоркой наступающих фашистских войск была не просто расовая теория или «Зеленая папка», а реальный механизм грабежа порабощенного народа и бесчеловечного и беспрецедентного уничтожения миллионов. Но именно вермахт не оправдал своего предназначения. В ходе войны фюрер отправил в отставку 3 командующих армиями, 4 начальника генштаба, 14 из 18 фельдмаршалов и 21 из 37 генерал-полковников.

Ведь это был Крестовый поход, но не против большевизма, как об этом говорилось, а прежде всего против русских «недочеловеков». И возглавил его тот, кто смог, не имея элементарного образования, в звании всего-навсего ефрейтора, «взять в руки» немецкую нацию и вернуть ей былое самосознание. Кто за 14 лет смог стать во главе целого европейского государства, а за 12 лет придать миру новый облик и покорить Европу! Гитлер «сам придавал событиям их направление, масштабы и радикальность. Благоприятствовало ему при этом то, что его мысли не были отягощены какими-либо предварительными условиями и что буквально все — антагонизм, противников, партнеров, нации, идеи — он столь же хладнокровно, как и маниакально подчинил своим чудовищным целям». Он непрерывно выбрасывал гигантскую энергию, осознавая ее воздействие на окружающих в виде огромного и беспримерного страха. А ведь вся его теория была построена на «ничтожности отдельно взятого человека». Но самое удивительное открытие — когда стало очевидно, «что без катализирующей силы Гитлера не было бы ничего, а без личного присутствия великого „фюрера“ мгновенно рухнуло все: воля, цель, сплоченность». Именно такой человек с помощью своей армии и СС вполне мог уничтожить Россию, но именно Россия стала его личной катастрофой. В сущности, вся политическая деятельность Гитлера была построена на стремлении к чуду и его ожиданию. Но ведь никто не станет отрицать сегодня, что это чудо всегда находило свое реальное воплощение.

С провалом Восточной кампании в итоге пришло и поражение Германии, когда «призрак фюрера» исчез в никуда, унеся вместе с собой бред национал-социализма. В один миг исчезло целое явление и словно не осталось глубоких корней фашизма. Так страшное движение обратилось в блеф. Так ушел мир неограниченной власти, грубой силы и плодородной почвы для тяжких преступлений, где удовольствие от убийства раба оценивалось по достоинству и культивировалось как героизм. Где освобождение человека от доброты и нежности, от жалости и уважения становилось аксиомой. Но как пишет И. Фест, «поскольку фашизм уходит

своими корнями в чувство кризиса эпохи, он останется латентным и найдет свою смерть только вместе с самой эпохой».

Вместо заключения

В 1995 г. почти за 3 миллиона долларов немецкий адвокат Юрген Райгер приобрел усадьбу Сэтеби, что расположена недалеко от «деревенек Тидан и Мохольм, затерянных среди лесов и полей Центральной Швеции. Она включает двухэтажный дом XVIII века с флигелями, множество хозяйственных построек и домики для гостей, а также 650 гектаров полей и лесов». Здесь шестидесятилетний юрист упрямо проводит свой грандиозный эксперимент по размножению нордической расы, или эсэсовскую программу «Лебенсборн» («Источник жизни»).

К слову, в 1980-е он выступал защитником многих нацистских преступников. Тогда же и познакомился с неким учителем из Бремена — Вильгельмом Тейтеном. После войны бывший эсэсовец разбогател на биржевых махинациях и под старость «создал фонд своего имени с капиталом в несколько десятков миллионов долларов, цель которого — осуществление демографической программы для идеологически проверенных представителей нордической расы». Юрген Райгер стал в этом фонде распорядителем.

А. Смирнов в статье «Дети фюрера» пишет: «Вскоре „демографический“ счет стал пополняться крупными пожертвованиями, чаще всего анонимными. Некоторые исследователи считают, что так начали работать деньги Третьего рейха, укрытые накануне разгрома на номерных счетах в швейцарских банках».

«Первые шаги Вильгельма Тейтена на ниве размножения нордических гомо сапиенсов оказались неудачными. Он начал с набора суррогатных матерей для бездетных нацистских пар. В Германии подобная деятельность запрещена, и потому было решено открыть „Фонд Вильгельма Тейтена по воспроизводству“ в Великобритании. Там же была приобретена небольшая ферма для встреч „суррогаток“ с заказчиками. Но британские СМИ узнали о том, что бывший военный противник намерен использовать подданных Ее Величества для пополнения рядов бойцов будущих войн, разразился скандал, и деятельность в Великобритании пришлось свернуть».

Спасая программу, Юрген Райгер «для помощи стремящимся к размножению арийцам» приобрел бывшие армейские бараки в Нижней Саксонии. Но и там возникли проблемы. Тогда «необыкновенный» юрист обратил внимание на Швецию. Она избежала ужасов Второй мировой войны, а ее уголовное законодательство крайне либерально. Все это

привело к тому, что Швеция стала европейским центром по производству «арийской» музыки и литературы, которые отсюда расходятся по всему миру. Кроме того, идеологических наследников фюрера Третьего рейха привлекал добротный скандинавский генетический материал, который можно было взять за основу при «строительстве» новой расы белых гигантов.

Не это ли тот самый латентный фашизм?

Прошлогодняя тегеранская конференция, отрицающая холокост, стала одним из самых скандальных событий новейшей истории.

Цинизм ревизионистов холокоста заключается в том, что они не отрицают массового преследования евреев исключительно по национальному признаку. Но при этом категорично заявляют: «Немецкие фашисты, хотя и лишали евреев свободы, но никакой программы по их уничтожению не имели: руководство Третьего рейха планировало лишь тотальную депортацию евреев из Европы после окончания войны в Палестину либо на Мадагаскар, для чего и собирали их в концлагерях». Не менее гнусно и то, что ревизионисты основную массу погибших евреев относят к умершим «от голода, тифа и бомбардировок союзников наряду с заключенными других национальностей». Они отрицают сам факт целенаправленного убийства евреев в газовых камерах, как и само существование газовых камер. По их утверждению, «все выдаваемое за газовые камеры является техническими сооружениями иного назначения». А сам холокост — «банальное мошенничество»! Так как «был использован в пропагандистских целях как аргумент для создания государства Израиль. Народу, пережившему такую трагедию, необходима территория, где он мог бы чувствовать себя в безопасности».

Не это ли тот самый латентный фашизм?

В своем завещании Гитлер ко всему прочему добавил: «Усилия и жертвы немецкого народа в этой войне были так велики, что я не могу поверить, что они могли быть напрасными. И впредь должно быть целью завоевание немецкому народу пространства на Востоке».

А теперь перенесемся в современную Россию. «По данным информационно-аналитического центра „Сова“, численность праворадикальной молодежи (фашистов, скинов и разнообразных наци) в России — от 60 до 70 тысяч человек. Это те, кто „сочувствует“ националистическим идеям: кто-то ходит на концерты „своих“ групп, кто-то ведет войну в Интернете. Другие воюют на улицах. У них есть свои сайты и свои издательства, свои депутаты в Государственной Думе и в органах местного самоуправления и сочувствующие в органах внутренних

дел и спецслужбах, которые иногда используют их для проведения политических провокаций.

Количество преступлений на национальной почве за последнее время возросло почти вдвое. Большая часть нападений происходит в обеих столицах — Москве и Санкт-Петербурге. Здесь же и больше всего активных ультра: в Москве — примерно 1000 бойцов, по стране — 3000. Они вооружены, обучены, имеют свою разведку и контрразведку, „крыши“ и информаторов. У них выработались свои тактика и стратегия, свой ритуальный почерк убийства — удар ножом в горло. <…>

По словам главы МВД Рашида Нургалиева, на милицейском учете — около 150 молодежных экстремистских группировок. По оценкам министра, в них состоят более 10 тысяч человек. Правда, в число экстремистов милиция чаще записывает представителей оппозиционных объединений. И неохотно возбуждает дела по преступлениям на национальной почве, предпочитая маскировать под „хулиганку“ даже убийства. Судебная практика — также в пользу нацистов: часто решения судов оказываются мягче, чем требует того Уголовный кодекс. <…>

Теперь в стенах Госдумы радикальные организации проводят свои мероприятия (презентации книг, доклады нацистов по молодежной политике в присутствии вице-спикера), а сами депутаты <…> вступаются за уличных бойцов», — сообщает «Новая газета».

А это значит: Гитлер снова идет на Россию!

Приложение

1

Из обзора мероприятий германских властей на временно оккупированной территории, подготовленного на основе трофейных документов, иностранной печати и агентурных материалов, поступивших с июня 1941 по март 1943 г.

«(…) Перспективная программа

Экономические планы, развиваемые в выступлениях фашистских главарей, а также в немецких экономических журналах, неизменно связываются с бредовой идеей завоевания Восточной Европы и превращения этой части континента во внутреннюю колонию „великогерманской империи“. Немецкая печать пропагандирует следующую откровенно империалистическую программу: покрытие ущерба, причиненного войной, и дальнейшее обогащение Германии будет происходить главным образом за счет интенсивной эксплуатации неисчерпаемых русских естественных богатств и рабочей силы. Обильный поток дешевого русского хлеба и продовольствия коренным образом обеспечит снабжение населения Германии, а обладание сырьевыми ресурсами оккупированных областей сведет к минимуму зависимость германской промышленности от импортных поставок. С другой стороны, восточная колония явится весьма емким и монопольным рынком сбыта германской промышленной продукции. Исходя из этих установок, экономический профиль, намеченный немецкими экономистами для оккупированных областей СССР, характеризуется резким преобладанием сельского хозяйства и добывающей промышленности над всеми видами обрабатывающей индустрии. В связи с этим предполагается частичное перемещение местного населения из города в деревню, а также вывоз рабочей силы в Германию.

Предполагается, что капиталы, накопленные за время войны крупными германскими фирмами, а в будущем и мелкие массовые сбережения найдут при посредстве банков и акционерных обществ весьма выгодное применение в освоении и эксплуатации „восточного пространства“.

Одним из центральных пунктов фашистской экономической и политической программы является то, что „избыточное население“ Германии получит на Востоке в собственность земельные наделы и непритязательных сельскохозяйственных рабочих. В первую очередь землей в оккупированных областях предполагается наделить немцев, переселенных перед войной из СССР в Германию, затем участников войны и заслуженных национал-социалистов. Таким образом, предполагается создать слой землевладельцев-колонизаторов, который явится господствующим социальным элементом и политической опорой гитлеровского режима на Востоке. Это первоочередная категория в общем континенте немецких колонистов должна, по расчетам гитлеровцев, составлять не менее одной трети; приблизительно такую же долю должны составлять ремесленники, до 15 % — торговцы и до 20 % — различные германские руководители и чиновники.

В Германии считается, что основными типами хозяйственных единиц на Востоке станут частновладельческие поместья и предприятия, а также акционерные общества, действующие под наблюдением государственных регулирующих органов. Частная предпринимательская инициатива в речах и писаниях немецко-фашистских политиков и экономистов принципиально противопоставляется советскому экономическому строю и принимается основной движущей силой хозяйственной жизни.

В прессе, предназначенной для широких кругов, богатства оккупированных областей объявляются общеевропейским достоянием. С помощью этой приманки предполагается еще полнее использовать в интересах Германии денежные, материальные и людские ресурсы малых государств, втянутых в орбиту германской экономики. В Голландии, Венгрии и Бельгии с этой целью организованы торговые, промышленные и колонизационные общества (…).

Универсальные возможности, якобы открывающиеся на Востоке, дают повод немецкой печати и фашистским главарям все чаще и настойчивее повторять, что главная перспектива экономического и политического развития Германии окончательно перемещается с Запада на Восток. По мере приближения решающей фазы войны в фашистской публицистике все истеричнее звучит тезис о том, что существование Германии как мировой державы и будущее благосостояние немецкого народа якобы зависят в первую очередь от удержания и освоения оккупированных областей на Востоке».

2

СПРАВКА

О массовых расстрелах немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии на улицах города Смоленска в октябре месяце 1941 года.

После освобождения 25 сентября 1943 года города Смоленска от немецко-фашистских захватчиков жители города Смоленска… сообщили Комиссии о массовом зверском расстреле немецкими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, совершенном ими в ночь на 20 октября и днем 20 октября 1941 года на главных улицах города: Советской, Рославльском шоссе и Киевском шоссе, и одновременно указали места, где немцы зарыли расстрелянных.

Допросом 20 свидетелей факты, приведенные в заявлениях, подтвердились. Кроме того, по указанию очевидцев, в Сосновском саду (около крепостной стены в центре города) обнаружена могила размером 55×5 м, во дворе Дома Красной Армии трупы были зарыты в окоп размером 20×3 метра.

…Всего в ночь на 20 октября и днем 20 октября 1941 года немецкие захватчики расстреляли не менее 5000 человек пленных бойцов и командиров Красной Армии.

Из показаний свидетельницы Агафоновой Пелагеи Лаврентьевны от 9.10.1943 г.:

«Пленных бойцов и командиров Красной Армии немцы ночью гнали через город Смоленск по Московской и Советской улицам. В центре города немцы устроили расстрел военнопленных. Всю ночь были слышны выстрелы из автоматов и душераздирающие крики о помощи, но выйти и посмотреть было невозможно, так как хождение по улицам города в ночное время каралось расстрелом. Рано утром я вышла посмотреть. На Советской улице увидела трагическую картину: на протяжении примерно 2-х километров по всей Советской улице и далее по обеим сторонам дороги лежали трупы с разбитыми головами и обезображенными лицами.

Около здания Сбербанка на Советской улице стояли две большие грузовые немецкие автомашины, нагруженные выше кузова трупами военнопленных, расстрелянных немцами, кровь из автомашин стекала на тротуар и дорогу, где стояли лужи крови. Подбор трупов и погрузку на автомашины производили русские военнопленные».

Из показаний свидетеля Тихонова Якова Григорьевича от 10.10.1943 г.:

«В октябре месяце 1941 г., не помню, какого числа, по городу ночью гнали большую группу военнопленных. Когда пригнали в центр города, то учинили кровавое побоище по всем главным улицам: Советской, Рославльской, Киевское шоссе, Дзержинской и другим, в упор расстреливали военнопленных и избивали прикладами. Всю ночь были слышны из квартиры автоматная стрельба, стоны и крики военнопленных. Утром выстрелы и стоны военнопленных утихли, я вышел из квартиры и, проходя по площади Смирнова, видел по всем улицам лежавших расстрелянных военнопленных красноармейцев, кровью были залиты все главные улицы. После расстрела немцы выводили из лагерей военнопленных и весь день убирали с улиц расстрелянных. Всего в одну только ночь немцами было расстреляно на улицах не менее 5000 человек».

3

Результат тотального грабежа России (в основном книжные потери)

«Новгород: из 88 историко-художественных сооружений остались без больших повреждений только 2. Из Новгородского музея немцами вывезено 100 000 книг (вернулось только 30 000), среди них — редчайшие, старинные, в том числе рукописные. Из собора Св. Софии — манускрипты, редкие книги.

Псков: вывезены безвозвратно древнейшие манускрипты, грамоты.

Ленинград и его пригороды: сожжены и разрушены 101 музей, 15 церквей, костел, синагога. Уничтожено более 2 910 000 томов книг.

Петродворец: вывезено, разрушено, сожжено все, до чего дотянулись руки захватчиков, в том числе „Самсон, раздирающий пасть льву“, группа Нептуна, статуи Каскадов и т. д., включая Большой Дворец. Среди потерь — свыше 40 000 ценнейших книг.

Павловск: вывезена библиотека Павла Первого, картины, гравюры, рисунки. Сожжена библиотека В. Росси.

Пушкин: из Екатерининского и Александровского дворцов вывезены в Германию библиотеки их владельцев — 35 000 прекрасных книг, в том числе рукописей и других раритетов.

Из 180 220 экспонатов Петродворца, Павловска и Гатчины вывезено или погибло — 116 346.

Смоленск: разграблено 4 музея, а также знаменитое имение княгини Тенишевой — Талашкино.

Разрушен Ново-Иерусалимский монастырь, „чудо русского искусства“, как называл его И. Э. Грабарь.

В Тверской области: сожжены, разграблены, пострадали от бомбежек Торопецкий, Старицкий, Новоторжский, Кимрский, Максатинский музеи.

Уничтожены музеи в Твери, Рязани, Курске, Калуге, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Вязьме, Ржеве, Гжатске, Юрьеве, Тихвине, Белгороде, Острове и других городах России.

Областные библиотеки полностью уничтожены в Воронеже (400 000 томов), Ростове-на-Дону (300 000), Курске, Твери, Смоленске.

Из Воронцовского дворца в Алупке вывезено 1269 экспонатов (не считая 3607 томов из блистательной графской библиотеки).

При бомбежке погибла подготовленная к эвакуации Симферопольская картинная галерея — 1983 экспоната.

Погибли уникальные книги из Бахчисарайского дворца-музея, в том числе изумительные рукописные Кораны XIV–XVIII вв. из мечети Джума-Джани и другие рукописи на сумму (по оценке тех лет) 5 млн золотых рублей.

Керчь: от немецкого фугаса погибло 18 ящиков экспонатов историко-археологического музея. 45 ящиков Керченского музея отправлено в Германию.

Феодосия: наиболее ценные из 1500 экспонатов, 2400 античных и средневековых монет, 3000 книг по искусству и археологии отправлены в Германию, остальное — разграблено немцами.

Севастополь: оккупантами расхищено и погублено 310 живописных работ, 300 гравюр и рисунков, 150 скульптур, свыше 1100 ценных книг.

По подсчетам Комитета по делам искусств РСФСР, только из девяти музеев Крыма и Юга России (Ростов, Курск, Краснодар) немцы изъяли 5630 наиболее ценных объектов.

Киев: из Киево-Печерской лавры вывезены грамоты гетманов, архивы киевских митрополитов, акты и рукописи XV–XVIII вв., книги Всеукраинской библиотеки, библиотеки самого монастыря, личной библиотеки митрополита Петра Могилы. Погибли материалы ЦГИА и Архива древних актов. Вывезены большинство музеев АН УССР. Из библиотеки АН УССР вывезено 320 000 ценных и редких книг и рукописей на разных языках. Всего из киевских библиотек изъято свыше 4 млн книг. Из окон здания Наркомпроса были выброшены десятки тысяч книг. Уходя из города, немцы подожгли библиотеку имени ВКП(б), где сгорело 1 млн

книг, и подорвали Киевский университет, где от пожара погибло около 2 млн книг.

Харьков: вывезено несколько тысяч наиболее ценных книг из библиотеки имени В. Г. Короленко, остальными замостили улицу для удобства проезда.

Чернигов: от немецких фугасов сгорело более 1 275 000 дел в фондах госархива и 102 000 томов библиотеки.

Всего в библиотеках Украины погибло и было разграблено немцами свыше 50 000 000 книг.

Оценивая все происшедшее в республике, митрополит Киевский и Галицкий Николай сказал в те годы: „… Никогда не забудут этого злодеяния не только украинский и русский народ, но и все человечество во всем мире“.

Минск: из Государственной библиотеки имени Ленина вывезены 40 000 редких книг. Из библиотеки АН БССР — 30 000, затем библиотека была сожжена по приказу представителя розенберговского зондер-штаба Маха. В 1944 г. рабочая группа „Центр“ сообщала, что собрано для вывоза 4 млн книг и половина их уже отправлена.

Вывезена ценнейшая библиотека князей Радзивиллов из Несвижа: 20 000 редчайших книг.

Витебск: вывезено 32 вагона архивных дел. При этом фонды Радзивиллов и Паскевичей были просто выброшены во двор».

4

Как кормили военнопленных: (а) Германия и б) СССР)

а) 8 октября 1941 г. верховное командование сухопутных сил подготовило документ о норме питания советских военнопленных, если это вообще можно назвать нормой:

При использовании на работах (в лагере для военнопленных и вне его) в рабочей команде, включая сельское хозяйство (на 28 дней): хлеба — 9 кг, мяса — 800 г., жиры — 250 г., сахар — 900 г.

Процент по сравнению с нормой для несоветских пленных: хлеба — 100, мяса — 50, жиры — 50 (в среднем), сахар — 100.

В лагерях военнопленных, но на менее значительных работах: хлеба — 6 кг (66 %), мяса — 0 (0 %), жиры — 440 г (42 %), сахар — 600 г (66 %).

Примечание: Если снижается норма для несоветских военнопленных,

то соответственно снижается норма и для советских военнопленных.

Для восстановления работоспособности.

Если состояние питания в лагерях военнопленных, поступивших в лагеря в районе оперативных действий, требует, по мнению лазаретного врача, для восстановления работоспособности и предотвращения эпидемий, добавочного питания, то каждому выдается на 6 недель:

до 50 г — трески в неделю,

до 100 г — искусственного меда в неделю,

до 3500 г — картофеля.

б) Нормы суточного довольствия военнопленных в начале 1943 г. были уточнены и объявлены приказом НКВД СССР № 00488 от 16 марта 1943 г. «О порядке обеспечения лагерей НКВД военнопленных и спецконтингентов». Согласно этому приказу нормы суточного довольствия военнопленных стали дифференцированными. В них входили все необходимые продукты: хлеб, мясо, рыба, овощи, специи, чай, крупы, масло, сахар и т. п. (всего не менее 20 наименований).

Например, нормы хлеба на военнопленного:

Содержание на гауптвахте — 300 г,

Выполнившие рабочие задания на 50 % — 400 г,

Выполнившие рабочие задания на 50–80 % — 500 г,

Выполнившие рабочие задания на 80–100 % — 600 г,

Лица офицерского состава и другие, выполнившие рабочие задания на 100–125 % — 700 г,

Выполнившие рабочие задания на 150 % — 900 г.

В соответствии с требованиями международных конвенций об обращении с военнопленными было определено и денежное довольствие, нормы которого объявлялись приказом НКВД СССР № 001155 от 5 июля 1942 г. Они составляли: 10 рублей — для рядового и унтер-офицерского состава, 15 — для среднего командного состава, 25 — для старшего командного состава и 50 рублей — для высшего командного состава.

Согласно «Положению о военнопленных» от 1 июля 1941 г. больные и раненые приему в лагеря НКВД СССР от частей Советской армии не подлежали. Для их лечения были созданы специальные госпитали в системе НКО СССР и Наркомздрава СССР.

5

Из положения о военнопленных (утверждено

постановлением СНК СССР № 1798-800 с от 1.07.1941 г.)

…2. Воспрещается:

а) оскорблять военнопленных и жестоко обращаться с ними;

б) применять к военнопленным меры принуждения и угрозы с целью получения от них сведений о положении их страны в военном и иных отношениях;

в) отбирать находящиеся при военнопленных обмундирование, белье, обувь и другие предметы личного обихода, а также личные документы и знаки отличия.

Ценные вещи и деньги могут быть изъяты у военнопленных на хранение под официальные квитанции уполномоченных на то лиц…

9. Военнопленные обеспечиваются жилыми помещениями, бельем, одеждой, обувью, продовольствием и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием по нормам, установленным Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных.

Список предметов и продуктов снабжения военнопленных с указанием норм и выдачи их вывешиваются на видном месте в бараках, госпиталях и других помещениях, где размещены военнопленные. Получение военнопленными продовольственной и иной помощи со стороны не должно вызывать уменьшение видов довольствия, получаемого ими за счет государства.

10. Военнопленные офицеры и другие приравненные к ним лица размещаются отдельно от других военнопленных и обеспечиваются жилыми помещениями, одеждой, бельем, обувью, продовольственными и другими предметами первой необходимости, а также денежным довольствием по установленным нормам…

13. Военнопленным предоставляется право:

а) при первой возможности сообщить на родину о своем нахождении в плену;

б) приобретать за свой счет продукты, одежду, белье, обувь и другие предметы личного обихода и первой необходимости;

в) беспошлинно, безлицензионно и без уплаты акцизов получать с родины и из нейтральных стран посылки с продовольствием и продуктами, одеждой и прочими предметами первой необходимости;

г) получать с родины и из нейтральных стран денежные переводы…

6

Пример немецкого обращения с русскими Военнопленными

В середине января 1943 г. наши войска захватили у села Алексеевка под Сталинградом пересыльный лагерь военнопленных «ДУЛАГ-205».

По факту обнаружения тысяч трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода, Главное управление «Смерш» произвело расследование.

Так, бывший офицер контрразведки (абвер-офицер) при лагере «ДУЛАГ-205», капитан, 1891 г. рождения, уроженец гор. Франкфурт-на-Майне, из семьи чиновника, член национал-социалистической партии с 1933 г., Лянгхельд Вильгельм на допросе 1 сентября 1943 г. показал: «Немецкое командование рассматривало русских военнопленных как рабочий скот, необходимый для выполнения работ.

Русских военнопленных, содержащихся в Алексеевском лагере „ДУЛАГ-205“, как и других немецких лагерях военнопленных, кормили впроголодь лишь для того, чтобы они могли на нас работать.

…В Германской армии по отношению к русским существовало убеждение, являющееся для нас законом: „Русские — неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России…“

Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, с тем чтобы предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления после установления нового порядка в России. Этим объясняется, что в Алексеевском лагере, рассчитанном на 1200 человек, было заключено до 4000 советских военнопленных, размещенных в невероятной тесноте и в жутких антисанитарных условиях».

С 5 декабря 1942 г. смертность среди военнопленных от голода достигла 50–60 человек в день, и к моменту освобождения лагеря советскими войсками погибло около 3000 человек.

Далее Лянгхельд показал: «Обыкновенно я избивал военнопленных палками диаметром 4–5 см, но это было не только в Алексеевске. Я работал в других лагерях военнопленных: в Дарнице близ Киева, Дергачах близ Харькова, в Полтаве и в Россоши.

Во всех этих лагерях практиковалось избиение военнопленных…

…В Полтавском лагере германские солдаты из числа охраны стреляли

из мелкокалиберных винтовок в военнопленных за то, что они мочились не в том месте, где это было предусмотрено».

А вот показания военнопленного из лагеря у села Алексеевка А. А. Алексеева: «…В лагере была большая смертность, причиной этому было следующее: военнопленным за все время моего пребывания в лагере вовсе не выдавалось хлеба, воды… Вместо воды выгребали грязный окровавленный снег в зоне лагеря, после чего были массовые заболевания военнопленных.

Медицинская помощь отсутствовала. Я лично имел 4 раны и, несмотря на мои неоднократные просьбы, помощь оказана не была, раны гноились… Спали на земле в грязи, от холода согреться абсолютно не было места. Валенки и теплую одежду у военнопленных отбирали, взамен давали рваную обувь и одежду, снятую с убитых и умерших.

Многие из военнопленных, не перенеся ужасов обстановки лагеря, сошли с ума. Умирало в день по 150 человек, а в первых числах января 1942 г. в один день умерло 216 человек, о чем я узнал от работников санчасти лагеря.

Немецкое командование лагеря травило военнопленных собаками-овчарками. Собаки сбивали с ног ослабевших военнопленных и таскали их по снегу, а немцы стояли и над ними смеялись. В лагере практиковались публичные расстрелы военнопленных…»

7

Из документа ОКВ 73 управления общих дел Главного штаба вооруженных сил
№ 389/42 от 24.3.1942 г.
(обращение с военнопленными вообще)

«Большевизм — смертельный враг национал-социалистической Германии. Советского солдата следует рассматривать как носителя большевизма. Поэтому в соответствии с политической необходимостью, значимостью и достоинством германской армии каждый немецкий солдат должен держаться на большом расстоянии от советских военнопленных.

Чувство гордости и превосходства германского солдата, который призван патрулировать советских военнопленных, должно быть очевидным в любое время также и для общества. Рекомендуется беспощадное и энергичное вмешательство при непослушании, уклонении от работ и

небрежности в работе, а особенно по отношению к подстрекателям-большевикам. Отказ или активное сопротивление следует устранять немедленно с применением оружия (штыком, прикладом, огнестрельным оружием, но не палкой). Кто при выполнении этого приказа не пользуется оружием или пользуется им недостаточно, тот должен быть наказан…»

8

Военная мощь России и объем выпуска вооружений в начале 1942 г.

(из доклада начальника отдела «Иностранные армии Востока» генерала Р. Гелена в июне 1942 г.)

«В июне 1942 г. на основе поступившей информации можно было дать довольно точную оценку советского военного потенциала, каким он был в конце весны 1942 года. Наряду с данными, поступившими по разведывательным каналам, а также сведениями, добытыми войсками, мой отдел использовал и открытые, в том числе и статистические, материалы о Советской России для оценки военной мощи Москвы.

Для анализа численности и состава населения Советского Союза были взяты данные проведенной в 1939 году переписи. Это давало возможность более или менее точно определить людские ресурсы, имевшиеся в распоряжении советского военного командования.

С началом войны на основе эмпирической формулы, исходящей из расчета мобилизационной квоты в пределах до десяти процентов от общей численности населения, можно было предполагать, что численность вооруженных сил противника составит примерно 19 миллионов человек, если русским удастся провести полную мобилизацию всех своих людских ресурсов. Это предположение было впоследствии подтверждено расчетами, досконально учитывавшими все детали.

Из общего числа населения Советской России на весну 1942 года мы в своих расчетах вычли жителей потерянных ею территорий и потери в людях в результате военных действий. В ходе войны вермахт оккупировал наиболее густонаселенные районы Советского Союза с примерно одной третью всей численности жителей, то есть около 66 миллионов человек.

Правда, в эти расчеты не были включены жители районов, уже призванные в ряды Красной Армии, а также находившиеся в ее кадрах. Однако на основе данных министерства по вопросам оккупированных

восточных территорий можно было с достаточной достоверностью полагать: примерно одна треть мужчин, считавшихся военнообязанными в начале войны, уже не могла быть призвана отсюда в Красную Армию.

Теоретически население Советов сократилось на 22 миллиона человек (одна треть от 66 миллионов жителей оккупированных нами территорий) и составило примерно 177 миллионов. Это количество людей, оставшихся в распоряжении советского правительства, мы и учли при оценке тогдашних возможностей противника.

Для определения структуры населения страны пришлось также использовать данные переписи 1939 года, поскольку имелись лишь сведения о ежегодной смертности по всему населению в целом без распределения по возрастам и отдельным народностям Советского Союза. Данные эти мы сочли вполне приемлемыми, так как наиболее многочисленный контингент 1924 года рождения (период так называемого нэпа) в своей значительной части к тому времени еще не был призван в армию, а численность населения Советской России в старых границах, то есть без учета прибалтийских республик и аннексированной части Польши, составила около 96 процентов всех рассматриваемых людских ресурсов.

Чтобы наши расчеты были максимально реальными, следовало учитывать определявшие в те годы структуру населения Советской России два следующих фактора:

а) русский народ в то время был молодым. Почти половину населения составили люди моложе 20 лет (в Германии, для сравнения, — менее одной трети).

Вместе с тем высокая ежегодная смертность, составлявшая 17 процента (в Германии — 1,2 процента), а также последствия русско-японской, Первой мировой, гражданской и русско-польской войны привели к резкому переходу к старшим возрастам. А это означало, с одной стороны, что относительно большое число жителей имело призывной возраст (в последующие годы количество призывников будет еще увеличиваться), а с другой — возможность призыва в армию старших возрастов была значительно меньшей, нежели в Германии;

б) процент женщин в России был необычно высоким (более 52 процентов), что объяснялось не только последствиями прошедших войн, но и особенностями советской системы, при которой смертность среди мужчин была значительно выше, чем у женщин. Это необходимо было учитывать при расчете призывных возрастов (количество мобилизованных вследствие этого уменьшается). Положительной же стороной можно было считать возможность более широкого привлечения женщин на различные

работы.

По полученным нами сведениям, а также документам, полностью призыву подлежали мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Из некоторых данных следовало: частичной мобилизации подверглись 46- и 47-летние мужчины.

В своем докладе я упомянул также о том, что, в соответствии с опубликованным 18 сентября 1941 года приказом народного комиссара обороны, с 1 октября мужчины в возрасте с 16 до 50 лет были обязаны проходить вневойсковую подготовку. Конечно, в войсках находились в ограниченном количестве представители и других возрастов — в качестве добровольцев или старослужащих, но это не меняло общую картину.

Призыву, таким образом, подлежали 35 миллионов мужчин, из которых — по немецким законам и положениям о годности, поскольку другими данными мы тогда не располагали, — к службе в армии отбиралось около 28 миллионов. Использование в наших расчетах немецких положений о годности было, по всей видимости, вполне оправдано (к тому же в ходе войны большинство ограничений было практически сведено на нет), поскольку состояние здоровья людей в России, как было доказано документально, было значительно хуже, чем в Германии. Да и этот недостаток, с учетом того, что Советская Россия вела тотальную войну, можно было практически не принимать во внимание.

Из общего числа 28 миллионов годных к военной службе человек мы вычли забронированных. По нашему собственному опыту, они составили 11 миллионов (исходя из оставшихся в распоряжении Советов 177 миллионов жителей). На самом деле вне оккупированных нами районах Советской России с населением 130–140 миллионов человек число забронированных годных к военной службе мужчин составило от 9 до 10 миллионов.

Таким образом, по нашим расчетам, Красная Армия могла располагать 17 миллионами человек, годных к военной службе. Оставалось лишь вычесть из этого числа военные потери, которые понесла Россия после проведения переписи населения в 1939 году. Как мы прикинули, основываясь на донесениях наших войск и сведениях союзных нам держав, они составили:

а) в финской войне — зимой 1939 года:

430 тысяч убитых и инвалидов;

б) в германо-русской войне до 1 мая 1942 года:

3,6 миллиона пленных,

1,7 миллиона убитых,

1,8 миллиона инвалидов.

Итого: 7,53 миллиона человек.

Из этих расчетов были сделаны следующие выводы. Фактически в распоряжении советских вооруженных сил за вычетом указанных потерь (17 минус 7,5 миллиона) оставалось 9,5 миллиона годных к военной службе человек.

Эти 9,5 миллиона распределялись в Вооруженных Силах России, по имевшимся у нас данным, следующим образом:

а) сухопутные войска: 6–6,5 миллиона человек. Расчетное число было в последующем подтверждено данными из надежных источников: Сталин, например, в конце марта 1942 года заявил: „Мне приходится удовлетворять потребности шестимиллионной сухопутной армии“. Помимо того, были получены соответствующие сведения и от одного из иностранных дипломатов;

б) Военно-Воздушные Силы: 1,5 миллиона человек;

в) Военно-Морской Флот: 300 тысяч человек.

Таким образом, в советских Вооруженных Силах находилось примерно 7,8–8,3 миллиона годных к военной службе человек, а имевшийся в их распоряжении людской резерв составлял от 1,2 до 1,7 миллиона».

9

Портрет Гитлера
(по воспоминаниям В. Шелленберга)

«Познания Гитлера были одновременно и полными, и целиком поверхностными и дилетантскими. Он обладал высокоразвитой политической интуицией, которая сочеталась с полным отсутствием угрызений совести; им руководили самые необъяснимые, будто бы рожденные галлюцинациями, понятия и мелкобуржуазные предрассудки. Но его главной и преобладающей чертой было то, что он считал себя назначенным провидением свершать великие дела для германского народа. Это была его историческая „миссия“, в которую он уверовал полностью. Напряженный стиль его руководства и притягательная сила его личности создавали впечатление об уме и эрудиции значительно выше средних. Кроме того, он обладал исключительным даром диалектика, что помогало ему выходить победителем в спорах даже с самыми авторитетными

специалистами по тому или иному обсуждаемому вопросу, причем часто это приводило к самым вредным последствиям. Он настолько выводил их из равновесия, что они лишь много позднее додумывались до подходящего ответа.

Он обладал ненасытным, страстным стремлением к известности и власти в сочетании с изощренной жестокостью, которой он подкреплял свою молниеносную реакцию, энергию и решимость. Пока судьба улыбалась ему, эти качества помогали ему удерживать в подчинении Германию и привлекать изумленное внимание всего мира.

Гитлер не верил в существование бога. Он верил только в кровную связь между поколениями, сменявшими друг друга, и в какое-то туманное понятие о судьбе или провидении. Не верил он в загробную жизнь. В связи с этим он часто цитировал отрывок из „Эдды“, этой замечательной сокровищницы древнеисландской литературы, являвшейся для него выражением глубочайшей нордической мудрости: „Все проходит, ничего не остается, кроме смерти и славы о подвигах“.

В конечном итоге вера Гитлера в свою „миссию“ возросла до такой степени, что ее нельзя охарактеризовать иначе как манию. Но именно эта идея о предначертании быть германским мессией явилась источником его личной власти. Она помогла ему стать правителем восьмидесятимиллионного народа и на протяжении коротких двенадцати лет оставить неизгладимый след в истории.

И только когда германский народ не оправдал надежд фюрера под Сталинградом и в Северной Африке и когда на горизонте забрезжила возможность поражения — только тогда интуиция и личный магнетизм Гитлера начали ослабевать».

10

Из книги Г. Кноппа (СС: черная инквизиция)

«…в Марбелле (Испания) в один из жарких июльских дней начала шестидесятых годов… около 100 человек со всех концов света собрались в засекреченном месте. Из Ирака и Ирана, из Латинской Америки, США и Канады, из многих стран Западной Европы, из России и, конечно, Германии.

Если верить протоколу, все участники встречи прибыли по приглашению таинственной и зловещей организации с кратким названием

„Одесса“ (немецкая аббревиатура „Организации бывших или отставных членов СС“)».

«Как свидетельствуют данные американской секретной службы, существование организации „Одесса“ фактически подтверждено еще в 1946 году. Согласно этой версии, „Одесса“ была основана в конце войны как убежище для членов СС. С помощью этой организации должны были переправляться прежде всего эсэсовцы, как в страны Латинской Америки, так и на Ближний Восток. Кроме того, „Одесса“ должна была заниматься актами саботажа в советской зоне оккупации, чтобы препятствовать демонтажу и вывозу промышленного оборудования из Германии».

«По состоянию на 1946 год немецкий капитал, переведенный в Швейцарию, как оценили эксперты, составил более 2 миллиардов франков. Комиссия резюмировала: „Перевод германского капитала в Швейцарию во время войны был довольно значительным… Перед членами деловой и политической элиты тогда встал вопрос о том, как сохранить материальные ценности, а при определенных обстоятельствах и свою жизнь в послевоенное время.

Несомненно одно: предпринимательская активность немцев резко возросла именно в последний период войны в форме сбыта товаров и ценностей“». Один из информаторов секретной службы США в апрельском доносе за 1965 год прямо связывает его имя с загадочной организацией «Одесса»: «Тайная организация „Одесса“ была создана секретарем Гитлера Мартином Борманом в Буэнос-Айресе в 1947 году. В настоящее время ее резиденция находится в Каире. В организации числятся 3087 членов СС, ее финансирует правительство Насера».

Далее информант продолжал: «В распоряжении организации находятся печатные платы для изготовления долларовых банкнот США, которые были произведены еще в цехе „дела Бергарда“».

«…видным фигурам СС пришлось держать ответ не только перед трибуналом четырех великих держав в Нюрнберге. На территории американской зоны оккупации военная юстиция США провела 12 „дополнительных судебных процессов“, в том числе против расстрельных батальонов оперативных групп СС и гестапо. Прошли также процессы союзников, на которых судили охранников концлагерей, садистов и профессиональных убийц из штата лагерей смерти. Всего в Западных оккупационных зонах через суды прошли 5025 человек. Из 806 приговоренных к смерти были казнены 486 человек. Только в тюрьме для военных преступников в Ландсберге американцы повесили 255 осужденных. Число судебных процессов в советской зоне оккупации

превысило 45 000. За нацистские преступления были осуждены в других странах около 60 000 человек.

В Польше были приговорены к смерти за совершенные злодеяния 1214 немцев, в том числе комендант концлагеря Аушвиц Рудольф Гесс. Всего, поданным федерального министерства юстиции, были осуждены за нацистские преступления 80 000 немцев, в том числе 12 000 судами ГДР».

«…только в американской зоне оккупации к концу 1945 года были интернированы как опасные элементы около 100 000 бывших эсэсовцев. В атмосфере хаоса и неразберихи лагерей для интернированных лиц миф о таинственной организации „Одесса“ быстро принимал правдоподобные очертания. Симон Визенталь утверждает, что „в каждом лагере военнопленных всегда находились два-три эсэсовца, которые являлись членами этой организации“. Слово „Одесса“ было их паролем. Если кто-то спрашивал: „О чем говорим?“, ответ был неизменно один: „Об общем друге родом из Одессы“.

По словам того же Визенталя, „организация существовала для того, чтобы нелегально „выуживать“ из Германии военных преступников СС с последующей отправкой их в Южную Америку“. Внедренный к немцам входе операции „Брэнди“, американский агент докладывал в 1947 году: „Наряду с „Братством“ и „Пауком“ есть еще подпольная сеть организации „Одесса“, что расшифровывается как „Организация бывших и отставных членов СС“. Руководителем этой группы является Отто Скорцени“».

«С 1998 года служба Си-Ай-Эй (Центральное разведывательное агентство), преемница бывшей Си-Ай-Си (Служба контрразведки), публикует информацию о военных преступниках. Девять из четырнадцати коричневых душегубов, с досье которых был снят гриф секретности, имели в разное время связи с разведслужбой США, в том числе шеф гестапо Генрих Мюллер».

«Но самым легендарным охотником за нацистами является бывший узник концлагеря Симон Визенталь. Его свидетельские центры привели на скамью подсудимых в общей сложности более 1200 беглых нацистов».

Список источников и литературы

Архивные фонды документов (опубликованных и неопубликованных):

ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 66. Л. 1–61.
ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1146. Л. 21.
ГАРФ. Ф. Р-5456. Оп. 43. Д. 53.
РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 1–12.
ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2851. Д. 239. Л. 1–2.
ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 197–216.
ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 242. Л. 86.
ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 237. Л. 1–2.
РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 27. Л. 575–607.
РГВА. Ф. 37837. Оп. 23. Д. 5. Л. 24–50.
ЦГСА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 202. Л. 122–124.
ЦГСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 113–114.
ЦГСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 141–183.
ЦГСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 348. Л. 104.
ЦГСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 504. Л. 153.
ЦГСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 476. Л. 2–127.
ЦГСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 458. Л.28–34.

Библиография:

Анфилов В. А. Загадка 1941 года. М., 2005.
Бухгайт Г. Абвер — щит и меч Третьего рейха. М., 2005.
Богомолов В. О. Книжное обозрение. 1995.
Баур П. Личный пилот Гитлера. М., 2006.
Бевин А. 10 фатальных ошибок Гитлера. М., 2004.
Бойцов М. А., Васильева Т. А. Картотека «Z» оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». М., 1998.
Волкогонов Д. Этюды о времени. М., 1998.
Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. М., 1996.
Великая Отечественная. (12). 1. М., 1993.
Васильев Б. Л. Люби Россию в непогоду. М., 2006.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1984.
Военный энциклопедический словарь. М., 1983.
Версальский мирный договор. М., 1925.
Ватлин А. Германия в XX веке. М., 2002.
Военно-исторический архив. Вып. № 1. М., 1997.
Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993.
Гофман И. Сталинская война на уничтожение. М., 2006.
Гареев М. А. Независимая газета. 22 июня 2006.
Гитлер А. Моя борьба // www.vlastitel.com.ru/hitler/
Гюнше О., Линге Г., Уль М., Эберле Х. Неизвестный Гитлер. М., 2006.
Горохов А. Правда. 29 апреля 1988.
Гот Г. Танковые операции. Смоленск. 1999.
Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.
Грекова О., Загороднова Д., Павлов А. Гитлер: бред сумасшедшего // www.antifascist.ru.
Гуль Р. Красные маршалы. М., 1990.
Гальдер Ф. Военный дневник, 2. М., 1970.
Гальдер Ф. Военный дневник. Смоленск, 2001.
Гелен Р. Война разведок. М… 2003.
Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. М., 2004.
Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С. Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.
Дашичев В. И. Военно-исторический журнал. 1991. № 3.
Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993.
Джемаль О. Версия. 31 декабря 2006.
Емельянова Н. Г., Дедкова А. М, Виноградова О. В., Гаврилова Г. В., Кононов В. А. Все судьбы в единую слиты… Смоленск, 2003.
Заксенхаузен. Фотоальбом. Берлин, 1973.
Заксенхаузен. Путеводитель. Берлин, 1979.
Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1998.
Иссерсон Г. С. Дружба народов. 1988. № 5.
Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М., 1940.
Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.
Карелл П. За рубежом. 1988. № 22.
Кадетов А. Как Виктор Суворов предавал «Аквариум». М., 2002.
Кокошин А. А. Армия и политика. М., 1995.
Кнопп Г. СС: черная инквизиция. М., 2005.
Карпов В. Генералиссимус. Т. 1. Калининград, 2002.
Карпов В. Расстрелянные маршалы. М., 1999.

Кантор Ю. Война и мир Михаила Тухачевского. М., 2005.
Колпакиди А., Панченко М. Версия. Июнь 2003.
Клаузевиц К. О войне. Т.1. М., СПб., 2001.
Курылев О. Боевые награды третьего рейха. М., 2005.
Капитонов К. Еврейские солдаты Гитлера // Независимая газета. 20 сентября 2002.
Кокурин А. И. Военно-исторический архив. Вып. № 2. М., 1997.
Кокурин А. И., Петров Н. В. Гулаг. 1918–1960. М., 2002.
Любимов М. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М., 1998.
Лесков В. Сталин и заговор Тухачевского М., 2003.
Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М., 2002.
Мартиросян А. Б. Заговор маршалов. М., 2003.
Мартиросян А. Б. 22 июня. Правда генералиссимуса. М., 2005.
Мэйсон Г. М. Прорыв в небо. М., 2004.
Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М., 1987.
Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. М., 2002.
Митчем Семюель В., Мюллер Д. Командиры третьего рейха. Смоленск, 1995.
Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999.
Минаков С. Сталин и его маршал. М., 2004.
Млечин Л. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М., 2004.
Маршалы Советского Союза. М., 1996.
Мэнвэлл Р., Франкель Г. Генрих Гиммлер. Ростов-на-Дону, 2000.
Мазер В. Адольф Гитлер. Ростов-на-Дону, 1998.
Невежин В. А. Отечественная история. 1996. № 3.
Невежин В. А. Военно-исторический журнал. 2001. № 5.
Никифоров Ю. А. Подготовка СССР упреждающего удара: границы дискуссии // www.militera.lib.ru/resarch/nikiforov-ya/
Нюрнбергский процесс. Т. 7. М., 1997.
Ортенберг Д. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995.
Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. М., 2004.
Оувери Р. Геринг. «Железный человек». Минск, 2003.
Полторак С. Н. Забытая история советско-польской войны 1920. Саратов, 2000.
Пэдфшд П. Секретная миссия Рудольфа Гесса // www.militeralib.ru/resarch/padfield/
Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск. 1998.
Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1997.

Райле О. Тайная война. М., 2002.
Роззаков Ф. Бандиты времен капитализма. М., 1997.
Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993.
Равенсбрюк. Фотоальбом. Берлин, 1972.
Редер Г., Кубиллус В., Бурвели А. Психиатры: люди за спиной Гитлера. М., 2004.
Смыслов О. С. Пятая колонна Гитлера. М., 2004.
Смыслов О.С. Генерал Абакумов. М., 2005.
Смыслов О. С. Асы против асов. М., 2006.
Суворов В. Ледокол. М., 1993.
Суворов В. День-М. М., 1994.
Суворов В. Очищение. М., 1998.
Суворов В. Самоубийство. М., 2001.
Сталин И. Сочинения. Т. 9. М., 1948.
Сталин И. Сочинения. Т. 10. М., 1949.
Сталин И. Сочинения. Т. 11. М., 1949.
Сталин И. Сочинения. Т. 13. М., 1949.
Сталин И. Сочинения. Т. 18. М.; Тверь, 2006.
Сталин И. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1949.
Сто великих битв. М., 2002.
Семанов С. Кронштадский мятеж. М., 2003.
Самошкин В. В. Антоновское восстание. М., 2005.
Смирнов Г. В. Кровавый маршал. СПб., 1997.
Судоплатов П. Молодая гвардия. 1995. № 5.
Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941. М., 2001.
Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996.
Смирнов А. Атаман Краснов. М., СПб., 2003.
Смирнов А. Совершенно секретно. № 1, январь 2007.
Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1998.
Севастьянов А. Книжное обозрение. № 13, 29 марта 1994.
Сталинградская эпопея. М., 2000.
Тайны и уроки Зимней войны 1939–1940. СПб., 2000.
Тухачевский М. Поход за Вислу; *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. М., 1992.
Ткаченко С. Повстанческая армия. Тактика борьбы. М., 2000.
Тепцов И. В. «Зеленая папка» Геринга. М., 2005.
Филимонов Д. Ньюсуик. № 31, август 2006.

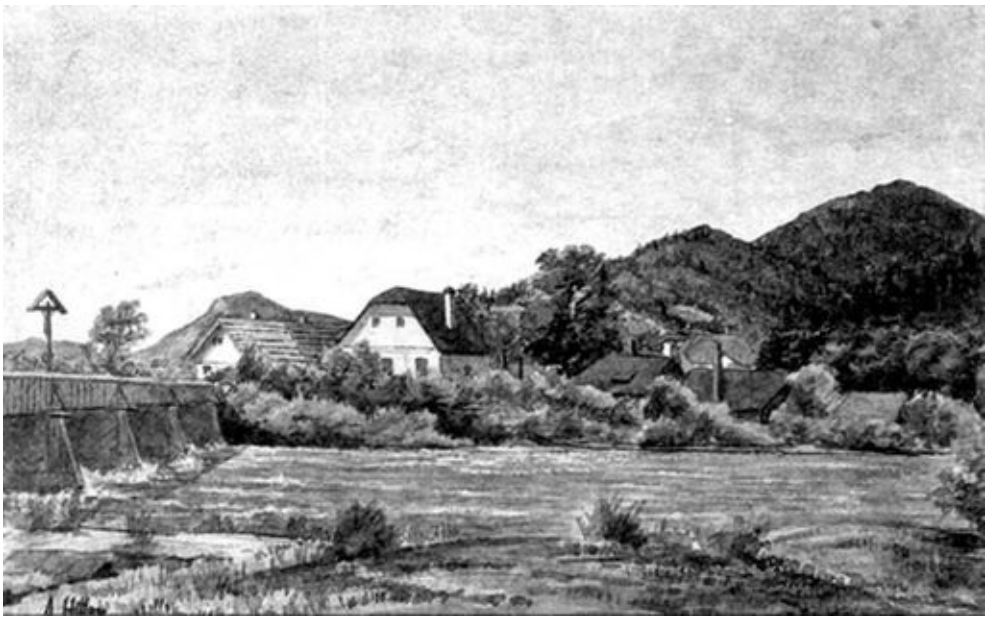
Фест И. Гитлер. Биография. Т. 1–2. М., 2006.
Филатов В. Молодая гвардия. 1994. № 9, № 10.
Хмельницкий Д. Ледокол из «Аквариума». М., 2006.
Черчилль У. Вторая мировая война. Минск, 2005.
Чуев Ф. Молотов. «Полудержавный властелин». М., 2002.
Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. 1–2. СПб, 2003.
Шпильке К. Гутен Таг. 1988. № 10.
Шектер Д., Дерябин П. Шпион, который спас мир. Т. 1–2. М., 1993.
Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды, М., 1982.
Шелленберг В. Лабиринт. М., 1991.
Шунков В. Н. Солдаты разрушения. Минск, 2003.
Шерель А. Россия. № 39–41. 2, 9 и 16 октября 199
Ямщиков С. Возврату не подлежат. Трофеи Второй мировой. М., 2006.
Яровой А. Волчьи логова. М., 2002.
1941 год — уроки и выводы. М., 1992.

Иллюстрации

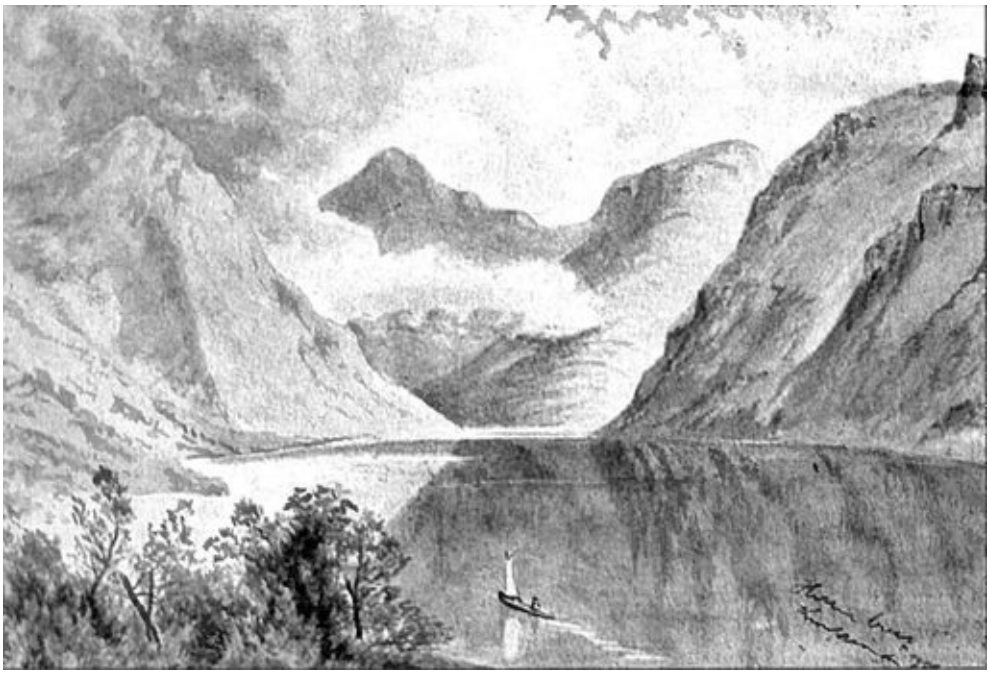
Будущий фюрер фашистской Германии родился в семье таможенного чиновника

Шестнадцатилетний Гитлер на рисунке своего одноклассника

Мать Гитлера Клара Гитлер



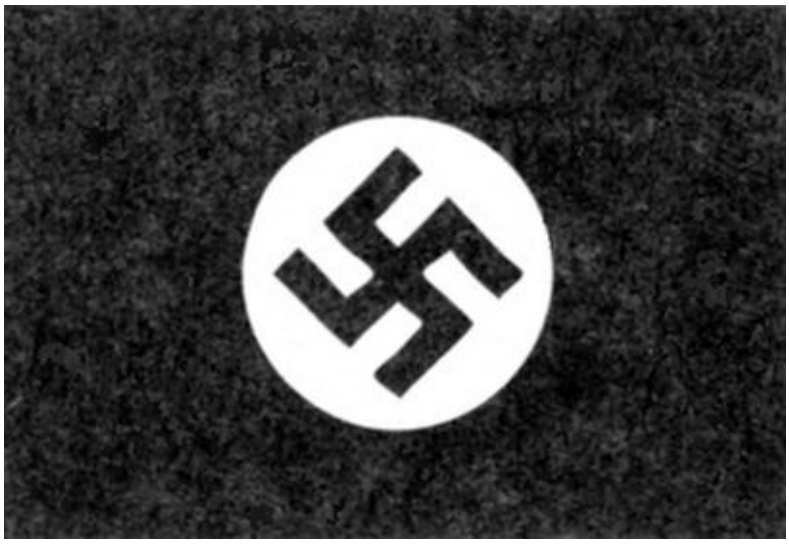
Крестьянский дом у моста. Акварель А. Гитлера



Озеро Кенигри. Акварель А. Гитлера

С империей Гитлера связано прежде всего массовое уничтожение людей

Герб Третьего рейха

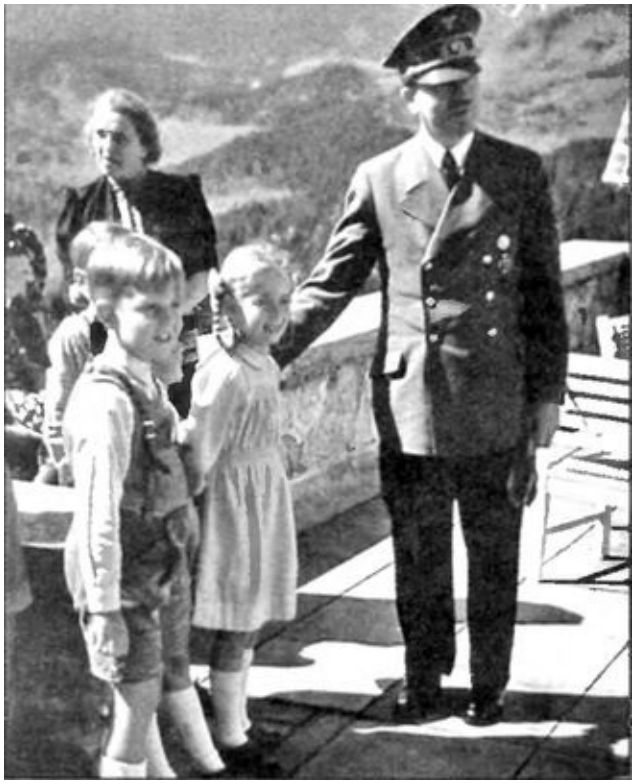


Флаг Третьего рейха

Жетон гестапо

Р. Гесс

М. Борман вел финансовые дела Гитлера и был руководителем огромного гитлеровского фонда



А. Гитлер с детьми М. Бормана

Генерал Ф. Паулюс

В. Кейтель

Г. Мюллер

Г. Геринг

Г. Гиммлер

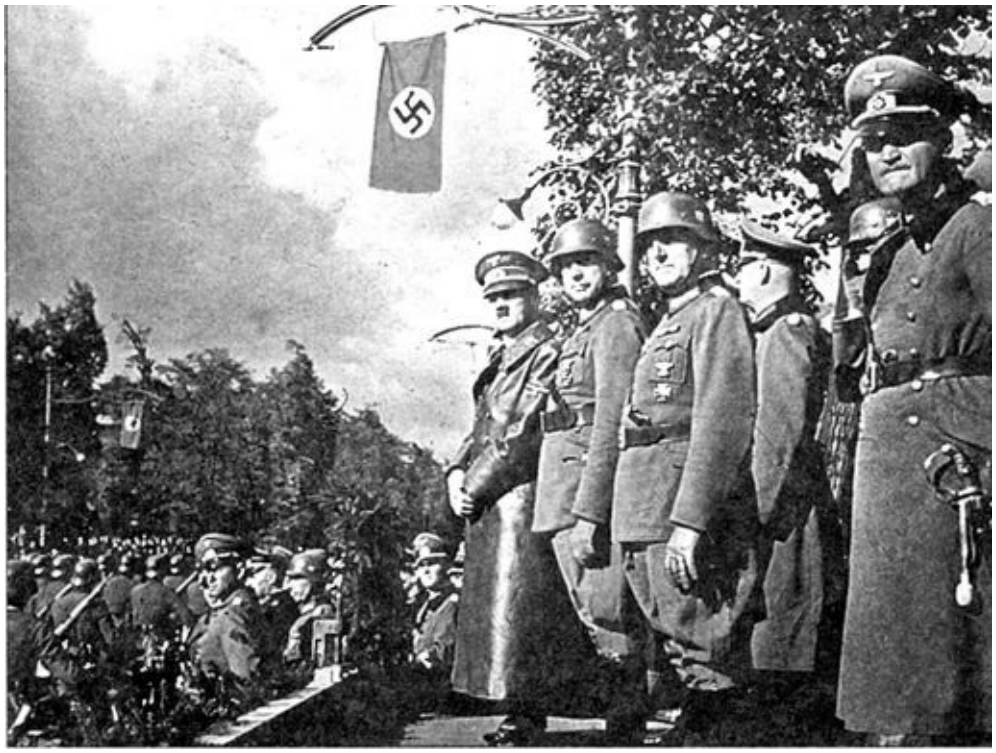
Геббельс с женой, детьми и приемным сыном Харальдом

Ф. В. Канарис

Министр иностранных дел И. фон Риббентроп

Гитлер среди офицеров люфтваффе

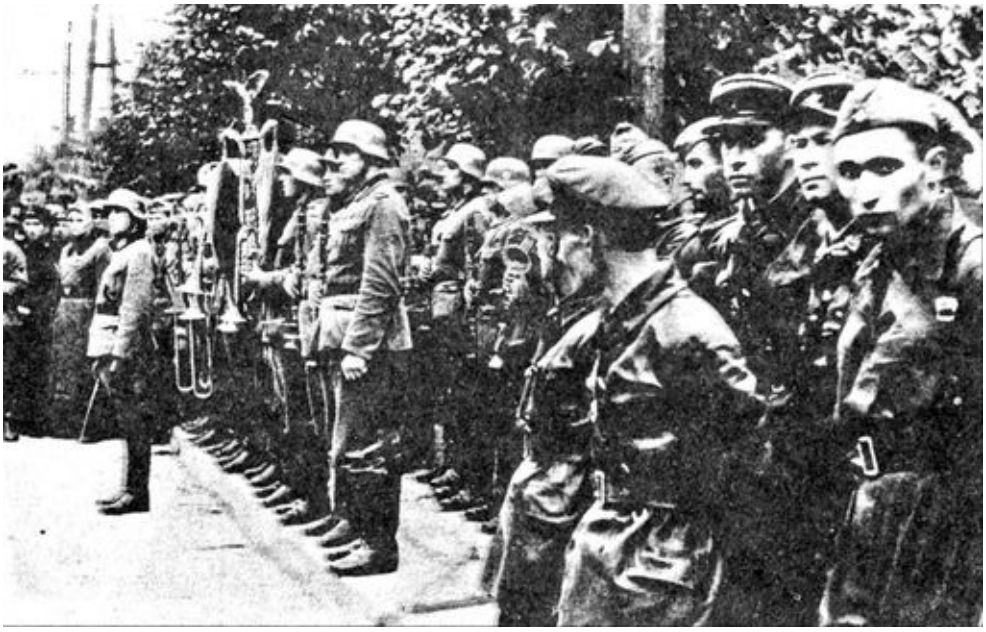
Гитлер среди высших чинов вермахта и НСДАП



Гитлер инспектирует войска 5 октября 1939 г.

Советские и германские офицеры уточняют места отвода войск. Сентябрь 1939 г.

Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов и Риббентроп при подписании советско-германского договора 23 августа 1939 г.



Вывод германских частей из Бреста в сентябре 1939 г.

План «Барбаросса»

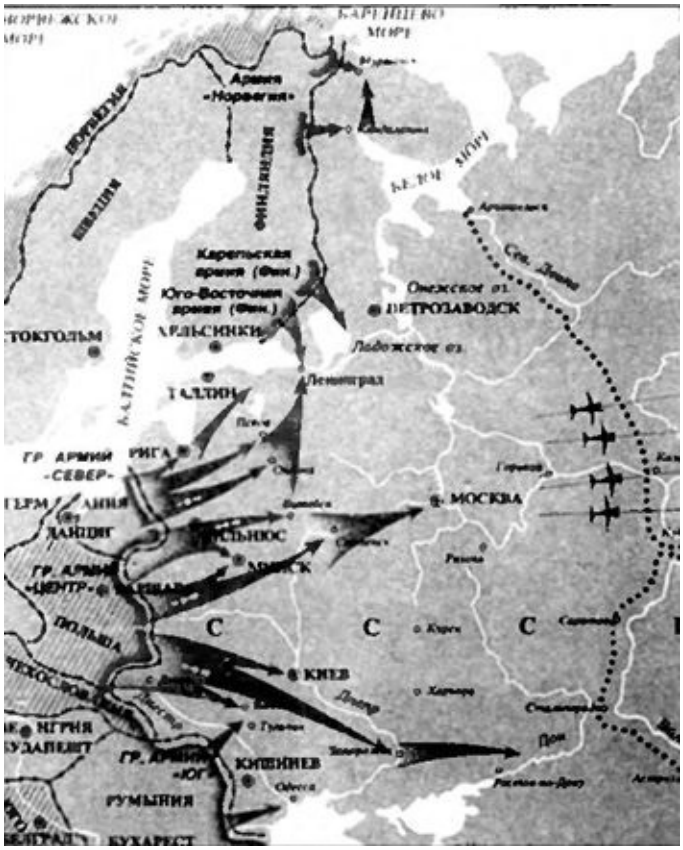


Схема направлений главных ударов по плану «Барбаросса»

Схема возможных направлений немецкого наступления, составленная в ГРУ в марте 1941 г.

Немецкие войска ведут бой у Брестской крепости. 1941 г.

Немецкие офицеры у захваченных Тереспольских ворот Брестской крепости

Жены и дети командиров РККА под дулами немецких автоматов. Брест, Июнь 1941 г.

Танки на улицах Москвы. 1941 г.

Военный патруль на Красной площади. Москва. 1941 г.

Переправа немецкой пехоты через Западный Буг

Маршал Г. К. Жуков

Маршал К. Е. Ворошилов

Маршал С. К. Тимошенко

Маршал А. М. Василевский

Маршал М. Н. Тухачевский

Маршал Польши Ю. Пилсудский высоко оценивал волю и упорство Тухачевского

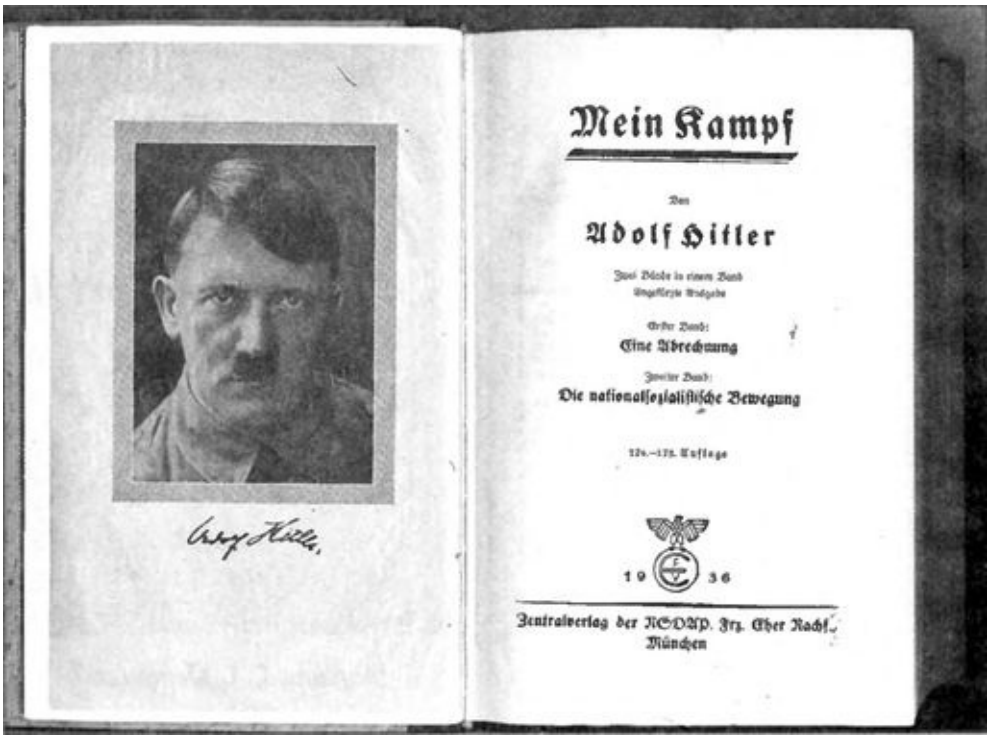
Маршал Б. М. Шапошников

Командарм 1-го ранга И. П. Уборевич

Комкор Б. М. Фельдман

Маршал К. А. Мерецков

Сталин, Молотов и Ворошилов



Mein Kampf

Von

Adolf Hitler

Zwei Bände in einem Band
Ungekürzte Ausgabe

Erster Band:
Eine Abrechnung

Zweiter Band:
Die nationalsozialistische Bewegung

124.–175. Auflage

1936

Zentralverlag der NSDAP. Frz. Eher Nachf.,
München

«Майн кампф» — партийная «библия» нацистов

Первый вражеский залп. Начало войны…